

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 22

В четырех частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2022

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 30 декабря 2021 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*;
д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. А. Макаренко

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

I. Makarenko

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk

УДК 94:373(410)

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. БРАУНА В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (2007–2010 ГГ.)

THE POLICY OF THE G. BROWN GOVERNMENT IN THE FIELD OF SCHOOL EDUCATION IN THE UK (2007–2010)

В статье проанализированы мероприятия правительства Г. Брауна относительно образовательной политики в Соединенном Королевстве в 2007–2010 гг. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты применительно к вышеуказанной области. Представлены точки зрения британских журналистов и обозревателей на принятые законы об образовании. Автор приходит к выводу, что законодательство Г. Брауна в области образования развивалось в русле политики Т. Блэра.

Ключевые слова: Великобритания; лейбористы; Г. Браун; Э. Боллз; система образования; школы; законы об образовании; «Белая книга»; ученичество.

This article discusses the activities of the G. Brown legislature regarding educational policy in the United Kingdom in 2007–2010. The evolution of the adoption of the main normative legal acts in relation to the policy in the field of school education is considered. The points of view of british journalists and columnists regarding the adopted laws on education are shown. The author concludes that Brown's legislation in the field of education continued in line with the policy of T. Blair.

Keywords: Great Britain; Labour Party; G. Brown; E. Balls; education system; schools; education laws; «White Paper»; apprenticeship.

В период нахождения у власти правительства Г. Брауна в сфере общеобразовательного курса шло принятие новых нормативно-правовых актов, регулирующих структурные аспекты школьного образования. Прежде всего речь идет о документах, касающихся внутреннего устройства общеобразовательных учреждений.

Проблематика данной статьи нашла свое отражение в зарубежной, главным образом, в британской историографии. Среди исследователей, научный поиск которых был сосредоточен в области образовательного сегмента социально-экономической политики правительства Г. Брауна, мы можем

выделить Д. Гилларда [1], Э. Грина [2], К. Саймона [3], К. Хьюз [4]. В современной российской историографии отсутствуют работы, в полной мере раскрывающие деятельность правительства Г. Брауна в реализации образовательной политики. Существуют лишь отдельные труды общего характера, показывающие суть социально-экономической политики данного кабинета, представленные такими учеными, как Н. К. Капитонова [5], Л. А. Якубова [6], Е. В. Вяземский [7], О. В. Мачехина [8]. В отечественной историографии публикации по данной теме и вовсе отсутствуют, что и послужило мотивом для подготовки настоящей статьи, автор которой поставил своей целью показать процесс эволюции законодательства в области образовательной политики кабинета Г. Брауна и проанализировать соответствующие нормативно-правовые школьные акты.

В содержание данной работы был положен анализ широкого круга источников, среди которых следует выделить: стенограммы заседаний британского парламента [9–10], нормативно-правовые акты правительства Г. Брауна в области образовательной политики [11–20], отчеты Палаты общин британского парламента [21–23], материалы средств массовой информации Соединенного Королевства [24–27], предвыборный манифест Лейбористской партии от 2010 г. «Будущая ярмарка для всех» (англ. – A future fail for all) [28], предвыборный манифест Консервативной партии «Приглашение присоединиться к правительству Великобритании» (англ. – Invitation to join the government of Great Britain) [29]. Методологическую основу заявленного исследования составили такие научные принципы, как историзм и объективность. В процессе подготовки и написания статьи были использованы такие общенаучные приемы, как анализ, синтез, ретроспекция, а также конкретно-исторические методы – историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический.

27 июня 2007 г. на посту руководителя Лейбористской партии и премьер-министра Соединенного Королевства Т. Блэра сменил Г. Браун [24]. На следующий день был назначен новый секретарь по делам детей, школ и семьи. Данное министерство, помимо опций по образованию, располагало такими полномочиями, как социальное обеспечение британских граждан в возрасте до 19 лет, осуществление надзора за неблагополучными семьями [6, с. 91]. Его возглавил Э. Боллз. В своей вступительной речи, которая состоялась 10 июля 2007 г. на заседании Палаты общин, он подытожил достижения предшественников из кабинетов Блэра, которые заключались в нивелировании проблем, связанных с правонарушениями в детской и подростковой среде, повышением школьной успеваемости среди учащихся, что было объяснено общим повышением образовательных стандартов внутри Великобритании. В частности, Боллзом было заявлено следующее: «Наши образовательные стандарты улучшились более чем на 58 %. Учащиеся вы-

пусковых классов получили от 5 или более хороших GCSE¹ в 2006 г., по сравнению с лишь 45 % в 1997 г. Помимо этого, кадровый состав педагогических сотрудников пополнился на 35 000 учителей, 172 000 ассистентов учителей. Материально-техническая база включала в себя более 1100 новых школ и более 1300 детских центров «Уверенный старт». Уровень правонарушений среди молодежи снизился. Однако остаются серьезные проблемы, которые требуют от нас изменений и обновления. Нам предстоит еще многое сделать, чтобы сократить разрыв в учебных достижениях между детьми из неблагополучных семей и их более обеспеченными сверстниками. По-прежнему слишком большое количество молодых людей прерывают свое самообразование и профессиональную подготовку после 16 лет, а 2,8 миллиона детей по-прежнему живут в нищете. Многие из этих детей отстают в интеллектуальном развитии еще до того, как пойдут в школу, и с большей вероятностью по мере взросления их ожидают серьезные трудности, связанные с учебой, трудоустройством и т. д.» [9]. Решить данные проблемы и предстояло правительству Г. Брауна.

В первую очередь штаб Э. Боллза четко дал понять, что все лица в возрасте до 18 лет должны получать общее среднее образование. В частности, было заявлено следующее: «Чтобы обеспечить светлое экономическое будущее Великобритании и предоставить принцип равных образовательных возможностей для всех граждан, мы планируем осуществить необходимые мероприятия, связанные с принятием и последующей разработкой соответствующих документов» [9]. В данном случае речь шла о принятии закона о повышении возраста окончания обучения на средней ступени образования до 18 лет и новой образовательной программы для учащихся в возрасте от 14 до 18 лет, которая смогла бы им предложить приобрести необходимые знания, умения и навыки для последующих жизненных этапов [1]. Так, было обещано принять «более сфокусированную» (отдельно сконцентрированную на внимание к детям из бедных семей. – *И. М.*) учебную программу в средних школах Соединенного Королевства. Инспекциям Офстед (англ. – Office for Standards in Education, Children's services and Skills)² планировалось продолжать контролировать дисциплину и поведение учащихся

---

¹Итоговый аттестат об окончании среднего образования в школах Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Этот аттестат прилагался по каждой из преподаваемых в школе дисциплин.

²Бюро по стандартам в области образования, услуг для детей и учебных навыков. В Великобритании данное бюро является подотчетным парламенту органом образовательной власти. В компетенцию указанного органа входило инспектирование и контроль учебных заведений (главным образом государственные и частные школы). Результаты проведенных проверок Офстед публиковал на своем официальном сайте в виде онлайн-отчетов с целью информирования о повышении общего уровня образования в Великобритании.

ся. Также Боллзом было объявлено, что правительством планируется выделить на эти цели сумму в размере 265 000 000 фунтов стерлингов [9]. «Мы будем стремиться дать возможность всем школам поддерживать детей из неблагополучных семей. Согласно нашим замыслам, к третьему году финансирования (2010. – *И. М.*) во всех государственных школах этим детям будет предложено дополнительные 2 часа в неделю в групповых занятиях по различным академическим дисциплинам. Помимо этого будет добавлено дополнительные 30 часов обучения в каникулярный период» [9].

Важное внимание было уделено программе школам-академиям. «Учебные показатели в академиях улучшаются быстрее, чем в некоторых других школах. Также снижается уровень прогулов, правонарушений и других видов девиаций среди учащихся. Местные власти в таких городах, как Бирмингем, Шеффилд и лондонском округе Хакни ставили развитие академий во главу угла в своей стратегии по развитию образования на местном уровне. Также отмечалось, что на сотрудничество между академиями и иными видами школ в Великобритании перешло на новый уровень» [23, р. 13].

Важнейшим пунктом образовательной политики кабинета Брауна стал нормативно-правовой акт «Детский план. Мы строим светлое будущее» (англ. – *The children's plan We are building brighter futures*). Он был составлен на основе программы эпохи второй легислатуры Блэра «Каждый ребенок имеет значение» (англ. – *Every child is matter*)¹, а также с учетом консультаций чиновников с родителями учащихся, экспертами в области образования, представителями бизнес-элит и иными покупателями образовательных услуг [11, р. 3]. «Детский план» был направлен на улучшение позиций Великобритании в международном рейтинге образовательных услуг, а также в целях информирования о мероприятиях в области образовательной политики среди британской общественности [11, р. 4]. Данный документ был опубликован в декабре 2007 г. и основывался на таких принципах, как государственная поддержка неблагополучных семей, оказание всесторонней поддержки со стороны преподавателей одаренным учащимся для максимальной реализации их образовательного потенциала. Полученные ими знания должны были пригодиться в реальной жизни [25]. Ключевой целью, который ставил перед собой данный документ, были повышение интеллектуального развития учащейся молодежи.

Еще один аналогичный документ «Школы XXI века. Образование мирового класса для каждого ребенка» (англ. – *21-st century schools. A world-class education for every children*) был принят в декабре 2008 г. [12, р. 10]. По сло-

---

¹Правительственная инициатива Великобритании, запущенная в 2003 г., в ответ на убийство В. Климби, вызвавшее огромный резонанс в британском обществе. Действовала на территории Англии и Уэльса. Впоследствии данная программа послужила прологом к принятию Закона о детях 2004 г. Аналогичный проект был создан в Шотландии в 2004 г. и назывался «Правильный подход к каждому ребенку».

вам его составителей, школьная система Великобритании должна дать возможность получать непрерывное образование в возрасте до 18 лет каждому гражданину, чтобы достичь учебных стандартов на международном уровне с целью усиления конкурентоспособности на мировом рынке труда в будущем [21, р. 33]. По замыслам министерства британского образования, каждый тип британской школы должен был обеспечить всем учащимся возможность получения образовательных услуг до 18 лет, возможность получения надомного образования (для детей с ограниченными физическими возможностями), установление сотрудничества и взаимодействия с родителями учащихся по различным вопросам организационного характера [12, р. 12–13].

Первый крупный закон при кабинете Г. Брауна был опубликован 29 ноября 2007 г. совместными усилиями Департамента по делам детей, школ и семьи и Департаментом университетов, информационных инноваций и профессиональных навыков и назывался «Закон об образовании и профессиональных навыках»¹ (англ. – Education and Skills Bill) [13]. Представляя данный документ, один из его авторов, лорд А. Антонис, озвучил следующие тезисы: «Данный закон регулирует области, связанные с общим повышением образовательных навыков и умений среди учащихся. Так, к 2015 г. для всех учащихся в возрасте до 18 лет будет обязательным окончание обучения на общей средней ступени образования [13, р. 10]. Это позволит родителям учащихся оценить качество полученного образования на протяжении всего периода обучения и провести собственный анализ относительно ценности такого образования. Далее будет внесен ряд нормативных поправок в режим работы частных школ, связанных с обеспечением прозрачности при зачислении в эти учебные заведения» [13, р. 17].

«Закон об образовании и профессиональных навыках» состоял из пяти частей. Первые три были посвящены особенностям к переходу возраста окончания обучения до 18 лет. Остальные части документа касались вопросов контроля над работой частных школ. Ряд пунктов регулировал проблемы организационного характера (принятие/отчисление со школы, механизмы оценки учебных планов на национальном и субнациональном уровнях, вопросы о должностных обязанностях и их последующем перераспределении среди субъектов образовательной политики, отношений администрации школ с родителями учащихся и др.) [13, р. 27].

Составные структурные части данного документа были посвящены такому аспекту, как должностные компетенции органов местного управления по образованию (англ. – Local education areas)².

---

¹Данный закон не распространялся на территорию Шотландии.

²Местные образовательные органы, работающие в Англии и Уэльсе. Данный термин используется для обозначения того, какой конкретно взятый район несет ответственность на местном уровне управления образованием.

Еще один закон об образовании кабинета Г. Брауна был опубликован 4 февраля 2009 г. Его полное название – «Закон об ученичестве¹, навыках, детях и их обучении»² (англ. – Apprenticeships, Skills, Childrens and Learning Bill) [14]. Представляя данный закон на очередном заседании Палаты общин британского парламента 23 февраля 2009 г., министр Боллз заявил, что он направлен на «улучшение дисциплины и поведение в ученической среде в неблагополучных районах Лондона, Ливерпуля, Шеффилда и иных городах Соединенного Королевства. Что касается вопросов ученичества, которые также входили в содержание этого закона, то тут следует отметить цитату Боллза о том, что: «Это первый пересмотр законодательства об ученичестве за последние 200 лет. Законом будет предусмотрено, что ученичество будет установлено на законодательном уровне для каждого гражданина с соответствующей квалификацией. Это обеспечит высокое качество ученичества как со стороны нанимателя, так и исполнителя. Также мы будем поддерживать всесторонние контакты со школами и образовательными центрами с целью получения всей необходимой информации» [10].

«Закон об ученичестве, навыках, детях и обучении» включал в себя 13 частей, посвященных ученичеству и его функциям, а также обязанностям местных органов образовательного управления. Кроме того предусматривалось создание нового консультационного органа – Управления по регулированию квалификаций и экзаменов (англ. – Ofqual)³ [14, p. 152–153].

Вскоре вокруг данного закона разгорелись дебаты. Политический обозреватель У. Менселл в своей статье «Большие братья» для «The Gurdian», опубликованной 2 июня 2009 г., сделал вывод, что этот документ наделил Боллза новыми полномочиями [26]. «Данный закон дает право министру образования определять содержание курсов об ученичестве, например, установить, какие дисциплины, кроме математики и английского языка должны изучать учащиеся в возрасте от 16 до 18 лет. Также планировалось, что министр потребует от местных органов местной власти предоставить информацию об имеющихся образовательных ресурсах внутри конкретно взятой школы». Наконец, в последние годы, по словам Менселла, наблюдался рост должностных полномочий Министерства образования Великобритании с введением новых документальных актов, включая Национальную учебную программу и Национальной стратегии грамотности и счета [26].

---

¹Обучение будущей профессии в процессе производственной деятельности.

²Данный закон не распространялся на территорию Шотландии.

³Вневедомственный правительственный департамент, отвечающий за составление квалификационных экзаменационных планов. Создан 8 апреля 2008 г. как структурный орган Управлений квалификаций и учебных программ. Данный орган составлял экзаменационные тесты, планы и программы в Англии, в то время как в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии эти функции осуществляли субнациональные правительства.

Лейборист Б. Шерман, председатель комитета Палаты общин по вопросам детей, школ и семей, прокомментировал данный закон следующим образом: «Судя по свидетельствам, полученным комитетом (Департаментом по образованию. – *И. М.*) в ходе нескольких проверок, существует общее мнение о том, что люди желают вернуться к существовавшей ранее автономии в сфере образовании Министры должны понять это, прежде чем продолжат двигаться в противоположном направлении» [1].

Незадолго до принятия Закона об ученичестве, навыках, детях и их обучении правительство Брауна опубликовало «Белую книгу»¹ «Ваш ребенок, наши школы, наше будущее (англ. *You child, your schools, our future: building a 21-st century schools system*) [15]. Данный акт должен был стать прологом к следующему закону в области школьного образования. В предисловии к этому документу Боллз говорил, что британское общество может сделать огромный шаг вперед, установив новые права и обязанности для учащихся, их родителей, а также администрации школ. Для каждого учащегося эта школа будет местом, где будут соблюдены все необходимые параметры для социализации личности, а также площадкой для получения необходимых знаний и навыков, которыми он может воспользоваться в будущем [15, р. 6].

В целом содержание «Белой книги» сводилось к следующим компонентам: создание сети межшкольного сотрудничества для обмена образовательным опытом; контроль над поведением учащихся внутри школ; предоставление автономных прав школам; увеличение числа академий; закрепление на законодательном уровне полномочий центрального и местных органов образовательной власти.

Данные тезисы легли в содержание Закона о детях, школах и семьях² (англ. – *Children, schools and families Act*), опубликованного 19 ноября 2009 г. и принятого 8 апреля 2010 г. [17]. В своей окончательной редакции он был сокращен до трех частей по причине надвигающихся парламентских выборов.

Первая часть закона содержала положения, касающиеся вопросов обучения детей с ограниченными физическими возможностями, а также полномочий местных органов образовательной власти по защите прав этих детей. Третья часть содержала поправки в Закон об ученичестве, навыках, детях и их обучении 2008 г. и Закона об образовании 2008 г. Они касались, главным образом, вопросов публикации протоколов судебных заседаний относительно семейных дел [16, р. 4].

---

¹Отчеты британского правительства касательно социально-политических мероприятий, проведенных в стране. Результаты проведенных реформ в различных областях социально-политической направленности представлялись вниманию британского парламента раз в четыре года.

²Данный закон не распространялся на территорию Шотландии.

Таким образом, можно констатировать, что Закон о детях, школах и семьях преследовал следующие цели: повышение общего уровня образования среди британцев; создание инклюзивной среды для учащихся с ограниченными физическими возможностями и возложение на соответствующие школьные инспекции контролирующих функций относительно этого процесса; повышение уровня профессиональных компетенций педагогов; делегирование полномочий местным органам образовательной власти с целью оптимизации образовательной системы [6, с. 94; 16].

В преддверии парламентских выборов штабом Брауна был составлен манифест «Будущая ярмарка для всех» [28]. В случае своего переизбрания лейбористы обещали: увеличить расходы на такие образовательные программы, как «Уверенный старт», и продолжать повышать уже существующие образовательные стандарты. По состоянию на 2010 г. существовало более 3500 детских центров [28, р. 25]. По мнению лейбористов, такие центры должны были стать основой для подготовки детей к обучению в начальной школе. Было обещано активировать процедуру школьной оптимизации путем поглощения разорившихся школ, в каждой школе учащиеся будут иметь персонального тьютора для помощи в возможности выбора приемлемой профессии в будущем.

Кроме перечисленных выше нормативно-правовых актов, были приняты такие законы, как Закон о дальнейшем образовании и обучении (23 октября 2007 г.) [30], Закон о детях и молодежи (13 ноября 2008 г.) [31], Закон о детской бедности (25 марта 2010 г.) [32], Закон о детском равенстве (8 апреля 2010 г.) [33].

Фоном предвыборной кампании 2010 г. стала острая дискуссия между консерваторами и лейбористами. Консервативная партия продвигала идеи, характерные для идеологической платформы Лейбористской партии, связанные с идеологией социальной справедливости, в ее предвыборной программе наблюдалось стремление соответствовать традиционным социальным ценностям. Предвыборная программа консерваторов включала в себя такие аспекты, как комплексное реформирование системы образования, здравоохранения и банковской системы. Штаб Д. Кэмерона упрекал лейбористов, что при них Великобритания потеряла свои позиции в рейтинге социальной мобильности учащихся, а также опустилась в международной таблице мировых лидеров по уровню школьной успеваемости по таким предметам, как математика и естественные науки [29, р. 51–52]. Консерваторами планировалось улучшить эти показатели путем расширения доступа к получению образовательных услуг для всех детей. Ими было обещано повысить статус профессии педагога и делегировать полномочия по наведению дисциплины в школах. Также команда Кэмерона вынашивала идею по реформированию Национальной учебной программы¹ (англ. – The National Curriculum),

---

¹Набор образовательных дисциплин и стандартов, используемых на начальной и средних ступенях школьного образования в Соединенном Королевстве.

таким образом, чтобы она была сконцентрирована на получении базовых знаний в таких областях, как математика, история и естественные науки [27; 29, p. 54].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что образовательная политика кабинета Брауна продолжалась в русле политики Блэра. Были приняты новые нормативно-правовые акты, регулирующие структуру школьного образования Соединенного Королевства. Правительство уделяло особое внимание проблеме детской бедности, которая незримо была связано с образовательной системой. Также была предпринята попытка улучшить показатели социальной мобильности в Великобритании, прописанные в Белой книге 2009 г. Однако, несмотря на позитивную динамику в области образовательного курса, наблюдались проблемы падения успеваемости в школах по предметам естественного цикла и социальная дифференциация между учащимися, что в итоге не позволило «новый лейбористам» сохранить власть в стране и продолжить реформы в сфере образования. Всеобщие парламентские выборы в Великобритании 6 мая 2010 г. привели к победе коалиции либерал-демократов и консерваторов, которые скорректировали курс в области образовательной политики.

Список использованных источников

1. *Gillard, D.* Brown and Balls: mixed messages [Electronic recourse] / D. Gillard // Education in England: a brief history. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/history/chapter18.html>. – Date of access: 13.02. 2022.
2. *Green, A.* Blair's educational legacy: thirteen years of new legacy / A. Green. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 238 p.
3. *Simon, C.* Does every child matter? Understanding New Labour's social reforms / C. Simon and S. Ward. – London: Routledge, 2010. – 128 p.
4. *Hughes, C.* Gordon Brown: how the dream job turned sour / C. Hughes. – L., Guardian Books, 2010. – 304 p.
5. *Капитонова, Н. К.* Кто вы, мистер Браун? / Н. К. Капитонова // Современная Европа. – 2007. – С. 5–18.
6. *Якубова, Л. А.* Семейная политика Лейбористской и Консервативной партий в предвыборной кампании 2010 г. / Л. А. Якубова // Вестник НВГУ. – 2016. – С. 88–93.
7. *Вяземский, Е. Е.* Современная система образования в Великобритании / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2010. – № 3. – С. 68–84.
8. *Мачехина, О. Н.* Процесс реформирования общеобразовательной школы Великобритании на рубеже XX–XXI веков / О. Н. Мачехина // Ценности и смыслы. – 2016. – С. 132–141.
9. House of Commons Hansard Debates for 10 July 2007 [Electronic recourse] / Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm070710/debtext/70710-0003.htm>. – Date of access: 13.02.2022.

10. House of Commons Hansard Debates for 23 February 2009 [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200809/cmhansrd/cm090223/debtext/90223-0004.htm#0902232000171>. – Date of access: 14.02.2022.

11. The children's plan: building brighter futures [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2007. – 168 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2007-childrens-plan.pdf>. – Date of access: 14.02.2022.

12. 21-st century schools: a world-class education for every children [Electronic recourse] Department for children's, schools and families. – 2008. – 51 p. – Mode of access <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2008-21st-century-schools.pdf>. – Date of access: 15.02.2022.

13. Education and Skills Bill [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2007. – 99 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/bills/2007-education-and-skills-bill.pdf>. – Date of access: 15.02.2022.

14. Apprenticeships, Skills, Children and Learning Bill Department for children's, schools and families. [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2008. – 242 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/bills/2009-apprenticeships-etc-bill.pdf>.

15. You child, your schools, our future: building a 21 st century schools system [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2009. – 107 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2009-white-paper-your-child.pdf>. – Date of access: 18.02.2022.

16. Children, schools and families Bill [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2009. – 60 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/bills/2009-children-schools-families-bill.pdf>. – Date of access: 17.02.2022.

17. Children, schools and families Act [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2009. – 242 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/bills/2009-apprenticeships-etc-bill.pdf>. – Date of access: 17.01.2022.

18. Faith in the system. The role of schools with a religious character in England education and society [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2007. – 24 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2007-faith-in-system.pdf>. – Date of access: 19. 02. 2022.

19. Schools admission code [Electronic recourse] / Great Britain: Department for children's, schools and families. – 2008. – 87 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2008-school-admissions-code.pdf>. – Date of access: 19.02.2022.

20. *Gilbert, C.* The annual report of Her Majesty's chief inspector of education, children services and skills [Electronic recourse] / C. Gilbert // Great Britain: Ofsted. – 2009. – 162 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2007-ofsted-annual-report.pdf>. – Date of access: 20.02.2022.

21. Sustainable schools: are we building schools for the future [Electronic recourse] / Great Britain: House of Commons. Seventh report of session 2006 – 2007. – 2007. – 73 p. – Mode of

access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmselect/cmmeduski/140/140.pdf>. – Date of access: 21. 02. 2022.

22. School accountability [Electronic recourse] / Great Britain: House of Commons. First report of session 2009–2010. – 2010. – 113 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2010-csfc-school-accountability.pdf>. – Date of access: 22.02. 2022.

23. The academies programme [Electronic recourse] / Great Britain: House of Commons. – 2007. – 46 p. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmselect/compubacc/402/402.pdf>. – Date of access: 21. 02. 2022.

24. Brown is UK's new prime minister [Electronic recourse]. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6245682.stm. – Date of access: 17.01.2022.

25. Brown rules out autumn election [Electronic recourse]. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7031749.stm. – Date of access: 17.01.2022.

26. *Mansell, W.* Big brothers [Electronic recourse] / W. Mansell // «The Guardian». – 2009. – June, 2. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/education/2009/jun/02/education-bill-ed-balls>. – Date of access: 22.02. 2022.

27. *Alexander, J.* What is the primary curriculum for [Electronic recourse] / J. Alexander // «The Guardian». – 2009. – April, 7 – Mode of access: <https://www.theguardian.com/education/2009/apr/07/crib-sheet-april>. – Date of access: 19.02.2022.

28. The Labour Party Manifesto. A future fail for all [Electronic recourse] / Great Britain: Labour Party. – 2010. – 76 p. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/12_04_10_labour_manifesto.pdf. – Date of access: 17.02. 2022.

29. The Conservative Party Manifesto. Invitation to join the government of Great Britain [Electronic recourse] / Great Britain: Conservative Party. – 2010. – 131 p. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20100430183520/http://media.conservatives.s3.amazonaws.com/manifesto/cpmanifesto2010_lowres.pdf. – Date of access: 20.02.2022.

30. Further education and training Act 2007 [Electronic recourse] / Great Britain : Education in England. The history of our schools. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/2007-further-education-training-act.html>. – Date of access: 21.02.2022.

31. Children and young person Act 2008 [Electronic recourse] / Great Britain: Education in England. The history of our schools. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/2008-children-young-persons-act.html>. – Date of access: 21.02.2022.

32. Child poverty Act 2010 [Electronic recourse] / Great Britain: Education in England. The history of our schools. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/2010-child-poverty-act.html>. – Date of access: 22.02.2022.

33. Equality Act 2010 [Electronic recourse] / Great Britain: Education in England. The history of our schools. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/2010-equality-act.html>. – Date of access: 22.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

А. В. Мартынюк

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. Martyniuk

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(470):008

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВ О СУЩЕСТВОВАНИИ БИБЛИОТЕКИ ИВАНА ГРОЗНОГО ON THE QUESTION OF THE RELIABILITY OF EVIDENCE OF THE EXISTENCE OF THE LIBRARY OF IVAN THE TERRIBLE

В статье рассматривается вопрос из области истории и культуры России, который имеет длительную традицию научного изучения и еще более значительную историю популярного и публицистического рассмотрения. Систематизируются свидетельства о существовании библиотеки и дается оценка их достоверности. Делается вывод о перспективности поиска новых источников по истории библиотека Ивана Грозного и ее возможной предыстории в Византии.

Ключевые слова: Иван Грозный; библиотека; культурное наследие; рукописи; Византия.

The article deals with a field of history and culture of Russia, which has a long tradition of scientific study and an even more significant history of popular and journalistic reviews. Evidence of the existence of the library is systematized and an assessment of their reliability is given. It is concluded that it is promising to search for new sources on the history of the library of Ivan the Terrible and its possible prehistory in Byzantium.

Keywords: Ivan the Terrible; library; cultural heritage; manuscripts; Byzantium.

В каждой большой культурной традиции есть свои «места памяти», функционирующие одновременно и как предмет научного изучения, и как «загадки истории», привлекающие к себе внимание широкой общественности. В истории и культуре России одним из таких «мест памяти» является вопрос о библиотеке царя Ивана Грозного. Существовала ли она в действительности или является порождением фантазии средневековых книжников и чрезмерной доверчивости современных исследователей? В рамках данной статьи будут рассмотрены прямые свидетельства источников о существовании библиотеки и дана оценка их достоверности.

Следует сразу же ввести необходимое уточнение. Никто никогда не пытался отрицать факта наличия у Ивана Грозного значительного книжного собрания. Царь Иван Васильевич был сложной и противоречивой личностью. Он был не только грозным и жестоким правителем, но и одним из самых образованных людей своего времени. Широко известны его полемиче-

ские послания к князю Андрею Курбскому, представляющие собой, по сути, целые политические трактаты о сущности власти, где Иван Васильевич величает себя государем «по Божию изволению, а не по мятежному человечества хотению». По распоряжению царя был создан Лицевой летописный свод – грандиозная история человечества от сотворения мира до времени самого Ивана Грозного. Создание Свода было большим государственным проектом, который потребовал привлечения значительного количества источников – летописей и хроник, литературных произведений, житийных повестей и др. Свод был украшен 17 тыс. красочных миниатюр, из которых около 10 тыс. относятся к истории Руси. Уникальный характер Свода как историко-художественного произведения принес ему заслуженную славу окон «на исчезнувший мир Древней Руси» [1, с. 29] и «самой полной энциклопедии исторических знаний средневековой Руси» [4, с. 265]. Выход Лицевого летописного свода в виде факсимильного издания открывает новый этап в изучении этого памятника [5].

Таким образом, наличие у Ивана Грозного значительной личной, дворцовой библиотеки никогда не ставилось под сомнение. Известно и ее официальное наименование: «книги государевой постельной казны» (словом «казна» во времена Московской Руси обозначалась не только сокровищница, но и имущество вообще, в том числе библиотека и архив). Многие книги Ивана Васильевича сохранились в составе монастырских библиотек, куда они были переданы самим царем. На основании анализа сохранившихся источников – свидетельств современников, вкладных записей на книгах, описей монастырских библиотек и др. – известный ученый-книговед Н. Н. Зарубин выявил более 150 печатных и рукописных книг, которые в разное время входили в состав книжного собрания царя [2, с. 30–58]. Когда же говорят о «загадке библиотеки Ивана Грозного», то обычно подразумевают редкие античные рукописи, греческие и латинские, по преданию доставшиеся московским великим князьям от византийских императоров. Именно об этой библиотеке и пойдет ниже речь. В научной литературе ее принято называть словом либерей (от лат. либер – книга), отдавая дань средневековой традиции и отличая от прочих книжных собраний Московской Руси. Рассмотрим сохранившиеся свидетельства о существовании библиотеки московских великих князей, содержащей античные рукописи.

Первое из этих свидетельств принадлежит Максиму Греку (1470–1556) – знаменитому деятелю греческой и русской культуры своего времени. Обращаясь к великому князю Василию Ивановичу, отцу Ивана Грозного, с похвалой его заботам о книжном наследии, Максим Грек пишет: «Сие и ныне воистину воздвиже твою державу к преложению толкований псалмов, по многа лета в книгохранительнице заключенных бывших, человеком же никую ползу подавших...» и далее: «Общее и духовное брашно (пищу. –

А. М.) всем предложи... да не паки в ковчезех, яко же и преже, таковое бого-собранное сокровище, да возсияет всем обще...» [цит. по: 2, с. 15].

Эти скудные строки имеют неоценимое значение как первое прямое свидетельство существования библиотеки великих князей, до того скрытой от посторонних глаз. Максим Грек не говорит прямо об античных рукописях, и это дает повод скептикам утверждать, что речь в данном отрывке идет, прежде всего, о церковных книгах, над переводом которых на русский язык Максим Грек активно работал. Но церковные книги по самому своему характеру никогда не скрывались – ведь они использовались при богослужении. Можно привести еще один косвенный довод в пользу того, что Максим подразумевал именно древние греческие и латинские рукописи: в его творческом наследии встречается множество цитат, иногда весьма обширных по объему, из произведений античных авторов – Гомера, Платона, Аристотеля, Плутарха, Цицерона, Тита Ливия и др. Максим Грек был прекрасно образованным человеком (отсюда его почетное прозвище «Философ»), но все же мысль о том, что он мог работать только по памяти, не имея под рукой текстов вышеупомянутых авторов, кажется маловероятной.

Свидетельство Максима Грека существенно дополняет посвященное ему «Сказание о Максиме Философе»: «Государь великий князь Василий отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах безчисленное множество греческих книг, словенским же людям отнюдь неразумны... По мале же времени великий государь приснопамятный Василий Иоаннович сего инока Максима призвав и вводит его во свою царскую книгохранительницу и показа ему безчисленное множество греческих книг. Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве безчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в грецех толикое множество книг сподобихся видети» [цит. по: 2, с. 15–16]. Долгое время «Сказание» считалось анонимным, но в последнее время были приведены весомые доказательства, что оно принадлежит перу князя Андрея Михайловича Курбского (1528–1583), ученика Максима Грека. Таким образом, это свидетельство о существовании либерей (на сей раз прямо говорится о греческих книгах) восходит напрямую к словам самого Максима и подкрепляет вывод о том, что и в своем послании великому князю Василию Ивановичу Максим Грек говорил именно об античном собрании рукописей.

Прямое указание на наличие у Ивана Грозного античных рукописей содержится в немецкой хронике Франца Ниенштедта (1540–1622), составившего историю Ливонии. Описывая события Ливонской войны, автор подробно рассказывает о судьбе немцев, насильственно выселенных в 1565 г. из Дерпта (современный Тарту в Эстонии) в русские города. Пастор Иоанн

Веттерман из Дерпта привлек внимание Ивана Васильевича своим знанием древних языков:

«Его (Веттермана. – *А. М.*), как ученого человека, очень уважал великий князь, который даже в Москве велел показать ему свою либерею-библиотеку, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда москвит принял христианскую веру по греческому вероисповеданию. Эти книги как драгоценное сокровище хранились замурованными в двух сводчатых подвалах.

Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоанне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную либерею, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил через своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана (Андрей Щелкалов. – *А. М.*), Никиту Висровату (очевидно, Иван Висковатов, названный по ошибке «Никитой». – *А. М.*) и Фунику (Никита Фуников. – *А. М.*), вышеозначенного Иоанна Веттермана и с ним еще нескольких лиц, которые знали московитский язык, как-то: Фому Шревена, Иоахима Шредера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг. Эти книги были переданы в руки магистра Иоанна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было с Птолемеевой и другими либереями. Веттерман заявил, что хотя он беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтоб только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству.

Канцлер и дьяк великого князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь из этих книг на русский язык, а если он согласится, то они предоставят в его распоряжение тех трех вышеупомянутых лиц и еще других людей великого князя и несколько хороших писцов, кроме того, постараются, что Веттерман с товарищами будут получать от великого князя кормы и хорошие напитки в большом изобилии, а также получают хорошее помещение и жалование, и почет, а если они только останутся у великого князя, то будут в состоянии хлопотать и за своих. Тогда Веттерман с товарищами на другой день стали совещаться и раздумывать, что-де как только они кончат одну книгу, то им сейчас же дадут переводить другую, и, таким образом, им придется заниматься подобной работой до самой смерти; да кроме того, благочестивый Веттерман принял и то во внимание, что ему придется совершенно отказаться от своей паствы. Поэтому они приняли такое решение и в ответ передали великому князю: когда первосвященник Онаний прислал

Птолею из Иерусалима в Египет 72 толковника, то к ним присоединили наиученейших людей, которые знали Писание и были весьма мудры; для успешного окончания дела по переводу книг следует, чтобы при совершении перевода присутствовали не простые миряне, но наиумнейшие, знающие Писание и начитанные люди. При таком ответе Солкан, Фуника и Висровата покачали головами и подумали, что если передать такой ответ великому князю, то он может им прямо навязать эту работу (то есть вместе присутствовать при переводе) и тогда для них ничего хорошего из этого не выйдет: им придется тогда, что, наверное, и случится, умереть при такой работе, точно в цепях. Поэтому они донесли великому князю, будто немцы сами сказали, что поп их слишком несведущ, не настолько знает языки, чтобы выполнить такое предприятие. Так они все и избавились от подобной службы. Веттерман с товарищами просили одолжить им одну книгу на 6 недель, но Солкан ответил, что если узнает про это великий князь, то им плохо придется, потому что великий князь подумает, будто они уклонились от работы. Обо всем этом впоследствии мне рассказывали сами Томас Шреффер и Иоанн Веттерман. Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы» [цит. по: 6, с. 106–107].

Мы привели эту обширную цитату целиком – ведь она является прямым и неопровержимым свидетельством очевидца о существовании в Москве XVI века античной библиотеки. Сообщение пастора Веттермана трудно опровергнуть или даже просто поставить под сомнение. Оно отличается точностью и наличием большого количества достоверных деталей: правильно упомянуты имена московских чиновников – печатника Ивана Висковатова, думного посольского дьяка Андрея Щелкалова, казначея Никиты Фуникова, – имевших по долгу службы прямое отношение к царскому архиву и царской библиотеке; в согласии с русскими источниками повествуется о хранении книг в замурованных подвалах. Не должно удивлять нас и упоминание еврейских книг, ведь еврейский язык был признан в Средние века одним из трех «священных языков», наличие книг на нем в составе либерей вполне допустимо. А главное, с какой целью Ниенштедт или сам пастор Веттерман стали бы придумывать в конце XVI века историю о книжных сокровищах московского царя? Трудно представить себе причины, которые заставили бы их пойти на сознательную фальсификацию. Можно согласиться с мнением академика М. Н. Тихомирова, который после анализа рассказа Веттермана и других свидетельств приходит к выводу: «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями существовала – это факт, не подлежащий сомнению» [7, с. 200].

Последним прямым свидетельством существования библиотеки Ивана Грозного является документ, получивший в литературе наименование «Аноним Дабелова». История его такова: в 1819 г. профессор Дерптского

университета Христиан Дабелов (1768–1830), работая в архиве города Пярну, наткнулся на черновой набросок описи царской библиотеки, сделанный на старонемецком языке. По непонятным причинам Дабелов не сохранил оригинала документа, а ограничился снятой с него копией, которая через некоторое время и была опубликована. Оригинал с тех пор считается утерянным, а сам «Аноним» разделил исследователей на два непримиримых лагеря: сторонников его подлинности и скептиков, утверждающих, что перед нами очевидная подделка. Вот оригинальный текст и перевод этого документа [цит. по: 2, с. 59–61].

Список использованных источников

1. *Арциховский, А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М., Томск: Водолей, 2004. – 352 с.
2. Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин, подготов. к печати, прим. и допол. А. А. Амосова. – Ленинград: Наука, 1982. – 160 с.
3. *Зимин, А. А.* К поискам библиотеки московских государей / А. А. Зимин // Русская литература. – 1963. – № 4. – С. 124–132.
4. *Клосс, Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. / Б. М. Клосс. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
5. Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 1–10 [в 19 переплетах]. – М.: Актеон, 2006.
6. *Стеллецкий, И. Я.* Мертвые книги в московском тайнике / И. Я. Стеллецкий. – М.: Московский рабочий, 1993. – 270 с.
7. *Тихомиров, М. Н.* О библиотеке московских царей / М. Н. Тихомиров // Новый мир. – 1960. – № 1. – С. 196–202.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

Л. І. Масейчук

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

L. Maseichuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 378.145+94(476) «1930/1940»

**ВЫКЛАДАННЕ САЦЫЯЛЬНА-ГУМАНІТАРНЫХ
ПРАДМЕТАЎ У БЕЛАРУСКІМ МЕДЫЦЫНСКІМ
УНІВЕРСІТЭЦЕ (1930–1940): РЭКАНСТРУКЦЫЯ
ПА МАТЭРЫЯЛАХ АРХІЎНЫХ ФОНДАЎ**

**TEACHING SOCIO-HUMANITARIAN SUBJECTS AT THE
BELARUSIAN MEDICAL UNIVERSITY (1930–1940 S):
RECONSTRUCTION BASED ON THE MATERIALS
OF ARCHIVAL FOUNDATIONS**

На падставе аналізу архіўных крыніц прыводзяцца прыклады адукацыйных праграм па такіх дысцыплінах, як гістарычны і дыялектычны матэрыялізм, гісторыя РКП(б). Вылучаецца колькасць аўдыторных гадзін, якія адводзіліся на кожную дысцыпліну. Вызначаецца форма выніковага кантролю, які прымяняўся на кожным з вышэйпералічаных прадметаў. Разглядаецца прафесарска-выкладчыцкі склад кафедры марксізму-ленінізму.

Ключавыя словы: універсітэцкая адукацыя; гісторыя педагогікі; універсітэт; навукальныя планы; гуманітарныя дысцыпліны.

Based on the analysis of archival sources, examples of educational programs in such disciplines as historical and dialectical materialism, the history of the RCP (b) are given. The number of classroom hours allocated to each discipline is highlighted. The form of the final control which was applied on each of the above-stated subjects is defined. The teaching staff of the Department of Marxism-Leninism is considered.

Keywords: university education; history of pedagogy; university; curricula; humanities.

У савецкі перыяд у вышэйшай школе вялікае значэнне надавалася ідэйна-палітычнаму выхаванню студэнтаў, адказнасць за якое ўскладалася на выкладчыкаў грамадскіх дысцыплін. Цыкл гэтых дысцыплін складаўся з некалькіх канцэптуальна звязаных прадметаў і складаў метадалагічную аснову для ўсіх спецыяльнасцей вышэйшай школы Беларусі.

У дадзеным артыкуле станаўленне вучэбнай праграмы па сацыяльна-гуманітарных дысцыплінах разглядаецца на прыкладзе Беларускага дзяржаўнага медыцынскага інстытута (далей – БДМІ), які быў створаны ў 1930–1931 гг. пры рэарганізацыі медыцынскага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ).

Пры падрыхтоўцы артыкула былі выкарыстаны дакументы фондаў 205 «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт» і 218 «Беларускі дзяржаўны медыцынскі

ўніверсітэт Наркамздрава БССР» Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Яшчэ ў 1925 г. да ліку абавязковых прадметаў, якія мусілі вывучаць студэнты ўсіх вышэйшых навучальных устаноў, дадалі дысцыпліну «асновы марксізму-ленінізму» – аб’яднанне дыялектычнага матэрыялізму і гісторыі камуністычнай партыі ў адным курсе. Таму пры вылучэнні у 1930–1931 гг. медыцынскага факультэта БДУ ў асобную вышэйшую установу – Беларускі дзяржаўны медыцынскі інстытут – выкладанне сацыяльна-гуманітарных дысцыплін было замацавана за агульнаўніверсітэцкай кафедрай марксізму-ленінізму. Яе выкладчыкі працавалі са студэнтамі I, II і III курсаў, якія атрымлівалі адукацыю на дзённым і вячэрнім аддзяленнях лячэбна-прафілактычнага, санітарна-прафілактычнага факультэтаў, а таксама факультэта мацярынства, маленства і дзяцінства [1, арк. 8, 9].

На кафедры выкладаліся такія дысцыпліны, як «дыялектычны матэрыялізм», «дыялектыка прыроды», «ленінізм». На іх засваенне вылучалася 105 навучальных гадзін [2, арк. 31]. З 1934/1935 навучальнага года, акрамя вышэйпералічаных дысцыплін, да сацыяльна-гуманітарнага блока быў далучаны «гістарычны матэрыялізм», які чытаўся на I і II курсах, і «палітэканомія». На іх засваенне адводзілася 45 гадзін і 130 гадзін адпаведна [3, арк. 1, 11, 16]. Формай кантролю па ўсіх вышэйпералічаных прадметах з’яўляўся залік [3, арк. 2, 12, 17].

На вячэрнім аддзяленні навучальныя планы па выкладанні сацыяльна-гуманітарных дысцыплін, у параўнанні з дзённым, крыху адрозніваліся. Так, «дыялектычны» і «гістарычны матэрыялізм» чыталіся на I курсе вячэрняга аддзялення лячэбна-прафілактычнага факультэта і факультэта мацярынства, маленства і дзяцінства [3, арк. 5, 11, 16]. На засваенне курса вылучалася 80 гадзін [3, арк. 5, 21]. На II курсе студэнты працягвалі вывучэнне «дыялектычнага матэрыялізму» адначасова з «дыялектыкай прыроды» і «ленінізмам». На дысцыпліны адводзілася 40 і 50 навучальных гадзін адпаведна [3, арк. 6, 22].

На лекцыях і семінарах па дысцыпліне «ленінізм» вывучаліся паняцці пралетарская рэвалюцыя і дыктатура пралетарыяту; разглядаліся сялянскае і нацыянальнае пытанні, а таксама роля партыі ў грамадскіх працэсах [4, арк. 82–82 зв.].

Згодна з вучэбнымі планамі, курс па «дыялектычным матэрыялізме» вывучаўся як філасофскі. Таму ў вучэбнай праграме рабіўся акцэнт на раскрыцці такіх момантаў, як прадмет і задачы філасофіі, разглядалася яе гісторыя і ўзаемадзеянне з іншымі навукамі.

На занятках па «гістарычным матэрыялізме» студэнты павінны былі разгледзець такія паняцці, як вытворчыя сілы, базіс і надбудова; вывучыць працэс фарміравання класаў і класавай барацьбы; прааналізаваць тэорыі ўзнікнення дзяржавы і ролю пралетарыяту [4, арк. 82–82 зв.].

Пры вывучэнні дысцыпліны «дыялектычны і гістарычны матэрыялізм» у якасці асноўнай вучэбнай літаратуры пачынаючы з 1938 г. выкарыстоўвалася праца І. В. Сталіна «Пра дыялектычны і гістарычны матэрыялізм» (1938).

Для разумення прымянення метадаў дыялектычнага матэрыялізму ў прыродазнаўчых навукх і антрапалогіі студэнты былі абавязаны вывучыць раздзелы з кнігі Ф. Энгельса «Дыялектыка прыроды» – «Дыялектыка», «Асноўныя формы руху» і «Роля працы ў працэсе ператварэння малпы ў чалавека». Пры засваенні «марксізму» як навуковай дысцыпліны навучэнцы павінны былі знаёміцца з артыкулам У. І. Леніна «Тры крыніцы і тры складовыя часткі марксізму» (1913).

У якасці дадатковай навучальнай літаратуры шырока рэкамендаваліся працы У. І. Леніна «З чаго пачаць?» (1901), «Што рабіць?» (1902), «Дзяржава і рэвалюцыя» (1918) і І. В. Сталіна «Пытанні ленінізму» (1924), «Аб Кастрычніцкай рэвалюцыі» (1932).

Напрыканцы 1930-х гг. дыялектычны матэрыялізм, які складаў філасофскую аснову марксізму, быў прызнаны афіцыйнай камуністычнай ідэалогіяй, што знайшло сваё адлюстраванне ў шэрагу пастановаў ЦК ВКП(б) адносна вышэйшай школы.

Згодна з пастановай «Аб пастаноўцы партыйнай прапаганды ў сувязі з выпускам “Кароткага курса гісторыі ВКП(б)”» ад 14 лістапада 1938 г., замест шэрагу прадметаў («ленінізм», «гісторыя ВКП(б)», «дыялектычны матэрыялізм», «гістарычны матэрыялізм») уводзіўся адзіны курс «асновы марксізму-ленінізму» [5, с. 51], вывучэнне якога пачыналася з «Кароткага курса гісторыі ВКП(б)» з адначасовым вывучэннем першакрыніц марксізму-ленінізму. Менавіта ад гэтага часу і пачалася перабудова выкладання грамадскіх дысцыплін у БДМІ.

Новыя навучальныя планы былі зацверджаны Усесаюзным камітэтам па вышэйшай школе ў 1938 г. Згодна з планамі на грамадскія навукі адводзілася 590 гадзін на год (у навучальных планах, якія дзейнічалі з 1935 па 1938 гг., – 272 гадзіны).

Загадам ад 11 студзеня 1939 г. «Аб пастаноўцы выкладання марксізму-ленінізму ў вышэйшай школе» ў БДМІ ўводзілася абавязковае вывучэнне курса гісторыі ВКП(б), палітычнай эканоміі, філасофіі.

Паміж іншым у загадзе падкрэслівалася, што «савецкая вышэйшая школа, якая з’яўляецца кузняй высокакваліфікаваных савецкіх спецыялістаў для ўсіх галін народнай гаспадаркі і культуры, атрымала зыхадам у свет «Кароткага курса гісторыі ВКП(б)» і апублікаваннем пастановаў ЦК ВКП(б) вялікую тэарэтычную і палітычную зброю, пры дапамозе якой яна паспяхова вырашыць задачу марксісцка-ленінскага выхавання савецкага студэнцтва, задачу падрыхтоўкі кадраў, цалкам адданных вялікай справе партыі Леніна – Сталіна» [15].

Навучальныя праграмы па «Гісторыі РКП(б)» ніколі не карэктаваліся на месцах і ў іх дакладна прапісваліся ўсе кірункі, якія выкладчык павінен быў «данесці» да студэнтаў [5, с. 51]. Асноўным падручнікам па гісторыі ВКП(б), якую вывучалі студэнты БДМІ, з 1938 г. становіцца праца І. В. Сталіна «Кароткі курс гісторыі ВКП(б)» (1938).

Разам з вышэйпералічанымі сацыяльна-гуманітарнымі дысцыплінамі студэнты вывучалі такі прадмет, як «палітэканомія». Так, у рамках курса палітэканоміі студэнты павінны былі ведаць, што такое кошт і як ён фарміруецца; што такое тавар і таварны фетышызм. Падрабязна разглядалася прызначэнне капіталу, фарміраванне дадатковага кошту і інш. [6, арк. 30].

Як адзначалася раней, дыялектычны матэрыялізм, які складаў філасофскую аснову марксізму, быў прызнаны афіцыйнай камуністычнай ідэалогіяй, у сувязі з чым да падбору выкладчыкаў, што чыталі дадзеную дысцыпліну, падыходзілі вельмі адказна. Яны павінны былі не толькі добра ведаць свой прадмет, але і ў абавязковым парадку з'яўляцца членамі ВКП(б), мець «пралетарскае паходжанне», вышэйшую адукацыю і не мець судзімасцей. Нацыянальнасць значэння не мела.

У першы 1930/1931 навучальны год дзейнасці інстытута на кафедры марксізму-ленінізму працавалі два штатныя выкладчыкі. З-за вострага недахопу кваліфікаваных кадраў практыкавалася знешняе сумяшчальніцтва і запрашэнне спецыялістаў на ўмовах пагадзіннай аплаты працы.

У 1934/1935 навучальным годзе колькасць штатных выкладчыкаў складала пяць чалавек [7, арк. 1, 6, 7]. У 1935 г. на кафедры марксізму-ленінізму працавалі: в. а. загадчыка кафедры, дацэнт С. Я. Тапаз¹, асістэнты А. А. Варановіч, І. А. Улазаў, выкладчык Г. А. Фрыдрых і прафесар І. З. Сурта [7, арк. 8].

У 1938/1939 навучальным годзе штат кафедры быў пашыраны. 12 лістапада 1940 г. на кафедры працавала 14 выкладчыкаў: в. а. загадчыка кафедры М. С. Дрыгіллёў, дацэнты П. Х. Рубінчык, С. Я. Тапаз, І. І. Саладкоў; старшы выкладчык Х. М. Прусіна, выкладчыкі А. Ф. Верамейчык, Б. М. Каробачка, Д. В. Горбах, Н. С. Мееравіч, У. Р. Лобань, О. Ш. Гінзбург, Г. А. Эрынбург, М. М. Валашынаў і асістэнт кафедры Х. І. Варгаўцік [8, арк. 14].

Вялікая Айчынная вайна, якая распачалася 22 чэрвеня 1941 г., прыпыніла працу медінстытута больш чым на два гады. Толькі 1 кастрычніка 1943 г. у г. Яраслаўлі БДМІ аднавіў сваю дзейнасць.

У 1943/1944 навучальным годзе інстытут складаўся з аднаго лячэбнага факультэта, на які было залічана 769 студэнтаў [9, арк. 7]. Сярод

---

¹З 1934 г. абавязкі загадчыка кафедры марксізму-ленінізму выконваў Саламон Яхімавіч Тапаз, які сумяшчаў дадзеную пасаду з кіраваннем гістарычнай кафедрай у Беларускай політэхнічнай інстытуце.

36 універсітэцкіх кафедраў, што распачалі працу, была і кафедра марксізму-ленінізму [9, арк. 11], менавіта яе выкладчыкі адказвалі не толькі за сацыяльна-гуманітарную адукацыю будучых медыкаў, але і за іх ідэалагічную падрыхтоўку. Як сведчаць архіўныя дакументы, вялікае значэнне надавалася такой дысцыпліне, як «Гісторыя РКП(б)» [9, арк. 7, 16].

Пасля вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (28 ліпеня 1944 г.) інстытут вярнуўся з эвакуацыі ў г. Мінск. 1944/1945 навучальны год выдаўся складаным. Адчуваўся востры дэфіцыт кваліфікаваных кадраў [10, арк. 1]. Шэраг выкладчыкаў не вярнуліся з эвакуацыі ў Беларусь, бо прынялі прапановы па працаўладкаванні ад вышэйшых навучальных устаноў, размешчаных у рэгіёнах, менш пацярпелых ад ваенных дзеянняў.

Вясной 1945 г. штат кафедры зменшыўся ў параўнанні з даваенным у два разы і налічваў сем ставак [11, арк. 1а]. Аднак да канца 1944/1945 навучальнага года нават яны не былі цалкам укамплектаваны. Не вялася «з прычыны адсутнасці кафедры як творчай адзінкі» [12, арк. 13] у 1945 г. і навуковая работа, пра што паведамляў на пасяджэнні Савета інстытута загадчык кафедры марксізму-ленінізму І. М. Пяроўскі 23 студзеня 1946 г.

На пачатак 1946 г. на кафедры працавалі: загадчык кафедры дацэнт І. М. Пяроўскі, выкладчыкі Э. Я. Давыдава, Д. Г. Шаткіна, М. І. Едзідовіч, А. С. Фрумкіна, С. Г. Рудніцкі, А. Ф. Верамейчык [11, арк. 1а-2].

У 1946/1947 навучальным годзе на кафедры функцыянавалі тры студэнцкія гурткі: філасофскі – па дыялектычным і гістарычным матэрыялізме, гістарычны – па вывучэнні знешняй палітыкі СССР і гурток па вывучэнні кнігі таварыша І. В. Сталіна «Аб Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза» (1942).

Усяго ў гуртках займалася 48 чалавек. Найбольшую цікавасць у студэнтаў выклікалі філасофскі і гістарычны гурткі.

У красавіку 1947 г. быў выдадзены загад Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР, у якім выкрываліся недахопы ў ідэалагічнай працы, адзначаўся нізкі тэарэтычны ўзровень выкладчыкаў, крытыкавалася сухасць выкладання без дастатковых доказаў. Асабліва рабіўся акцэнт на тое, што выкладчыкі недастаткова тлумачаць студэнтам «карэнную супрацьлегласць пралетарскага і буржуазнага светапогляду, не прыцягваюць найбагацейшыя фактычны матэрыялы з жыцця і дзейнасці бальшавіцкай партыі і савецкай дзяржавы, недастаткова тлумачаць перавагі сацыялістычнага грамадскага ладу над капіталістычным» [13]. З улікам усяго вышэй пералічанага ў мэтах паляпшэння якасці выкладання грамадскіх навук было прынята рашэнне ўключыць з 1947/1948 навучальнага года курс «Асновы марксізму-ленінізму» ў спіс прадметаў, якія выносяцца на дзяржаўныя іспыты, прачытаць шэраг лекцый, прысвечаных біяграфіям У. І. Леніна і І. В. Сталіна, а таксама ўмацаваць кафедры грамадскіх навук вышэйшых навучальных устаноў Беларусі кваліфікаванымі кадрамі [13].

Пераўтварэнні пайшлі на карысць. Згодна са справаздачай кафедры марксізму-ленінізму экзаменацыйная сесія ў 1946/1947 навучальным годзе паказала, што студэнты медінстытута цалкам здавальняюча засвоілі веды па прадмеце «асновы марксізму-ленінізму» [14, арк. 5, 8; 15, арк. 12].

Такім чынам, у медыцынскім інстытуце вывучаліся такія дысцыпліны, як гістарычны і дыялектычны матэрыялізм, гісторыя РКП(б) і асновы марксізму-ленінізму, палітэканомія. Засваенне гэтых дысцыплін павінна было дапамагчы студэнтам раскрыць свой навуковы патэнцыял і навучыць іх рацыянальнаму мысленню.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 464.
2. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 108.
3. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 618.
4. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1058.
5. *Мосейчук, Л. И.* Специфика преподавания гуманитарных дисциплин на медицинском факультете Белорусского государственного университета в 1920-е гг. / Л. И. Мосейчук // Труды Белорус. гос. технолог. ун-та. – 2020. – № 2(239). – С. 50–53. – (Сер. VI. История, философия).
6. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1098.
7. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 623.
8. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 635 в.
9. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 3.
10. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 6.
11. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 4.
12. НАРБ. – Ф. 218. Воп. 1. Спр. 9.
13. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm. – Дата доступа: 13.11.2019.
14. НАРБ. Ф. 218. Воп. 3. Спр. 25.
15. НАРБ. Ф. 218. Воп. 3. Спр. 56.
16. Приказ от 11 января 1939 г. «О преподавании марксизма-ленинизма в высшей школе [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. – URL: <http://xn--e1aejmenosxq.xn--p1ai/node/13995>. – Дата доступа: 21.12.2021.

(Дата падачы: 22.02.2022 г.)

Ю. В. Маханько

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Makhanko

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410):930=811.111«19/20»

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY OF THE CULTURAL PREREQUISITES FOR THE BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION

В статье рассматриваются характерные черты культуры Великобритании, которые позволили ей стать родиной Промышленной революции. Среди них выделяются особенности общин религиозных диссидентов, Научная революция XVI–XVII вв., промышленное Просвещение и потребительская революция. На основании исследований англоязычных авторов можно сделать вывод, что Британская промышленная революция была результатом не только синергии экономических трендов, но и стремления части британской элиты модернизировать экономику при помощи прикладного знания.

Ключевые слова: промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история.

The article discusses the characteristics of the culture of Great Britain, which allowed it to become the birthplace of the Industrial Revolution. Among them, the features of religious dissident communities, the Scientific revolution of the 16th–17th centuries, the industrial Enlightenment and the consumer revolution stand out in particular. Based on the research of English-speaking authors, it can be concluded that the British Industrial Revolution was the result of not only the synergy of economic trends, but also the desire of a part of the British elite to modernize the economy with the help of useful knowledge.

Keywords: industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history.

Современная англоязычная историография Британской промышленной революции определяет данный процесс как ускорение изобретения и внедрения в производство технологий. В связи с этим на первый план выходит проблема причин технологического прогресса в Соединенном королевстве XVIII – начала XIX в., значительная доля которых находится в области культурных факторов, ведь «экономика неотделима от культуры (в смысле совокупности поведенческих программ и стереотипов, передающихся через воспитание, подражание, обучение и формирующих особенностей того или иного общества)» [1, с. 133]. Кроме того, попытки построить универ-

сальную модель индустриализации для любой страны мира продолжают терпеть неудачу. В этих условиях утверждение, что Промышленная революция родилась именно в уникальных условиях Великобритании XVIII в. приобретает статус консенсуса. Таким образом, объяснить возникновение крупнейшего процесса в экономической истории данной страны, который в дальнейшем изменил весь мир, без исследования особенностей ее культуры невозможно.

Прежде всего стоит отметить тот факт, что «в Великобритании в 1760–1830 гг. на долю религиозных меньшинств и диссидентов, составляющих 7 % населения королевства, приходился 41 % ведущих предпринимателей и инноваторов» [2, с. 51]. Данный факт не случаен, и тенденция во многом была заложена еще XVI–XVII вв. Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) объяснял это тем, что наиболее амбициозные представители религиозных меньшинств предпочитают реализовывать себя в коммерции, когда путь к государственной службе для них закрыт [3, с. 64–65]. В действительности, ряд актов английского Парламента, известный как «карательные законы», ограничивал право представителей неангликанских протестантских вероисповеданий проводить церковные службы, а также запрещал занимать государственные должности, но не стеснял их в экономической деятельности. При этом представители отдельных протестантских течений (кальвинизма, пиетизма, методизма и вышедших из анабаптистского движения сект) проявляли себя в предпринимательстве «как в качестве господствующего, так и в качестве подчиненного слоя населения» [3, с. 65, 136]. Сам автор объясняет это «протестантской трудовой этикой». По его словам, «мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергла непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу ... занятие» [3, с. 197]. Воззрения М. Вебера разделял английский христианский социалист Ричард Генри Тоуни (1880–1962), исследовавший становление капитализма под влиянием протестантизма на английском материале. «Дело было не в том, что религия была изгнана из практической жизни, а в том, что религия сама дала ей гранитный фундамент. ... Хороший христианин не был антонимом экономического человека» [4, р. 253]. Идеи М. Вебера и Р. Тоуни стали фундаментом для пересмотра экономической истории в контексте роли религиозного фактора.

С момента публикации труда М. Вебера прошло более столетия, и концепция протестантской трудовой этики продолжает обсуждаться [5; 6]. Современные исследования статистических данных, которые обобщил в 2020 г. профессор Норвежской школы экономики Ола Хоннигдал Гриттен

(род. в 1964), подтверждают теорию М. Вебера. Они показывают, что протестантские страны после 1600 г. имели значительно более высокие показатели в ВВП на душу населения [7, р. 5].

Немаловажную роль в распространении передовых технических знаний сыграли беженцы-гугеноты. Так, по подсчетам Уоррена Сквилла (1913–1969), профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, около 40–50 тысяч гугенотов из Франции осели в Англии между 1680-м и 1720-м гг. [8, р. 409]. Правительство «приветствовало их и предоставило всевозможную финансовую помощь и привилегии в надежде, что беженцы смогут усилить их экономику, создав новые сектора производства и распространив свои навыки среди остального населения» [8, р. 410]. Сам У. Сквилл отмечает распространение первым поколением переселенцев новых для Англии технологий в текстильной отрасли, которая в дальнейшем стала локомотивом Промышленной революции.

«Невебериянское» объяснение особой роли квакеров в индустриализации Англии через институт Ежемесячных собраний предлагает Питер Джонс (род. в 1949), профессор Бристольского университета [9, р. 20]. Данный руководящий орган общины отвечает за управление своими прихожанами, включая членство и браки, а также за имущество собрания. По мнению П. Джонса, «запрет на браки за пределами общины и всепроникающая дисциплина Ежемесячного собрания привели к созданию квакерских династий – особенно в тех секторах, где необходимы крупные финансовые вложения со всеми сопутствующими рисками. В условиях неограниченной ответственности в бизнесе поиск капитала среди единоверцев был наиболее безопасной опцией, а Собрания предоставляли готовую схему для этого» [9, р. 21].

Таким образом, религиозные диссиденты (в Англии XVIII в. особенно выделялись в этом плане квакеры) были предрасположены к предпринимательской деятельности, а протестантская трудовая этика и особенности функционирования общин делали их чрезвычайно успешными в данном призвании. Более того, после отмены Нантского эдикта волна переселенцев-гугенотов способствовала нивелированию отставания Великобритании в некоторых областях технического знания от ведущих стран Континентальной Европы.

Не был случайным тот факт, что завершение Научной революции XVI–XVII вв. проходило в протестантских странах Западной Европы. Американский социолог Роберт Кинг Мертон (1910–2003) углубился в проблему взаимосвязи между Реформацией и возникновением современной науки в Англии. Он отмечает как сильнейшее влияние религиозного неконформизма на взгляды и жизнь основателей Лондонского королевского общества, так и религиозную санкцию на научную деятельность: «изучение

природы позволят в большей степени оценить Его труды и, таким образом, ведет нас к почтению перед силой, мудростью и добродетелью Бога, запечатленных в Его творении» [10, р. 10]. Анализ Р. Мертон показал, что «позитивная оценка протестантами плохо замаскированного утилитаризма, мирских интересов, бескомпромиссного эмпиризма, права и даже обязанности свободного обсуждения, прямого личного сомнения в авторитете были близки по духу ценностям современной науки. И, возможно, прежде всего стоит поставить важность деятельного аскетического порыва, который неизбежно влек за собой исследование природы, чтобы установить над ней контроль» [10, р. 29–30].

Достижениями Научной революции XVI–XVII вв. было обусловлено основное изобретение Промышленной революции – паровой двигатель. В основе двигателя Ньюкомена, а затем и Уатта лежит «открытие того, что у атмосферы есть вес, а также что, сконденсировав пар, можно получить вакуум», сделанное учеными-экспериментаторами: «Галилеем, Торричелли, Отто фон Герике, Робертом Бойлем, Робертом Гуком, Христианом Гюйгенсом и Дени Папеном» [11, с. 19]. А «первые изобретатели газового освещения пользовались знаниями, техниками и инструментами, которые в большинстве случаев были созданы учеными в химических лабораториях» [12, р. 3]. Однако весомый вклад в технологический прогресс внесли опытные ремесленники без использования научного знания, такие как Джеймс Харгривз (создатель прялки «Дженни»), Эдмунд Картрайт (изобретатель механического ткацкого станка) и Абрахам Дарби (использование каменного угля при выплавке железа). Вместе с тем, косвенное влияние Научной революции на инновационность британской экономики в целом доказать удалось.

Так, еще в 1969 г. Альберт Массон и Эрик Робинсон, сотрудники Манчестерского университета, в книге «Наука и технология в Промышленной революции» показали, что для XVIII в. между научным и прикладным знанием не было четко очерченной границы. «Многие ученые и технологи были заинтересованы и в знании, и в действии: научное знание улучшало технологию, а технологические исследования приводили к прорывам в науке» [13, р. 5]. Во многом взаимодействие между научным сообществом и производителями было обеспечено необычайной популярностью научных обществ, где «принцы могли сесть у ног лекторов-самоучек, вроде Адама Уолкера и Джеймса Фергюсона; великие землевладельцы, вроде Шелбернов и Эджертонов, обсуждали инженерию и практику производства с бизнесменами и полуграмотными кустарями; инструменталист и технический автор могли встретиться в философском клубе, и их слушали люди намного более крупного богатства и более высокого социального положения» [13, р. 59]. Таким образом, важнейшее влияние оказали не только сами научные открытия, но и принцип нахождения и применения в производстве прикладного

знания, которым была пронизана английская и шотландская культура раннего Нового времени после Научной революции.

Более тщательное исследование возникновения и развития принципа нахождения и применения в производстве прикладного знания сделала Кристин Маклауд, профессор Бристольского университета, в книге «Изобретая Промышленную революцию: английская патентная система, 1660–1800 гг.» (1988). Проанализировав доступные научные и публицистические труды, написанные в Англии раннего Нового времени, автор делает следующий вывод: «дискуссии об изобретениях в XVII в. были редкими и велись преимущественно в терминах метафизики; в XVIII в. они стали уже сравнительно многочисленными, и их контекст был все более экономическим» [14, р. 201]. Причины этому она видит в первую очередь в относительной секуляризации мышления и Научной революции: «ограничив божественное вмешательство к первоначальному “заведению часов”, ньютоновская картина мира повысила человечество от всего лишь исполнителя божественного провидения до рационального манипулятора природой» [14, р. 202]. Таким образом, К. Маклауд показала: «англичане позднего XVIII в. верили, что живут в “эпоху открытий”, “научную эпоху”» [14, р. 222], а значит, всплеск изобретательской активности во время Промышленной революции был не только реакцией на экономическую конъюнктуру, но и сознательной попыткой построить экономику, соответствующую новым знаниям. Схожую гипотезу выдвинул профессор Северо-Западного университета (США), а позже Тель-Авивского университета (Израиль) Джоэль Мокир, (род. в 1964), окончательно оформивший свою концепцию в книге «Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция, 1700–1850 гг.» (2009). По его мнению, «Британия стала лидером Промышленной революции потому, что больше чем любая другая страна Европы была способна воспользоваться преимуществами своего фонда человеческих и материальных ресурсов благодаря великой синергии Просвещения: сочетания бэконовской программы в полезном знании и осознания, что лучшие институты обеспечивают лучшие стимулы» [15, р. 132]. Британское Просвещение развивало «программу великого восстановления наук» философа Френсиса Бэкона (1561–1626). Среди прочего, она ставила задачу «заставить экономику производить больше благ и, таким образом, увеличить то, что современные экономисты назовут благосостоянием» [15, р. 40]. В связи с этим Дж. Мокир упоминает «идею полезного знания, которая дала людям власть над природой, а не только над другими людьми» [15, р. 44–45]. Опять же прослеживается идея власти над природой, которую отмечал ещё Р. Мертон. Исследователь британского Просвещения Рой Портер так описывал влияние идеи прогресса на высшее общество: оно «помешалось на новизне. Ландшафты, сады, фабрики, манеры, вкусы, искусство и литература – обо всем этом говорили в контексте “улучшения”» [16, р. 343]. То есть

улучшение методов производства было среди широко обсуждаемых элитой тем. Если же говорить о распространении подобных воззрений среди более широких слоев общества, то Дж. Мокир утверждает следующее: «нельзя доказать влияние культурных и социальных изменений Просвещения на всех изобретателей, но число таких людей постепенно росло» [15, р. 72]. За данной традицией приумножения и распространения прикладного знания в литературе закрепился термин «промышленное Просвещение» [17; 18]. Примером распространения идей «Века Разума» среди производителей Дж. Мокир называет Смитонское или Лунное общество, которые включало в себя: «профессиональных инженеров, как сам Смитон и его продолжатель Уильям Джессоп; сильно заинтересованных в технологических вопросах бизнесменов, как Мэттью Болтон и Джозайя Веджвуд; действительно квалифицированных работников, как производители инструментов, землемеры и схожие технические эксперты» [15, р. 66]. Важная особенность данной организации состоит в том, что значительная часть его членов не была представителями Англиканской церкви [9, р. 16], что опять же свидетельствует об особой роли религиозных диссидентов в возникновении Промышленной революции.

Еще одной культурной предпосылкой для Промышленной революции являются изменения в экономическом поведении домохозяйств на протяжении раннего Нового времени – потребительская и трудолюбивая революции. Потребительской революцией называют период в истории Англии между началом XVI и серединой XVIII вв., когда наблюдался рост потребления предметов роскоши людьми различного экономического и социального положения, а также их разнообразия. При этом, «потребительский спрос рос, даже когда реальная заработная плата снижалась» [19, р. 255]. Таким образом, рост потребления был обусловлен культурными, а не экономическими факторами. Ян де Фрис, профессор Калифорнийского университета нидерландского происхождения, предложил в 1990-х концепт трудолюбивой революции, чтобы объяснить потребительскую революцию в бедных по современным меркам обществах. По его расчетам, «множество домовладельцев сделали решение увеличить одновременно и предложение доступных на рынке товаров и труда, и спрос на рыночные товары. Комбинация изменений в поведении домохозяйств составила трудолюбивую революцию» [19, р. 255], которая обеспечила спрос на товары, а Промышленная революция – их предложение.

Отдельные исследователи утверждают, что Промышленная революция была обусловлена прежде всего революцией потребительской. Так, профессор Уорикского университета Максин Берг (род. в 1950) сделала следующий вывод о её причинах и последствиях: на протяжении XVII и XVIII вв. «Европа отреагировала на торговлю с большей частью света; изобретение, производство и потребление новых европейских и особенно британских то-

варов спровоцировали изменения в технологии, использование новых материалов и форм энергии, реорганизацию рынка труда, которые стали Промышленной революцией» [20, р. 327]. Безусловно, не стоит переоценивать изменение потребительского поведения и игнорировать другие факторы. Вместе с тем, оно было важной предпосылкой для индустриализации, обеспечив необходимый спрос на новые товары в больших объемах, а значит и на новые технологии.

Таким образом, в Великобритании раннего Нового времени сформировалась уникальная культурная традиция, которая своими корнями уходит в Реформацию. Относительная толерантность английского общества позволила представителям конфессиональных меньшинств воплотить свои стремления и использовать навыки в области инновационного предпринимательства. В «Век Разума» идеи британских религиозных диссидентов и представителей Научной революции стали основой для новой социокультурной атмосферы. В литературе она получила название «промышленное Просвещение» и заключалась в стремлении интеллектуальной элиты создавать и распространять не только научное, но и прикладное знание. При помощи прикладного знания представители промышленного Просвещения стремились адаптировать британскую экономику под требования «научной эпохи», что в сочетании со спросом на технологии, экономящие труд и позволяющие массово производить новые товары, привело к Промышленной революции.

Список использованных источников

1. *Космач, П. Г.* Переосмысление роли религиозного фактора в историографии истории стран Запада Нового времени / П. Г. Космач // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – Вып. 8. – С. 131–137.
2. Новая история стран Европы и Америки. XVI–XIX века: в 3 ч.: учеб. для студентов вузов / А. М. Родригес [и др.]; под. ред. А. М. Родригеса, М. В. Пономарева. – М.: Гуман. изд. центр ВЛАДОС, 2010. – Ч. 1. – 528 с.
3. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–344.
4. *Tawney, R. T.* Religion and the Rise Of Capitalism / R. T. Tawney. – London: John Murray, 1922. – XXIV + 339 p.
5. *Sanderson, S. K.* Testing the Protestant Ethic Thesis with Quantitative Historical Data: A Research Note / S. K. Sanderson, S. A. Abrutyn, K. R. Proctor // Social Forces, 2011. – Vol. 89, № 3. – P. 905–911.
6. *Delacroix, J.* A Beloved Myth: Protestantism and the Rise of Industrial Capitalism in Nineteenth-Century Europe / J. Delacroix, F. Nielsen // Social Forces, 2001. – Vol. 80, № 2. – P. 509–553.

7. *Grytten, O. H.* Weber Revisited: A Literature Review on the Possible Link Between Protestantism, Entrepreneurship and Economic Growth [Electronic resource] / O. H. Grytten // openaccess.nhh.no – Mode of access: <https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/handle/11250/2657268> – Date of access: 28.01.2022.

8. *Scoville, W. C.* The Huguenots and the Diffusion of Technology / W. C. Scoville // *Journal of Political Economy*. – 1952. – Vol. 60, № 5. – P. 392–411.

9. *Jones, P. M.* Minorities and the Culture of Science and Technology. A Case Study of Birmingham Dissenters, 1760–1820 [Electronic resource] / P. M. Jones // journals.openedition.org. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/dht/989>. – Date of access: 28.01.2022.

10. *Merton, P. K.* Puritanism, Pietism and Science / R. K. Merton // *The Sociological Review*, 1936. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.

11. *Аллен, П.* Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н. В. Автономовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – 448 с.

12. *Tomory, L.* Progressive Enlightenment: The Origins of the Gaslight Industry, 1780–1820 / L. Tomory. – London: The MIT Press, 2012. – 348 p.

13. *Musson, A. E.* Science and Technology in the Industrial Revolution / A. E. Musson, E. Robinson. – Manchester: Manchester University Press, 1969. – 534 p.

14. *MacLeod, C.* Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660–1800 / C. MacLeod. – New York: Cambridge University Press, 1988. – XII + 302 p.

15. *Mokyr, J.* The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700–1850 / J. Mokyr. – London: Penguin, 2009. – 848 p.

16. *Porter, R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World / R. Porter. – London: Penguin Books, 2001. – 768 p.

17. *Berg, M.* Useful Knowledge, “Industrial Enlightenment”, and the Place of India / M. Berg // *Journal of Global History*, 2013. – Vol. 8, № 1. – P. 117–141.

18. *Suenaga, K.* The «Industrial Enlightenment» and Technological Paradigms of the Modern Steel Industry [Electronic resource] / K. Suenaga // *Technology in Society*. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X19303355#bib28>. – Date of access: 28.01.2022.

19. *De Vries, J.* The Industrial Revolution and the Industrious Revolution / J. De Vries // *The Journal of Economic History*. – 1994. – Vol. 54, № 2. – P. 249–270.

20. *Berg, M.* Luxury and Pleasure in the Eighteenth-Century Britain / M. Berg. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 373 p.

(Дата подачи: 18.02.2022 г.)

Е. В. Мацулевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

E. Matsulevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(73+47+57)“1990/1999”

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1990-Е ГГ.

THE EVOLUTION OF US POLICY TOWARDS POST-SOVIET INTEGRATION IN THE 1990S.

Победа США в Холодной войне наделила их статусом единственной сверхдержавы, но вызвала внутреннюю нестабильность и кризис внешнеполитической стратегии в условиях новых вызовов. Постсоветское пространство вошло в зону американских интересов, в связи с чем Вашингтону следовало уделить внимание интеграционным процессом в регионе. В статье проанализированы факторы, влияющие на позицию ведущих политических сил страны и политику Белого дома в отношении постсоветской интеграции при Дж. Буша-ст. и У. Клинтоне.

Ключевые слова: США; постсоветское пространство; новые независимые государства; постсоветская интеграция; Дж. Буш-ст.; У. Клинтон.

The US victory in the Cold War endowed them with the status of the only superpower, but led to internal instability and crisis of the foreign policy strategy in the face of new challenges. The post-Soviet space became the zone of American interests, in connection with which Washington should have paid attention to the integration process in the region. The article analyzes the factors influencing the position of the country's leading political forces and Washington's policy towards post-Soviet integration under George H. W. Bush and W. J. Clinton.

Keywords: The USA; the post-Soviet space; New Independent States; post-Soviet integration, George H. W. Bush, W. J. Clinton.

После окончания Холодной войны постсоветское пространство было объявлено «жизненно важной» зоной американских интересов. Перед Вашингтоном открылась уникальная возможность установить новый мировой порядок («мир по-американски») через пропаганду демократии и насаждение западных ценностей. Однако ряд новых внешнеполитических вызовов потребовал выработки позиции по таким вопросам, как межэтнические конфликты, угроза терроризма, экономический кризис бывших республик СССР, несущий угроза для мировой экономической системы. Постсоветская интеграция, которая началась с образования Содружества независимых государств (СНГ), должна была отвечать американским интересам. Цель исследования – проследить эволюцию политики США в отношении постсоветской интеграции в 1990-е гг.

Ряд открывающихся после окончания Холодной войны возможностей на международной арене Соединенными Штатами был утерян, а реализация намерения установить новый мировой порядок затянулась. Причиной большинство исследователей склонны считать отсутствие длительное время у администрации Дж. Буша-ст. концепции внешней политики, учитывающей новые геополитические условия. До 1993 г. сохранялась Стратегия национальной безопасности, обнародованная 1 августа 1991 г., которая потеряла свою актуальность в условиях новой расстановки политических сил в мире.

На сегодняшний день остается дискуссионным вопрос о том, было ли окончание Холодной войны предсказуемым для США. Наиболее обоснована точка зрения, что ее завершение было ожидаемым для американцев, но в отдаленной перспективе. Такой тезис подтверждает поведение Дж. Буша-ст, который «сам не форсировал такие изменения», опасаясь возможной анархии в мировом порядке из-за столь глобального события [1, р. 27]. Поэтому президент США занял позицию наблюдателя распада СССР и образования Содружества независимых государств, обозначив Б. Ельцину 13 декабря 1991 г., что Белый дом не желает вмешиваться в происходящие события [2, р. 2, 3]. Отстраненная позиция была обусловлена опасениями последствий коллапса прежнего советского центра в Москве [3, с. 58]. Чтобы американский президент поддержал постсоветскую интеграцию, Б. Ельцин, извещая Дж. Буша-ст. о создании СНГ, сделал акцент на Статью 6 договора о Содружестве, которая удовлетворяла первостепенные интересы Белого дома, давая гарантию соблюдения странами-участницами требований международной безопасности и сокращения вооружения и расходов на оборону, намерение ликвидировать ядерное оружие и провести полное разоружение [4, р. 3]. Таким образом, создание СНГ на обозначенных условиях и признание лидирующей роли России в нем было выгодно для Соединенных Штатов. В то же время настороженность в отношении Содружества была продиктована непониманием сути и содержания этого интеграционного объединения [3, с. 24].

Политика Дж. Буша-ст. подвергалась критике со стороны Конгресса, который хотел видеть реальные шаги правительств новых независимых государств (ННГ) к реформам и разоружению, а не ограничиваться их заявлениями. В сторону президента и госсекретаря выступили в том числе однопартийцы с обвинением в поспешности удовлетворения потребности некоторых стран бывшего СССР в признании [5, р. 12]. Также Конгресс уделял больше внимания проведению демократизации постсоветского региона. Почему было важно оказать помощь этим странам для реформирования обозначила госсекретарь при Дж. Буше-мл. Кондолиза Райс, по мнению которой, начатая в 1990-е гг. демократизация ННГ позволяет говорить о законности интересов США на постсоветском пространстве [6, с. 72]. Таким

образом, через содействие реформам в бывших республиках СССР Соединенные Штаты должны были закрепиться в регионе.

Несмотря на стремление Конгресса активизировать американскую политику на постсоветском пространстве через оказание материальной помощи новым независимым государствам, реальные действия как конгрессменов, так и президента, а также концептуальное оформление подхода к СНГ и постсоветскому пространству сдерживала дискуссия по поводу объема финансирования внешнеполитических нужд, продиктованная позицией общественности, для которой главной проблемой был экономический кризис в стране. В идеологическом плане на этом фоне начался спор о необходимости сменить «политику сдерживания» на «политику изоляционизма», т. е. отдавать приоритет решению внутренних проблем. Учитывая настроения общественности и социально-экономические проблемы, конгрессмены выразили желание сократить внешние расходы и перераспределить их на удовлетворение внутренних потребностей страны [5, p. 236].

Среди американских экспертов не столь остро разворачивалась дискуссия по поводу объема финансовой помощи ННГ, однако выдвигались идеи, которые должны были разделить финансовое бремя Вашингтона с ведущими странами мира, а также способствовать проведению в бывших советских республиках реформ для быстрой нормализации экономики за счет собственных ресурсов. По сути, ряд американских экспертов предлагал удовлетворить амбиции европейских лидеров по усилению их роли в международных делах, взамен чего – снизить расходы США, не упустив регион полностью. Неправительственные организации (НПО) также акцентировали внимание на том, что Соединенным Штатам необходимо поддержать финансово ННГ, но сделать это более эффективно, чем предлагает Конгресс и государственные структуры, а также нужно стимулировать создание единого рынка между бывшими советскими государствами [7; 8]. Таким образом, НПО выступили сторонниками развития и укрепления экономической постсоветской интеграции.

В конце своего президентского срока Дж. Буш-ст. принял новую Стратегию национальной безопасности, которая отражает то, как Белый дом к этому времени воспринял ситуацию в постсоветском регионе. Несмотря на то, что было закреплено намерение оказать помощь бывшим республикам СССР, провести их демократизацию, американские и российские исследователи сходятся во мнении, что Вашингтон был не готов отказаться от биполярной системы международных отношений в своей внешнеполитической стратегии. Подход первой администрации У. Клинтона к международным делам основывался на таких же позициях, однако отдельные пункты и общие подходы получили свое дальнейшее развитие.

Стратегический курс 42-го президента США в отношении постсоветского пространства и в целом внешней политики начал оформляться во вре-

мя предвыборной гонки. Главный упор У. Клинтон сделал на решение социальных и экономических проблем, которые волновали избирателей больше всего [9, р. 2], пытаясь выработать идейные основы той стратегии внешней политики, которая удовлетворила бы общественность и не вредила бы американским интересам, связанным с необходимостью не потерять постсоветское пространство из виду и включить его в сферу своего влияния.

После инаугурации У. Клинтон столкнулся с той же проблемой, что и Дж. Буш-ст. в годы своего президентства: в Конгрессе продолжались дебаты на тему финансирования внешней политики, оборонных расходов и объема помощи ННГ. За дальнейшее сокращение военных расходов выступали республиканцы, что считали неблагоприятным демократы (партия, к которой принадлежал президент) [10, р. 7129]. У. Клинтон старался занять компромиссную позицию, выдвинув свой план уменьшения финансирования армии, что не удовлетворяло ни одну из сторон [11]. Американское экспертное сообщество в ответ на такую политику обвиняло У. Клинтона в медлительности и недостатке действий в отношении постсоветского пространства и особенно России [12, р. 54].

Если администрация Дж. Буша-ст. хотела видеть Россию центром СНГ, чтобы избежать хаоса и мелких конфликтов на постсоветском пространстве, то при новой администрации отношение к ней и ее центрообразующей роли в СНГ изменилось. Сохранение российских войск в ряде ННГ, их участие в миротворческих миссиях, активизация российско-белорусской интеграции, победа пророссийских кандидатов в президенты в Беларуси и Украине, а также появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства, что для американцев означало стремление отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу [13, р. 9–10, 13], вели к тому, что в Конгрессе распространилось видение состояния бывших советских республик как зависимых от Москвы, несмотря на стремление присоединиться к западным структурам [14, р. 543]. Как следствие начался поиск иных средств консолидации стран региона, которые не вели бы их к зависимости от России, а способствовали бы включению в «мир демократий», а также чаще стали подниматься вопросы о присоединении этих стран к западным структурам. При администрациях У. Клинтона бывшие республики СССР перестали рассматриваться как единый регион, объединенный советским прошлым, и в начале XXI в. должны были быть интегрированы в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, Североатлантический Альянс (НАТО), Европейский союз [15, р. 45]. С СНГ предлагалось наладить сотрудничество, отвечающее американским интересам: например, консолидировать усилия по борьбе с терроризмом [16, р. 4174]. Главной причиной, по которой Содружество нельзя было изолировать от взаимодействия с американцами в период первой администрации У. Клинтона, являлся фактор нахождения ядерного оружия на территории

бывших республик СССР и вопрос обновления советской договорной базы в сфере контроля над вооружениями.

По мере непредсказуемости российской внешней политики в Конгрессе против программы помощи Российской Федерации выступили обе партии [17]. Начался поиск более эффективных механизмов поддержки новых независимых государств. Звучали предложения, которые обращали внимание на наличие и возможную экономическую выгоду для Соединенных Штатов интеграционных объединений на постсоветском пространстве [18, р. 6536]. Кроме того, Палата представителей настаивала на заключении бартерных соглашений («barter agreements») и гарантий возмещения американской помощи в течении 7 лет, в том числе поставками природных ресурсов. Против такого предложения выступили демократы [19, р. 12993]. Межпартийные разногласия тормозили принятие окончательного решения и выработку подхода к постсоветскому пространству в то время, как ведущие НПО критиковали государственный механизм оказания помощи [17; 20].

Второй президентский срок У. Клинтона отличался большей вовлеченностью во внешнюю политику и ее активностью. Такой переход ярко выразился, как отметил Конгресс, в смене безразличной позиции У. Клинтона к расширению НАТО на активную поддержку этого процесса. Большинство политиков обосновывали необходимость расширить Североатлантический Альянс российской угрозой, связанной с активной политикой этого государства в отношении соседей, углублением российско-белорусской интеграции, появлением в российском политическом дискурсе идеи евразийства. Фонд «Наследие» отмечал, что «Соединенным Штатам и их союзникам необходимо распространить спасательный круг безопасности и политического сотрудничества на Украину, страны Балтии, а также страны Кавказа и Центральной Азии» [21], т. е. расширить НАТО до границ Российской Федерации. Конгрессмены понимали, что такая политика – вызов внешнеполитической стратегии Москвы, поэтому вопрос о судьбе Североатлантического Альянса вызвал споры как внутри республиканцев, так и внутри демократов, что оценивалось как «симптом национальной неразберихи» («symptom of national confusion») [22, р. 1]. Осложнялась такая позиция еще и тем, что руководство США видело в России ключевой элемент при осуществлении американской миссии в постсоветском регионе, фактор, который влияет на все постсоветские государства [23, р. 19; 24, р. (26)]. Именно поэтому установление и углубление отношений РФ с НАТО стало отдельной задачей [24, р. 25]. Такое сотрудничество способствовало бы включению в американскую сферу влияния бывших советских республик друг за другом вслед за Россией.

В связи с тем, что Вашингтон не был заинтересован в конфронтации с Москвой, негативная оценка углубления российско-белорусской интеграции строилась на осуждении действий белорусской стороны. Конгресс

поддержал замечание администрации У. Клинтона о том, что этот процесс вызывает сомнения в своей законности, т.к. в Беларуси есть проблемы с демократией и воля народа там не учитывается [25, р. E1599]. В то же время НПО видели ситуацию по-другому и оценивали как неприемлемые действия российской стороны: в силу неоговоренности ряда моментов в деятельности и механизме Союза Беларуси и России ситуация воспринималась как лишение белорусской стороны права голоса в этом объединении [26, р. 3]. Таким образом, американские политики имели общую позицию в отношении появления на постсоветском пространстве новых, более основательных и не проамериканских интеграционных проектов, хоть и расходились в обосновании своих оценок.

Несмотря на то, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве не отвечали интересам США, остановить их американцы не могли. Ведущий аналитический центр мира – Центр стратегических и международных исследований США (CSIS), видя причиной постсоветской интеграции под эгидой России экономические проблемы стран-участниц, чтобы ее избежать, предложил выделять больше финансов соседям РФ и поощрять тенденцию переместить интеграционные проекты на постсоветском пространстве в экономическую плоскость («естественная интеграция» в противовес «политической реинтеграции» в новый Советский Союз [26, р. 1]). Рассмотрение новых путей государственной политики стало актуальным после того, как в 1999 г. администрация У. Клинтона подорвала свой авторитет скандалом о российских аферах деньгами, полученными в качестве американской помощи [27]. Но в условиях начала предвыборной гонки как демократы, так и республиканцы отдали приоритет решению иных вопросов, волнующих избирателей.

Таким образом, постсоветская интеграция должна была отвечать декларируемым приоритетами внешней политики Вашингтона – распространению демократии и обеспечению стабильности и безопасности в мире. Образование СНГ соответствовало этим целям и было выгодным для США. Несмотря на то, что «жизненно важным интересом» для США было недопущение возрождения в какой-либо форме новой сверхдержавы, администрация Дж. Буша-ст. и ведущие политические силы страны отдавали России ключевое значение в консолидации постсоветского региона через СНГ, стремясь сделать Москву «локомотивом» демократизации региона. В годы президентства У. Клинтона по мере активизации политики России в отношении соседних государств появление новых, более основательных и не проамериканских интеграционных проектов в регионе стало неприемлемым для американцев.

При формировании политики США в отношении постсоветской интеграции Белый дом должен был учитывать позицию Конгресса, ведущих политических экспертов и аналитиков (неправительственные организации),

позицию общественности. В условиях, когда избирателей волновала неблагоприятная экономическая и социальная обстановка в стране, внешнеполитические вопросы Дж. Буш-ст. и У. Клинтон не ставили в приоритет своей деятельности. Более активная политика в отношении постсоветского пространства характерна для второго президентского срока У. Клинтона, что выразилось в поддержке расширения НАТО и, таким образом, пересмотре российской и западной сфер влияния, в том числе в постсоветском регионе и зоне СНГ.

Инструментом включения постсоветского пространства в сферу влияния США выступали инвестиции на проведение демократических реформ в этих странах и их разоружение. Вопрос об объеме финансирования внешнеполитических нужд страны, борьба сторонников интервенционализма и изоляционизма, межпартийные разногласия, конфликт президента и Конгресса, развивающийся на фоне выбора главного пункта в построении отношений с новыми независимыми государствами (проблема безопасности или демократических реформ) при Дж. Буше-ст., а при У. Клинтоне – на фоне вопроса о приоритете внутренней политики над внешней тормозили принятие окончательного стратегического курса США, выработку подхода к постсоветскому пространству и интеграционным процессам в регионе. Неправительственные организации настаивали на пересмотре государственной политики в отношении новых независимых государств, обращали внимание на выгоду для США постсоветской интеграции в экономической сфере.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов).

Список использованных источников

1. Engel, J. A. A Better World... but Don't Get Carried Away: The Foreign Policy of George H. W. Bush Twenty Years On / J. A. Engel // *Diplomatic History*. – 2010. – Vol. 34, № 1. – P. 25–46.

2. Telephone Conversation with President Boris Yeltsin of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 13. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-13--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.

3. *Бжезинский, 3. Второй шанс. Америка и мир: сборник* / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт; пер. с англ. О. Колесникова, И. Добровольского. – М.: АСТ, 2018. – 448 с.

4. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 8. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-08--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.

5. Congressional Record. Proceedings and debates of the 103d Congress, First session // Congress.gov. – 1993. – January 5. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/01/05/GPO-CRECB-1993-pt1-1.pdf>. – Date of access: 11.11.2021.
6. *Доброхотов, Л. Н.* Политика США на постсоветском пространстве: вчера и сегодня // Л. Н. Доброхотов // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. – 2011. – № 4 (11). – С. 64–75.
7. *Soros, G.* A Cold-Cash Winter Proposal for Russia [Electronic resource] / G. Soros // GeorgeSoros.com. – 1992. – November 12. – Mode of access: <https://www.georgesoros.com/1992/11/12/a-cold-cash-winter-proposal-for-russia/>. – Date of access: 21.11.2021.
8. *Soros, G.* A Social Safety Net for Russia [Electronic resource] / G. Soros // GeorgeSoros.com. – 1993. – January 4. – Mode of access: <https://www.georgesoros.com/1993/01/04/a-social-safety-net-for-russia/>. – Date of access: 21.11.2021.
9. *Ornstein, N.* Foreign Policy and the 1992 Election / N. Ornstein // Foreign Affairs. – 1992. – Vol. 71, № 3. – P. 1–16.
10. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 31. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/31/GPO-CRECB-1993-pt5-7-2.pdf>. – Date of access: 26.11.2021.
11. *Kagan, R.* Don't Cut Defense [Electronic resource] / R. Kagan // Carnegie Endowment for International Peace. – 1997. – May 12. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/1997/05/12/don-t-cut-defense-pub-264>. – Date of access: 29.11.2021.
12. *Mroz, J.* Russia and Eastern Europe: Will the West Let Them Fail? / J. Mroz // Foreign Affairs. – 1992/1993. – Vol. 72, № 1. – P. 44–57.
13. *Clover, Ch.* Dreams of the Eurasian Heartland: The Reemergence of Geopolitics / Ch. Clover // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78, № 2. – P. 9–13.
14. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – January 21. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/01/21/GPO-CRECB-1993-pt1-5-2.pdf>. – Date of access: 11.11.2021.
15. A National Security Strategy for A Global Age [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 2000. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2001.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
16. Congressional Record – House [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 4. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/04/GPO-CRECB-1993-pt3-9-1.pdf>. – Date of access: 29.11.2021.
17. *Cohen, A.* Aid to Russia: Yes, But Needs Reform [Electronic resource] / A. Cohen // The Heritage Foundation. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/aid-russia-yes-needs-reform>. – Date of access: 21.11.2021.
18. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 25. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/25/GPO-CRECB-1993-pt5-3-3.pdf>. – Date of access: 20.11.2021.
19. Congressional Record – House [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – June 16. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/06/16/GPO-CRECB-1993-pt9-8-2.pdf>. – Date of access: 31.01.2022.

20. *Carothers, T.* Aiding Post-Communist Societies: A Better Way? [Electronic resource] / T. Carothers // Carnegie Endowment for International Peace. – 1996. – October 10. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/1996/10/10/aiding-post-communist-societies-better-way-pub-153>. – Date of access: 28.12.2021.

21. *Volk, Y.* Russia's Union with Belarus: Expensive and Troubling [Electronic resource] / Y. Volk, A. Cohen, E. Volk // The Heritage Foundation. – 1997. – April 4. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/russias-union-belarus-expensive-and-troubling>. – Date of access: 30.11.2021.

22. Statement by the Honorable Fred C. Ikle before the Committee on National Security' U.S. House of Representatives [Electronic resource] // CSIS. – 1997. – July 17. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/ts970719_ikle.pdf. – Date of access: 26.12.2021.

23. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1994. – July. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.

24. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1997. – May. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1997.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.

25. Congressional Record. Proceedings and debates of the 106th Congress, First session [Electronic resource] // Congress.gov. – 1999. – July 20. – Mode of access: <https://www.congress.gov/106/crec/1999/07/20/CREC-1999-07-20.pdf>. – Date of access: 13.12.2021.

26. *Hale, H.* Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [PONARS Policy Memo 15] [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. – 1997. – October. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf. – Date of access: 02.12.2021.

27. *Cohen, A.* Russian Money Laundering: Questions Congress Should Ask [Electronic resource] / A. Cohen // The Heritage Foundation. – 1999. – September 22. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/report/russian-money-laundering-questions-congress-should-ask>. – Date of access: 30.11.2021.

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

В. Ф. Мелеховец

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

V. Melekhovets

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК [94(476):061-056.263]«19/19»

**ВИНСЕНТ-АНСЕЛЬМ ЗЫГМУНТ – СОЗДАТЕЛЬ
ДАКТИЛЬНОГО АЛФАВИТА И ПЕРВЫЙ
СУРДОПЕДАГОГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.***

**VINZENT-ANSELM ZYGMUNT – THE CREATOR OF THE
DACTYL ALPHABET AND THE FIRST SIGN LANGUAGE
TEACHER OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX CENTURY**

В статье осуществлена попытка реконструкции одного из недостаточно изученных периодов педагогической деятельности Винцента-Ансельма Зыгмунта – первого сурдопедагога Российской империи первой половины XIX в. В работах отечественных и зарубежных ученых неполно рассматриваются вопросы, связанные с созданием первого русского дактильного алфавита. Автор исследования убежден, что В.-А. Зыгмунт – создатель первой русской дактилологии. Прибывший в Санкт-Петербург из Вильны в первой половине XIX в., он положил начало развитию белорусской дактилологии, которая создана на основе польского и русского дактильных алфавитов.

Ключевые слова: Винцент-Ансельм Зыгмунт; дактильный алфавит; польская, русская и белорусская дактилология; жестовый язык; институт глухонемых; сурдопедагог.

The article attempts to reconstruct one of the insufficiently studied periods of the pedagogical activity of Vincent-Anselm Zygmont, the first Deaf teacher of the Russian Empire in the first half of the 19th century. In the works of domestic and foreign scientists, issues related to the creation of the first Russian dactyl alphabet are very sketchy. The authors of the study are convinced that A. Zygmont is the creator of the first Russian dactylology. Arriving in St. Petersburg from Vilna in the first half of the 19th century, he laid the foundation for the development of Belarusian dactylology, which was created on the basis of the Polish and Russian dactyl alphabets.

Keywords: Vincent-Anselm Zygmont; dactyl alphabet; Polish; Russian and Belarusian dactylology; Sign Language; institute of the Deaf; teacher of Deaf children.

Для отечественной истории особый интерес представляет создание первых школ для глухонемых в Российской империи в XIX в., одной из которых является Опытное училище глухонемых в Павловске, учрежденное в 1806 г. императрицей Марией Федоровной. Первым учителем и организатором учебно-воспитательной работы в Петербургском училище глу-

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь (ГР 20211511 от 24.05.21 г.).

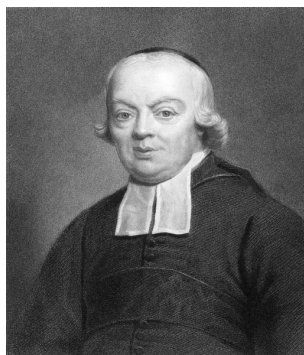
хонемых с декабря 1806 по март 1810 г. был Винцент-Ансельм Зыгмунт (11 апреля 1771–1844 гг.), приглашенный из Вильна [1]. Опираясь на архивные источники, сделана попытка реконструировать генеалогию русской дактилологии, на основе которой сформирована белорусская дактильная система. По мнению Ульрики Зешан и Владимира Мелеховца, специальные школы для глухих детей служили центром развития дактильных систем, жестовой среды и создания сообществ глухих [2; 3], что представляет интерес для отечественной науки.

Винцент-Ансельм Зыгмунт родился в городке Ресель (в настоящее время город Решель в Польше). В то время эта территория была аннексирована Пруссией, поэтому Ансельм с детства владел немецким языком. В 16 лет после окончания средней школы он был принят в Конгрегацию священников-миссионеров Вильна. После завершения двухлетнего курса наук в Виленской духовной семинарии Ансельм Зыгмунт дал обеты, а затем был рукоположен в священники.

В течение последующих восьми лет Ансельм Зыгмунт преподавал в Виленской духовной семинарии богословие и немецкий язык, а в июле 1804 г. был направлен в Венский институт глухонемых, где в течение десяти месяцев изучал «венский метод» обучения неслышащих детей [1].

Венский институт глухонемых

Шарль-Мишель де л'Эпе

С чем были связаны идеи Яна Коссаковского, касающиеся реализации педагогической системы как «венский метод» в Вильна, разработанной Йозефом Маем? Известно, что приступив к обучению глухих детей в Вене, Й. Май и Ф. Шторк пришли к убеждению, что французская «мимическая система» искусственна и сложна, предназначалась не только для обозначения предметов, их качества, действий и др., заменив жесты дактильной речью [4, с. 51]. Ответ дают исторические источники – Виленский и Ливонский епископ Иоанн (Ян) Непомуцен Корвин-Коссаковский находился на

лечения в Вене, где он посетил существовавший там уже 25 лет знаменитый Институт глухонемых, который поразил его своими результатами обучения глухих детей. Епископ Коссаковский при посещении Венского института глухонемых присутствовал на семинаре для учителей глухих детей (единственный не только в Европе, но и в мире), который ежегодно проводился директором Института глухонемых Йозефом Маем [1]. После возвращения в Вильна, епископ Ян Коссаковский, заботясь об укреплении позиций католической церкви в Литве и Беларуси, решил открыть Институт глухонемых на территории своей епархии. Вложив собственные средства, в 1804 г. он направил в Вену на 9-месячную научную стажировку преподавателя семинарии Ансельма Зыгмунта. Сохранилось письменное свидетельство об окончании Зыгмунтом курса обучения, подписанное Йозефом Маем. В документе, составленном от 26 августа 1805 г., указывается, что на публичном экзамене Зыгмунт «представил доказательства своих умений в такой мере, что признан пригодным для обучения глухонемых и может их наставлять в письме, звуковом языке, чтении, арифметике, а также религии и нравственности». Кроме того, директор отметил, что Ансельм Зыгмунт «особо отличился в теоретической и практической части наставления глухонемых, и, благодаря своим моральным качествам и мягкости в обращении с этим несчастным классом людей, он не оставляет желать ничего лучшего» [1; 5].

*Императорский Виленский
университет (XIX в.)*

*Адам Ежи
Чарторыйский*

Новое образовательное учреждение, которое стремился открыть епископ, должно было находиться под юрисдикцией Императорского Виленского университета, и решение об открытии института принимал попечитель

Виленского учебного округа князь Адам Чарторыйский [6; 7]. Согласно тогдашним законам, устав 1803 г. ставил университет во главе всего учебного дела в округе. Округ состоял из всей Беларуси и Литвы, охватывавший восемь губерний, в том числе Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Витебскую. Императорский университет после третьего раздела Речи Посполитой был одним из самых богатых в Российской империи. Мечтая о восстановлении Речи Посполитой, князь проводил политику в интересах Польши, а потому сразу одобрил идею епископа [7].

*Костел Св. Иосифа и Никодима
(рисунок XIX в.)*

*Ян Непомуцен
Коссаковский*

Объявление об открытии Виленского института глухонемых, рассчитанного на шесть учеников, появилось в местных газетах в 1805 г. Для обучения детей было выбрано принадлежавшее ксендзам-миссионером в Вильна здание бывшего костела Св. Иосифа и Никодима.

Учитывая, что Виленский учебный округ в тот период находился в составе Российской империи, необходимо было получить разрешение из Санкт-Петербурга. Пока вопрос рассматривался в ведомстве российского императора Александра I, Зыгмунт частным образом обучал глухого мальчика Янека Раецкого [8; 9]. Можно предположить, что были и другие дети.

Следует заметить, что Йозеф Май учился у самого Шарля де л'Эпе, впоследствии внес изменения в «мимический метод», разработанный учителем, где основным средством обучения в Венском институте глухонемых стала дактилология. И чтобы в полной мере использовать полученные знания в Вене, Зыгмунт впервые создает польский дактильный алфавит, взяв за основу французские (немецкий дактильный алфавит создан на их основе)

дактилемы. Заказав у художника эстампы созданной им польской пальцевой азбуки, 15 мая 1806 г. он преподнес их в дар руководству Виленского университета в торжественной обстановке на заседании Совета университета, о чем сообщила Виленская литературная газета в номере XXVIII от 14 июля 1806 г., что привлекло внимание властей к проблеме обучения глухих [1; 5; 4; 7]. Однако Виленский институт глухонемых в 1805 г. не был открыт.

Летом 1806 г. в Павловском парке произошла знаменитая встреча императрицы Марии Федоровны и глухого мальчика Александра Меллера, в результате которой она пожелала учредить училище для глухих по образцу тех, которые были открыты в странах Западной Европы [1; 5].

Первое училище императрица Мария Федоровна мечтала организовать по французскому образцу, и первым педагогом училища мог бы стать один из учеников аббата Сикара (ученик де л'Эпе). Узнав, что на территории Российской империи имеется учитель, способный обучать глухих, Мария Федоровна предложила Зыгмунту место профессора в своем училище. Таким образом, ксендз Ансельм Зыгмунт стал первым сурдопедагогом Императорского училища.

План создания Опытного училища глухонемых был «апробован» императрицей 14 октября 1806 г. В тот же день Мария Федоровна отправляет несколько писем с распоряжениями. «Директор» Павловска князь Дмитрий Волконский, выполняя указания Марии Федоровны, должен был в кратчайшие сроки устроить училище, гофмаршал Сергей Ланской – обеспечить учреждаемое заведение всем необходимым, а Григорий Вилламов – контролировать финансовую сторону проекта. Кроме того, Вилламову было дано поручение найти глухих детей [10].

Глухонемых «не моложе девяти лет» искали в числе питомцев Воспитательных домов, а также в числе детей, «состоящих по деревням». И хотя штат училища был рассчитан на 12 детей, к концу ноября удалось найти только троих. Таким образом, первыми учениками профессора Зыгмунта в Павловском училище стали Янек Раецкий, Анна Крашенинникова, Ульяна Николаева и Дарья Никитина. Когда завершилась подготовка к открытию первого учреждения, глухих детей поместили в небольшом двухэтажном замке «Мариенталь» (крепость «Бип»), Волконский отправил императрице рапорт, в котором сообщил, что «Во исполнение Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в 14 день минувшего октября воследовавшего о учреждении в городе Павловске опытного училища глухонемых; оное училище сего декабря 2 дня открыто...» [11]. Опираясь на архивные документы, можно утверждать, что в начале декабря 1806 г. Зыгмунт приступил к исполнению своих обязанностей.

Из числа малочисленных архивных источников, свидетельствующих об учебном процессе, осуществляемом Ансельмом Зыгмунтом, сохранились

воспоминания одного из первых воспитанников института глухонемых Александра Меллера о том, что «Сигмунд... трудами своими, знанием дела и педагогическою опытностью сумел вполне оправдать ожидания Императрицы, постоянно следившей за успехами воспитанников, и когда в довольно короткое время я успел выучиться читать и писать, даже произносить некоторые слова ея величество изволила обратить особое внимание на мои успехи и в награду прислала мне в 1809 году через секретаря Вилламова золотые часы» [12].

Учебная программа, разработанная А. Зыгмунтом для Виленского Института глухонемых в 1811 г., была составлена на основе накопленного опыта работы в Павловске и рассчитана на три года обучения неслышащих детей, учитывая, что к этому времени Зыгмунт завершил свою педагогическую деятельность в замке «Мариенталь».

В программе было записано, что в I классе ученики «придумывают жесты» для обозначения предметов, изучают буквы на основе дактилологии, составляют слоги и слова, учатся читать и проговаривать слова «голосом согласно смекалке и способностям», а также знакомятся с «началами арифметики».

Во II классе дети узнают о частях речи и изучают связь между ними в коротких предложениях, что закрепляется их использование «в разнообразных нуждах», в том числе и устно. По арифметике изучаются первые четыре математические действия. В этом же классе преподаются основы христианской веры (по малому катехизису), нравственности и «начала рисунка».

В III классе происходит полный разбор всех частей речи. Ученики учатся выражать свои мысли не только письменно, но и устно, «насколько позволит их организм». Продолжаются уроки рисования. Дети больше узнают об обязанностях по отношению к Богу и ближнему. Им прививаются знания об общественной жизни и «полезности людям». География преподается «сообразно смекалке учащихся» [13].

Опираясь на программу, можно утверждать, что в учебном процессе, кроме дактилологии, на раннем этапе обучения использовался жестовый язык. Признанный авторитет истории глухих Г. Л. Зайцева писала, что «первая школа была открыта под Петербургом в 1806 году. ...там была разработана интересная система обучения. Глухих детей учили русскому языку – и устной речи, и чтению, письму и т. д. Им сообщался довольно большой круг общеобразовательных знаний и др. ...использовали все речевые средства: устную и письменную русскую речь, а также жестовую речь. Особенно важную роль жестовая речь играла на первоначальном этапе обучения» [14, с. 54]. А. Г. Басова подчеркивает успешную деятельность Зыгмунта, который «обучал своих воспитанников, пользуясь сочетанием дактильной, жестовой, устной и письменной речи» [4].

Тем не менее, следует согласиться с тем, что «на всем протяжении всей истории российская сурдопедагогика ...развивалась в парадигме мировой сурдопедагогике, и прежде всего европейской. Однако, несмотря на то, что первыми руководителями первой Российской школы для глухих (Санкт-Петербург, 1806–1810 гг.) были иностранцы – сторонники “мимического метода”, внедрить “мимический метод” не удалось» [15, с. 180].

Учитывая, что Зыгмунт в своей новаторской работе использовал «смешанный метод» обучения глухих (жестовый язык, дактильная, письменная и устная речь) [5], можно утверждать, что он был автором первой русской дактильной азбуки. Несмотря на то, что не сохранилось изображение русской дактилологии того периода, подлинность рисунка, который приводит в своем учебном пособии И. Ф. Гейльман, по мнению автора исследования, не соответствует действительности [16]. Однако, если изучить гравюру Ивашенцева 1821 г. (глухой), то мы заметим, что у него отсутствует дактилема «С», вместо нее используется конфигурация «Э», которая в польской азбуке обозначает «С». Возможно, что дактилема осталась от авторской разработки А. Зыгмунта. Кроме этого, аналогично отражены дактильные знаки «I» как во французской, так и белорусской дактилологиях.

Русский дактильный алфавит
(рисунок Н. Ивашенцева, 1821 г.)

Польский дактильный алфавит
(рисунок А. Сквары, начало XIX в.)

В любом случае, можно предположить, что дактилема «Э» принадлежит Зыгмунту как создателю польской и русской дактильных систем,

о чем свидетельствует сохранившаяся гравюра польского художника первой половины XIX в., учащегося Варшавского института глухонемых Адама Сквары. Польский дактильный алфавит, кодифицированный в 1805 г. Ансельмом Зигмунтом или в 1816 г. Якубом Фальковским (основатель и директор Варшавского института, родился в Гродненской губернии), был издан в первом сборнике иллюстраций отдельных дактилограмм в 1869 г. Гравюра, написанная студентом А. Скварой (глухой), опубликована князем Генрихом Людвигом Любомирским [18]. Следует акцентировать внимание на том, что первое сообщение об использовании пальцевой азбуки относится к XII в. – монахи-цистерцианцы, приняв обеты молчания, разработали для собственного пользования сборник дактилограмм. В 1562 г. Джованни Баттиста делла Порта, живший в Неаполе, описал пальцевую азбуку в своей книге «De furtivis literarum notis». Первым, кто дал полное описание с иллюстрациями «латинского» дактильного алфавита, используемого в монастырях и в обучении глухих, был Фрай Мельхиор де Верба («Refugium informorum», 1593 г.). Первооткрывателем широкомасштабного использования пальцевой азбуки в обучении глухих был испанский монах-бенедиктинец Педро Понсе де Леон [19].

Таким образом, можно утверждать, что первая «русская дактилология» была разработана в начале XIX в. и в ее основе лежит французская пальцевая азбука (а та, в свою очередь, имеет испанские корни)» [20, с. 93], в том числе и польская, что связано с генеалогией белорусской дактильной системы.

К началу 1807 г. количество глухих детей в Павловской крепости увеличилось, их количество составляло 9 учеников (4 мальчика и 5 девочек). В январе в училище поступил на учебу Александр Меллер (автор воспоминаний о А. Зыгмунте) со своим братом Борисом, а в марте – дети секунд-майора Михаил, Анна и София Наумовы, через год к ним присоединилась солдатская дочь Прасковья Яковлева. Таким образом, в последний год своей педагогической деятельности в Павловске А. Зыгмунт обучал 10 глухих детей [1].

Существуют две версии отъезда Зыгмунта из Павловска. По мнению белорусского исследователя И. М. Боблы, первая из них связана со здоровьем профессора, на которое, возможно, повлиял северный климат, учитывая его возраст, о чем также пишет польский исследователь Б. Щепановский, ссылаясь на тот факт, что его часто во время болезни заменял священник А. Кимборович. Подобную версию обозначил И. М. Бобла. Однако, А. Г. Басова указывает на «светскость преподавания; она (императрица) считала, что во время обучения детям недостаточно внушались религиозные понятия и догмы» [1; 4, с. 121; 7]. Вторая версия – неудовлетворенность императрицы, стремившейся внедрить западноевропейский подход – французскую «мимическую систему», учитывая, что учебное заведение

планировалось расширить. Об этом в 1808 г. императрица писала директору Парижского института глухонемых аббату Сикару: «Я не имею причины быть недовольной преподавателем, который у меня; но он никогда не видал ни вашего заведения, ни ваших приемов. Поэтому я не вполне уверена, достаточно ли он знающ и действительно ли может наилучшим образом вести свое дело. Мне же это важно, так как со временем я располагаю увеличить мое училище» [21].

Следует заметить, что Мария Федоровна, находившаяся под влиянием Валентина Гаюи (известный французский благотворитель, педагог по приглашению Александра I в 1806 г. прибыл в Россию, чтобы создать в Санкт-Петербурге учебное заведение для людей с полной или частичной потерей зрения. По просьбе родителей его частные уроки в 1811 г. посещали А. Меллер и его брат), ни слова не упоминает о здоровье А. Зыгмунта и вообще не называет его имя. В том же письме она просит Сикара взять «к себе на выучку» в Париж человека, который, овладев французским методом обучения глухих, смог бы применить его в России [21; 22].

Так, по мнению автора данного исследования, отъезду Зыгмунта способствовали две причины: ухудшение его здоровья и недоверие к нему императрицы Марии Федоровны, желавшей расширить училище и внедрить в обучение метод Шарля-Мишеля де л'Эпе, рекомендованный Валентином Гаюи.

Рош-Амбруз Кукуррон Сикар

Валентин Гаюи

В начале марта 1810 г. Ансельм Зыгмунт вместе со своим учеником Янеком Раецким отбыл из столицы. Труды его были оценены по достоинству – каждый год Зыгмунт получал в знак монаршей милости бриллиантовый перстень. Перед отъездом из Санкт-Петербурга первый учитель

Императорского училища глухонемых Российской империи, профессор А. Зыгмунт был награжден императором Александром I орденом Владимира IV степени за заслуги в организации образовательного процесса в институте глухонемых [1], несмотря на это, его имя редко упоминалось в исследованиях историков.

Императрице удалось осуществить задуманное. 22 февраля 1810 г. в присутствии почетных гостей новый учитель Ж. Жоффре открыл Институт глухонемых, переместившийся в здание Воспитательного дома на Выборгской стороне. Затем он торжественно был открыт на углу Гороховой улицы и набережной реки Мойки, получивший статус Императорского училища глухонемых Ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны. Число учащихся увеличивалось: в 1811 г. в нем было 23 ученика, а в 1815 г. – 49 [11, с. 121]. За весь период с 1810 по 1910 г. в одном из лучших в мире Императорском училище глухонемых обучалось 2205 учеников, среди которых были неслышащие из Беларуси и Литвы [11, с. 15, 515–516; 12], успешно социализированные в обществе [3].

Дальнейшая судьба Института глухонемых в Вильна оказалась в зависимости от Виленского университета, ибо ксендзы-миссионеры не смогли своевременно разыскать и истребовать завещанные покойным епископом Яном Коссаковским 6 тысяч злотых на создание института и обратились за помощью к университету.

Ян Снядецкий
(Иван Андреевич Сняецкий)

Алексей Кириллович
Разумовский

В декабре 1810 г. ректор Виленского университета И. А. Сняецкий в письме министру просвещения Российской империи А. К. Разумовско-

му заявил о готовности университета участвовать совместно с обществом миссионеров в создании Института глухонемых в Вильна. Ознакомившись с проектом плана обучения и воспитания глухонемых, составленным А. Зыгмунтом, Совет университета выделил на строительство института 2000 руб. серебром из сумм, предназначенных для строительства школ в Гродненской губернии. Таким образом, можно предположить, что кандидатами на обучение в Виленском институте глухонемых могли быть и белорусы, тем более что ксендзы-миссионеры обязались бесплатно обучать двух бедных глухих мальчиков по рекомендации университета. Министр просвещения Российской империи одобрил действия университета и предложил, если позволят средства, обучать глухонемых детей, а также назначить помощника учителя, чтобы в случае болезни или смерти А. Зыгмунта деятельность Виленского института глухонемых не прерывалась [1; 7].

Ансельм Зыгмунт до конца своей жизни преподавал немецкий язык в Духовной семинарии Конгрегации, а также в частном порядке обучал двух глухих детей, одним из них был Янек Раецкий. Кроме этого, он был советником Литовского воеводства Конгрегации в течение шести лет, а с 1835 г. Зыгмунт служил приходским священником в Виленской церкви Вознесения миссионеров на Спасской горе [8; 9].

Только в 1832 г. при Виленском университете состоялось открытие финансируемого им института глухих под руководством сурдопедагога Кароля Молоховца [23].

Винцент-Ансельм Зыгмунт является первым сурдопедагогом Российской империи и организатором учебно-воспитательной работы в Санкт-Петербургском училище глухонемых, автором первой программы обучения глухих. Зыгмунт – один из инициаторов создания Института глухонемых при Виленском университете, автор первой польской и русской дактилологии в XIX в., которые сформированы на основе французской, что в последствии отразилось при создании белорусской дактилологии.

Список использованных источников

1. *Szczepankowski, B.* Książdz Anzelm Zygmunt – pierwszy surdopedagog polski / B. Szczepankowski // Szkoła Spec. – 2007. – № 5. – S. 342–346.
2. Sign languages [Electronic resource] // The world atlas of languages structures online / ed.: M. Dryer, M. Haspelmath. – Leipzig, 2013. – Mode of access: <http://wals.info/chapter/s9/>. – Date of access: 12.01.2022.
3. *Мелеховец, В. Ф.* Проблема глухих в Российской империи в XIX – начале XX вв. / В. Ф. Мелеховец // Науч. труды Респ. ин-та высш. шк. Сер.: Ист.-пед. науки: сб. науч. ст.: в 4 ч. / Респ. ин-т высш. шк.; редкол.: В. А. Гайсенко (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 21, ч. 2. – С. 38–56.
4. *Басова, А. Г.* История сурдопедагогики: учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов / А. Г. Басова, С. Ф. Егоров. – М.: Просвещение, 1984. – С. 119–126.

5. Бобла, И. М. История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие / И. М. Бобла, И. Ю. Макавичик. – Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2010. – 180 с.
6. O Instytucie Gluchoniemych mającym się zaprowadzić u x.x. Misionarzew w Wilnie. 1805 r. // Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 721. Ap. 1. B. 463. A. 1.
7. Buikauskienė, R. A. Zygmontas – pirmasis Lietuvos, Lenkijos, Rusijos surdopedagogas / R. A. Buikauskienė // Akiratis. – 2019. – № 3. – S. 10–11.
8. Buikauskienė, R. Kunigas A. Zygmuntas – pirmasis Lietuvos, Lenkijos, Rusijos surdopedagogas / R. Buikauskienė // Akiratis. – 2019. – № 4. – S. 11.
9. Szczepankowski, B. Z historii polskiej surdopedagogiki – trudne początki / B. Szczepankowski // Studia Edukacyjne. – 2017. – № 45. – S. 95–106.
10. Учреждение Опытного Училища в Павловске. 1806 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 759. Оп. 18. № 58. Л. 111.
11. С.-Петербургское училище глухонемых (1810–1910): ист. очерк / сост. Н. М. Лаговский. – СПб.: Училище глухонемых, 1910. – 590 с.
12. Обь основаніи училища глухоньмых въ С. Петебурге // Русский архив. – 1872. – № 5. – С. 1009–1013.
13. Wolfgang, A. Rys historyczny usiłowañ w uczeniu głuchoniemych i zakładów na ten cel przeznaczonych / A. Wolfgang. – Wilno: [b. w.], 1830. – 315 s.
14. Зайцева, Г. «Билингвистический подход» как система обучения глухих детей / Г. Зайцева // Дверь в большой мир: билингвистическое обучение глухих. – М., 2020. – С. 53–55.
15. Зайцева, Г. Билингвистическое обучение глухих (российский опыт) / Г. Зайцева // Дверь в большой мир: билингвистическое обучение глухих. – М., 2020. – С. 180–181.
16. Гейльман, И. Ф. Дактилология: учеб. пособие / И. Ф. Гейльман. – Л.: Ленингр. восстан. центр Всерос. о-ва глухих, 1981. – 88 с.
17. Литография. И. Ивашенцева (N. Ivachenzoff) // Журн. Император. человеколюбивого о-ва. – 1821. – Ч. XVII. – Послед. обл. журн.
18. Szczepankowski, B. Nielyszący-głusi-głuchoniemi. Wyrównywanie szans / B. Szczepankowski. – Warszawa: Szkolne i ped. społ. akcyjna, 1999. – 390 s.
19. Szczepankowski, B. Język migowy w terapii / B. Szczepankowski, D. Koncewicz. – Łódź: Wyższa Szkoła ped., 2008. – 247 s.
20. Комарова, А. А. Сообщество глухих и жестовый язык / А. А. Комарова. – М., 2020. – С. 92–93.
21. Письмо императрицы Марии Феодоровны къ начальнику парижскаго училища глухонемых аббату Сикару // Русский архив. – 1877. – № 2. – С. 147–149.
22. Скребицкий, А. И. Создатель методов обучения слепых Валентин Гаюи в Петербурге: [соч. по арх. источникам] / А. И. Скребицкий. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1886. – 90 с.
23. Карвялис, В. Обучение аномальных детей в Советской Литве / В. Карвялис. – Вильнюс: [б. и.], 1981. – С. 150–151.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Д. А. Мизун

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. Migun

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476: 430)(091)

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ПОСЛЕРАПАЛЛЬСКИЙ ПЕРИОД

DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-GERMAN CULTURAL AND SCIENTIFIC TIES IN THE POST-RAPAL PERIOD

В статье подробно исследуется процесс развития белорусско-германских культурных и научных связей в 20-х гг. XX ст. На основании тщательного анализа архивных, статистических, программных документов и теоретических концепций, автор приходит к выводу, что после подписания Рапальского договора и договора о распространении германско-российских договоренностей на БССР германо-белорусские культурные связи заметно активизировались. Особый импульс их развитию был придан в 1926 г., когда было организовано Белорусское общество культурной связи с заграницей, ставшее филиалом союзного.

Ключевые слова: Германия; Веймарская республика; Рапальский договор; научные связи; культурные контакты.

The article examines in detail the process of development of Belarussian-German cultural and scientific ties in the 1920s. XX Art. Based on a thorough analysis of archival, statistical, program documents and theoretical concepts, the author comes to the conclusion that after the signing of the Treaty of Rapallo and the agreement on the extension of the German-Russian agreements to the BSSR, German-Belarussian cultural ties noticeably intensified. A special impetus to their development was given in 1926, when the Belarussian Society for Cultural Relations with Foreign Countries was organized, which became a branch of the union.

Keywords: Germany; Weimar Republic; Treaty of Rapallo; scientific ties; cultural contacts.

После подписания Рапальского договора и договора о распространении германско-российских договоренностей на БССР германо-белорусские культурные связи заметно активизировались. Особый импульс их развитию был придан в 1926 г., когда было организовано Белорусское общество культурной связи с заграницей, ставшее филиалом союзного.

С германской стороны наиболее выдающейся стала деятельность Товарищества по содействию развитию германской науки. С белорусской стороны большую роль в научных и культурных контактах играл Белорусский государственный университет, Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Особенно большой вклад в развитие культурных и научных связей Беларуси и Германии вносило Белорусское общество культурной связи

с границей (БелОКС). БелоОКС было создано в апреле 1926 г. [1, с. 198]. Как указывалось в журнале «Польмя» «организационное бюро в составе Д. Жилуновича, А. Цвикевича и С. Гельтмана начало вербовку членов БелОКС. Общество имеет своей целью широко провести свою работу и в свой план деятельности включает публичные доклады о соседних с БССР странах, а также издание соответствующей литературы, которая будет знакомить Запад с очевидными успехами культурного и экономического строительства в БССР» [1, с. 198]. Его устав был утвержден СНК БССР 2 октября 1926 г.

П. К. Кравченко указывает на то, что «создание БелОКС предопределило значительную интенсификацию международных контактов Советской Белоруссии, а также способствовало увеличению количества их форм и методов» [2, с. 19]. Далее он указывает на то, что «к числу основных форм белорусско-германского научного и культурного сотрудничества следует отнести взаимный обмен делегациями деятелей культуры, науки и искусства, участие в международных выставках, научных конгрессах и съездах, подготовку научных кадров за границей, помещение информации о политических, экономических и культурных достижениях молодой национальной республики в иностранной периодике, гастроли белорусских артистов, книгообмен, переводческую деятельность. Особую роль играли поездки за границу представителей белорусской науки и культуры, способствовавшие распространению за рубежом правды о жизни Советской страны» [2, с. 19].

В БГУ активно занимались европейской историей, и предпочтение отдавалось именно истории немецкого народа. Об активности книгообмена говорят следующие цифры: только за октябрь 1926 г. из Германии было получено 3622 книги, туда из БССР была направлена 351 книга [3, л. 3].

Белорусская государственная библиотека наладила книгообмен с библиотеками Лейпцигского, Магдебургского, Франкфуртского и Мюнхенского университетов. Последний только за 1928 г. выслал белорусской библиотеке более ста своих диссертаций.

В 1921 г. германская сторона получила от белорусского правительства заказ на издание учебников по арифметике, алгебре, грамматике. В их числе – «Грамматика» Б. Тарашкевича, «Алгебра» (ч. 1) А. Круталевича [4, с. 49]. В Берлине также были изданы две книги Т. Гартного (Д. Жилуновича) – стихотворения «Песні працы і змагання» и роман «Сокі цаліны» (вернее, первая его часть «Бацькава Воля»); «Казкі» Я. Коласа. Всего в 1921–1922 гг. в Германии было издано для Беларуси девять книг общим тиражом 131 тыс. экземпляров [4, с. 49].

В русле политики 1920-х гг. было разрешено пропагандировать национальную культуру. В БССР проводилась политика белорусизации. Для того чтобы сведения о белорусских научных учреждениях и деятелях культуры были помещены в германском ежегоднике «Minerva. Jahrbuch der gelehrten

Welt» («Минерва. Ежегодник научного мира»), одним из наиболее крупных мировых изданий, необходимо было посредничество Всеобщего (союзного) товарищества культурной связи с зарубежьем.

В связи с проявлением большого интереса к белорусской культуре (БелОКС) начало издавать книги на иностранных языках. На немецком языке вышли работа И. Симоновского «Белорусская государственная библиотека» (1928) и сборник статей «Белорусская культура» (1928), который дает общее представление о ее развитии в 1917–1927 гг. Эти работы заслуживают уважения, так как появились благодаря инициативе белорусской интеллигенции, направленной на знакомство с культурой народа в Германии.

О событиях культурной жизни в БССР публиковались сведения в следующих немецких журналах: «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»), «Zeitschrift für slavische Philologie» («Журнал славянской филологии»), «Slavische Rundschau» («Славянское обозрение»), «Ost-Europa» («Восточная Европа»), «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» («Ежегодник по культуре и истории славян») [5, с. 85].

В 1925 г. профессорами Берлинского университета М. Фасмером и Р. Траутманом была основана серия «Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte» («Очерк по славянской филологии и истории культуры»), в которой в 1926 г. вышла работа Я. Карского «История белорусского устного народного творчества и литературы». Германские слависты М. Фасмер и Р. Траутман высоко оценили это издание. Они считали, что работа не имеет себе равных среди изданий 1920-х гг. в области белорусской филологии. Книга ученого на протяжении десятилетий была важным источником по белорусистике для германских славистов. А то, что первый отклик на эту работу появился в журнале «Ost-Europa» только спустя четыре года после ее издания, свидетельствует о низком уровне осведомленности германских славистов в области белорусской культуры.

Германские ученые и писатели стремились ознакомить общественность своей страны со славянским фольклором. В 1926 г. Институтом библиотекации в Лейпциге был издан сборник германского ученого П. Айснера «Народные песни славян». Здесь в числе других были опубликованы 42 белорусские песни [6]. Подборка песен сделана так, чтобы ярко отобразить жизнь народа, его характер и душу.

В 1926 г. Президиум Инбелкультуа пригласил на Академическую конференцию по вопросам реформы белорусского правописания и азбуки германских славистов М. Фасмера и Е. Бернекера. Ученые приняли участие в этом мероприятии.

Стремительное развитие белорусской литературы привлекло внимание к ней и в Германии. Наиболее важным стало издание антологии Е. Кальмера «Европейская лирика современности. 1900–1925». Там были опубликованы произведения белорусских поэтов Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича,

3. Бядули [7]. Из множества антологий, которые издавались на землях Германии в XIX–XX вв., это был первый случай, когда публиковались произведения белорусской художественной литературы.

Одним из эффективных средств ознакомления германской общественности с культурой Беларуси стало ее активное участие в многочисленных выставках: книжной в Лейпциге (1927), Международной книжной в Кёльне (1928), берлинской выставке 1928 г. с демонстрацией экспонатов отдела просвещения и земледелия, а также в выставке печати в Кёльне (1929).

Германско-белорусский диалог культур в это время был многосторонним. Важным для БССР было ее участие во всемирной выставке народных инструментов во Франкфурте-на-Майне (1927). Огромным успехом на ней пользовались белорусские музыкальные инструменты. Артисты, выступавшие в белорусских национальных костюмах и на фоне белорусских декораций, создали яркий портрет народной художественной культуры, мало известной в то время в Германии.

В июле – сентябре 1927 г. БССР в составе союзной делегации участвовала в международной музыкальной выставке «Музыка в жизни народов», проходившей в германском городе Франкфурте-на-Майне. Здесь прекрасно выступили певица из Минска Л. Александровская и цимбалист Т. Новицкий. В белорусской столице гастролировал профессор Берлинской консерватории Э. Петри.

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) газеты «Звезда», в номере от 25 февраля 1930 г. в статье под названием «Первая выставка пролетарской культуры в Берлине» [8] говорилось о том, что «22 февраля в центре Берлина, на Потсдамской площади открылась “Первая все немецкая выставка пролетарской культуры”» [8]. Данная выставка была организована немецкими революционными культурно-просветительскими организациями. Целью данной выставки, как указывалось в статье, был показ развития пролетарской культуры в Советском Союзе и в капиталистических странах [8]. В статье также отмечается, что «...при входе размещены экспонаты немецкого союза сторонников СССР. В отделе “Правда о Советском Союзе” тщательно собраны материалы, которые очевидно показывают клевету социал-демократической и буржуазной печати на СССР и показывают зрителям настоящую картину социалистического строительства» [8]. Также на выставке был широко представлен материал антирелигиозного и атеистического характера. Выставочный комитет отвел много места на выставке различным революционным издательствам, так как «пролетарская книга является важным средством в освободительной борьбе рабочего класса» [8]. Большой популярностью на выставке пользовался отдел союза пролетарских театров, где ежедневно давались представления. Далее в статье

говорится о том, что «на “Первой всенемецкой выставке пролетарской культуры” был представлен также союз киноорганизаций, материалы которого знакомят посетителей с резкими разногласиями между кино в капиталистических странах, где оно используется для того, чтобы отвлечь внимание рабочих от борьбы с эксплуататорами и в Советском Союзе, где кино является мощнейшим средством политического воспитания трудящихся» [8]. Также в выставке принял участие ряд пролетарских, спортивных, музыкальных и иных организаций.

Оживленное сотрудничество наблюдалось между Беларусью и Германией и в области киноиндустрии. 17 декабря 1924 г. на основании постановления СНК БССР «Об урегулировании кинодела БССР» было образовано Управление по делам кино (Белгоскино) [9, с. 66]. Белгоскино вменялось в обязанность руководство производством, покупкой, продажей и прокатом кинофильмов, как отечественных, так и зарубежных. Сразу же началась переписка Белгоскино с торговым представительством СССР в Берлине по вопросам проката германских кинофильмов и закупки киноаппаратуры в Германии.

Белгоскино наладило контакты с некоторыми немецкими кинофирмами с целью совместных кино съемок художественных фильмов. В августе 1928 г. заведующий Белгоскино А. И. Галкин сообщал Белгосторгу, что «заключил договор с немецкой фирмой «Гомфильм» на совместную съемку двух кинофильмов и их эксплуатацию и что эти фильмы будут проданы в другие страны» [9, с. 67].

Правительственные органы и общественные товарищества БССР принимали многочисленные меры для более широкого распространения белорусской культуры за границей, в том числе и в Германии. Большую роль сыграло здесь (БелОКС) и особенно председатель этого учреждения – Т. Гартный. С первых дней существования товарищества в число его членов вошли Белорусское государственное издательство, Инбелкульт, Первый белорусский государственный театр, а также более сорока частных лиц, среди которых – Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный, М. Чарот – известные представители интеллигенции БССР.

БелОКС, Народный комиссариат просвещения БССР, Инбелкульт, крупнейшие учебные заведения республики провели во второй половине 1920-х гг. большую работу по организации заграничных командировок, в том числе и в Германию, содействовали участию белорусских ученых в международных мировых конференциях, планировали поездки писателей и деятелей искусства. Но деятели науки и культуры БССР были вынуждены пропагандировать «ценности» мировой пролетарской революции и классовой борьбы, т. е. вести политическую и идеологическую агитацию, что запрещалось договоренностью от 1922 г. Это в Германии было замечено

и наконец, привело к недоверию и идеологической враждебности. Взаимное недоверие снижало результативность германско-белорусских культурных связей.

Как следует из «Плана заграничных командировок научных сотрудников вузов БССР в 1926–1927 гг.» за подписью Заместителя Народного комиссара образования Волосевича, за пределы Белоруссии и в том числе в Германию планировалось отправить в общей сложности 31 ученого [3, л. 105–107]. Среди научных работников высших учебных заведений, которые командировались Комиссариатом образования с научной целью в Германию, были:

1. С. Вольфсон, профессор кафедры материализма БГУ.
2. В. Перцев, профессор кафедры всеобщей истории БГУ.
3. М. Прилежаев, профессор кафедры органической химии БГУ.
4. С. Лебёдкин, профессор кафедры нормальной анатомии БГУ.

5. М. Медиш, профессор кафедры фитопатологии Белорусской государственной академии сельского хозяйства, и другие ученые [3, л. 18, 18 об. 23, 39].

Ознакомление белорусской интеллигенции с научной и культурной жизнью Германии было многогранным. Эту страну посетили в 1925 г. Я. Купала, Т. Гартный, М. Чарот (М. Куделька). В 1927 г. в соответствии с постановлением № 112 Народного Комиссариата Просвещения БССР от 6 июля 1927 г. «Об иностранных командировках белорусских писателей» в Германию для ознакомления с бытом и культурными достижениями выезжали Д. Жилунович (Т. Гартный), М. Куделька (М. Чарот), М. Косенков (М. Зарецкий) [3, л. 203]. В Берлине они встречались с пролетарским писателем И. Бехером, который согласился стать постоянным сотрудником белорусского журнала «Польмя». Белорусские писатели встретились и с германским автором Г. Полем, редактором журнала «Die neue Bücherschau» («Новое книжное обозрение»). С ним также было налажено сотрудничество.

К сожалению, имел место очень сильный контроль со стороны государственных органов и учреждений за командировками ученых. Госорганы на основании письменных обоснований самих ученых и ряда ходатайств со стороны руководства вузов решали, разрешить или нет тому или иному ученому зарубежную командировку. Это отчетливо видно на личном примере преподавательницы Горьцкого рабочего факультета К. Соловьевой, которая потратила много времени и усилий, но так и не смогла получить командировку в Германию с целью совершенствования знаний немецкого языка [3, л. 8–15, 130–141]. Придирчивое и во многом субъективное, некомпетентное отношение к ученым со стороны властей, плохое знание иностранных языков, в том числе немецкого, и ряд иных факторов отрицательно влияли на развитие белорусско-германских научных и культурных связей.

Свою роль в расширении белорусско-германских культурных сыграл журнал «Польмя». Он систематически информировал читателей о том, как воспринимают белорусскую культуру за границей. С 1927 г. здесь публи-

ковались также переводы произведений классической и современной иностранной, в том числе и немецкой литературы, критические статьи, отзывы и рецензии на издания.

В январе 1929 г. в Москве была проведена неделя германской техники, которая была подготовлена обществом «Культура и техника» и союзом германских инженеров. На страницах всебелорусской ежедневной газеты «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ в номере от 8 января 1929 г. сообщалось, что «в Москву через Минск проехала группа немецких ученых, которые примут участие в проведении в Москве «недели немецкой техники», организуемой обществом «Культура и техника» и союзом германских инженеров» [10]. Далее в сообщении речь шла о том, что «вопросы, которые будут освещаться германскими учеными в их докладах, являются для нашего хозяйственного строительства чрезвычайно своевременными и актуальными. Однако, не только для научных и руководящих кругов, но и для огромных масс технических работников Советского Союза устраиваемая «неделя» будет иметь большое значение» [10]. Германский посол господин фон-Дирксен получил приглашение выступить на заседании, посвященном торжественному началу недели [11]. В интервью специальному корреспонденту газеты «Рабочий», которое германский посол дал 6 января 1929 г. на белорусской станции Негорелое он заявил: «Я всегда близко интересовался вопросами культурного сближения и обменом научными достижениями между Германией и СССР. Значение недели германской техники, начавшейся сегодня в Москве, несомненно велико хотя бы уже потому, что в ней участвуют лучшие представители германской технической мысли. Из Германии для участия в неделе техники в Москву придут 14 виднейших ученых. Надеюсь, что вторая научная неделя послужит укреплению дружеских отношений между Германией и СССР и еще больше разовьет обмен научными мыслями между этими странами» [11].

В газете «Рабочий» в статье «Неделя германской техники» в номере от 10 января 1929 г. сообщалось, что «вечером 8 января в актовом зале первого Московского Государственного Университета состоялось заседание, посвященное «неделе германской техники» [12]. Заседание открыл член коллегии НКВД СССР, председатель общества «Культура и техника» Б. С. Стомоняков. Он указал на то, что «Германия, заняв среди всех стран первое место в товарообмене с СССР, занимает также первое место в обмене культурными ценностями с нашей страной» [12]. Также он отметил, что «советское государство и советская общественность особенно заинтересованы в перенесении из Германии итогов работы тех отраслей науки, которые имеют решающее значение для индустриализации нашей страны и реконструкции сельского хозяйства» [12]. Германский посол Герберт фон Дирксен в своем приветственном обращении к участникам торжественного заседания отметил, что «среди различных видов совместной деятельности, которая уже в

течение ряда лет происходит между Германией и Советским Союзом, совместная деятельность на поприще техники дала самые яркие результаты и принесла обоим народам наибольшую пользу» [12]. «Тот факт, что союз германских инженеров с радостью принял предложение общества «культура и техника» относительно совместного устройства «недели», ясно подчеркивает готовность германского технического мира делиться с Советским Союзом результатами своих теоретических изысканий и практическим опытом и одновременно пользоваться плодами достижений советской науки» [12].

Старшины германской ученой делегации профессора Мюллер и Матчос произнесли ответные речи. Профессор Мюллер в своем выступлении заявил, что «в СССР возник целый ряд новых крупнейших электростанций, и дело электрификации быстрыми темпами продвигается вперед» [12]. Профессор Матчос сказал, что «рад тому гостеприимству, с которым германских ученых встретили в СССР, и рад пригласить советских инженеров на ближайший съезд германских инженеров в Кенигсберге» [12].

Посольство Германии придавало большое значение проходившей в Москве неделе германской техники. В газете «Рабочий» в заметке «Прием у германского посла» в номере от 16 января 1929 г. говорилось о том, что «вечером 12 января германский посол Герберт фон Дирксен дал в помещении германского посольства прием по случаю происходившей в Москве недели германской техники» [13]. Перед отъездом в Берлин старшина германской ученой делегации профессор Мюллер отметил, что «мы покидаем СССР с чувством глубочайшего удовлетворения, так как нам был оказан здесь самый сердечный прием как советским правительством, так и общественными и научными организациями Москвы» [14].

После 1929 г. отмечается резкое уменьшение количества белорусских публикаций в германской славистической печати. Когда в 1929 г. их было 88, то в 1930 г. – всего 17, а в 1931 г. – 11. Причиной этого стало ухудшение отношений с Германией, в печати которой критиковались сталинская коллективизация, дискредитация и аресты в СССР ученых. Большинство журналов прекратили печатание белорусских материалов. Их ученые не присылали, опасаясь обвинения в шпионаже в пользу Германии.

Список использованных источников

1. Хроніка беларускае культуры // Польша. – 1926. – № 3.
2. *Кравченко, П. К.* Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. К. Кравченко; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1976. – 23 с.
3. Материалы о заграничных командировках сотрудников вузов БССР в связи с заграничными культурно-просветительными учреждениями / приказы, циркуляры, планы, протоколы, переписка и др. // НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 338.

4. *Ермаловіч, В.* З гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гг. XX стагоддзя / В. Ермаловіч // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / АДДЗ-не культуралогіі і духоўн. сувязей сусед. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі, Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі і навукі Рэсп. Беларусь; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 46–52.

5. *Брэдэрлоў, Н.* Беларусы – паміж вайной і мірам / Н. Брэдэрлоў // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / АДДЗ-не культуралогіі і духоўн. сувязей суседн. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі, Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі і навукі Рэсп. Беларусь; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 64–69.

6. *Volkslieder: Volkslieder der Slaven / Ausgewählt, übersetzt, eingeleitet und erläutert von P. Eisner.* Leipzig: Bibliographisches Institut, 1926–1927. – 560 s.

7. *Lyrik. Europäische Lyrik der Gegenwart 1900–1925 / In Nachdichtungen von Josef Kalmer.* – Wien; Leipzig: Verlagsanstalt Dr. Zahn und Dr. Diamant, 1927. – 319 s.

8. *Первая выставка пролетарской культуры в Берлине // Звезда.* – 1930. – 25 февр. – С. 1.

9. *Космач, В. А.* Вклад Белгоскино в развитие германо-белорусских культурных связей в годы Рапалло (1922–1932 гг.) / В. А. Космач // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 30 нояб. – 1 дек. 2000 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова; редкол.: В. А. Космач [и др.]. – Витебск, 2000. – С. 65–68.

10. *Через Минск проехала группа немецких ученых // Рабочий.* – 1929. – 8 янв. – С. 5.

11. *Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР // Рабочий.* – 1929. – 8 янв. – С. 5.

12. *Неделя германской техники // Рабочий.* – 1929. – 10 янв. – С. 1.

13. *Прием у германского посла // Рабочий.* – 1929. – 16 янв. – С. 5.

14. *Отъезд германских ученых из СССР // Рабочий.* – 1929. – 17 янв. – С. 1.

(Дата подачы: 03.02.2022 г.)

Н. А. Мизярска

Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова, Витебск

N. Miziarska

Vitebsk State University named after P. M. Masherova, Vitebsk

УДК 930.85:323.311(476.5)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

CHARITABLE ACTIVITY AND PATRONAGE ON THE TERRITORY OF VITEBSK PROVINCE IN THE LAST THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

В статье характеризуется благотворительная деятельность и меценатство в Витебской губернии, начиная с 1860-х гг. до 1917 г. В работе рассматриваются процессы становления государственных благотворительных обществ и заведений, а также развитие частной благотворительности. Приходим к выводу о распространении в этот период благотворительных учреждений и обществ, увеличение частных пожертвований способствовало открытию средних школ, приютов для детей-сирот, лечебниц. Развитие этой сферы являлось показателем интенсивного формирования культурного пространства Витебщины в данный период.

Ключевые слова: благотворительные учреждения; меценатство; Витебская губерния; дворянство.

The article characterizes charitable activities and patronage in the Vitebsk province, starting from the 1860s until 1917. The paper examines the processes of formation of state charitable societies and institutions, as well as the development of private charity. Thus, it can be concluded that the spread of charitable institutions and societies, the increase in private donations contributed to the opening of secondary schools, orphanages, hospitals. The development of this sphere was an indicator of the intensive formation of cultural space in the Vitebsk province.

Keywords: charitable institution; patronage; Vitebsk province; nobility.

Проблема благотворительности является значимой для любой эпохи и для любого общественного строя, так как она является одной из составных частей культуры человека. Эта тема по различным причинам актуальна и сегодня. Во-первых, в современном обществе в условиях глобализации и унификации культуры теряются традиции, и опыт прошлых поколений, связанный с организацией помощи социально-незащищенным членам общества, является очень важен. Во-вторых, исследование культурного пространства региона невозможно без анализа таких явлений, как меценатство и благотворительность. Вместе с тем тема развития благотворительности в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. является

мало исследованной. Кроме некоторых общих работ, посвященных всей российской территории, эта проблематика не нашла отображения в научных исследованиях.

Цель данного исследования – проанализировать состояние общественной и частной благотворительности в Витебской губернии в последней трети XIX – начале XX в.

Радикальные общественные реформы Российской империи 1860-х гг. стали благоприятной почвой для развития благотворительности, которая считалась престижным делом – светским, общественным, государственным и международным [1, с. 297–298]. В белорусских губерниях и уездах развитие благотворительной деятельности имело некоторые особенности. Так, в сравнении с центральной частью Российской империи, она сдерживалась со стороны местных властей, что в свою очередь было связано с периодом репрессий и русификацией после восстания 1863–1864 гг. [2, с. 13–15].

Благотворительные учреждения в последней трети XIX – начале XX в. разделялись на две категории – общества и заведения. Благотворительные общества являлись добровольными союзами лиц, а иногда и учреждений, которые помогали нуждающимся. Благотворительные общества, как правило, возникали по частной инициативе и состояли из неограниченного числа членов, избравших из своей среды исполнительный орган учреждения. Общества могли организовывать и руководить благотворительными заведениями. В 1860-х гг. открытие благотворительных обществ было законодательно закреплено, что в свою очередь повлияло на рост благотворительных учреждений. Благотворительные заведения открывались как при обществе, так и частными лицами [3, с. 96–97].

В середине XIX в. благотворительность в Витебской губернии была представлена рядом направлений: официальная (или казённая), полуофициальная и частная. Казенная и полуофициальная благотворительность была направлена на учреждения по воспитанию детей, призрения неимущих и подкидышей, на тюрьмы. Так, к числу Витебских казенных учреждений относился детский приют и городская богадельня с отделением презрения для подкидышей. Частная благотворительность, как правило, проявлялась в тайне и была выражена денежной помощью и продуктами питания для тюрем, а также на содержание богадельней при церквях [4, с. 227–231].

В конце XIX – начале XX в. в губернии действовал ряд заведений общественного презрения и благотворительных учреждений. К ним относилась богадельня Витебского Приказа общественного презрения, в которой призревалось в 1896 г. 56 человек. В связи с отсутствием в Витебской губернии воспитательных домов, все дети-подкидыши поступали в Приказы общественного презрения, а дальше определялись на воспитание различным лицам до восьмилетнего возраста. По достижению определенных лет, эти дети либо оставались в семьях, либо возвращались в Приказ, а далее,

в зависимости от способностей и физического развития, поступали в приюты или мастерские. Таких воспитанников насчитывалось 58 человек. Из благотворительных учреждений Ведомства Императрицы Марии в Витебской губернии был создан приют для девочек-сирот и дочерей бедных родителей в возрасте от 7 до 17 лет. В 1896 г. в приюте содержалось 76 девочек, которые призревались в трех отделениях: младшем, среднем и старшем. Младшее и среднее отделение под руководством учителей изучали Закон Божий, русский и церковно-славянский языки, светское пение, швейное мастерство и вязание. Старшее отделение – отечественную историю, географию и естествознание, кулинарное искусство. Витебский приют для бедных мальчиков насчитывал в 1896 г. 35 воспитанников. Призреваемые в приюте мальчики обучались Закону Божьему, русской грамоте, пению и ремеслам: столярному, сапожному и переплетному. В богадельне благотворительного общества на протяжении 1896 г. находились 22 престарелые женщины. Дом трудолюбия, который был открыт 30 мая 1895 г., который помогал нищим людям, насчитывал 102 человека (44 мужчины, 46 детей и 12 детей). Призреваемые в отчетном году занимались различными работами, средства от которых поступали на их содержание в дом трудолюбия [5, с. 77–87].

В начале XX в. в Витебской губернии действовала Богадельня Витебского приказа общественного призрения. По данным на 1900 г. в ней призревалось 53 человека. Общественный Приказ содержал 69 детей-подкидышей [6, с. 61–62]. Важное значение имела также Богадельня ведомства управления по делам земского хозяйства. В 1904 г. в ней призревалось 66 человек. Также на попечении ведомства в том же отчетном году находилось 87 подкидышей. Приют для девочек Ведомства Императрицы Марии в г. Витебске призывал 74 девочки. Приют для бедных мальчиков состоял в городе Витебске и насчитывал 30 мальчиков. Приют под покровительством Императора Александра Федоровича Витебского благочинного общества насчитывал 50 девочек. Существовали также дот трудолюбия и богадельня, благотворительное Витебское общество мещан, приют Двинского общества призрения детей лиц, заключенных под стражу, а также дом трудолюбия, Двинская еврейская богадельня, Двинский крепостной детский приют имени государя императора Николая Алексеевича, богадельня в г. Невеле [7, с. 59–61].

Во второй половине XIX – начале XX в. в белорусских губерниях развивалась благотворительность в сфере образования, где общественность создавала различного рода ассоциации и общества вспомоществования нуждающимся учащимся различных учебных заведений, в первую очередь, средних. Эти благотворительные организации организовывались как в губернских городах, так и в самых отдаленных уездах. В начале XX в. на белорусских землях действовало 31 общество, единственной целью которых

было оказание помощи учащимся без учета благотворительных обществ и организаций, оказывающих такую помощь наряду с другими видами социальной поддержки различным категориям нуждающегося населения. Из них в Витебской губернии действовало 5 обществ [8, с. 57–59].

Всего в Витебской губернии на начало XX в. действовало 44 благотворительных общества, 70 благотворительных заведений и 56 заведений лечебной помощи [9, с. 1–10].

Огромный вклад в развитие благотворительности Витебской губернии внесли представители дворянского сословия, которые на свои денежные средства возводили храмы, открывали больницы и школы. Согласно завещанию графа И. А. Гильзена из имения Освея (современный г. п. Освея Верхнедвинского района Витебской области), который на протяжении своей жизни занимался благотворительностью, его наследникам предстояло жертвовать половину доходов с имений на благотворительные заведения и образование для детей бедных дворян [10, с. 128–129].

Известно, что в начале XX в. за часть средств из благотворительного фонда Шадурских был построен новый корпус мужской гимназии в городе Витебске, а также велось финансирование лучших учеников. В октябре 1911 г. на деньги фонда в Витебске обучались в реальном училище 105 человек, в 1914 г. – 178 человек, в 1915 г. – 227 человек [11, с. 83–84].

Как следует из источников, многие лица из обедневшего дворянского сословия Витебской губернии стремились определить своих детей на воспитание и обучение за счет благотворительного фонда графов Гильзено-Шадурских. Так, из записки дворянки за 1866 г. Витебского уезда Ефросиньи Подберезкой-Стрижевской к Витебскому Губернскому предводителю известно о прошении зачислить ее сына, Витольда Стриженского, ученика класса Витебской гимназии, в число конквикта на средства господина Шадурского по причине отсутствия денежных средств [12, л. 18].

Известно, что дворянин Лепельского уезда Титулярный советник Цезарий Егоров Стефановский от 7 июня 1866 г. просил направить своего сына Иосифа Стефановского, ученика 2 класса Витебской губернской гимназии, в конвикт Гильзено-Шадурского в связи с отсутствием средств на его воспитание [13, л. 28].

Из архивных документов известно, что в 1892–1903 гг. открывались пансионы при средних учебных заведениях Витебской губернии, на которые выделяли деньги частные благотворители. Так, граф Шувалов из Велижского уезда ежегодно жертвовал по 50 рублей на содержание пансионов при средних учебных заведениях Витебской губернии [14, л. 33].

В городе Витебске Софья Петровна Голицина, жена генерал-губернатора князя А. М. Голицына, на протяжении своей жизни активно занималась благотворительностью. Когда она выезжала верхом на лошади в сопрово-

ждении кавалькады парадно одетых адъютантов своего мужа, богатые горожане охотно приглашали ее в свои дома, где она реализовывала билеты на концерты или спектакли, которые потом шли на благотворительную деятельность [15, с. 256–257].

Представители высшего сословия Витебской губернии Гребницкие из имения Ореховно Лепельского уезда спонсировали обучение ремесленному мастерству в Петербурге молодых сельских жителей из своего имения [16, с. 103–104]. В местечке Ушачи Лепельского уезда Витебской губернии Л. Ивашевская и П. Реутт, которые в 1908 г. пожертвовали весь свой капитал 14 000 рублей – на строительство нового костела в Ушачах [17, с. 414].

В 1884 г. владельцы имения Улла, братья Хвостовы, спонсировали строительство Свято-Троицкой церкви, которая сгорела в результате пожара в 1882 г. Владелец местечка Бешенковичи граф Константин Хрептович-Бутенёв в начале XX в. принимал участие в возрождении Лавришевского мужского монастыря. Его стараниями был построен деревянный храм имени Святого Елисея, братский корпус и дом для паломников. Благотворительная деятельность К. Хрептовича получила признание и поддержку, его традиции благотворительности продолжал сын А. Хрептович, который содержал ланкастерские школы для 300 крестьянских детей в Бешенковичах и Щорсах [18, с. 45–46].

А. А. Римский-Корсаков (1849–1922 гг.) оставил после себя добрую память: недалеко от своего имения Бездедовичи построил Свято-Иверскую церковь, которая является памятником архитектуры псевдорусского стиля. На денежные средства помещика была возведена церковь в деревне Дубровка и школа. Римский-Корсаков являлся почетным опекуном Дубровского народного училища [19, с. 16–17].

Таким образом, общественные реформы Российской империи 1860-х гг. стали благоприятной почвой для развития благотворительности и меценатства. В Витебской губернии благотворительность делилась на официальную, или казенную, полуофициальную и частную. Казенная и полуофициальная благотворительность были направлены на учреждения по воспитанию детей, призрения неимущих и подкидышей, на тюрьмы. Частная благотворительность проявлялась в тайне и была выражена денежной помощью и продуктами питания для тюрем, а также на содержание богадельней при церквях. Во второй половине XIX в. в белорусских губерниях развивалась благотворительность в сфере образования, где различного рода ассоциации и общества помогали нуждающимся учащимся в различных учебных заведениях, в первую очередь, средних. В начале XX в. в Витебской губернии действовали 44 благотворительных обществ, 70 благотворительных заведений и 56 заведений лечебной помощи. Огромный вклад в развитие благотворительности Витебской губернии внесли представители дворянского сословия, которые на свои денежные средства возводили храмы, открывали больницы и школы.

Список использованных источников

1. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России: в 2 т. / под ред. П. И. Лыкошина. – СПб., 1901 – Т. 1. – Ч. 1. – 330 с.
2. Устав Благотворительного общества в Витебске: утв. 3 июня 1870 г. – Витебск: Губерн. тип., 1895. – 15 с.
3. *Шимукович, С. Ф.* Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века: монография / С. Ф. Шимукович. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 188 с.
4. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год / Витеб. губерн. стат. ком.; под ред. А. М. Сементовского. – СПб.: В тип. К. Вульфа, 1865. – 511 с.
5. Обзор Витебской губернии за 1896 год: приложение к всеподданейшему отчету Витебского Губернатора за 1896 год / Витебская Губернская типолитография, 1897. – 101 с.
6. Обзор Витебской губернии за 1900 год: приложение к всеподданейшему отчету Витебского Губернатора за 1900 год / Витеб. Губернская типолитография, 1901. – Ч. 1. – 87 с.
7. Обзор Витебской губернии за 1904 год: приложение к всеподданейшему отчету Витебского Губернатора за 1896 год / Витебская Губернская типолитография, 1905. – 194 с.
8. *Григорьев, А. Д.* Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.) / А. Д. Григорьев. – Минск: БГПУ, 2000. – 218 с.
9. Благотворительность в России. Список благотворительных учреждений. – СПб., 1901. – Т. 2. – С. 231.
10. Rostworowski, E. Hylzen Jan August / E. Rostworowski // Polski słownik biograficzny. – Т. 10. – Wrocław–Warszawa–Kraków 1962–1964. – S. 300.
11. Памятная книжка Виленского учебного округа за 1915 год / Тип. А. Сыркина. – Вильно, 1915. – 460 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2626. Оп. 2. Д. 421.
13. НИАБ. – Ф. 2626. Оп. 1. Д. 334.
14. НИАБ. – Ф. 2626. Оп. 1. Д. 422.
15. *Мизярска Н. А.* Культура дворянских сословий Витебской губернии в мемуарных источниках XX века / Н. А. Мизярска // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию Витебской учёной архивной комиссии, Витебск, 25–27 апр. 2019 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 255–258.
16. *Miziarska, N.* Majątek Hrebničkih w Orzechownie / N. Miziarska // Znad Wilii. – Kwartalnik. Wilno, 2017. – № 1(69). – S. 103–107.
17. *Żyskar, F. J.* Nasze kościoły. Archidiecezja Mohilowska / F. J. Żyskar, D. Baeczowski. – Warszawa. Petersburg, 1913. – Т. I. – 440 s.
18. *Буценеў, М. А.* Хронікі сям’і Храптовічаў-Буцяневых / М. А. Буценеў; пер. з рус. Вікі Трэнас. – Мінск: Галяфы, 2018. – 246 с.
19. *Платонова, Р. М.* Усадыба А. А. Римского-Корсакова в Полоцком районе / Р. М. Платонова // Вестник Полоцкого государственного университета. Прикладные науки. – Новополоцк: ПГУ, 2012. – № 16. – С. 14–18. – (Серия Ф. Строительство).

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

Л. В. Мікалаева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
Мінск

L. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 930:[94(438)+94(474.5)]

**АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАБЛЕМ КРЭЎСКАГА ДАГАВОРА
І ЭВАЛЮЦЫІ ЛІТВІНСКА-ПОЛЬСКІХ УЗАЕМААДНОСІН
У 1385–1392 ГГ. У ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ
XIX – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XX СТ.**

**REFLECTION OF THE PROBLEMS OF THE TREATY
OF KREVA AND THE EVOLUTION OF LITHUANIAN-POLISH
RELATIONS IN 1385-1392. IN POLISH HISTORIOGRAPHY
OF THE XIX – FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

У артыкуле выкладзены погляды польскіх гістарыкаў, якія займаліся вывучэннем Крэўскага пагаднення і эвалюцыі ўзаемаадносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каралеўствам Польскім у 1385–1392 гг. у XIX – першай трэці XX ст. Рэзюмэ выснова аб тым, што ў разглядаемы перыяд польскімі гісторыкамі быў зроблены значны ўклад у даследаванне дадзенай тэмы і створана поле для далейшых навуковых даследаванняў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае; Каралеўства Польскае.

The article describes the views of Polish historians who studied the Treaty of Krevo and the evolution of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in 1385–1392. in the 19th – the first third of the 20th century. It is concluded that during the period under review, Polish historians made a significant contribution to the study of this topic and created a field for further scientific research.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania; the Kingdom of Poland.

Польская гістарыяграфія XIX – першай трэці XX ст. утрымлівае такую вялікую колькасць прац, прысвечаных гісторыі Польшчы і яе саюза з Вялікім Княствам Літоўскім (далей – ВКЛ), што было б вельмі складана пералічыць усіх аўтараў. У агульным выглядзе праблематыка першых актаў польска-літвінскай уніі закралася ў кожнай больш-менш значнай сінтэтычнай гістарычнай працы. Пры гэтым польскія даследчыкі зыходзілі з меркавання, што без больш падрабязнага вывучэння сувязей Польшчы і ВКЛ веды па гісторыі першай з краін не будуць поўнымі. Разам з тым, неабходна адзначыць, што вывучэнню самой польскай гістарыяграфіі XIX – першай трэці XX ст. у разглядаемы перыяд не было нададзена належнага месца. Акра-

мя заўваг у даследаванні С. Кутшэбы [1], выключэнне склаў толькі шэраг артыкулаў польскіх гісторыкаў, апублікаваных ў канцы 1910-х – 1930-х гг. і прысвечаных вострай дыскусіі адносна ацэнак Крэўскага пагаднення і яго наступстваў [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Аўтары гэтых матэрыялаў (Я. Адамус, К. Хадыніцкі, О. Халецкі, Я. Якубоўскі, Х. Лаўмяньскі, Э. Малечыньска, Х. Пашкевіч, С. Заянчкоўскі і інш.) звярталіся да гісторыі даследавання разглядаемай праблемы, але іх заўвагі былі разрозненыя і займалі падпарадкаванае месца ў палеміцы, якая мела ў першую чаргу канкрэтна-гістарычны характар.

У ліку аспектаў Крэўскай уніі і эвалюцыі ўзаемаадносін паміж ВКЛ і Каралеўствам Польскім у 1385–1392 гг., якія становіліся прадметам палемікі даследчыкаў, можна вылучыць наступныя: па-першае, час пачатку перамоў аб уніі ВКЛ і Польшчы, яе прычыны і ініцыятар; па-другое, сам Крэўскі акт, яго характар, асобныя палажэнні; па-трэцяе, пытанне захавання дзяржаўнасці ВКЛ пасля Крэўскага пагаднення.

Час пачатку перамоў вялікага князя літоўскага з палякамі пра шлюб з Ядзвігай дакладна так і не быў вызначаны. На думку С. М. Кучыньскага, гэта адбылося яшчэ ў 1383 г. [13, s. 221; 233; 240]. А. Лявіцкі лічыў, што ідэя літвінска-польскай уніі магла належаць яшчэ Казіміру III Вялікаму [14, s. 23–25]. Пазней з гэтым меркаваннем пагадзіліся О. Халецкі, Л. Калянкоўскі [8, s. 490; 15, s. 31]. С. Заянчкоўскі нават сцвярджаў, што шлях Крэўскай уніі праклаў літвінска-польскі дагавор 1325 г. [16, s. 567; 617]. У адпаведнасці з меркаваннем О. Халецкага, важную ролю ў збліжэнні дзвюх дзяржаў напярэдадні Крэўскага пагаднення павінны былі адыграць князі Карыятавічы, што былі адным з адгалінаванняў дынастыі Гедымінавічаў [17, s. 91–92].

У крыніцах можна заўважыць пэўную супярэчлівасць паведамленняў пра тое, каму належала ініцыятыва перагавораў аб шлюбе Ягайлы з Ядзвігай. Калі беларуска-літоўскія летапісы прыпісвалі гэта ініцыятыву польскаму боку [18, с. 63–64, 69, 87, 99, 113, 135, 157, 184, 204, 226; 19, с. 144], то польскія храністы Я. Длугаш і М. Стрыйкоўскі сцвярджалі адваротнае: гэта Ягайла прасіў рукі Ядзвігі [20, s. 423; 21, s. 72].

Паколькі помнікі беларуска-літоўскага летапісання былі ўключаны ў навуковы зварот толькі з другой чвэрці XIX ст., спачатку даверам карысталася версія падзей, выкладзеная ў польскіх крыніцах. Яе прыняў А. Нарушэвіч, паколькі гэта адпавядала яго ўяўленням пра катастрафічнае становішча ВКЛ напярэдадні ўніі [22, s. 202]. Такага ж меркавання прытрымліваліся І. Леяль-вель [23, s. 225–226], Т. Нарбут [24, s. 365] і О. Халецкі [17, s. 103]. Некалькі інакш раставіў акцэнты А. Лявіцкі: на яго думку (аспрэчаную А. Прахаскай [25, s. 540]), менавіта Ягайле ў значнай меры належала геніяльная «ягелонская ідэя» ўніі [26, s. 1–3, 5, 11–12, 19, 26–27, 47, 49, 298, prz. 8]. Пазней Л. Калянкоўскі таксама бачыў ініцыятараў уніі ў ВКЛ [15, s. 70]. Гэты погляд

развіваў і Х. Пашкевіч [27, s. 339]. Наадварот, факт польскай ініцыятывы ў дадзеным пытанні прызнавалі К. Шайноха [28, с. 478–479; 29, с. 4–5, 274, 248] і С. Смолька [30, s. 93–94]. Такім чынам, у польскай гістарыяграфіі існавалі два супрацьлеглыя пункты гледжання адносна ініцыятараў заключэння пагаднення ў Крэве.

Крэўская грамата 1385 г. з’яўлялася першым актам уніі. Аднак частка яго пунктаў была сфармулявана дастаткова няясна; да таго ж гэта былі толькі папярэдніе дадзеныя Ягайлам абяцання. На гэтай падставе А. Прахаска ў 1914 г. выказаў здагадку, у адпаведнасці з якой у 1386 г. Ягайлам быў выдадзены асобны акт з абяцаннем інкарпарацыі ВКЛ у Карону; апошні, аднак, не збырогся. Я. Якубоўскі таксама меркаваў, што паміж шлюбам і каранаваннем Ягайла даў пісьмовае абяцанне, якое датычыла “ўключэння” яго ўладанняў у Польшчу [3, s. 143–146]; К. Хадыніцкі прызнаваў магчымасць гэтага ў якасці гіпотэзы [4, s. 100].

У польскай гістарыяграфіі разглядалася і праблема сутнасці Крэўскага дагавара 1385 г. І. Лелявель меркаваў, што павінна было адбыцца “вцэленне” (увасабленне) ВКЛ у Карону [31, s. 129]. Е. Марачэўскі ацэньваў пагадненне як “уяўнае аб’яднанне”, “вечны мір”, заключаны супраць Ордэна [32, s. 181]. Як персанальную ўнію, па ўмовах якой ВКЛ павінна было зберагчы ўнутраную аўтаномію, разглядалі гэта злучэнне Т. Нарбут [24, s. 386] і Ю. Ярашэвіч [33, s. 75].

Аднак, пачынаючы з 1890-х гг., Ф. Канечны і асабліва А. Лявіцкі падкрэслівалі тое, што «літарай» дасягнутых дамоўленасцей прадугледжвалася спыненне існавання ВКЛ як асобнай дзяржавы і інкарпарацыя яго зямель у склад Польшчы. Толькі пазней Вітаўту ўдалося – фактычна, а затым і юрыдычна – аднавіць самастойнасць ВКЛ [34, s. 33–34; 35, s. 424, 436; 14, s. 12; 26, s. 6–9, 12, 48, 285–286]. Такім чынам, у канцы XIX ст. А. Лявіцкім была сфармулявана тэорыя інкарпарацыі.

С. Кутшэба таксама падтрымаў меркаванне аб тым, што ВКЛ было далучана да Польскага Каралеўства [1, s. 475]. Версію інкарпарацыі развіваў і Г. Лаўмяньскі, які паказаў, што юрыдычны сэнс тэрміна *aplicare*, які быў ужыты ў Крэўскім акце, у дакументах таго часу азначаў далучэнне тэрыторыі, а не ленную залежнасць, і выступаў на перамену з тэрмінам *incorporare* (уклучыць) [10, s. 50]. У падтрымку тэорыі інкарпарацыі выказваўся таксама і Л. Калянкоўскі [15, s. 34; 36, s. 2–5].

Рэальнасць інкарпарацыі ставілася пад сумненне многімі польскімі гісторыкамі, асабліва Я. Адамусам, О. Халецкім і Х. Пашкевічам. Я. Адамус адзначаў, што ўжо з моманту заключэння Востраўскага пагаднення 1392 г. інкарпарацыйныя тэндэнцыі пачалі прыходзіць у заняпад [37, s. 15–79; 38, s. 273–316]. Рэальнасць інкарпарацыі аспрэчваў таксама Х. Пашкевіч [27, s. 252]. У выніку была пастаўлена пад сумненне і сама інкарпарацыйная інтэрпрэтацыя Крэўскага акта.

Трэба прызнаць, што А. Лявіцкі трапна ўказаў на памылку, якая заключалася ў разглядзе гісторыі ўніі Польшчы і ВКЛ як паступовага няўхільнага абмежавання самастойнасці ВКЛ. На мяжы XIX–XX стст. згаданы погляд панаваў у польскай літуаністыцы. Яго прытрымліваліся А. Прахаска [39, s. 105], О. Бальцэр [40, s. 6–7, 18], С. Кутшэба (на яго думку, пра ўнію не магло быць гаворкі аж да 1401 г.) [41, с. 120; 21, s. 458, 474, 480–481; 42, s. 25–29, 105], О. Халецкі [2, s. 5–6; 17, s. 115]. Славуты гісторык права О. Бальцэр ішоў далей, сцвярджаючы, што паміж 1385 і 1569 гг. у літвінска-польскіх адносінах не было ніводнай стадыі, якая б юрыдычна магла быць вызначана як персанальная ці рэальная ўнія. Аргументам О. Бальцэра была адсутнасць раўназначнасці паміж дзяржавамі, якую прадугледжвае паняцце ўніі [40, s. 16–18]. Аднак той жа О. Бальцэр некалькімі гадамі раней вызначаў Крэўскае пагадненне 1385 г. як персанальную ўнію [43, с. 85, 210–211].

У цэлым польская гістарыяграфія ацэньвала заключэнне ўніі паміж ВКЛ і Польшчай як заканамерную з’яву. Аспрэчваючы выпадковасць уніі, А. Лявіцкі характарызаваў яе ідэю як «цалкам арыгінальны і новы твор чалавечай думкі», «новы шлях у цывілізацыйнай працы» [44, s. 310]. Для польскай гістарыяграфіі была ўласціва празмерная драматызацыя знешне-і ўнутрыпалітычнага становішча ВКЛ напярэдадні 14 жніўня 1385 г., якая вяла адлік, як мінімум, ад прац А. Нарушэвіча [22, s. 200–202]. Гэта павінна было даказваць адсутнасць гістарычнай альтэрнатывы польска-літвінскай уніі.

Такім чынам, кола пытанняў, звязаных з Крэўскім дагаворам 1385 г. і эвалюцыйнай узаемаадносін паміж ВКЛ і Каралеўствам Польскім у 1385–1392 гг., вельмі шырока адбілася ў польскай літуаністыцы XIX – першай трэці XX ст. Аднак згаданая праблематыка, якая была прадметам разважанняў вялікай колькасці аўтараў, канчаткова не вычарпала ўсіх пытанняў і стварыла поле для даследаванняў наступных пакаленняў гісторыкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Kutrzeba, S. Unia Polski z Litwą / S. Kutrzeba // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. – Krakow etc: Gebethner i Wolff, 1914. – IV, 700, [1] s. – S. 447–658.*
2. *Halecki, O. Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386–1401) / O. Halecki // Przegląd Historyczny. – Serya II. – 1917–1918. – T. XXI. – S. 1–77.*
3. *Jakubowski, J. Z zagadnień unii polsko-litewskiej / J. Jakubowski // Przegląd Historyczny. – Serya II. – 1919–1920. – T. XXII. – S. 136–155.*
4. *Chodynicki, K. [Rec.:] Jakubowski, J. Z zagadnień unii polsko-litewskiej. Przegląd Historyczny. T. XXII. 1919–1920 / K. Chodynicki // Ateneum Wileńskie. – 1923. – R. I. – S. 99–101.*
5. *Chodynicki, K. Przegląd badań nad dziejami Litwy w ostatnim dziesięcioleciu (1920–1930) / K. Chodynicki // Kwartalnik Historyczny. – 1930. – R. XLIV. – № 1. – S. 273–300.*

6. *Zajączkowski, S. M.* [Rec.:] Adamus, J. Państwo litewskie w latach 1386–1398. Wilno. [S.a.] / S. M. Zajączkowski // *Ateneum Wileńskie*. – 1931–1932. – R. VIII. – S. 370–374.
7. *Adamus, J.* [Rec.:] Łowmiański, H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej. – Wilno, 1935 / J. Adamus // *Ateneum Wileńskie*. – 1935. – R. X. – S. 397–403.
8. *Halecki, O.* Przyczynki genealogiczne do dziejów układu Krewskiego / O. Halecki // *Miesięcznik heraldyczny*. – 1935. – R. XIV. – № 7–8. – S. 97–111.
9. *Halecki, O.* Idea Jagiellońska / O. Halecki // *Kwartalnik Historyczny*. – 1937. – R. LI. – № 1–2. – S. 486–510.
10. *Łowmiański, H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. / H. Łowmiański // *Ateneum Wileńskie*. – 1937. – R. XII. – S. 36–145.
11. *Maleczyńska, E.* [Rec.:] Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa. W. 1938. Łowmiański, H. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. (*Ateneum Wileńskie*. R. XII. 1937. W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w. W. 1938 / E. Maleczyńska // *Kwartalnik Historyczny*. – 1938. – R. LII. – S. 239–245.
12. *Paszkiewicz, H.* W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w. Z powodu pracy H. Łowmiańskiego «Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r.» / H. Paszkiewicz. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1938. – 48 s.
13. *Kuczyński, S. M.* Rozbiór krytyczny roku 1385 «Dziejów Polski» J. Długosha / S. M. Kuczyński // *Studia Źródłoznawcze*. – 1958. – T. 3. – S. 213–254.
14. *Lewicki, A.* Nieco o unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. – Kraków: Nakładem Autora w Drukarni «Czasu», 1893. – 48 s.
15. *Kolankowski, L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – Warszawa: Ślad główny: kasa im. Mianowskiego, 1930. – T. 1 (1377–1499). – 475 s.
16. *Zajączkowski, S. M.* Przymierze polsko-litewskie 1325 r. / S.M. Zajączkowski // *Kwartalnik Historyczny*. – 1926. – R. 40. – Z. 4. – S. 567–617.
17. *Halecki, O.* Dzieje Unii Jagiellońskiej / O. Halecki. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1919–1920. – T. 1. – 1919. – 482 s.
18. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М.: Наука, 1975. – Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – [8], 235 с.
19. ПСРЛ. – М.: Наука, 1980. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – 305, [1] с.
20. *Długosz, J.* Długosza Jana kanonika krakowskiego *Dziejów Polski* ksiąg dwanaście / J. Długosz. T. I–V. – Kraków : W Drukarni Czasu W. Kirchmayera, 1867–1870. – T. IV. – 1869. – [8], 678, XXIII s.
21. *Strykowski, M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego krolewieckiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań / M. Strykowski. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – T. II. – 572 s.

22. *Naruszewicz, A.* Historia narodu polskiego: w X t. / A. Naruszewicz. – Nowe wyd. – Lipsk: Breitkopf & Haertel, 1836-1837. – T. X. – 1937. – XVI, 232 s.
23. *Lelewel, J.* Dzieła: W X t. / J. Lelewel. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. VI: Historia polska do końca panowania Stefana Batorego / oprac. Z. Kolankowski. – 1962. – 540 s.
24. *Narbutt, T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego: w IX t. / T. Narbutt. – Wilno: Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1835-1841. – T. V. Od śmierci Gedymina do bitwy nad Worskłą. – 1839. – X, 624, 51 s.
25. *Prochaska, A.* [Rec.:] Lewicki A. Powstanie Świdrygiełły. Kraków. 1892 / A. Prochaska // Kwartalnik Historyczny. – 1893. – R. VII. – S. 537–545.
26. *Lewicki, A.* Powstanie Świdrygiełły: ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. – 389 s.
27. *Paszkwicz, H.* O genezie i wartości Krewa/ H. Paszkiewicz. – Warszawa: Gebeithner i Wolff, 1938. – 356 s.
28. *Шайноха, К.* Ядвига и Ягайло: в 2 т. / К. Шайноха. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. – Т. I. – 1880. – [4], VIII, 711 с.
29. *Шайноха, К.* Ядвига и Ягайло: в 2 т. / К. Шайноха. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. – Т. II. – 1882. – [4], VIII, 685 с.
30. *Smolka, S.* Rok 1386. W pieciowiekową rocznicę / S. Smolka. – Kraków: Nakład księgarni J. K. Żupańskiego & K. J. Neumanna, 1886. – 4, 144 s.
31. *Lelewel, J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Liublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – 2-e wyd. – Poznań: Nakładem i drukiem W. Stefańskiego, 1844. – 202 s.
32. *Moraczewski, J.* Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej z pierwszej połowy XV wieku / J. Moraczewski. – Poznań: Nakładem i drukiem N. Kamińskiego i Spółki, 1844. – 356 s.
33. *Jaroszewicz, J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII: w II cz. / J. Jaroszewicz. – Wilno : W Drukarni M. Romma, 1843–1844. – Cz. II. Litwa w pierwszych trzech wiekach po przyjęciu wiary chrześcijańskiej. – 1844. – 313 s.
34. *Koneczny, F.* Jagiełło i Witold. Część pierwsza: Podczas unii krewskiej (1382–1392) / F. Koneczny. – Lwów: Nakładem autora, 1893. – [4], 212, [3] s.
35. *Lewicki, A.* Kiedy Witold został wielkim księciem Litwy? / A. Lewicki // Kwartalnik Historyczny. – 1894. – R. VIII. – S. 424–436.
36. *Kolankowski, L.* Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne/ L. Kolankowski. – Lwów: Ślad główny w księgarni Gubrynowicz i syn, 1936. – 374 s.
37. *Adamus, J.* Państwo litewskie w latach 1386–1398 / J. Adamus // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. Rocznicy wydania I Statutu Litewskiego // Rozprawy Towarzystwa Przyjaciół nauk w Wilnie. – Wilno: Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1935. – T. 8. – [4], 362, [1] s. – S. 15–79.
38. *Adamus, J.* Najnowsza literatura o akcie krewskim/ J. Adamus// Wiadomości Studium Historii Prawa Litewskiego Uniwersytetu Stefana Batorego. – Wilno, 1938. – T. 1. – S. 273–316.
39. *Prochaska, A.* Przyczynki krytyczne do dziejów unii / A. Prochaska // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie. – Serya II. – T. VIII (XXXIII). – 1896. – S. 55–122.

40. *Balzer, O. M.* Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej / O. M. Balzer. – Lwów-Warszawa: Nakładem księgarni Gubrynowicz i syn, 1919. – 24 s.

41. *Кутшеба, С.* Очерк истории государственного и общественного строя Польши / С. Кутшеба; пер. с пол. Я. Пашкович. – СПб.: А. С. Суворин, 1907. – XXII, 231 с.

42. *Kutrzeba, S.* Historia ustroju Polski w zarysie: w 4 t. / S. Kutrzeba. – Lwów: Księgarnia Polska B. Połonieckiego; Zakład Drukarski «Grafia», 1905–1917. – Т. 2. – 1914. – 170 s.

43. *Бальцер, О.* К истории общественно-государственного строя Польши / О. Бальцер. – СПб.: А. С. Суворин, 1908. – XII, 252 с.

44. *Lewicki, A.* Sprawa unii kościelnej za Jagiełły / A. Lewicki // Kwartalnik Historyczny. – 1897. – R. XI. – S. 310–337.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

E. H. Mox

Национальный институт образования, Минск

E. Mokh

National institute of education, Minsk

УДК 355.48-054.65(476-074)«1941/1944»

ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОСНОВНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

NAZI GERMANY'S POLICY TOWARDS SOVIET PRISONERS OF WAR: MAIN REGULATORY DOCUMENTS

В статье рассматривается нормативное регулирование положения советских военнопленных в лагерях, представлена характеристика основных документов, которые регламентировали отбор узников, режим их содержания. Автором подробно рассмотрены нацистские «преступные приказы».

Ключевые слова: лагерь; советские военнопленные; преступные приказы.

The article discusses the normative regulation of the situation of Soviet prisoners of war in the camps, presents the characteristics of the main documents that regulated the selection of prisoners, the regime of their detention. The author examines in detail the Nazi «criminal orders».

Keywords: camp; Soviet prisoners of war; criminal orders.

Создание нормативной базы, регламентировавшей положение советских военнопленных, происходило поэтапно. Политика в отношении советских военнопленных разрабатывалась еще до начала агрессии против СССР и непосредственно вытекала из военно-политических целей Германии. Принятие первых директив было направлено на решение локальных задач и

относилось лишь к определенным категориям военнопленных. При разработке и принятии положений по отношению к советским военнопленным были приняты во внимание как идеологические, так и военно-стратегические аспекты. К идеологическим относились национальные доктрины антикоммунизма, антисоветизма и антисемитизма, а к военно-стратегическим – организация эффективного пленения военнослужащих с наименьшим сопротивлением. Нацистское руководство в ряде приказов указывало на ликвидацию отдельных категорий советских военнопленных: политработники Красной Армии, коммунисты, еврей-военнослужащие, женщины-военнослужащие. С первых дней войны в отношении их применялся принцип «в плен не брать».

Так, по проекту директивы ОКВ от 12.05.1941 «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» было принято решение: «Ответственные политические работники и политические руководители не считаются пленными и должны устраняться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются. В тылу войск руководящие политические работники и комиссары передаются айнзатцкомандам. Те из них, которые оказывают сопротивление немецким войскам, рассматриваются как партизаны и подлежат уничтожению» [1, л. 1–5] (рис. 1).

Окончательное решение об уничтожении всех захваченных в плен политкомиссаров предусматривал «Приказ о комиссарах» от 06.06.1941. Согласно данному распоряжению, попавшие в плен политические комиссары Красной Армии должны были расстреливаться на месте, поскольку представляли собой угрозу германской безопасности. Комиссары не признавались как солдаты, их необходимо было отделять на поле боя от других военнопленных. Комиссары, схваченные в расположении тыла сухопутных войск, передавались зондергруппам и зондеркомандам службы безопасности (СД). 08.06.1941 свой приказ, соответствующий «Приказу о комиссарах», отдал и главнокомандующий ОКХ фельдмаршал фон Браухич, спустив его до армейских групп, армий и танковых групп. В соответствии с ним осуществлять экзекуции необходимо было вне зоны боя и только по приказу офицера. Важнейшим признаком установления комиссарства считалось наличие на руках гимнастеров красных звездочек с золотистым серпом и молотом [2, с. 105–106].

Согласно оперативному приказу от 17.07.1941 № 8 начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха, оперативные группы получили возможность выявлять в дулагах и шталагах советских комиссаров и политработников, которые до этого не были опознаны и расстреляны на поле боя. В задачу команд входила политическая проверка всех содержащихся в лагере, фильтрация военнопленных и решение их дальнейшей судьбы.

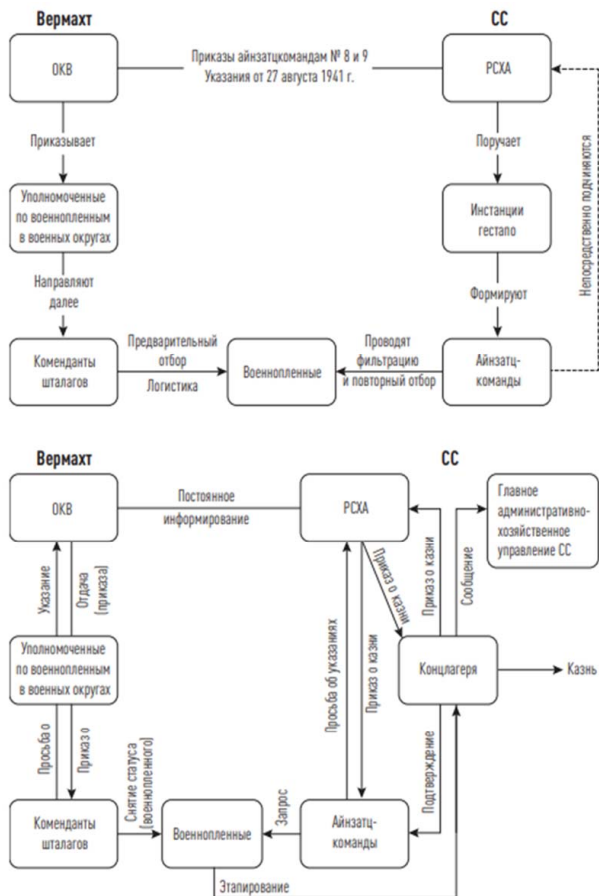

Рис. 1. Взаимодействие Вермахта и СС в разработке и выполнении «преступных приказов» в отношении советских военнопленных¹

В приказе евреи также были названы «как целевая группа», предназначенная для ликвидации. Согласно документу, всех военнопленных необходимо было распределять на пять групп: 1) гражданские лица; 2) военнопленные; 3) политически неприемлемые лица из первых двух групп; 4) лица из первых двух групп, как представляется, заслуживающие внимания; 5) лица не-

¹Omto, P. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / P. Отто, Р. Келлер; пер. с нем. Л. В. Ланнина, Н. А. Власова; под науч. ред. Е. Л. Киселевой. – М.: «Аспект Пресс», 2020. – С. 150.

мецкой национальности из состава первых двух групп. Судьбу отобранных решали оперативные команды полиции безопасности и СД. В начале своей работы команды должны были подобрать из числа содержащихся в лагере военнопленных доверенных лиц (агентов) для использования их в качестве осведомителей. (Более того, больные и инвалиды, с его точки зрения, были лишь негодной к работе массой, а потому «лишними едоками», а если они еще и страдали туберкулезом, то превращались во вполне реальную угрозу германскому населению. Такая позиция отразилась уже в оперативном приказе № 8 от 17 июля 1941 г., который стал основой акций «отбора нежелательных» военнопленных в самом широком смысле этого слова. Он определял следующие задачи айнзатцкоманд в лагерях военнопленных: «политическая проверка и отбор (Aussonderung), а также дальнейшее обращение с неприемлемыми в политическом, криминальном и прочих отношениях элементами», к этим «прочим» относили и больных.

Согласно распоряжению Гимmlера, с мая 1943 г. получившие увечья военнопленные – в основном это были те, у кого ампутировали конечности либо с парализованными частями тела – отправлялись в несколько шталагов оккупированной территории Беларуси (Бобруйск, Борисов, Могилев, Орша, Витебск), в Эстонии (Феллин), а также в генерал-губернаторстве (Холм). Затем по согласованию с инстанциями вермахта их сборные партии этапировались в Люблин [3, с. 113].

Гейдрих 27 августа 1941 г. расширяет зону действия приказа. Гестапо получило повсеместный доступ ко всем советским военнопленным, без всяких ограничений. Айнзатцкомандам полиции безопасности и СД дозволялось проводить фильтрацию и в шталагах и дулагах. Процедуру в целом называли «отбором» (Aussonderung).

К «политически неприемлемым» относились все деятели партии и государства; профессиональные революционеры; деятели Коминтерна; сотрудники центральных, краевых и областных организаций Коммунистической партии; все народные комиссары и их заместители; все бывшие политкомиссары Красной Армии; руководители госучреждений верхнего и среднего звена; руководящие работники народного хозяйства; советско-русские интеллигенты; все евреи; все подстрекательски или фанатично настроенные коммунисты. В распоряжении говорилось: «Деятельность зондеркоманд с санкции командующих тылом армейской группы должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась по возможности незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих лагерей пересыльных и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению». В случае необходимости укрепления лагерной дисциплины экзекуции проводили непосредственно в лагере. О проведенных экзекуциях

команды составляли списки, содержащие следующие сведения: фамилия и имя, год и место рождения, воинское звание, профессия, последнее место жительства, основание для расстрела, день и место расстрела [4, л. 10–15] (рис. 2).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Personalfakte I: Personelle Angaben 304 Zeithain Weiblich Name: Koshtulenko Feja Markovitch Geburtsort: Poltava, Ukraine Geburtsdatum: 25.12.1920 Religion: Orthodox Dienstort: 163 med. San. Bn. Dienstgrad: Feldscher Dienstort (Ort und Datum): 16.8.1941 Rogachev Ob gefangen, tötet, versandt, eingeliefert: gefangen Familienname der Mutter: Mark Familienname der Schwester: Maria Foto: Identifizierung: 24590 IVH Name und Individuell bei in besetzungsbefreien Stellen in der Heimat: Ostrowsky A. St. Kommandant ul. Tyshkivskiy ul. Dampfwerk A. Kremenchuk u. Myshkina 14															Rückführung bei Kriegsende: 304 (IVH) Einheitsnummer l. u. r.: 304 (IVH) Einheitsnummer l.: 304 (IVH) Einheitsnummer r.: 304 (IVH) Einheitsnummer: 304 (IVH) Einheitsnummer: 304 (IVH)									
Gem. m. Abg. Liste № 42, 318, 17, 304 Zeithain 16.08.41 am 26.3.43 begrab. Russ. Friedhof Geburtsort: Poltava Block: J Reihen: 5 am 27.3.43															Kommentar 16.08.41 Beginn des Verbleibens. 16.08.41 Beginn des Verbleibens. Beginn m. d. 16.08.41 Zeithain als Kriegsgefangener ge... in... Beginn m. d. 16.08.41 Zeithain als Kriegsgefangener ge... in...									

Фамилия Коштуленко
 Имя Феня
 Отчество Маркович
 Дата рождения/Возраст 25.12.1920
 Место рождения Украинская ССР, Полтавская обл., Кременчугский р-н
 Дата пленения 16.08.1941
 Место пленения Рогачев
 Лагерь шталаг IV Н (304) (Цайтхайн).
 Лагерьный номер 24590
 Судьба погиб в плену
 Последнее место службы 163 мед. сан. б-н
 Воинское звание фельдшер
 Дата смерти 26.03.1943
 Название источника донесения ЦАМО
 Номер фонда источника информации Картотека военнопленных офицеров
Рис. 2. Персональная карта Коштуленко Феня Маркович 352¹

¹ URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272164090>.

В приложении № 1 к оперативному приказу от 29.10.1941 № 14 начальника полиции безопасности и СД устанавливался порядок формирования и работы зондеркоманд в рамках лагерного распорядка. Команды должны были действовать самостоятельно, но при самом тесном контакте с комендантами лагерей и офицерами контрразведки. Скрывающиеся между военнопленными политические комиссары постепенно с помощью доверенных лиц выявлялись и подвергались особой обработке. А в тех лагерях армейского тыла, в которых не предоставлялась возможность фильтрации с помощью зондеркоманд, выявление неблагонадежных осуществлялось комендантом лагеря. Комендант Минского округа лагерей советских военнопленных О. Карковский в протоколе допроса отмечал, что в феврале 1942 г. он получил приказ о выявлении политработников и евреев. Было отобрано 600 человек [5, л. 10–12 об.].

Как отмечалось выше, в соответствии с приказами политруков и евреев необходимо было уничтожать непосредственно на поле боя, где, как правило, проходила первичная селекция. Но были случаи, когда их убивали в лагерях после соблюдения ряда таких процедур, как систематическая проверка и дополнительное установление факта еврейства (евреев, как правило, идентифицировали по внешнему виду). В таких случаях данные категории пленных, как правило, изолировали в специально отгороженных отсеках лагерей, бараках. Казнь происходила несколько позже – в стационарных лагерях, а если на территории Германии – то в концлагерях. Среди военнопленных были распространены случаи, когда евреев, политических комиссаров и другие неблагонадежные категории выискивали сами же военнопленные. Выдача данных категорий позволяла получить дополнительное питание, поступить в лагерную полицию.

Во время фильтрации в лагерях для военнопленных нацисты расстреливали коммунистов, политруков, евреев чаще всего на глазах у всех остальных пленников. В живых остались только те, чью партийность, комиссарскую должность или происхождение удавалось скрыть. Для евреев шанс выжить появлялся в том случае, если они внешне не походили на типичных представителей своего народа, разговаривали без характерного акцента и не имели недоброжелателей среди окружающих.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси нацисты совершали преступления в отношении женщин-военнослужащих. Советская женщина в военном обмундировании, попавшая в немецкий плен, включалась в категорию «нежелательных» и обрекалась на уничтожение. С точки зрения вермахта, она относилась к разряду наиболее опасных идеологических противников рейха, с которыми можно было справиться только путем физического уничтожения. Несмотря на то,

что женщины официально являлись военнослужащими Красной Армии, их приравнивали к партизанам. В 1944 г. положение изменилось: их стали передавать в общие лагеря и отдавать в распоряжение соответствующих трудовых ведомств для трудоустройства, согласно распоряжению ОКВ от 06.03.1944 г. и приказу полиции безопасности и СД от 11.04.1944 г. «Об обращении с русскими женщинами-военнопленными». В приказах указывалось, что к женщинам необходимо относиться «с общей подозрительностью». После того как полиция безопасности установит «в основном политическую неблагонадежность», женщины Красной Армии освобождались из плена и передавались органам СД – для расстрела или перевода в концентрационный лагерь. В том случае, если в результате проверки не было обнаружено «ничего подозрительного», женщин также освобождали из плена и использовали в сфере гражданского труда. Тем самым они получали статус подневольных рабочих. Так объясняется тот факт, почему за небольшим исключением женского персонала медицинской службы в нацистских лагерях для военнопленных не было женщин-красноармейцев [6, с. 34–35].

Что же касается военнопленных, которые попали в окружение, согласно распоряжению штаба ОКХ командующим войсками тыла групп армий «Север», «Центр», «Юг» от 25.07.1941 об «Обращении с гражданским населением и военнопленными в тыловых армейских областях», они лишались статуса военнопленных и приравнивались к партизанам. В части 2 «Надзор за военнопленными» предписывалось: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго преследуется. Германский солдат всегда должен давать пленному чувствовать свое превосходство» [7, л. 34–35]. В директивах командующего войсками тыла группы армий «Центр» солдаты разбитых частей Красной Армии призывались до 15.08.1941 явиться для сдачи в плен в ближайшее учреждение вермахта. «После указанного срока все схваченные красноармейцы будут рассматриваться, как партизаны и будут расстреляны на месте» – сообщалось в директиве. Бургомистрам и сельским старостам ставилась задача выдавать отбившихся русских солдат.

С появлением большого количества пленных необходимо было выработать нормативную базу, регламентирующую положение всех категорий пленных. Общепринятым документом, который регулировал все вопросы содержания, обращения и использования советских военнопленных в нацистских лагерях, являлся приказ вермахта от 08.09.1941 № 3058/41 «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных», состоявший из пяти глав: «Общие вопросы обращения с советскими военнопленными», «Обращение с лицами отдельных национальностей», «Выделение гражданских лиц и политически нежелательных

военнопленных, взятых в плен во время похода на Восток», «Использование советских военнопленных на работе», «Заключительные замечания».

В приказе в первом разделе указывалось, что большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии, поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Далее приказывалось воспрепятствовать всякому общению военнопленных с гражданским населением, отделять от военнопленных командный состав, а также рекомендовалось для лагерного начальства организовать лагерную полицию с задачей поддержания порядка и дисциплины и создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных. Во второй главе указывалось на разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. В разделе «Выделение гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, взятых в плен во время похода на Восток» была поставлена цель освободиться от всех элементов среди военнопленных, в которых можно было усматривать большевистские движущие силы. К путям достижения этой цели относились: разделение пленных на «политически нежелательных», «политически безопасных» и «заслуживающих особого политического доверия»; судьбу «нежелательных» элементов решали «оперативные группы»; лица, заслуживающие политического доверия, должны были быть «привлечены к работе по отбору политически нежелательных элементов и к прочим работам по управлению лагерями».

В данном приказе сообщалось, что определение среди военнопленных категории «политически нежелательных» являлось компетенцией айнзатцкоманд. Распоряжение содержало указание администрации лагеря о беспрепятственном удовлетворении всех требований айнзатцкоманд. Комendanтам лагерей и представителям контрразведки вменялось в круг их служебных обязанностей тесное сотрудничество с оперативными отрядами полиции безопасности и СД.

В «Заключительных замечаниях» акцент делался на строжайшей ответственности «начальников по делам военнопленных» [8, л. 9–17].

С провалом «блицкрига» изменилась политика нацистской Германии по отношению к военнопленным. Обращение с военнопленными, используемыми на работах, было поставлено в зависимость от производительности их труда. Согласно распоряжению от 24.03.1942 № 695 «Обращение с военнопленными», использование труда советских военнопленных должно было находиться под строгим контролем. За уклонение от работы строго наказывали. Военнопленные получали вознаграждение за содействие в поимке беглецов [9, л. 9–11].

Таким образом, нормативная база регулировала все основные стороны организации лагерного режима и охраны военнопленных: правила вну-

тренного распорядка, организацию внутренней и внешней охраны, меры по предотвращению побегов, а также продовольственное и медицинское обеспечение пленных.

Приказы, распоряжения, инструкции германского военного командования относительно «нежелательных» сохраняли свою силу на протяжении всей войны. Преступления айнзатцкоманд в отношении советских военных комиссаров, евреев-военнопленных, женщин-военнопленных и других «нежелательных» лиц стали результатом сотрудничества вермахта и оперативных групп. Для реализации политики геноцида советских военнопленных администрация лагерей использовала целую систему различных мер наказания: расстрелы, публичные повешения, помещение в карцер, разминирование дорог, нахождение в концентрационных лагерях.

С провалом «блицкрига», восстановлением экономики на захваченных территориях, растущим дефицитом рабочей силы возникла необходимость привлечения военнопленных к труду.

В зонах оккупации был создан административный аппарат, который занимался вопросами трудоустройства местной рабочей силы, в том числе и военнопленных, была также разработана нормативная база, регламентирующая трудовые отношения между заказчиком рабочей силы и администрацией лагеря, систему дисциплинарных взысканий за нарушение трудового режима.

Основными нормативными документами, регламентирующими использование труда советских военнопленных, становились распоряжения местных комендатур, хозяйственной инспекции «Центр», отделов по использованию рабочей силы, что подтверждает тезис о передаче полномочий по трудоустройству пленных местным исполнительным органам.

Список использованных источников

1. Проект директивы ОКВ «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» от 12.05.1941 // ГАРФ. – Фонд 7021. Оп. 148. Д 214. Л. 1–5.

2. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: док., материалы / Ин-т воен. истории; под ред. и с предисл. П. А. Жилина. – М.: Воениздат, 1987. – 302 с.

3. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Райнхард Отто, Рольф Келлер / пер. с нем. Л. В. Ланнина, Н. А. Власова; под науч. ред. Е. Л. Киселевой. – М.: «Аспект Пресс». – 2020. – 400 с.

4. Оперативный приказ начальника полиции безопасности и СД от 17.07.1941 г. № 8 «Об основных направлениях работы опер-команд в постоянных и пересыльных лагерях // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 148. Д. 101 (б). Л. 10–12; 13–15; 21–24.

5. Протокол допроса коменданта О. Карковского // НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1168. Л. 10–12 об.

6. Masha + Nina + Katjusha: Frauen in der Roten Armee 1941–1945 = Маша + Нина + Катюша: женщины-военнослужащие / ed. P. Jahn, S. Aleksievich. – Berlin: Ch. Links, 2002. – 207 p.

7. Behandlung feindlicher Zivilpersonen und russischer Kriegsgefangenen // НАРБ. – Ф. 655. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35.

8. Приказ верховного командования вермахта от 08.09.1941 № 3058/41 «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 148. Д. 432. Л. 9–17.

9. Приказ вермахта от 24.03.1942 № 695 «Обращение с военнопленными» // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 148. Д. 214. Л. 9–11.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

V. I. Nastusevich

Белорусский государственный университет, Минск

V. Nastusevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(46):322

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ИСПАНИИ В ПЕРИОД «ВТОРОГО ФРАНКИЗМА» (1957–1975 ГГ.)

THE CHURCH AND STATE IN SPAIN DURING THE «SECOND FRANCOISM» (1957–1975)

В статье рассматриваются взаимоотношения Католической Церкви Испании с режимом Ф. Франко в период «второго франкизма» (1957–1975). Определяется место и роль католических организаций в проведении социально-экономических реформ в Испании в конце 1950-х – первой половине 1970-х гг. Выявляются причины обострения церковно-государственных взаимоотношений в 1960-х гг., и роль в этом процессе решений, принятых на Втором Ватиканском Соборе. Характеризуются последствия данного обострения для Католической Церкви Испании и пути ее выхода из внутреннего кризиса.

Ключевые слова: Католическая Церковь; «второй франкизм»; франкизм; Второй Ватиканский Собор; Франсиско Франко.

The article examines the relationship of the Catholic Church of Spain with the regime of F. Franco during the «second Francoism» (1957–1975). The place and role of Catholic organizations in carrying out social and economic reforms in Spain in the late 1950s – the first half of the 1970s is determined. The reasons for the aggravation of church-state relations in the 1960s and the role of decisions taken at the Second Vatican Council in this process are revealed. The consequences of this aggravation for the Catholic Church of Spain and its ways out of the internal crisis are characterized.

Keywords: Catholic Church; «second Francoism»; Francoism; Second Vatican Council; Francisco Franco.

Традиционно «вторым франкизмом» (исп. *segundo franquismo*) исследователи называют период испанской истории с 1957 по 1975 г. Нижняя граница этих хронологических рамок связана с реорганизацией правительства в феврале 1957 г., когда ведущие посты в нем заняли технократы из католической организации *Opus Dei*. Однако также существует мнение, что период «второго франкизма» следует отсчитывать с 1959 г. С этого времени начал действовать «План стабилизации» – проект экономических реформ, заложивший основу для последующего экономического развития Испании в 1960–1970-е гг. Такого мнения придерживаются преимущественно испанские историки [1; 2]. Верхняя граница хронологических рамок связана со смертью Ф. Франко и падением франкистского режима.

К началу «второго франкизма» Испания находилась в глубоком экономическом кризисе. В частности, инфляция национальной валюты (песеты) в отдельные годы достигала 20 %, сокращался экспорт, увеличились торговый и бюджетный дефициты, истощались золотовалютные резервы. Ситуация осложнялась политическим курсом Ф. Франко и Фаланги на автаркию, что приводило не только к международной изоляции страны, но и к усилению местных политических кланов. Помимо этого, в 1956 г. по стране прокатилась волна студенческих и рабочих забастовок (в Мадриде, Стране Басков, Каталонии и Наварре). В начале 1957 г. Испания была на грани возвращения к карточной системе [3, с. 181]. Все это означало, что экономическая политика фалангистов потерпела крах. 25 февраля 1957 г. Ф. Франко реорганизовал кабинет министров. В новое правительство вошли представители католической организации *Opus Dei*: министерство финансов возглавил М. Наварро Рубио, министром торговли стал А. Ульястрес, а Л. Лопес Родо занял место ученого секретаря государственного департамента [4, л. 161, 201; 5, с. 239, 242; 6, р. 27]. Испанская пресса почти сразу окрестила их «технократами», поскольку их программа включала в себя ориентацию на научный прогресс, либерализацию экономики, хозяйственную реформу и отказ от автаркии [7, с. 36].

В период с 1957 по 1959 г. новое правительство занималось разработкой «Плана стабилизации» испанской экономики, который начал полномасштабно внедряться с июля 1959 г. [8, р. 426–427]. Он подразумевал развитие рыночных отношений, преодоление изоляции страны, установление единого обменного курса, снижение роли государства в экономике, сокращение государственных расходов, налоговую реформу и т. д. Осуществлению «Плана стабилизации» способствовало то, что в 1958 г. Испания присоединилась к Организации европейского экономического сотрудничества (в 1961 г. переименована в Организацию экономического сотрудничества и развития – ОЭСР), Международному валютному фонду (МВФ) и Международному банку реконструкции и развития (МБРР) [9, р. 469; 10, с. 485]. В результате страна получила 546 млн долларов в форме кредитов и займов

от Европейского валютного фонда, МВФ, правительства США и частных американских банков [5, с. 244]. Начиная с 1961 г. «План стабилизации» стал приносить первые результаты. Темпы роста ВВП увеличились с 0,5 % в 1960 г. до 3,7 % в 1961 г. и 7 % в 1962 г. [11, р. 257–258].

После успеха «Плана стабилизации» правительство Испании перешло к «политике экономического программирования», подразумевающей дальнейшее развитие рыночных отношений, увеличение экономической самостоятельности предприятий, стимулирование промышленного производства и привлечение новых иностранных инвестиций. Для этих целей был разработан и принят «План развития» (1964–1967), за которым последовали второй (1968–1971) и третий «Планы развития» (1972–1975). Их подготовкой и реализацией руководил Л. Лопес Родо, занимавший в 1965–1973 гг. должность министра без портфеля [3, с. 185–186; 10, с. 488; 12; 13, р. 165]. Все эти годы испанская экономика сохраняла высокие темпы роста (7,2–7,5 % в год) [13, р. 169]. Число министров из *Opus Dei* также постепенно росло, достигнув наивысшей точки в 1969 г., когда его члены и последователи получили десять портфелей в правительстве [4, л. 201; 7, с. 38]. Советская исследователь Л. В. Пономарева оценивает период с 1969 по 1973 г. как время, в которое политическая фракция *Opus Dei* обладала максимальным влиянием в правительстве страны [10, с. 496].

В других социально значимых сферах Церковь по-прежнему занимала ведущие позиции. Так, еще со времени прихода к власти Ф. Франко образование в Испании было отдано в ее руки. Церковью совместно с правительством был проведен ряд реформ в сфере образования. По словам министра образования времен «первого франкизма» Х. Руис-Хименеса (1951–1955) «государство будет стремиться к тому, чтобы образование было доступно всем испанцам» [14, р. 107]. Масштабные проекты строительства сети начальных и средних школ были приняты как составная часть плана социально-экономического развития. К середине 1950-х гг. численность государственных школ резко сократилась, что было связано с расширением сети церковно-приходских школ и учебных заведений католических орденов [15, р. 27]. В соответствии с Конкордатом 1953 г., заключенным между Ватиканом и Испанским государством на всех ступенях образования, от начального до высшего, было введено обязательное преподавание католического учения. Это предписание касалось не только церковных, но и государственных учебных заведений [16, с. 49–50]. Благодаря этому количество неграмотных в Испании сократилось с 17 % в 1950 г. до 14 % в 1960 г. [17, р. 45]. К середине 1960-х гг. в Испании насчитывалось 14 781 начальная школа и 650 среднеобразовательных школ, принадлежащих Церкви [16, с. 50].

Учитывая сложную экономическую ситуацию, также остро стоял вопрос об осуществлении профессиональной подготовки молодежи. Испанские власти поднимали вопрос о расширении и развитии системы средне-спе-

циального образования еще в начале 1950-х гг. С 1956 г. стала постепенно создаваться сеть профессионально-технических учреждений, которые являлись филиалами национальных институтов. В них весь образовательный процесс был отдан в руки Церкви. К 1959 г. было открыто 9 подобных учреждений, расположенных в пригородах Мадрида (3 филиала для женщин и 2 для мужчин), Барселоне (2 филиала для женщин), Аликанте (филиал для мужчин) и Сарагосе (филиал для мужчин) [18, р. 116, 124]. В 1967 г. существовало уже 172 подобных филиала, а в 1970 г. – 303 филиала по всей Испании: 34 в Мадриде, 28 в Барселоне, 19 в Валенсии и т. д. [18, р. 125]. В период с 1959 по 1966 г. активную просветительскую деятельность развернуло Католическое Действие (светская католическая организация), открывая различные школы и учебные центры для рабочей и крестьянской молодежи [19, р. 331]. В 1960-е гг. данная организация направила свои усилия на включение в образовательный процесс женщин [2, р. 241].

В сфере высшего образования вплоть до 1970 г. действовал университетский закон 1943 г. [15, р. 27; 20, с. 38]. Высшее образование в Испании в основном являлось прерогативой государства. Однако вместе с этим Католическая Церковь открывала и свои высшие учебные заведения [20, с. 29]. Следует отметить роль *Opus Dei* в испанском образовательном процессе, которое имело свои собственные школы, техникумы и колледжи. Некоторые исследователи утверждают, что в 1950-х гг. 20–25 % научно-педагогических кадров в испанском высшем образовании были представителями *Opus Dei* [7, с. 31; 9, р. 438]. В 1952 г. в Памплоне *Opus Dei* открыло светский учебный центр [21, с. 224], который впоследствии папским указом от 6 августа 1960 г. был преобразован в Наваррский университет. С 1962 г. Наваррский университет вместе с университетами иезуитов Деусто и Комильяс стал выдавать дипломы государственного образца [15, р. 27].

Одновременно с этим в 1968 г. новым министром образования был назначен член *Opus Dei* Х. Вильяр Паласи [9, р. 564]. Под его руководством в 1970 г. был подготовлен и принят Закон «Об общем образовании» и проведена соответствующая реформа, в результате которой произошел переход к обязательному восьмилетнему образованию. После школы молодые люди могли получать трехлетнее профессионально-техническое образование. Тем, кто хотел поступить в университет, нужно было окончить специальные годичные подготовительные курсы и сдать экзамен. По словам министра, он намеревался сделать образование «инструментом социальной мобильности» [9, р. 565]. В период с 1968 по 1971 г. расходы на образование в Испании выросли на 66 % [9, р. 565], а численность студентов высших учебных заведений увеличилась с 77 тыс. в 1960 г. [20, с. 30] до 150 тыс. в 1969 г. и 400 тыс. в 1975 г. [9, р. 566].

Вместе с тем, в начале 1960-х гг. внутри Церкви стали раздаваться голоса священнослужителей и прихожан, недовольных социально-полити-

ческой ситуацией в стране. В конце мая 1960 г. 339 баскских священников обратились к папскому нунцию и высшим церковным властям страны с письмом, в котором говорилось: «С каждым днем увеличивается пропасть между нами и душами, которые доверены нам» [22, с. 103]. Священнослужители указывали, что это является следствием слияния Церкви с франкистским государством. Они также высказывали свои опасения, что репрессии, пытки, отсутствие свободы слова, ассоциаций и собраний подрывают авторитет Церкви в глазах простых верующих [5, с. 321]. Однако высшее духовенство не поддержало священников и выразило им свое «порицание». Позиция епископов была поддержана папским нунцием в Испании, который в официальном заявлении назвал письмо «скандальным» [22, с. 103]. Все священники были осуждены Церковью под предлогом того, что она «не вмешивается в политические дела» [23, с. 36].

На произошедшие события отреагировал Ватикан. 15 мая 1961 г. Папой Иоанном XXIII (1958–1963) была опубликована Энциклика *Mater et Magistra* (с лат. «Мать и наставница»), в которой уделялось внимание вопросам бедности и социального неравенства. В апреле 1963 г. была издана Энциклика *Pacem in Terris* (с лат. «Мир на земле»), посвященная правам и обязанностям человека, гражданским свободам, взаимоотношениям гражданской власти и общества, а также мирному сосуществованию государств. Она осуждала страны, подавляющие гражданские права и свободы. Многие испанские католики посчитали, что ее публикация была направлена против франкистского режима [6, р. 28–29]. Показательным является тот факт, что в ноябре 1963 г. в интервью французской газете «Le Monde» аббат Монсерратского монастыря А. Эскарре заявил, что «политика режима Франко не соответствует принципам католицизма» [5, с. 322].

Напряженность между испанским режимом и Ватиканом возросла после проведения Второго Ватиканского Собора (1962–1965) и решений, принятых на нем. Так, Декрет *Christus Dominus* (с лат. «Христос Господь»), принятый на Соборе 28 октября 1965 г., запрещал вмешательство светских властей в Испании в процесс назначения епископов (согласно условиям Конкордата 1953 г., Ф. Франко мог назначать и низлагать епископов в Испании по своему усмотрению). Декларация *Dignitatis humanae* (с лат. «Достоинство человеческой личности») от 7 декабря 1965 г. была направлена на защиту прав человека, гражданских и религиозных свобод [24, с. 85]. Конституция *Gaudium et Spes* (с лат. «Радость и надежда») провозглашала, что церковь является автономным и независимым от государства институтом [3, с. 251].

Ф. Франко болезненно реагировал на принятые решения. Несмотря на общую демократизацию режима, полное согласие с Собором означало бы для него потерю личного контроля над Католической Церковью в Испании. Подконтрольные Ф. Франко епископы голосовали против всех решений Со-

бора, способствующих обновлению Церкви. Они направили личное письмо Папе Павлу VI (1963–1978), в котором заявляли, что Декларация *Dignitatis humanae* противоречит национальным устоям Испании и ограничивает как церковную, так и государственную власть [24, с. 85–86]. В результате испанская Церковь в 1967 г. приняла собственную декларацию о свободе совести, искажавшую первоначальный смысл соборных решений.

Ответом на Декрет *Christus Dominus*, запрещающий вмешательство государства в процесс назначения епископов, стала нота протеста от испанского правительства, в которой сообщалось, что «указания Ватикана меняют отношения между церковью и испанским государством <...> [в результате чего] нарушается принцип конфессиональности, соответствующий убеждениям подавляющего большинства испанцев» [16, с. 70]. В апреле 1968 г. Папа Павел VI был вынужден повторно обратиться к главе испанского государства с просьбой отказаться от его привилегии в назначении епископов. Однако Ф. Франко и во второй раз не принял этого предложения. Он сослался на то, что «юридически любые изменения соглашений между обоими институтами, в частности изменения в назначении епископов – этого главного пункта соглашений между святым престолом и испанским государством, требуют одобрения их правительством и кортесами» [16, с. 70].

Конфликт между Ф. Франко и Ватиканом привел Католическую Церковь Испании к внутреннему расколу. Так, в 1966 г. четыре тысячи испанских священников и монахов опубликовали меморандум, в котором требовали отделения церкви от государства в соответствии с решениями Второго Ватиканского Собора [25, с. 413]. В ответ на это многие протестующие священники были посажены в специально организованную тюрьму в Саморе [16, с. 64]. Это лишь усугубляло ситуацию. В знак протеста из семинарий стали уходить молодые люди, что привело к нехватке священников на приходах в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Проблема оттока коснулась и монашеские ордена: в 1970 г. Орден иезуитов покинул 1161 человек [16, с. 61]. Фактически в испанской Церкви произошел разрыв между поколениями, в результате которого возрастные иерархи (в первой половине 1960-х гг. 90 % испанских епископов были старше 75 лет) [6, р. 29] отрицали необходимость каких-либо изменений, а молодое поколение священников горячо поддерживало любые либеральные перемены.

На рубеже 1960–1970-х гг. произошло полномасштабное обновление высшей иерархии Католической Церкви в Испании. На место старых епископов-традиционалистов пришло около 30 новых человек, составляющих либеральное крыло церковного руководства. Кроме того, количество помощников епископов, непосредственно назначенных Ватиканом, в эти годы увеличилось в три раза [16, с. 67]. На этом фоне в июле 1969 г. в Риме начались переговоры о возможности замены старого Конкордата новым договором, который закрепил бы принцип отделения церкви от государства.

На них руководство испанской Церкви впервые открыто выступило против Ф. Франко и поддержало проект нового договора. Однако правительство Испании воспротивилось его принятию. В сентябре 1971 г. состоялась Совместная ассамблея испанских священников и епископов (исп. *La Asamblea Conjunta de obispos y sacerdotes*), на которой был принят документ «*La Iglesia y la Comunidad política*» (с исп. «Церковь и политическое сообщество»), провозгласивший новые принципы церковно-государственных отношений. Около 250 епископов открыто высказались за отделение церкви от государства, отказывались от всех государственных и имущественных привилегий и т. д. [16, с. 71]. Несмотря на это Ф. Франко в очередной раз отказался идти на какие-либо уступки. Поэтому освобождение Церкви от государственного контроля произошло лишь после его смерти в 1975 г., когда была принята новая испанская Конституция (1978), провозглашавшая свободу вероисповедания и принцип отделения церкви от государства.

Таким образом, взаимоотношения Католической Церкви и испанского государства в период «второго франкизма» носят сложный и противоречивый характер. С одной стороны, в эти годы произошло обновление правительства страны, в которое вошли представители *Opus Dei*, ставшие идейными вдохновителями либерализации испанской экономики, социальных реформ и демократизации режима. С другой стороны, в первые годы «второго франкизма» взаимоотношения государства и Церкви строились на тех же основаниях, что и ранее. В первую очередь это связано с тем, что в высшем церковном руководстве Испании долгое время находились ярые сторонники Ф. Франко и идей национал-католицизма. Данная позиция привела к внутреннему идейному расколу в испанской Католической Церкви и осложняла ее взаимоотношения с Ватиканом. Тем не менее после масштабного обновления церковного руководства, произошедшего на рубеже 1960–1970-х гг. в силу естественных причин, внутренний кризис в испанской Католической Церкви был преодолен, и спустя некоторое время после смерти Ф. Франко произошло ее освобождение от государственного контроля и выстраивание церковно-государственных отношений на новых основаниях.

Список использованных источников

1. *Castillo Esparcia, A.* Las relaciones Iglesia-Estado durante el régimen franquista. Estudio de su evolución histórica reflejada en la celebración de actos oficiales / A. Castillo Esparcia, E. Castellero Ostio // *Historia y comunicación social*. 2019. – Vol. 24. – P. 61–76.
2. *Montero, F.* La Iglesia y el catolicismo en el final del franquismo. El «despegue» de la Iglesia en la pretransición 1960–1975 / F. Montero // *La España del presente: de la Dictadura a la democracia* / Coord. by A. Mateos López, A. Herrerin López. Segovia: Asociación de Historiadores del Presente, 2006. – P. 237–250.

3. Пономарева, Л. В. Испанский католицизм XX века / Л. В. Пономарева; отв. ред. Л. Ю. Слезкин. – М.: Наука, 1989. – 284 с.
4. Филатов, Г. А. Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Г. А. Филатов. – М., 2016. – 230 л.
5. Пожарская, С. П. Франсиско Франко и его время / С. П. Пожарская. – М.: Алгоритм, 2014. – 353 с.
6. Cooper, N. B. Catholicism and the Franco regime / N. B. Cooper. – Beverly Hills, California: Sage Publications, 1975. – 48 p.
7. Пономарева, Л. В. «Опус Деи» в Испании 50–60-х годов / Л. В. Пономарева // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1975. – С. 26–38.
8. Payne, S. G. Fascism in Spain, 1923–1977 / S. G. Payne. – Madison: University of Wisconsin Press, 1999. – 601 p.
9. Payne, S. G. The Franco regime: 1936–1975 / S. G. Payne. Madison: University of Wisconsin Press, 1987. – 677 p.
10. Пономарева, Л. В. Эволюция франкистского режима (1950–1975) / Л. В. Пономарева // История фашизма в Западной Европе; под ред. Г. С. Филатов. – М.: Наука, 1978. – С. 468–500.
11. Casanova, J. Twentieth-century Spain: a history / J. Casanova, C. Gil Andrés. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 377 p.
12. Decreto 1814/1965, de 7 de julio, por el que se nombra Ministro sin Cartera a don Laureano López Rodó // Boletín Oficial del Estado. 8 de julio 1965. № 162. [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://www.boe.es/boe/dias/1965/07/08/pdfs/A09609-09609.pdf>. – Fecha de acceso: 13.11.2021.
13. Botti, A. Nazionalcattolicesimo e Spagna nuova: (1881–1975) / A. Botti. – Milano: Angeli, 1992. – 194 p.
14. Ley de Ordenación de la Enseñanza Media (de D. Joaquín Ruiz-Jiménez y Cortés). (Ley de 26 de febrero de 1953) // Instituto Cardenal Sandoval y Rojas, Aranda de Duero. Documentos, 2003. – P. 107–108.
15. Frago, A. La educación en el franquismo (1936–1975) / A. Frago // Educar em Revista. – 2014. – N. 51. – P. 19–35.
16. Бунина, З. Б. Католическая церковь современной Испании (60-е–первая половина 70-х годов) / З. Б. Бунина // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1979. – С. 48–77.
17. Domke, J. C. Education, Fascism, and the Catholic Church in Franco's Spain: PhD dissertation / J. C. Domke. – Chicago, 2011. – 155 p.
18. Cruz Orozco, J. I. La extensión del bachillerato en los suburbios españoles (1956–1984). Las Secciones Filiales de Instituto / J. I. Cruz Orozco // Estudios sobre Educación. – 2017. – Vol. 32. – P. 115–134.
19. Montero, F. Las campañas de los movimientos católicos juveniles durante el franquismo, 1955–1965 / F. Montero // Formas y espacios de la educación popular en la Europa mediterránea; dir. J. L. Guereña, A. Tiana Ferrer. – Madrid: Casa de Velázquez, UNED, 2016. – P. 331–358.

20. Лукьянова, Л. И. Франкистская реформа образования и испанская высшая школа / Л. И. Лукьянова // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1979. – С. 23–45.
21. Berglar, P. Opus Dei: Leben und Werk des Gründers Josemaría Escrivá / P. Berglar. – Salzburg: Otto Müller Verlag, 1983. – 364 s.
22. Ковальский, Н. А. Международные католические организации / Н. А. Ковальский. – М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1962. – 111 с.
23. Великович, Л. Н. Церковь и народный капитализм / Л. Н. Великович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 120 с.
24. Коваль, Т. Б. Католицизм в современной Испании: «количество» и «качество» веры / Т. Б. Коваль // Латинская Америка. – 2009. – № 5. – С. 82–93.
25. Шейнман, М. М. Церковь после собора / М. М. Шейнман // Вопросы научного атеизма: сб. ст. / Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт научного атеизма, редкол.: А. Ф. Окулов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1968. – Вып. 6. II Ватиканский собор (Замыслы и итоги). – С. 412–430.

(Дата подачи: 18.02.2022 г.)

C. V. Nastusevich

Белорусский государственный университет, Минск

S. Nastusevich

Belarusian state University, Minsk

УДК 930.2:929

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО ПЛАНА» В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE RESEARCH PROJECT «THE MAN OF THE SECOND PLAN» IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

В статье рассматривается исследовательский проект «Человек второго плана», созданный в 2003 г. Ростовским отделением Общества интеллектуальной истории при участии исторического факультета Ростовского государственного университета. Определяется значение понятия «Человек второго плана» и оцениваются основные задачи проекта. На примере биографических работ, выполненных в его рамках, выявляются достоинства и недостатки осуществления проекта, а также его взаимосвязь с «новой биографической историей».

Ключевые слова: Человек второго плана; новая биографическая история; персональная история; биографические исследования; Л. П. Репина.

The article discusses the research project «The man of second plan», created in 2003 by the Rostov branch of the Society of Intellectual History with participation of the Historical Faculty of Rostov State University. The meaning of the concept of «The man of second plan» is determined and the main tasks of the project are evaluated. The advantages and disadvantages

of the project implementation, as well as its relationship with the «new biographical history» are revealed by the example of biographical works performed within its framework.

Keywords: the man of second plan; new biographical history; personal history; biographical research; L. P. Repina.

Развитие антропологически ориентированной истории и всеобщее признание микроисторического подхода в 1970–1990-х гг. поспособствовало теоретико-методологическому обновлению биографического жанра. Благодаря этому появились концепты «персональной истории» в западной историографии и «новой биографической истории» в российской исторической науке, рассматривающие биографию как форму антропологически ориентированного историописания. Важной особенностью нового типа биографических исследований является их изначальная направленность на изучение жизни людей, которых не всегда можно назвать выдающимися историческими деятелями. Это заметно на примере материала, выбранного Л. П. Репиной для анализа в статье «“Персональная история”: биография как средство исторического познания», вышедшей в 1999 г. в альманахе «Казус» и положившей начало оформлению нового типа биографических исследований в русскоязычной историографии [1]. Уделив внимание работам, посвященным людям, почти не игравшим какой-либо важной исторической роли (английской придворной даме, пуританскому ремесленнику, флорентийскому торговцу), Л. П. Репина пришла к выводу о перспективе складывания нового направления.

В 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории при участии исторического факультета Ростовского государственного университета (с 2006 г. Южный федеральный университет) и специалистов из других российских университетов был создан исследовательский проект «Человек второго плана в истории». Его основной задачей стало привлечение внимания исследователей к проблемам изучения взаимодействий человека и социума в различных культурно-исторических условиях [2, с. 3]. Объектами исследований стали люди «второго плана», которые, по мнению авторов проекта, «в гораздо большей мере, чем личности первой величины, интегрированы в социальный контекст <...>, и потому они нагляднее отражают в характерных чертах своей природы особенности эпохи и общественной среды, их взрастившей» [3, с. 6]. Подчеркивалось также, что исследовательский интерес к данной проблематике целиком лежит «в русле методологических поисков историографии конца прошлого и начала нынешнего века» [3, с. 3]. Таким образом, проект изначально получил экспериментальный характер и был направлен на коллективное творчество. Авторы проекта организовали ежегодную научную конференцию, по результатам которой стали выпускаться одноименные сборники. Первая методологическая трудность, с которой столкнулись исследователи, заклю-

чалась в необходимости определения критериев, согласно которым можно отделить друг от друга «личность первого плана», «человека второго плана» и «безмолвствующее большинство». Наиболее полно данная проблема освещена в статье А. В. Лубского «Человек второго плана: методологические проблемы “нового биографизма” (“игра в бисер” или нарративная стратегия историко-биографического исследования)» (2015) [4]. Рассмотрев мнения различных исследователей, высказанных на этот счет, автор пришел к выводу, что определить универсальные критерии выделения «человека второго плана» в истории невозможно, поскольку они «обусловлены культурно-историческим контекстом и методологией его изучения» [4, с. 71]. В пользу этого утверждения служит позиция, которую заняли авторы проекта уже во втором выпущенном сборнике: «В конечном итоге “человек второго плана” – это научная метафора, призванная полемически артикулировать предметное поле “новой биографической истории”» [3, с. 6]. Таким образом, данное понятие носит вполне условный характер и применяется с целью выработки предметных границ нового типа биографического исследования на практике. Авторы проекта обозначают данные границы путем объединения статей в различные тематические разделы, наиболее важные из которых мы рассмотрим ниже.

1. Почему не первый? Данный раздел посвящен судьбам людей, сыгравших значительную роль в истории, иногда определяющую развитие целых государств и общественных движений, но при этом, в силу различных причин, не вошедших в число наиболее известных исторических лиц первой величины. Среди наиболее ярких работ, посвященных персонажам подобного рода, выделим статью А. Н. Маркина «Марк Випсаний Агриппа: несостоявшийся император» [5]. Как описывает автор, Марк Випсаний Агриппа (63–12 гг. до н. э.) был ближайшим сподвижником и другом основателя Римской империи Октавиана Августа (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.). После убийства Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.) он поддержал Октавиана в политической борьбе, помог стать ему консулом, успешно командовал его войсками в наиболее важных сражениях гражданской войны времен второго триумvirата (43–31 гг. до н. э.), по результатам которых привел его к единоличной власти в империи. В течение многих лет Агриппа разделял с Октавианом консульские полномочия, женился на его дочери, а с 18 г. до н. э. фактически стал его соправителем. При этом Октавиан Август наделил своего друга высшей военной властью в империи, оставив за собой лишь гражданское управление, что говорит о высочайшем доверии к нему. Также была налажена чеканка монет с его изображением на аверсе, что указывает на его высокий статус в государстве. Однако Агриппа так и не смог стать первым, навсегда оставшись в тени фигуры Октавиана Августа и практически неизвестным для современного читателя. Причиной этому А. Н. Маркин называет его незнатное происхождение, добропорядочность, безраздельную

преданность императору, отсутствие жажды власти, которая не смогла его развратить. При этом вклад Агриппы в государственное строительство, военные успехи, культурное развитие Римской империи сложно переоценить, как и его личные качества образцового римлянина.

В другой работе «Реформатор второго плана» [6], написанной Л. П. Лаптевой (1926–2016), отражается история жизни Иеронима Пражского (ок. 1380–1416) – ученика и друга Яна Гуса (1371–1415), внесшего значительный вклад в зарождение Гуситского движения. Согласно мнению автора, Иероним Пражский не был идеологом гуситской реформации, не писал сочинений на эту тему и не возглавлял армий. Он был практиком, продвигавшим реформационные идеи с помощью диспутов и организацией протестных акций. Характеризуя эту деятельность, Л. П. Лаптева вводит в повествование широкий социальный, политический и религиозный контексты. Отучившись несколько лет в Пражском университете, Иероним продолжил свое образование в Оксфорде (1399–1401), где подробно изучил и переписал сочинения знаменитого теоретика Реформации Джона Уиклифа (1320–1384). Списки его сочинений Иероним привез в Прагу, благодаря чему заложил интеллектуальную основу Гуситского движения. При этом сам Иероним предпочитал долго не задерживаться на одном месте. В 1405 г. в Сорбоне ему была присвоена степень магистра свободных искусств, после чего он получил право на участие в диспутах и стал проводить их с завидным постоянством в различных университетах (Кельнском, Гейдельбергском, Пражском, Краковском), отстаивая опасные и еретические по своей сути идеи. Посещая различные города (от Парижа до Пскова) и пользуясь гостеприимством разных королей и князей (Чехия, Венгрия, Польша, ВКЛ), Иероним не очень часто бывал в Праге, но, возвращаясь туда, каждый раз оказывался в центре важных событий. Однако несмотря на то, что он стал самым известным представителем пражского виклифизма за границами Чешского королевства, внутри страны его заслонила фигура Яна Гуса, которого, впрочем, Иероним полностью поддерживал. Когда Яна Гуса заключили под стражу на Констанцском соборе (1414–1418), Иероним Пражский попытался ему помочь, но был схвачен и сожжен на костре почти через год после своего учителя.

Как видим, героев рассмотренных работ сложно назвать людьми «второго плана». Влиятельность и значительность их роли в исторических событиях бесспорны, а их имена были хорошо знакомы современникам. Однако, по историческим меркам они оказались в тени более знаковых фигур своего времени и потому попали в данный раздел. В своих работах авторы постарались выяснить причины этого и ответить на поставленный в заголовке вопрос.

2. В тени великих. Данный раздел подобен рассмотренному выше, за исключением того, что представленные здесь герои, оказывая значительное

влияние на исторические события, никогда не претендовали на роль первых лиц своего времени.

Рассмотрим работу Э. М. Дусаевой «Бонавентура и “титаны” XIII в.» [7]. В центре повествования автора находится фигура средневекового теолога св. Бонавентуры (ок. 1217–1274). В настоящее время он наиболее известен тем, что он написал житие св. Франциска Ассизского (ок. 1182–1226), с которым была тесно связана его собственная судьба: начиная от получения монашеского имени и заканчивая управлением и реорганизацией Францисканского ордена (1257–1274). В свое время Бонавентура приобрел значительное влияние: благодаря его содействию в 1271 г. был избран Папа Римский Григорий X (ок. 1210–1276), который отблагодарил его назначением в кардиналы. Также Бонавентура принял активное участие в подготовке и работе Второго Лионского Собора (1274), по результатам которого была заключена церковная уния с Константинопольским патриархатом, просуществовавшая до 1282 г. Между сессиями Лионского собора Бонавентура умер. В 1482 г. состоялось его канонизация Ватиканом, а в 1587 г. он был возведен в ранг учителей церкви. Между тем, как указывает Э. М. Дусаева, в восприятии современного общества фигура св. Бонавентуры меркнет на фоне других учителей церкви XIII в. – св. Франциска Ассизского и св. Фомы Аквинского (ок. 1225–1274). Автор объясняет это посмертным влиянием личностей и философских учений последних. Так, в XIX в. неомизм стал официальной идеологией Ватикана, а св. Бонавентура в сравнении с Фомой Аквинским, по мнению многих исследователей, не привнес в философию ничего нового. В то же время св. Франциск Ассизский стал основателем ордена, подав пример самой своей жизнью, тогда как св. Бонавентура являлся лишь продолжателем его дела [7, с. 77–78]. Таким образом, выбранный герой, несмотря на высокое прижизненное влияние, оказался на позициях «вечного второго», не имеющего шансов превзойти своих современников.

Рассмотрим также работу А. Л. Филоненко «Советник В. И. Ленина по экономическим вопросам Юрий Ларин» [8]. Герой данной статьи М. А. Лурье (1882–1932), известный в свое время под псевдонимом Юрий Ларин, оказывал довольно значительное влияние на политику молодой Советской республики. Однако советские и современные исследователи обходят его личность стороной. Как указывает автор, отчасти это связано с отрицательным отношением к нему со стороны советской партийно-идеологической номенклатуры, поскольку Ю. Ларин некоторое время был меньшевиком и придерживался неортодоксальных взглядов на развитие страны. Известность он получил во время Первой мировой войны благодаря письмам, написанным из Германии, в которых раскрывались особенности военно-политических и экономических мер воюющей страны. По мнению А. Л. Филоненко, данный материал позволил В. И. Ленину (1870–1924) обосновать перспективность развития социализма в России в начале XX в. Этот момент автор называет

ключевым в восхождении Ю. Ларина на вершину власти. В 1917 г. группа меньшевиков, которую он возглавлял, вошла в состав РСДРП(б). После захвата власти большевиками Ю. Ларин развернул интенсивную деятельность. По мнению автора, именно он был фактическим создателем системы «военного коммунизма», возглавляя при этом Комитет хозяйственной политики Высшего совета народного хозяйства (КХП ВСНХ), ставшего «мозговым центром» в области экономического развития советского государства в первые годы его существования. Во время переговоров с делегацией из Германии по вопросам экономического сотрудничества Ю. Ларин активно лоббировал проект о национализации промышленности, а после внес предложение о создании главков, что позволило объединить и организовать промышленность в тяжелых условиях гражданской войны. Тем не менее к ее концу влияние Ю. Ларина на партийное руководство ослабло, и он навсегда остался в тени более известных советских деятелей. В своей работе автор не объясняет причин этого ослабления, что отрицательно сказывается на полноте образа выбранного персонажа.

Как видим, герои, попавшие в данный раздел, как и те, что были рассмотрены ранее, оказывали значительное влияние на исторические события своего времени. Но, в отличие от первых, они не претендовали на безусловное лидерство и всегда оставались в тени более значимых по историческим меркам фигур.

3. Женские судьбы в «мужской» истории. Данный раздел в сборниках исследуемого проекта посвящен жизнеописаниям тех женщин, которые вынуждены были «играть» по правилам мужской истории или не стремились выйти на первый план исторического процесса.

Среди множества работ данной категории выделим статью Е. В. Тихоновой «“Дочь пустыни” Гертруда Белл» [9]. В центре ее повествования находится история жизни британской разведчицы, путешественницы и археолога Г. Белл (1868–1926), сыгравшей важнейшую роль в процессе формирования территории современного Ирака. Г. Белл родилась в семье владельца сталелитейных заводов на севере Англии. Она получила блестящее историческое образование в оксфордском Колледже леди Маргарет (1888), став первой женщиной, которой в этом учебном заведении во всех выпускных испытаниях поставили высшие баллы. В 1890 г. под влиянием своего дяди Ф. Ласселза (1841–1920), бывшего в то время послом Великобритании в Румынии (1887–1891), а затем в Персии (1892–1894), девушка посетила Бухарест и Стамбул, а в 1892 г. отправилась в Тегеран. В результате этих поездок Восток навсегда запечатлелся в ее сердце. В Тегеране она едва не вышла замуж за первого секретаря британской дипмиссии Г. Кадогена (1859–1893), но тот умер от холеры. В 1897–1898 гг. она совершила кругосветное путешествие, в 1899 г. отправилась в Палестину, где участвовала в археологических раскопках, а в 1900 г. в Аравию. В том же году она по-

сетила Ливан и Сирию, искренне интересуясь жизнью местных народов. В 1902–1903 гг. Г. Белл совершила второе кругосветное путешествие, а в 1907 г. приняла участие в археологических раскопках раннехристианских храмов в Малой Азии. В 1912 г. Г. Белл отправилась в Багдад, где вступала в тесные контакты с местными жителями. Там же она познакомилась со студентом Оксфорда Т. Э. Лоуренсом (1888–1935), впоследствии прославившемся под именем Лоуренса Аравийского. С 1913 г. английское правительство стало поручать ей секретные миссии, целью которых было укрепление позиций Лондона на Ближнем Востоке. Во время Первой мировой войны Г. Белл служила в британской разведке, где совместно с Лоуренсом Аравийским готовила почву для мобилизации арабов против Османской империи. В 1919 г. она участвовала в Парижской мирной конференции, а в 1920 г. убедила Лондон поставить во главе Иракского государства местное правительство. В 1921 г. У. Черчилль (1874–1965) поручил Г. Белл определить границы будущего государства [9, с. 278]. Кроме того, по мнению Е. В. Тихоновой, именно ее авторитет среди местных народов сыграл решающую роль в приходе к власти в 1921 г. Фейсала I из дома Хашемитов (1883–1933), ставшего первым королем на иракском престоле. Последнее, что задумала сделать Г. Белл, было создание в Ираке археологического музея, однако этим планам не суждено было сбыться из-за резко ухудшающегося здоровья, в результате чего в 1926 г. она умерла в Багдаде. Как указывает Е. В. Тихонова, личность Г. Белл необыкновенна хотя бы потому, что она смогла добиться неподдельного уважения среди мусульман-мужчин в начале XX в. Тем не менее тот же Лоуренс Аравийский призывал не преувеличивать ее роль в иракской истории. Примечателен и тот факт, что в культовом фильме «Лоуренс Аравийский» (1962), снятом Д. Лином (1908–1991) и удостоенном семи премий «Оскар», в котором повествуется о событиях 1916–1918 гг., нет женских персонажей, что прекрасно иллюстрирует место женщин в коллективной памяти о событиях того времени. Таким образом, вне зависимости от своей роли в событиях, развернувшихся в начале XX в. на Ближнем Востоке, фигура Гертруды Белл была отодвинута на второй план.

Также, для нас представляет интерес работа Е. А. Паламарчука «Ева Браун: стать женой фюрера и умереть» [10]. Героиня этой работы Е. Браун (1912–1945), ставшая супругой А. Гитлера (1889–1945) за день до их совместного самоубийства, известна на весь мир. Познакомились они в 1929 г. в фотостудии Г. Гофмана (1885–1957), где девушка работала ассистенткой. Первое время А. Гитлер не обращал особого внимания на свою поклонницу, что в итоге привело ее к продолжительной депрессии. В ночь на первое ноября 1932 г. Е. Браун попыталась покончить с собой выстрелив себе в шею. Пуля застряла возле сонной артерии и девушку успели спасти. Этот поступок тронул фюрера за живое, и тот увлекся ей на некоторое время. После второй попытки суицида, совершенной в мае 1935 г., А. Гитлер при-

обрел для нее дом в пригороде Мюнхена и автомобиль с личным шофером и охраной. Многие исследователи считают, что за действиями Е. Браун кроется желание привлечь к себе внимание фюрера. Каждый раз после очередной попытки суицида А. Гитлер вспоминал о ее существовании и одаривал подарками, словно пытаясь загладить свою вину. Однако это отнюдь не упрощало жизнь Е. Браун. Она была одержима ревностью, а фюрер, в свою очередь, постоянно давал для этого поводы. Среди армии его поклонниц Е. А. Паламарчук выделяет киноактрис О. К. Чехову (1897–1980) и Р. Мюллер (1906–1937), невестку его любимого композитора В. Вагнер (1897–1980), дочь британского аристократа Ю. В. Митфорд (1914–1948), а также известную танцовщицу и кинорежиссера Л. Рифеншталь (1902–2003). Е. Браун старалась скомпрометировать своих соперниц в глазах А. Гитлера, и часто ей это удавалось, что вело к новым жертвам. В 1936 г. она переехала в Бергхоф – резиденцию фюрера, построенную в баварских Альпах. Однако и после этого А. Гитлер не желал появляться с ней на публике. В результате мало кто знал о ее существовании. Это тяготило Е. Браун несмотря на то, что ее жизнь была наполнена материальным достатком и различного рода развлечениями. С началом войны ее влияние на фюрера некоторым образом возросло, хоть А. Гитлер никогда высоко не ценил ее личные качества. Тем не менее она осталась ему верна до конца и 30 апреля 1945 г., после того как добилась желаемого, добровольно ушла вместе с ним из жизни. Подводя итог, Е. А. Паламарчук указывает на то, что Е. Браун никогда не обладала каким-либо влиянием на политику, проводимую А. Гитлером. Ее поступки скорее свидетельствуют о безумной одержимости фюрером. Она всегда оставалась в его тени и если бы не страстное и смертельное увлечение, то Е. Браун никоим образом не смогла бы войти в историю.

На примере статей, размещенных в данном разделе, хорошо видно, сколь разными могут быть «персонажи второго плана». В то время, когда героиня первой статьи (Г. Белл) оказывала реальное воздействие на исторический процесс, была захватывающей и необыкновенной личностью, а память о ней едва сохранилась, героиня второй статьи (Е. Браун) не играла какой-либо существенной роли в истории, но, тем не менее, про нее слышал едва ли не каждый. Подобные противоречия придают особую ценность рассматриваемому проекту, позволяющему по-иному и более осмысленно расставить сложившееся в исторической науке акценты.

Исследовательский проект «Человек второго плана» далеко не исчерпывается рассмотренными нами разделами. Тем не менее представляется возможным подвести некоторые итоги. Проект «Человек второго плана» в целом успешно выполняет поставленные перед ним задачи. Во-первых, благодаря его осуществлению перед читателем открывается новый срез для рассматривания исторического процесса, представленного индивидуальными судьбами людей и воплощенного в конкретной жизненной практике. Во-

вторых, авторам проекта действительно удалось обозначить границы предметного поля «новой биографической истории», в пределах которых самостоятельной познавательной ценностью обладает жизнеописание индивида любого калибра. Единственным условием для проведения исследований подобного рода является наличие достаточного объема исторических источников. Однако в выбранной стратегии реализации проекта присутствует и ряд существенных недостатков. Во-первых, проект осуществлялся в малых формах историописания (научных статьях), которые не позволяют включить в биографическое повествование широкий исторический контекст. В результате страдает методологическая сторона этих исследований, а сами работы менее всего походят на труды, выполненные в духе «новой биографической истории». Во-вторых, в проекте не нашлось места для крупных междисциплинарных исследований, что свидетельствует о его теоретической ограниченности.

Список использованных источников

1. *Репина, Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 76–100.
2. *Мининков, Н. А.* Человек второго ряда как исследовательская проблема / Н. А. Мининков // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2004. – Вып. 1. – С. 4–12.
3. *Мининков, Н. А.* Человек второго плана в контексте современной историографии / Н. А. Мининков, А. В. Кореневский, А. И. Иваненко // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 3–8.
4. *Лубский, А. В.* Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) / А. В. Лубский // Ейдос. – 2014–2015. – Вып. 8. – С. 67–84.
5. *Маркин, А. Н.* Марк Випсаний Агриппа: несостоявшийся император / А. Н. Маркин // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 9–25.
6. *Лаптева, Л. П.* Реформатор второго плана / Л. П. Лаптева // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 26–53.
7. *Дусаева, Э. Н.* Св. Бонавентура и «титаны» XIII в. / Э. Н. Дусаева // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2006. – Вып. 3. – С. 70–79.
8. *Филоненко, А. Л.* Советник В. И. Ленина по экономическим вопросам Юрий Ларин / А. Л. Филоненко // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2006. – Вып. 3. – С. 93–102.
9. *Тихонова, Е. В.* «Дочь пустыни» Гертруда Белл / Е. В. Тихонова // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Южный федеральный университет. – Ростов-н/Д., 2007. – С. 267–280.

10. Паламарчук, Е. А. Ева Браун: стать женой фюрера и умереть / Е. А. Паламарчук // Слава и забвение: парадоксы биографики: сб. науч. ст. / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет, редкол.: Л. П. Репина (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Алетея, 2014. – С. 371–384.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

С. В. Олюнин

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. Olunin

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(560)

ТУРЕЦКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

TURKISH HISTORICAL SOCIETY: AT THE ORIGINS OF THE CREATION OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY

В статье рассматривается процесс становления турецкого исторического знания на примере деятельности Турецкого исторического общества. Проанализированы структура, условия возникновения, юридический статус, а также деятельность организации, направленная на поддержку и развитие исторических исследований. Раскрываются основные направления исторических исследований в рамках национального дискурса.

Ключевые слова: Турецкое историческое общество; Мустафа Кемаль Ататюрк; история Турции; национальная историография.

The article considers the process of formation of Turkish historical knowledge on the example of the activities of the Turkish Historical Society. The structure, conditions of origin, legal status, as well as the activities of the organization aimed at supporting and developing historical research are analyzed. The main directions of historical research within the framework of national discourse are revealed.

Keywords: Turkish Historical Society; Mustafa Kemal Atatürk; history of Turkey; national historiography.

Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu) сегодня – это авторитетная организация, существующая под указанным наименованием с 1935 г., объединяющая профессиональных историков как из самой Турции, так и других стран. Миссией общества, территориально располагающегося в Анкаре, является поддержка и развитие исследований истории Турции и туток в рамках современного понимания социальных наук, а также развитие исторического сознания в обществе. В структуру Общества включены Научный совет и четыре управления: Стратегического развития, Научных исследований, HR и вспомогательных служб, а также библиотеки

с огромным фондом. Сайт Общества наглядно демонстрирует понимание важности позиционирования и продвижения своих интересов в цифровом пространстве. Кроме того, в соответствующих разделах размещены статьи, публикуемые в научных изданиях Общества [1].

Турецкое историческое общество, согласно действующему Закону от 11.08.1983 г. за № 2876, является составной частью Высшего общества культуры, языка и истории имени Ататюрка. Кроме того, статус и деятельность Общества прописаны отдельной статьей в Конституции Турецкой Республики: «Высшее общество культуры, языка и истории имени Ататюрка учреждается как общественное юридическое лицо под символической эгидой Ататюрка, под контролем и при поддержке со стороны Президента Республики при премьер-министре в составе Исследовательского центра Ататюрка, Общества турецкого языка, Турецкого исторического общества и Культурного центра Ататюрка для проведения научных исследований, осуществления публикаций и распространения информации по мировоззрению, принципам и реформам Ататюрка, турецкой культуры, турецкой истории и турецкого языка. Финансовые средства общества турецкого языка и турецкой истории, определенные Ататюрком в своем завещании, сохраняются и соответственно распределяются. Структура, органы, методы работы и вопросы персонала Высшего общества культуры, языка и истории, а также полномочия в отношении их подразделений регулируются законом» [2].

29 октября 1923 года была провозглашена Турецкая Республика, которая, с одной стороны, являлась территориальной наследницей Османского султаната, с другой – стала кардинально новым национальным проектом. Созданное и поддерживаемое военной и политической элитой Турецкое государство стало примером конструирования национальной идентичности в контексте взаимодействия традиционных мусульманских и европейских социальных институтов.

Перенос столицы из Константинополя в Анкару, установление новых границ и необходимость их обоснования как на внешнеполитической арене, так и перед лицом собственных граждан требовали убедительных аргументов. Все население, заключенное в границах только что созданного государства, объявлялось единой турецкой нацией. Кроме того, актуальным становился вопрос о происхождении этой нации, издревле проживающей, как утверждалось, на территории Анатолии и имеющей единую этническую и культурную основы. Такие притязания необходимо было подкреплять научно. Были запущены механизмы, при помощи которых создавалась новая национальная турецкая историография. Инструментом для производства доводов и смыслов в рамках конструирования национального исторического нарратива стало Турецкое историческое общество.

Приемная дочь основателя Турецкой Республики Мустафы Кемала Ататюрка Афет, обучаясь во французском лицее Нотр Дам де Сион в Стамбуле,

рассказала ему, что во французском учебнике по истории турки отнесены к «желтой», монголоидной расе. Мустафа Кемаль был возмущен таким подходом и продиктовал ей следующий текст: «Не было за всю историю человечества нации более великой, древней и почетной, чем турецкая нация. Турецкий язык – самый красивый и богатый в мире; к тому же, он может стать самым легким в изучении». Этот текст можно назвать манифестом двух образованных Ататюрком научных организаций – Турецкого исторического и Турецкого лингвистического обществ, которые сыграли значительную роль в разработке и конструировании национальной историографии и турецкого языка, что напрямую повлияло на формирование национальной турецкой идентичности. Показательно, что Афет впоследствии стала известным турецким историком [3, с. 57–58].

В соответствии с директивой М. К. Ататюрка от 15 апреля 1931 г. было создано «Общество по изучению турецкой истории» (*Türk Tarihi Araştırma Kurumu*), насчитывавшее 16 человек, 3 октября 1935 г. переименованное в «Турецкое историческое общество». Изначально это была организация с ограниченным членством, поддерживавшая исследования и публикации тех, кто в нее входил. Возглавили организацию известные историки и общественные деятели Тевфик Быйыкоглу (*Tevfik Büyükoğlu*) – Президент Общества, два вице-президента Юсуф Акчура (*Yusuf Akçura*) и Самих Рифат (*Samih Rifat*). Генеральным секретарем стал доктор Решит Галип (*Dr. Reşit Galip*). В состав общества вошли Афет Инан (*Âfet İnan*), Исмаил Хаккы Узунчаршылы (*İsmail Hakkı Uzunçarşılı*), Хамид Зубейр Кошай (*Hâmid Zübeyir Koşay*), Халиль Едхем (*Halil Edhem*), Рагыб Хулуси (*Ragib Hulûsi*), Решид Сафвет Атабинен (*Reşid Safvet Atabinen*), Закир Кадири (*Zâkir Kadîrî*), Садри Максуди Арсал (*Sadri Maksudi Arsal*), эксперт Анкарского этнографического музея Месарош (*Mesaros*), Мюкримин Халиль Йиланч (*Mükrimin Halil Yınanç*), Васиф Сынар (*Vâsif Çınar*) и Йусуф Зия Озер (*Yusuf Ziya Özer*) [4].

Кемалистское прочтение истории, изложенное в изданном Обществом в 1931 г. четырехтомном курсе турецкой истории, гласило, что доисламское прошлое тюрок наполнено славными подвигами и цивилизаторской миссией. Утверждалось, что тюрки задолго до принятия ислама и основания Османской империи имели свою цивилизацию в Средней Азии, затем сумели сохранить свою идентичность и высокую культуру при османах. Составители этой работы предлагали обществу поверить в то, что все народы, прежде населявшие малоазийский полуостров, – хетты, эламиты, шумеры, аккадцы, фригийцы, лидийцы, карийцы, жители Урарту, троянцы, скифы и др. – были тюркского происхождения. Точно также все современные жители Малой Азии объявлялись «тюрками» – «горными», если речь шла о курдах, или «приморскими», когда имелись в виду лазы.

Цели, которые закладывал Ататюрк при создании Турецкого исторического общества, остаются актуальными и по сегодняшний день. Главной из них является исследование всего возможного спектра тем, касающихся истории тюрков и Турции. Результаты этих исследований публикуются самим Обществом. С 1937 г. начал издаваться научный журнал под названием Беллетен (Belleten) [5, с. 193]. Он стал первым серьезным и сохраняющимся до сих пор изданием, открывшим ценную серию публикаций в международной книжной коллекции. Издание выходит 4 раза в месяц. Статьи публикуются на турецком, французском, немецком, английском языках. Так как издание имеет продолжительную и непрерывную историю и признанный академический статус, то на его примере можно проследить один из болезненных вопросов турецкого общества: отношение к истории османского государства и соотношение проявляемого к ней интереса и интереса, проявляемого к истории Республики и другим аспектам тюркской истории. Османская история на официальном уровне была предана забвению, как история правления дома османидов, мало что имевшая с историей собственно турок.

За изданием журнала «Беллетен» последовали «Журнал факультета языка, истории и географии Анкарского Университета» (Ankara Üniversitesi DTCF Dergisi), а в 1941 г. журнал «Исторические документы» (Tarih Vesikaları Dergisi). На протяжении данного периода вследствие повышения интереса к истории выходили и такие популярные издания, как например «Иллюстрированный исторический журнал» (Resimli Tarih Mecmuası). С 1964 года издается журнал под названием «Белгелер» (Belgeler), в котором публикуются архивные документы и другие исторические источники.

Помимо поддержки исследовательской деятельности и издательского дела, Турецкое историческое общество проводит конференции, торжественные заседания, семинары, археологические раскопки, устраивает международные конгрессы. Конгрессы, организуемые, как правило, раз в четыре-пять лет, становятся значительным событием, привлекающим внимание исследователей из многих стран мира. Всего, начиная с 1932 по 2018 год, было проведено восемнадцать конгрессов. Последний прошел в Анкаре с 1 по 15 октября 2018 г. [6].

Турецкое историческое общество сразу после своего основания начало работу в здании так называемого «народного дома». Деятельность таких «народных домов» была схожа с деятельностью созданного Общества: проведение многочисленных конференций, призванных популяризировать среди населения такие темы, как национализм, развитие экономики, здравоохранения, сельского хозяйства, изучение латинского алфавита и т. д. «Народные дома» стали «приводным ремнем» в области идеологии и культуры в отношениях между правящей партией и обществом [7, с. 178]. В конце 1940-х гг. для Общества были выделены площади на историко-географическом факультете Анкарского университета. На протяжении почти сорока

лет работы были накоплены библиотечные фонды и расширилась книгоиздательская деятельность, по этой причине в 1980 г. было приобретено новое и на тот момент современное здание, в котором и по сей день располагается историческое общество.

Любые серьезные научные исследования невозможны без достойного и регулярного финансирования. Видимо, понимая это и осознавая масштабы задуманного, Мустафа Кемаль Ататюрк в своем завещании 5 сентября 1938 г. определил долю, которая причиталась Турецкому историческому обществу и должна была обеспечить ему постоянный и независимый доход. Акции, принадлежавшие Ататюрку и размещенные в Деловом банке, стали основой такого дохода. Безусловно, не последнюю роль в поддержке и успешной деятельности Общества сыграл и тот факт, что все президенты после Ататюрка являлись его главами-покровителями.

Теперь, если кратко обрисовать содержательную сторону исследовательской деятельности Турецкого исторического общества, то на примере статей, опубликованных в «Беллетен», можно увидеть основные тенденции развития национальной историографии. Для этого можно воспользоваться электронным архивом журнала [8]. Доминируют три основных направления исследований. К первому можно отнести работы, посвященные доосманскому периоду исторического развития культур Анатолии. Второе поле исследований – история Османской империи, которая воспринималась как чуждая тюркам, населявшим пределы государства. К третьему направлению можно отнести работы, в которых рассматривался непосредственно Республиканский период и деятельность Мустафы Кемала Ататюрка. Для такого обзора можно выбрать период издания журнала с 1937 по 1980 год. После военного переворота 1980 г. в общественной, политической и научной жизни страны произошли большие изменения, что отразилось и на статьях, публиковавшихся в «Беллетен».

Итак, в 173 номерах было опубликовано 904 статьи. Доосманскому периоду было уделено наибольшее внимание – 466 статей (сюда же включено и некоторое количество статей, не относящихся к османскому и республиканскому периодам). Истории Османского государства было посвящено 275 статей. Наименьшее количество работ относится к памятным датам и событиям современной истории Турецкой Республики – 163. Особенно четко данная тенденция прослеживается в публикациях 1937–1950-х гг. В первых ста номерах (период с 1937 по 1961 г.) республиканскому периоду было посвящено 77 статей, османскому – 135, а доосманскому периоду и остальным темам – около 280 статей. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все статьи о республиканском периоде были приурочены к каким-либо памятным датам (1938, 1939, 1944, 1956, 1963, 1968 гг. и т. д.). В основном эти статьи были посвящены памяти Ататюрка или являлись отчетами о конгрессах Турецкого исторического общества, и такие

статьи сами по себе несут относительную историографическую ценность. Для примера можно привести несколько номеров журнала, полностью посвященных одной проблематике. Номер 10 – Евгений Питар «Памяти Ататюрка» (Eugene Pittard «Atatürk'ün Hatırasını Tazim»). Номер 65 – Тевфик Быйыкоглу «Два завоевателя Стамбула: Мехмет II и Ататюрк» (Tevfik Büyükoğlu «İstanbul'un İki Fatihi, II. Mehmet ve Atatürk»). Номер 80 – Екрем Акургал «Историческая наука и Ататюрк» (Ekrem Akurgal «Tarih İlimi ve Atatürk») и т. д. Начиная с 1960-х гг. статей, относящихся к данной области, становится больше.

Всего с 1961 по 1980 г. (73 номера) в рамках данной тематики написано 86 статей. Причем наиболее часто здесь встречаются статьи вышеупомянутой Афет Инан. Также ведущими авторами здесь можно назвать Х. Иналджик (Halil İnalçık), У. Иидемира (Uluğ İğdemir), А. Юджеля (Ali Yücel), Х. Баюра (Hikmet Bayur), Т. Быйыкоглу (Tevfik Büyükoğlu). В 1977–1978 гг. наблюдается появление темы светскости и религиозности в истории Турции. Нешет Чаатай (Neşet Çağatay) опубликовал в номерах 163 и 167 две статьи «Использование религии и лаицизм в Турции» (Türkiye'de Din Sömürüsü ve Lâiklik) и «Что такое светскость и что такое шариат?» (Laiklik Nedir? Şeriat Nedir?).

История Османской империи долгое время не вызывала энтузиазма у исследователей. В первых ста номерах, изданных в период с 1937 по 1950-е гг. можно обнаружить только 135 статей, в сравнении с 280 статьями, касающимися доосманского периода. Обращает на себя внимание, что 23 статьи из первых пятидесяти (1937–1946) написаны одним автором – И. Х. Узунчаршили (İsmail Hakkı Uzunçarşılı). Практически благодаря именно его работе не прерывалась традиция профессионального изучения истории Османской империи на основе изучения архивов. В будущем его исследования стали основой для развития турецкой османистики.

Следует отметить также деятельность историка М. Ф. Кёпрюлю (M. Fuad Köprülü), чье историографическое наследие по истории Османской империи кемалистский период нередко называют «Школой Кёпрюлю». Эта школа опиралась на социологические подходы и широкий круг источников, доминируя в научном историческом сообществе. В своей основе она являлась продолжателем школы «Анналов» Люсьена Февра. Ведущими авторами в данной области также являлись Ф. Куртоглу (Fevzi Kurtoğlu, 1940-е гг.), Б. С. Байкал (Bekir Sıtkı Baykal), М. Т. Гёкбилгин (M. Tayyib Gökbilgin) и др.

С 1960-х наблюдался рост профессионального интереса как к республиканскому периоду истории Турции, так и к истории Османской империи. Например, 112-й номер, вышедший в 1964 г., полностью был посвящен истории Османской империи, причем в основном периоде Танзимата. При этом устойчиво доминируют статьи, написанные об истории, культуре,

архитектуре, медицине доосманского периода. К 1960-м гг. из примерно 490 вышедших статей около 278 относятся к указанным темам. Материалы в большинстве своем посвящены истории древних народов (хетты, ассирийцы, этруски, гётюрки, сельджукиды и т. д.). Б. Одель «Проблема “Фу-лин” и “апуримов” в письменах гётюрков» (Bahaeddin Ögel «Göktürk Yazıtlarının “Apuřim” ları ve “Fu-Lin” Problemi»). А. Сайилы и Р. Фрай «Тюрки Средней Азии до сельджуков» (Aydın Sayılı, Richard Frye «Selçuk'lardan evvel Orta Şark'ta Türkler»). О. Туран «Каравансарай сельджуков» (Osman Turan «Selçuk Kervansarayları») и т. д.

Издаются работы о месте турок в мировой истории. Е. Фон «Турки в истории философии» (Ernest Fon Aster «Felsefe Tarihinde Türkler»). Продолжается активный поиск происхождения турецкого народа. Ш. А. Кансу «Антропологическое исследование расовой истории Анатолии» (Şevket Aziz Kansu «Anadolu'nun Irk Tarihi Üzerine Antropolojik Bir Tetkik»). Ф. Сюмер «Только ли тюрки-кочевники пришли в Анатолию?» (Faruk Sümer «Anadolu'ya Yalnız Göçebe Türkler'mi Geldi?»).

Таким образом, тенденция создания национального нарратива, нацеленного на поиск корней, происхождения турок в границах Анатолии – читай, в государственных границах Турецкой Республики – продолжалась на протяжении многих десятилетий с момента создания Турецкого исторического общества. При этом большинство исследователей воспринимало современных турок как прямых наследников анатолийских цивилизаций, что выражалось в исследовании языков и памятников искусства доосманских времен с акцентом на том, что всё это является анатолийским наследием турецкой нации. Ставился вопрос о турецком происхождении тех или иных выдающихся личностей.

Несмотря на свое значение, деятельность Турецкого исторического общества не охватывала все поле историографии и народной исторической памяти. Новое государство создавало свою национальную историографию, но в кемалистский период официальная историческая концепция, которая могла бы лечь в основу исторических изысканий, еще не была разработана в должной степени. Официальная историография была нацелена на возвеличивание турецкой культуры, а для этого необходимо было скорее создавать, конструировать историю, нежели открывать и сохранять. Однако Общество не могло контролировать университеты, несмотря на то что в кемалистскую эпоху важное значение придавалось средневековой и древней истории, а также, на официальном уровне выказывалось пренебрежение к османской истории, именно в эти годы был заложен фундамент научной историографии Османской империи. В заключение можно сказать, что деятельность Турецкого исторического общества способствовала подготовке кадров для развития национальной научной историографии. Автономный статус и независимые источники финансирования создавали условия для относительно свободного развития исторической науки в стране.

Список использованных источников

1. Türk Tarih Kurumu. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ttk.gov.tr/>. – Дата доступа: 22.02.22.
2. Зиганинина, Г. М. Исламистские течения в общественно-политической жизни Турции (1970-2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук 07.00.03 / Г. М. Зиганинина. – М., 2009. – 227 л.
3. Ортайлы, И. Некоторые наблюдения о развитии исторической науки в Турции в период Ататаюрка / И. Ортайлы // От Стамбула до Москвы: сб. ст. Московск. гос. ун-т. Ин-т стран Азии и Африки; сост.: М. С. Мейер, С. Ф. Орешкова. – М, 2003. – С. 55–64.
4. Tarihçe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ttk.gov.tr/tarihce/>. – Дата доступа: 23.02.22.
5. Усманова, Д. М. 18-й Турецкий исторический конгресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/>. – Дата доступа: 05.02.22.
6. Киреев, Н. Г. История Турции / Н. Г. Киреев. – М.: Крафт Плюс ИВ РАН, 2007. – 605 с.
7. Конституция Турции (Турецкой Республики) от 7 ноября 1982 года. Статья 134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zarubejye.com/law/law11.htm/>. – Дата доступа: 15.07.09.
8. Beleten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belleten.gov.tr/arsiv/>. – Дата доступа: 23.02.22.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет,
Минск

V. Ostroga

BBelarusian State Technological University, Minsk

УДК 37/014(476)“18”

УЧИТЕЛЯ БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1870-Х – НАЧАЛА 1890-Х ГОДОВ

TEACHERS OF BELARUS IN THE SOCIO-POLITICAL MOVEMENT OF THE 1870S – BEGINNING OF THE 1890S

На конкретно-историческом материале показано участие учителей Беларуси в общественно-политическом движении 1870-х – начала 1890-х гг. Проанализированы состав участников, основные формы и направления, а также результаты в оценках современных. Выводы, сделанные автором, базируются на использовании нормативно-правовых актов, архивных источников, воспоминаний и материалов дореволюционной периодической печати.

Ключевые слова: педагогическая интеллигенция; учителя; общественно-политическое движение; народники; народнические организации.

The concrete historical material shows the participation of Belarusian teachers in the socio-political movement of the 1870s - early 1890s. The composition of the participants, the main forms and directions, as well as the results in the assessments of contemporaries are analyzed. The conclusions made by the author are based on the use of legal acts, archival sources, memoirs and materials from pre-revolutionary periodicals.

Keywords: pedagogical intelligentsia; teachers; socio-political movement; populists; populist organizations.

Вторая половина XIX в. характеризуется неоднозначностью и сложностью происходящих процессов во всех сферах общественной жизни. Буржуазные реформы создавали условия для модернизации страны, формирования буржуазных отношений, использования передового опыта западных стран. Резко возрастала необходимость в приведении системы образования в соответствие с запросами социально-экономического развития: подготовка квалифицированных специалистов, расширение просвещения народных масс, введение всеобщего обучения. В то же время сохранявшийся социально-политический строй государства с господством реакционных элит, консерватизм государственной политики и пережитки крепостничества во многом сдерживали экономическое развитие Беларуси и все прогрессивные начинания. Нарастающая борьба крестьянского населения за справедливое решение земельного вопроса активизировала общественно-политическое движение, одним из участников которого являлась демократически настроенная интеллигенция.

Народнические идеи в Беларуси формировались и распространялись под влиянием общероссийских центров революционно-демократического движения. Известный русский революционер и мыслитель, один из идеологов народничества П. Л. Лавров считал, что «для русской интеллигенции 70-х гг. осталась на первом плане культурная роль, быть посредницею между процессом работы научной, нравственной и философской мысли передовых борцов человечества и многомиллионными массами русского народа». Он отмечал, что первоначально стоит задача отвоевать у императорского абсолютизма ту политическую свободу, которую уже имели народы многих цивилизованных стран. Пореформенная Россия представляла с разорением и хроническим голоданием крестьянина и, следовательно, с «неотложным экономическим вопросом: чей труд создал все богатство, и какая часть их приходится на долю того, кто их создал?». Средство построения «основ нового быта» П. Л. Лавров видел в создании «крепко сплоченной и широко разветвленной организации пропагандистов в среде интеллигенции» [1, с. 7].

Народники были многолики в своих теориях и направлениях, но, вместе с тем, их отличала всесторонняя критика существовавшего экономического

и политического строя. Они отстаивали интересы мелких товаропроизводителей: делая опору на крестьянскую общину, считали, что в результате социальной (крестьянской) революции страна может перейти к социализму, минуя капитализм. «Содержание мирной по существу пропаганды общественного переворота» дополнялось «картиной будущих анархических порядков, исцеляющих от всех социальных язв настоящего» [2, с. 131]. С большими надеждами молодежь, среди которой значительную часть составляли представители педагогического мира, «отправилась в народ».

Пропаганда идей народничества в первую очередь развернулась в среде молодежи, среди учащихся средних школ (Минск, Пинск, Гродно, Слоним, Могилев, Витебск и др.) и низшей прослойки служащих, к которой относились также учителя начальных училищ. Революционно-просветительский характер отличал деятельность первых нелегальных кружков «борцов за народное счастье», которые создавались с целью изучения социалистических идей и подготовки кадров пропагандистов.

Общественно-политическое движение охватывает и «кузницы» педагогических кадров. Так, в 1879 и 1883 гг. из Молодечненской учительской семинарии исключен с запретом поступления в иные учебные заведения А. Туцкий «за противоправные стремления направить товарищей на обманный путь сопротивления семинарскому начальству и сознательное нарушение правил» и П. Ефремов, у которого «крамольное» письмо от брата перехватил директор. Брат-учитель деревенской школы называл семинарию «никчемным заведением, свой труд» – «скучным и бесполезным», советовал читать произведения запрещенных авторов и критиковал существующий строй в России [3, л. 109, 214].

В начале 1880-х гг. кружок саморазвития и самообразования существовал в Несвижской учительской семинарии. Свою революционную деятельность здесь начинал будущий педагог А. Е. Богданович, который был принят в ряды «Народной Воли» в 1882 г. Адам Егорович сумел сплотить вокруг себя наиболее активных семинаристов, которые тайно изучали нелегальную литературу, вели дискуссии о социализме и революционном движении, что «пробуждало критическую мысль» и помогало найти ответы на многие актуальные вопросы [4, л. 22]. А. Е. Богданович отмечал, что «имел за собой почти 15-летний стаж подпольной работы, если считать... кружковую деятельность в семинарии (1880–1896)» [5, с. 486]. В течение трех лет он учительствовал в селах Погорелом и Пережире Игуменского уезда. По вечерам в школу заходили крестьяне, с которыми велись «беседы в более откровенных и не совсем легальных тонах», что «выходило за пределы одобряемого начальством». В 1885 г. А. Е. Богданович получил должность заведующего первым городским начальным училищем. Он наладил связь педагогов с народовольческой организацией г. Минска. Актив учительской группы «Народной воли» составляли бывшие члены «подпольного кружка

несвижанцев»: И. С. Гапанович – учитель Замошского училища Бобруйского уезда, Ф. О. Матусевич – учитель Блонского училища Игуменского уезда, С. И. Горбачик, который учительствовал в Речицком уезде, И. С. Плехан – учитель Раваничского училища Игуменского уезда. Среди участников были не только сельские учителя, но и городские (И. Л. Михалкович из Борисовского городского училища, Н. И. Тюльпанова и Г. Еленев из Минских городских училищ, Н. С. Сучко из Виленского учительского института). Революционная пропаганда постепенно охватывала всю губернию [6, л. 18, 33–38]. А. Е. Богданович отмечал, что в Беларуси «восьмидесятые годы не были периодом наступательной террористической борьбы». Основное внимание учителя-народовольцы сосредоточили на пропагандистской работе среди интеллигенции (в сфере наиболее доступной и важной для подготовки кадров пропагандистов), рабочих и крестьян (как класса эксплуатируемых и заинтересованных в свержении политического и экономического гнета). Важным направлением деятельности становилось создание подпольных библиотек и распространение нелегальной литературы, которая читалась обычно коллективно. Такой «тайнику» с 80-ю названиями книг хранился лично у Адама Егоровича. Клубовая работа и революционная пропаганда содействовала подъему организованных выступлений рабочих г. Минска: забастовок типографских рабочих, обойщиков, кузнецов, слесарей, столярных мастеров.

Казнь Александра II не вызвала ожидаемого в стране революционного взрыва. Для борьбы с освободительным движением самодержавие переходит к реакционному курсу во внутренней политике. Царизм консолидировал все силы, расширял и укреплял социальную базу власти, систему контроля и надзора за «политической и нравственной благонадежностью» граждан. Вместе с тем, введение ограничительных мер в сфере народного просвещения тормозили процесс культурного развития страны, ликвидации неграмотности и формирование прогрессивных кадров педагогической интеллигенции.

Значительное количество дел, хранящихся в архивах Беларуси и Литвы и имеющих отношение к общественно-политическому движению учительства 1880-х, датируются именно 1881 г. Так, Оршанским жандармским управлением в 1881 г. был задержан отправленный из Орша в Мстислав пакет прокламаций «Земля и воля», отправленного на имя учителя Мстиславского уездного училища Архангельского. Подозревался в этом учитель Оршанского городского училища Скрипка, который использовал в учебно-воспитательном процессе запрещенную литературу: произведения А. Белинского, Д. Писарева, М. Помеловского [7, л. 7, 14]. Дело с грифом «секретно» было заведено и в отношении директора Пинского реального училища Витте и законоучителя Грудницкого, которые по почте получили политические прокламации [8]. Прокламации Комитета «Народной воли»

были обнаружены и в Гомельских учебных заведениях. Была организована переписка с Министерством народного просвещения о запрещении заниматься педагогической деятельностью ввиду «политической неблагонадежности» А. Веденскому, Г. Ульянову, И. Волншевскому, Н. Лукьяновичу, Н. Леценко, В. Ковтуненко. Все они находились под полицейским надзором [9]. В квартирах учителей по малейшему подозрению проводились обыски. Так, в 1881 г. представители Витебского жандармского управления провели такой обыск у преподавательницы Витебской 5-классной частной гимназии Любови Черновой. Ее квартира находилась в здании учебного заведения. При обыске «отобран второй выпуск романа Уильяма Блэка “Восход солнца” на английском языке вместе с одним листком перевода романа для журнала «Дело» [10, л. 1, 2].

Данные о составе участников общественно-политического движения в России содержатся в материалах III Отделения. Например, из 1703 человек, привлеченных к ответственности за революционную пропаганду за период с 1873 по 1879 гг., наибольшее количество приходится на студентов вузов – 296 чел. (17,3 %), городские рабочие – 274 чел. (16 %), учащиеся средних учебных заведений – 165 чел. (9,7 %), учителя – 134 чел. (7,8 %), крестьяне – 64 чел. (3,7 %), военные – 47 чел. (2,8 %) и др. [11, с. 375]. Но репрессивные меры не принесли царизму желаемых результатов.

Губернские и жандармские управления тщательно проводили дознания. В качестве «государственных преступлений» значились: «оскорбление величества», «поричание действующего правительства», «распространение ложных слухов политического характера» и др. Так, за 1881–1885 гг. Виленское жандармское управление провело 34 такие дознания, Витебское – 42, Гродненское – 20, Минское – 46. Могилевское – 27. Массовые аресты, которые «ураганом» пронесли по всей России, всколыхнули широкие общественные слои, вызывая сочувствие к революционному движению со стороны и тех, кто «в анархическом лозунге всеобщего разрушения и инстинктивно угадывали протест против бюрократического произвола и призыв к борьбе за общенациональную задачу – за установление правового порядка в стране» [2, с. 135].

За причастность к нелегальной деятельности 1874 г. только в Гродненской губернии были уволены 13 народных учителей. По обвинению «в неблагонадежности в политических отношениях, в чтении запрещенных книг, принадлежности к кружкам и связи с подозреваемыми в революционной деятельности лицами» в 1878 г. лишились работы учительницы Маслаковского, Пуглявского и Любницкого народных училищ Горецкого уезда А. Чудовская, А. Галковская и А. Попова. По политическим мотивам была уволена с должности учительница церковноприходской школы г. Витебска Е. Вышинская. В списках «неблагонадежных» значились народные учителя Белозерского и Шарашовского народных училищ Пружанского уезда

С. И. Савич и С. Д. Капризов, учительница Могилевской женской гимназии Т. Ясенецкая-Война и др. [12, с. 294]. Но учителя включались в борьбу, несмотря на обыски, слежки, аресты. Сохранились многочисленные воспоминания бывших узников о преследованиях, унижениях, условиях содержания в тюрьмах (например, Виленской и Гродненской) [13].

На увольнение, или, в лучшем случае, перевод учителя в другое, провинциальное учебное заведение могло натолкнуть любое незначительное или «косвенное обстоятельство». Так, в 1881 г. жителей Могилева поразил «бесцеремонный поступок виленской учебной администрации с учителем Чирьевым, имевшим неосторожность пользоваться симпатией своих питомцев» (он лишился должности). «Вопиющим фактом» «в последнее смутное время, когда с таким рвением разыскивались люди неблагонадежные» стал также перевод «для пользы дела» инспектора здешней гимназии г. Фетисова на должность рядового учителя в шавельскую прогимназию, где «несравненно низший оклад», ибо «не годится оставаться в Могилеве лицу, жена которого хотя и не виновна, но все же скомпрометирована». Несправедливым было и отношение к содержательнице единственного благоустроенного частного учебного заведения госпожи Бояриновой, «всецело и беззаветно преданной» своему делу. Там работали «самые лучшие педагогические силы» Могилева. «В самую цветущую пору развития ее детища» было получено распоряжение о немедленном закрытии пансиона. Основанием стал донос начальству о знакомстве Бояриновой «с одним административно сосланным». Никто не мог объяснить связь между частным знакомством и лишением права содержать учебное заведение. Заметим только, что «наказание постигло и все общество, у которого отнята лучшая школа, а взамен ее не дано другой такой же» [14, л. 1].

Исследователи справедливо отмечают, что «движение революционных народников имело различные формы, меняло свою тактику, приобретало разнообразные оттенки. Оно всегда протекало под знаком идейных исканий и разногласий, острых противоречий, бурных споров, отражавших настойчивое желание их участников найти правильный путь революционных действий» [11, с. 3]. Если революционные народники (1870-е – середина 1880-х гг.) главным средством достижения социализма считали всероссийское крестьянское восстание, то либеральные (с середины 1880-х – 1895 г.) делали ставку на эволюционно-реформистский, мирный путь (улучшение положения мелких производителей при сохранении основ общественно-политического строя). В своих программных установках либералы отстаивали идеи свободы слова, печати, совести, объединений, независимости суда, требовали реформу школы и введение всеобщего образования. Просветительная деятельность учителей-народников была направлена на распространение просвещения среди населения: помощь в открытии начальных школ, библиотек, организация образовательных бесед и кружков для взрос-

лых и др. Передовые демократические идеи звучали на страницах педагогической печати конца XIX в., газете «Минский листок».

Современники давали разные оценки общественно-политическому движению этого периода и его результатам. Автор «Подпольной России» (имени не указано) считал, что «движение в народ» обошлось страшно дорого. Целое поколение было беспощадно скошено деспотизмом... Тюрьмы были переполнены заключенными. Так как старых не хватало, то строились новые. Но каковы же были результаты всех этих жертв? Они были подавляюще ничтожны в сравнении с громадностью затраченных усилий» [15, с. 265]. А. Фаресов констатировал, что «народники утратили флаг и не пошли дальше школ механического обучения народа и симптоматического лечения его в деревне» [16, с. 44].

Критическую позицию занял и священник И. И. Фудель, который отмечал, что интеллигенция, должна «служить культурному развитию народа» и «развивать его на почве тех духовных начал, которые послужили основанием и цементом для создания государства... Цели разрушения преследовало преславутое «хождение в народ» 60–70-х годов, когда пропаганда чуждого народу мировоззрения велась и тайно, и явно через народную школу. Цели разрушения преследует и современное (1890-х) «просветительское» движение интеллигенции, задуманное более широко и умно, чем предшествующее ему «хождение» 70-х годов» [17, с. 50].

Своей непоследовательностью, неустойчивостью в либеральных начинаниях, «неспособностью выносить малейшую оппозицию со стороны общества и склонностью прибегать для ее подавления к мерам произвольным и террористическим» – правительство сделало невозможным мирное развитие страны «с наклонностью подавлять всякие независимые и самостоятельные выступления и мнения отдельных лиц и всего общества» [18, с. 259]. Именно это, по мнению многих исследователей, способствовало превращению общественного движения второй половины XIX в. в революционное. Но своей непосредственной цели – «пробуждение народной революции» – деятели освободительной борьбы 1870-х – начала 1890-х гг. не достигли и не могли достичь. Это была «борьба героического отряда интеллигентов, думавших в большей или меньшей степени заменить своей революционной энергией и самоотверженностью активное действие масс» [19, с. 493].

Таким образом, 1870-е – начало 1890-х годов – период в истории революционно-освободительного движения, который получил название народнического. Оно в своем развитии эволюционировало от создания разрозненных кружков самообразования и ведения пропаганды среди народных масс до попыток создания единой всебелорусской организации, входящей в состав российской революционной партии. Стремление к активным действиям и отсутствие опыта политической борьбы определяли не только на-

правления и формы деятельности, но и эффективность предпринятых усилий. В отличие от народовольцев центральных российских губерний, члены белорусских организаций не видели целесообразности в террористических актах и сосредоточили внимание на организации пропагандистской работы среди широких масс населения и создании условий для общественно-педагогического движения за демократизацию народного образования. Общественно-политическая деятельность и революционные настроения учительства во многом определяли облик всей демократической интеллигенции Беларуси рассматриваемого периода.

Список использованных источников

1. *Лавров, П. Л.* Материалы для истории русского социально-революционного движения / П. Л. Лавров. – Женева: Изд-во группы старых народовольцев, 1895. – Вып.10. – 402 с.

2. *Барриве, Л.* Общественное движение в царствование Александра Второго / Л. Барриве. – М.: Образование, 1911. – 154 с.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1475. Циркуляры попечителя Виленского учебного округа об увольнении с учебных заведений учителей и учащихся, как несправившихся с работой и за неодобрительное поведение.

4. *Богданович А. Е.* Революционное движение в Минске и Минской губернии в 80-х и в начале 90-х годов. По личным воспоминаниям / А. Е. Богданович // Литературный музей Максима Богдановича. – Фонд М. Богдановича. – Папка КП 9871.

5. *Богданович, А. Е.* Я всю жизнь стремился к свету / А. Е. Богданович. – Минск: Літаратура і мастацтва, 2012. – Кн. 1. Мои воспоминания. – 543 с.

6. *Богданович, А. Е.* К истории партии «Народная воля» в Минске и Белоруссии 1880–1892 гг.» / А. Е. Богданович // Литературный музей Максима Богдановича. – Ф. М. Богдановича. – Папка КП 6556.

7. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2722. Дело по обвинению в пересылке политических прокламаций учителя Оршанского народного учителя Скрипко.

8. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2721. Дело о получении по почте политических прокламаций директором Пинского реального училища Витте и законоучителем Грудницким.

9. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2723. Дело об обнаружении прокламаций «Комитета Народной воли» в г. Гомеле.

10. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2736. Дело о проведении обыска на квартире преподавательницы Витебского женского училища.

11. *Итенберг, Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. / Б. С. Итенберг. – М.: Наука, 1965. – 443 с.

12. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М. А. Ткачоў [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.

13. *Зильберблат, И.* Виленская каторга 1900–1914 / И.Зильберблат // Каторга и ссылка / Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. – М.: Мосполиграф, 1930. – № 4. – С. 149–167.

14. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 1. Д. 2757. Дело по разбору статьи в газете «Голос» по неправильному увольнению.
15. *Лавров, П. Л.* Народники-пропагандисты / П. Л. Лавров. – Ленинград: Колос, 1925. – 285 с.
16. *Фаресов, А.* Народники и марксисты / А. Фаресов. – СПб.: Тип. М. Миркушина, 1899. – 56 с.
17. *Фудель, И. И.* Народное образование и школа / И. И. Фудель. – М.: Синодальная типография, 1897. – 138 с.
18. *Корнилов, А. А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881) / А. А. Корнилов. – М.: Русская мысль, 1909. – 263 с.
19. *Левин, Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века / Ш. М. Левин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 512 с.

(Дата подачи: 16.02.2022 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(55)+297

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АЛЬ-БИРУНИ

TO THE QUESTION ON GEOPOLITICAL VIEWS OF AL-BIRUNI

В настоящем случае речь пойдет о взглядах Абу Рейхана аль-Бируни (973–1048 гг.) Ок. 1029 г., при работе над «Каноном Масуда», аль-Бируни создал свою знаменитую карту мира. Разбор карты дает нам основу геополитических воззрений правящих кругов всего среднеазиатского региона, по крайней мере, X–XII вв. Используемые аль-Бируни названия указывают на то, что для него существовали общие принципы объединения помимо территории, а именно: общий богослужебный язык, общая религия, общая история, календарь, обычаи. Религиозная и языковая принадлежности могли выступать как идентификаторы «народа», но обязательными не являлись.

Ключевые слова: аль-Бируни; критерии идентификации; карта мира; мировоззрение; модель мира.

The present paper focuses on the worldview of Abu Rayhan al-Biruni (973–1048). About 1029, at his work of «Canon Masudi», al-Biruni published his well-known map of the World. That map analysis gives us the basis of geopolitical views of ruling strata of Central Asian region, at least, for X–XII centuries. The names used by al-Biruni testify that he had some general principles of identification of people besides territory, namely: the general divine service

language, the general religion, the general history, a calendar; customs. Religious and language affiliations could act as those identity principles, but they were non-mandatory ones.

Keywords: al-Biruni; criteria of identification; a global map; worldview; model of the World.

История народов Средней Азии X–XII вв. традиционно привлекает внимание исследователей. Ведь она прямо касается не только становления и развития крупных держав (например, Газневидов и сельджуков), но и распространения и закрепления в данном регионе ислама, и многочисленных проблем, связанных с взаимодействием степных, мусульманских и древних иранских традиций. Немалый интерес представляют и взгляды отдельных личностей, оказавших заметное влияние на ход исторических событий.

В настоящем случае речь пойдет о взглядах Абу Рейхана аль-Бируни (973–1048 гг.), великого ученого, с 1017 г. бывшего главным астрономом при дворе Газневидов (до 1030 г. Махмуда, затем Масуда), а именно – о его геополитических воззрениях. Эти идеи оказали немалое влияние не только на его современников, но и на видных политических деятелей последующего времени [1].

Как принято считать, в 1029 г., при работе над «Каноном Масуда», аль-Бируни создал свою знаменитую карту мира [2]. Правомерность использования карты аль-Бируни при реконструкции важнейших геополитических воззрений того времени, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Во-первых, сам аль-Бируни, будучи хорезмийцем (т. е. иранцем), состоял при дворе султанов тюркского происхождения, и, как следует из его произведения, выражал взгляды, с которыми были согласны и султан Махмуд, и султан Масуд [3].

Во-вторых, отец великого сельджукского визиря Низама аль-Мулька был налоговым чиновником двора Махмуда Газневи, т. е. человеком, несомненно, разделявшим взгляды Газневидов на проблемы сосуществования тюркских и иранских взглядов на проблемы сосуществования этих и других народов [4].

В-третьих, многие видные политические деятели того времени происходили из образованных персидских семей. Именно в этой среде и были популярны взгляды, известные как шуубийя, выражаемые аль-Бируни [5].

В-четвертых, из сочинения Низам аль-Мулька «Сиасет-наме» следует, что тот считал своим долгом убедить сельджукских султанов (тюркского происхождения) в величии и плодотворности идей и политических взглядов, созданных иранской цивилизацией на протяжении многих предыдущих столетий [6].

Таким образом, разбор карты аль-Бируни может с очень большой степенью вероятности дать нам основу геополитических воззрений правящих кругов всего среднеазиатского региона, по крайней мере, X–XII вв.

Итак, перейдем к рассмотрению геополитической модели, предложенной аль-Бируни.

Прежде всего, весь обитаемый мир рассматривается с безусловно мусульманской точки зрения – сама приведенная на карте форма мира является арабской лигатурой слова «Аллах» [7].

Дальнейшее рассмотрение связано с конкретным содержанием карты. Итак, вот перечень всех объектов, нанесенных аль-Бируни:

1. Острова зинджей (черных мужчин).
2. Острова зинджийат (черных женщин).
3. Софали (низины или равнины) зинджей (черных).
4. Мыс Бубуан.

Следует обратить внимание, что все области южнее севера Африки рассматривались как океан, где находятся острова, заселенные черными людьми. Таким образом, черная Африка была практически неизвестна.

5. Аль-Хинд.

Это традиционное арабское название для Индии. Это название не арабского происхождения. Оно было заимствовано у персов, которые еще в древности реку Инд называли hinduH, соответствующее ведийскому sindhuH. В этом случае мы имеем место с названием страны по гидрониму.

Бируни был в Индии, поэтому хорошо знал эту страну, ее этническую неоднородность и многоязычие. Тем не менее, он исходит из единства страны. Следовательно, из его труда «Индия» [8] возможно выделить основные критерии этого объединения, а именно:

- ◆ общая религия;
- ◆ общий богослужебный язык;
- ◆ территория;
- ◆ общая история;
- ◆ календарь;
- ◆ обычаи.

6. Восточный океан.

Следует обратить внимание, что Бируни не использовал принятую у нас ориентировку стран по сторонам света. Арабское слово «мухит» – «океан» – означает «окружающий» и является дословным переводом греческого слова «ωκεανός».

7. ас-Син.

Это стандартное арабское название Китая. Однако происхождение этого названия точно неизвестно. В европейской традиции, идущей от византийцев, считается, что название происходит от династии Цинь [9]. В этом случае «ас-Син» – это политоним.

Однако, существует и другая версия, полагающая, что ас-Син – это стандартное название страны, занимающее самое восточное положение

[10]. В этом случае мы имеем дело с названием «Восточная страна» без дополнительных критериев ее выделения.

8. Хорасан.

Хорошо известная область, включающая северо-восток Ирана, северо-запад Афганистана и юг Туркменистана.

9. Море Джурджан.

Это, как считается, Каспийское море [11].

10. Ахас ат-тюрк.

Это единственное название у аль-Бируни, прямо указывающее на тюрков и их земли. Относительно того, на что именно указывает у Бируни «акас», нет единого мнения. Возможно, речь идет о каком-то доминирующем тюркском союзе (от «акас» – «господин» [12]), а возможно – о «белых» тюрках. Разумеется, для правителей тюркского происхождения таких знаний о тюрках было недостаточно, и в этом вопросе они разбились гораздо лучше аль-Бируни. Однако идея тюркского единства была, вероятно, актуальной и для них.

11. аль-Хазар.

Это, разумеется, хазары.

12. Море варанков.

Море варягов – Балтийское море [13].

13. Варанки.

Это, как считается, варяги [14].

14. Северный океан.

15. ар-Румин.

Весьма вероятно, под этим словом подразумеваются римляне, т. е. все европейцы, относившиеся к Римской империи Оттона I или престолу Папы Римского.

16. Ас-Сакалиб.

Это, возможно, славяне или кочевники западной части Великой степи [15].

17. Аль-Физантийя.

Византийская империя. Скорее всего речь идет об известном в то время названии исторической страны, а не политического образования, поскольку такое название не являлась официальным в самой империи.

18. Аль-Андалус.

Это название традиционно связано у арабских авторов с Пиренейским п-овом. Происхождение его не ясно.

19. Аш-Шам.

Так традиционно называется в семитоязычной литературе Восточное Средиземноморье. История этого топонима весьма примечательна. Как видно из других названий, аль-Бируни не использует патронимов. Однако здесь сделано явное исключение: аш-Шам – земля Сима.

20. Аль-Искандерийа.

Это Александрия Египетская. Заметим, что в глазах аль-Бируни Египет еще ассоциировался с христианской Александрией, хотя Каир как мусульманский центр, существовал уже с 969 г.

21. Море Бунтус.

Это, вероятно, искажение от греч. Πόντος. Еще со времен Страбона известно, что греки называли так Черное море [16].

22. Аз-Зукак, т. е. Пролив.

Очевидно, Гибралтарский пролив, известный еще с древнейших времен как конец ойкумены.

23. Море аш-Шам – Сирийское море.

Заметим, что хотя аль-Бируни и было известно про общность бассейнов Черного и Средиземного морей, для него большую роль в их обозначении играл политико-религиозный фактор.

24. Западный океан.

25. Аль-Магриб.

Это «место, где заходит солнце». Самый крайний запад известного мира.

26. Укеанус.

Имеется в виду Океан – арабская транслитерация греческого слова «ωκεανός».

27. Судан.

28. Аль-Кулзум.

Город на загибе Красного моря в Сирию, очень важный торговый центр на «Пути благовоний».

29. Джабал аль-Камар.

«Лунные горы», считались местом истока Нила.

30. Арабы.

Это, вероятно, указание на единство народа и территории его проживания (очевидно, речь идет об Аравийском полуострове).

31. Гавань Омана.

Крупный торговый центр на «Пути благовоний».

32. Море Фарс.

«Персидское море», т. е. Персидский залив. Арабское слово «бахр», переводимое обычно как море, означает «большое количество воды», поэтому, например, даже река Нил могла называться «Бахр Нил».

33. Фарс.

Это, конечно, Персия.

34. Мукран или Мекран.

Горная область в Иране и Пакистане.

Таким образом, из приведенной карты очевидно следующее.

1. Центром мира для аль-Бируни считается Фарс, а не принятое, скажем, у византийцев место, где расположен Ковчег Завета [17].

Применительно к геополитике это означало, что центр мира можно размещать не только в Священном городе, но и там, где родина или где политическая столица. Это дает местным султанам очень хорошее основание выступить в качестве собирателей божьего мира (мира Аллаха) вокруг своих владений.

2. Область Шам – удел Сима – священная земля Завета может быть объявлена неотъемлемой частью султаната как генетическая родина носителей Завета (детей Сима).

Это хорошо известный иранский принцип единства истории народа и земли независимо от религии, выраженный, например, в «Шах-наме» Фирдоуси.

3. Иранские принципы распределения геополитического пространства не связаны напрямую с религией. Их основа – народ и земля.

Таким образом, объединение под знаменем Аллаха может рассматриваться как совершенно естественное действие по восстановлению единства народов, разделенных разными религиями. При этом языковая разница, как видно, в расчет вовсе не берется.

4. Если вопрос о распределении земли, т. е. территории, по карте аль-Бируни ясен, то вопрос о том, как определяется понятие «народ» не имеет однозначного решения. Можно лишь высказать следующие наблюдения:

а) использованные аль-Бируни названия для тюрков, индийцев и китайцев указывают на то, что для него существовали какие-то общие принципы объединения помимо территории. Учитывая, что аль-Бируни был в Индии и написал соответствующий труд, можно считать, что там отражены основные критерии этого объединения (прежде всего, в первой главе), а именно:

- ◆ общий богослужебный язык;
- ◆ общая религия;
- ◆ общая история;
- ◆ календарь;
- ◆ обычаи.

б) религиозная принадлежность может выступать как идентификатор «народа», но обязательной не является;

в) для аль-Бируни критерии разделения народов, живущих от Ирана на значительном расстоянии, могли быть не ясны;

г) языковая принадлежность может выступать как идентификатор «народа», но обязательной не является.

Следовательно, универсальных критериев для распределения «народов» на карте прямо не просматривается. Однако вышеназванные общие принципы аль-Бируни могли стать надежной основой для «вписывания» местных султанатов в модель мира в качестве своего рода объединителей «мира Аллаха».

Т. У. Пецюкевіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

T. Petsiukevich
Belarusian State University, Minsk

УДК 332.8.02(476-25)(091)“1921/1928”

ЖЫЛЛЁВАЯ ПАЛІТЫКА Ў БССР У ПЕРЫЯД НЭПА (1921–1928 ГГ.): НА ПРЫКЛАДЗЕ Г. МІНСКА

HOUSING POLICY IN THE BSSR DURING THE NEP PERIOD (1921–1928): ON THE EXAMPLE OF MINSK

Артыкул прысвечаны праблеме жыллёвай палітыкі, якая вызначаецца як комплекс мерапрыемстваў, накіраваных на забеспячэнне насельніцтва жыллём. У БССР у перыяд НЭПа праблема вострага жыллёвага крызіса вырашалася шляхам муніцыпалізацыі існуючага жыллёвага фонда з наступным пераразмеркаваннем жыллошчы, дзейнасці жыллёвай кааперацыі, вядзеннем новага будаўніцтва. Класавы прынцып, уласцівы жыллёвай палітыцы, асабліва ярка выражаўся ў фарміраванні квартплаты.

Палітыка «новага быта», накіраваная на рэфармаванне паўсядзённага жыцця, у жыллёвай сферы адлюстроўвалася як рух за стварэнне камун з абагульненнем маёмасці і вядзеннем калектыўнай гаспадаркі.

Ключавыя словы: жыллё; жыллёвая палітыка; муніцыпалізацыя; класавы прынцып; жыллёвы крызіс; камуны.

The article is devoted to the problem of housing policy, which is defined as a set of measures aimed at providing housing to the population. In the BSSR during the NEP period, the problem of acute housing crisis was solved by the municipalization of the existing housing stock, followed by the redistribution of living space, the activities of housing cooperatives, and the conduct of new building. The class principle inherent in housing policy was especially pronounced in the formation of rent.

The policy of the «new way of life» aimed at reforming everyday life in the housing sector was reflected as a movement for the creation of communes with the socialization of property and the allocation of collective household.

Keywords: housing; housing policy; municipalization; class principle; housing crisis; communes.

Жыллёвая палітыка з’яўляецца структурнай часткай сацыяльна-эканамічных мерапрыемстваў дзяржавы і накіравана на забеспячэнне жыллём тых, хто мае патрэбу. Перыяд НЭПа стаў часам станаўлення і фарміравання асноўных кірункаў савецкай жыллёвай палітыкі.

Значны ўнёсак у даследаванне жыллёвай палітыкі ў БССР перыяду НЭПа зрабіў беларускі даследчык В. М. Буракоў. Дадзенай праблеме прысвечаны шэраг артыкулаў: «Муніцыпалізацыя жыллёвага фонду ў БССР (1919–1929)» [1], «Класавы прынцып жыллёвай палітыкі БССР у перыяд

НЭПа» [2], «Абмежаванне права карыстання жыллой плошчай у Беларускай ССРСР у 1920-я гг.: гісторыка-прававы аспект» [3].

Перыяд НЭПа вызначаецца даследчыкам як час станаўлення дзяржаўнай жыллёвай палітыкі, якая была накіравана на ліквідацыю жыллёвага крызісу. Асноўнымі мерапрыемствамі ў галіне жыллёвага пытання сталі муніцыпалізацыя і размеркаванне жылплошчы ў адпаведнасці з усталяванай нормай. Характэрнай рысай савецкай жыллёвай палітыкі з'яўляўся класавы прынцып. Прадастаўленне прыватным асобам права забудовы, дзейнасць жыллёвай кааперацыі сведчылі пра няздольнасць дзяржавы ўласнымі сіламі вырашыць праблему недахопу жылля.

Праблема савецкай жыллёвай палітыкі 1920–1930-х гг. даследавалася М. Г. Меяровічам. У сваёй працы «Пакаранне жыллём: жыллёвая палітыка ў ССРСР як сродак кіравання людзьмі (1917—1937 гг.)» [4] аўтар прапановуе тэорыю аб тым, што ўлада не была зацікаўлена ў вырашэнні праблемы жыллёвага крызісу і выкарыстоўвала жылплошчу як інструмент уздзеяння на «непрацоўных» і «кепка працуючых».

Найбольш яркава станаўленне і фарміраванне жыллёвай палітыкі разглядаемага перыяду прасочваецца на прыкладзе г. Мінска, што было абумоўлена памерамі і статусам горада, больш імклівым прыростам насельніцтва адносна іншых акружных гарадоў. Адыгрывала сваю ролю і тое, што Мінск знаходзіўся блізка да мяжы: у горадзе неабходна было размяшчаць гарнізон.

Глабальнай мэтай савецкай улады была пабудова камуністычнага грамадства. Для дасягнення дадзенай мэты недастаткова было пераўтварэнняў толькі ў палітычнай сферы – перабудове падлягалі ўсе бакі дзейнасці людзей, у тым ліку прыватнае жыццё. Адным з яго вымярэнняў была жыллёвая прастора.

Ідэі сацыялізацыі паўсядзённасці атрымалі назву «новага быта», які грунтаваўся на класавым прынцыпе размеркавання матэрыяльных і культурных каштоўнасцей, калектывізму, ідэях эмансіпацыі жанчыны, рэвалюцыйнай эстэтыцы, аскетызму. Прагрэсіўным відам жылля аб'яўляліся дамы-камуны з абагульненнем рэчаў, калектывным выхаваннем дзяцей і вядзеннем агульнай гаспадаркі [5, с. 80].

Першым крокам савецкай улады ў сферы жылля стала рэалізацыя класовага падыходу, які ўяўляў сабой дыферэнцыяцыю насельніцтва па сацыяльнаму паходжанню і роду заняткаў: дзяржава падтрымлівала рабочых, служачых, чырвонаармейцаў, астатнія сацыяльныя групы разглядаліся як крыніца папаўнення бюджэту [2, с. 11]. Меркавалася, што жылплошчы ў горадзе дастаткова і трэба яе толькі правільна размеркаваць, для чаго неабходна было стварыць дзяржаўны жыллёвы фонд. Пастанова НКУС ад 30 кастрычніка 1917 г. «Аб правах гарадскіх самакіраванняў у справе рэгулявання жыллёвага пытання» надзяліла мясцовыя ўлады правам засяляць у пустуючыя

памяшканні тых, каму патрабуецца жыллё. Дэкрэт СНК «Аб забароне здзелак з нерухомасцю» ад 14 снежня 1917 г. прыпыніў з 18 снежня ўсе аперацыі з нерухомасцю [4, с. 14]. У выніку гэтых пастановаў жыллё поўнасцю аказалася ў сферы кампетэнцыі дзяржаўных органаў. 2 сакавіка 1918 г. публікуецца «Праект дэкрэта аб усяленні сем'яў чырвонаармейцаў і беспрацоўных рабочых у кватэры буржуазіі і нарміроўцы жылых памяшканняў», які санкцыянаваў муніцыпалізацыю крупных домаўладанняў, высяленне буржуазіі і засяленне туды працоўных. Дэкрэт УЦВК РСФСР «Аб адмене права прыватнай уласнасці на нерухомасць у гарадах» ад 20 жніўня 1918 г. адмяніў права прыватнай уласнасці на зямлю, якая знаходзілася пад жылымі дамамі. У гарадах з колькасцю насельніцтва больш за 10 тыс. чалавек адмянялася права прыватнай уласнасці на дамы, цана якіх перавышала кошт, усталяваны мясцовымі ўладамі ў якасці пажежнага. Пасля муніцыпалізацыі такія домаўладанні становіліся камунальнымі [1, с. 106].

У 1919 г. усталяваецца норма жылплошчы на чалавека, якой трэба было кіравацца пры засяленні, – 1,8 кв. саж. (8 кв. м) [4, с. 18]. Рэзалюцыя VIII з'езда РКП(б) у сакавіку 1918 г. канстатавала, што шляхам экспрапрыяцыі домаўладанняў, перадачы іх гарадскім Саветам і масавага перасялення рабочых з ускраін у буржуазныя дамы, савецкая ўлада імкнецца палепшыць жыллёвыя ўмовы працоўных, ліквідаваць кучнасць і антысанітарыю і дасягнуць рацыянальнага рассялення [6, с. 90].

У вялікіх муніцыпалізаваных дамах узніклі «бытавыя» ці «жыллёвыя» камуны, што было абумоўлена адсутнасцю фінансавых сродкаў на будаўніцтва спецыялізаваных дамоў-камун. Напрыклад, былы даходны дом Кастравецкай па вул. Савецкай, 20 быў ператвораны ў Дом металістаў і заселены сем'ямі рабочых завода «Энергія» і металапрацоўчых майстэрняў па 4–7 сем'яў у кватэру. Былі выдзелены памяшканні для «грамадскіх патрэбаў» – бібліятэкі-чытальні, пакоі адпачынку, пральні і г. д. Ажыццяўляліся спробы агульнага выхавання дзяцей, у шэрагу выпадкаў вялася агульнай гаспадарка [7, с. 16].

Для жыллёвых камун партыйна-савецкай эліты былі адведзены будынкі ў цэнтры Мінска. Былы Дом Абрампольскага па вул. Савецкай, 31 стаў першым Домам Саветаў, будынак па вул. К. Маркса, 30 атрымаў назву Другога Дома Саветаў [5, с. 83].

На шляху да фарміравання новага быта значныя надзеі ўкладаліся на моладзь. Заклік да стварэння моладзевых камун прагучаў на XII канферэнцыі КП(б)Б у сакавіку 1923 г. Да 1929 г. моладзевыя камуны былі створаны ў мінскім палітэхнікуме, музтэхнікуме, гідратэхнікуме [5, с. 86].

Ідэя стварэння дамоў-камун, як і цэлым палітыка «новага быта», не адыгралі значнай ролі ў жыллёвай палітыцы і не знайшлі шырокай падтрымкі насельніцтва.

На 1925 г. жыллёвы фонд Мінска складаўся з 6050 домаўладанняў жыллёвай плошчай 179 тыс. кв. саж. [8, л. 33]. З іх камунальнымі былі 1260 агульнай жылплошчай у 84 тыс. кв. саж. Прыватнаўласніцкіх налічвалася 4790, агульная жылплошча якіх склала 95000 кв. саж. [9, с. 4]. Такім чынам, на камунальныя дамы прыпадала 47 % ад агульнай жылплошчы, а на прыватнаўласніцкія – 53 %.

Значная частка камунальных дамоў знаходзілася ў незадавальняючым стане: 30 % патрабавалі перакрыцця даху, 50 % – частковай замены балак, 20 % мелкага рамонту. Фінансавых сродкаў для рамонту не хапала. Выйсцем з сітуацыі стала жыллёвая кааперацыя, якая пачала сваю дзейнасць з 1924 г. Камунальныя дамы перадаваліся жылёва-арэндным таварыствам (ЖАКТАм) на ўмовах абавязковага правядзення рамонту.

На 1925 г. у 40 жылтаварыстваў у арэндзе знаходзіліся 294 домаўладання, прафсаюзамі арандаваліся 37 дамоў, прыватнымі асобамі – 203 дома, 235 домаўладанняў былі заняты ўстановамі. Каля 30 % жылплошчы камунальных дамоў была адведзена пад тэатры і клубы [9, с. 4]. За выключэннем ужо арэндаваных дамоў, і дамоў, якія планаваліся да здачы ў арэнду, дэмуніцыпалізацыі, продажу, заставаліся 100 домаўладанняў, якія патрабавалася перавесці на гаспадарчы разлік.

Кіраўніцтва дзяржаўным жыллёвым фондам знаходзілася ў сферы кампетэнцыі адзела камунальнай гаспадаркі, які падпарадкоўваўся Мінгарвыканкаму. Пасля стварэння ў 1924 г. гарадскіх саветаў акруговых гарадоў кіраванне жыллём перайшло да камунальнага адзела выканкама Мінскага акруговага савета.

У камунальных дамах ствараліся дамавыя камітэты, якія абіраліся тэрмінам на 6 месяцаў і зацвярджаліся адзелам кіравання гарадскога выканкама. Сярод абавязкаў дамавых камітэтам было вядзенне ўліку жыхароў домаўладання, размеркаванне і ўлік кватэр, кантроль над санітарным станам памяшканняў і прылягаючай тэрыторыі, сваечасовым вывазам смецця і г. д. [10, л. 49].

На сходзе жыхароў абіраўся кіруючы домам, кандыдатура якога зацвярджалася пасля жыллёвым адзелам. У абавязкі кіруючага домам уваходзіла назіранне за станам домаўладання, правядзенне бягучага рамонту, улік жыхароў, вядзенне грашовай і матэрыяльнай справаздачнасці домакіравання.

Плата за жыллё фарміравалася з улікам класавага прынцыпу і залежала ад роду заняткаў і сумы заробку. Напрыклад, пастанова СНК БССР аб аплаце жылых памяшканняў у гарадскіх паселішчах БССР ад 1 ліпеня 1925 г. за 1 кв. саж. для рабочых з заробкам у 20 руб. усталёўвала квартплату ў памеры 15 кап., ад 20 да 30 руб. – 20 кап., ад 31 да 40 руб. – 30 кап. і г. д. Для асобаў свабодных прафесій квартплата налічвалася ў памеры не больш за 5 руб., для ўладальнікаў гандлёвых патэнтаў I і II разрадаў –

1 руб. 50 кап., для саматужнікаў і рамеснікаў – не больш за 2 р. 50 кап. Памер квартплаты для маючых непрацоўны даход і выкарыстоўваючых наёмную працу ўсталёўваўся па згодзе з домаўладальнікаў. Гарышча, паўпадвальныя і цёмныя памяшканні аплачваліся ў памеры 50 % усталяванага тарыфу [11, с. 15].

Згодна са статыстычным даследаваннем жыллёвых умоў рабочых і служачых 17-ці прафсаюзаў, праведзеным у 1925 г., сярэдні памер квартплаты за 1 кв. саж. у Мінску склаў 0,63 руб. Ад агульнага даходу сям’і плата за жыллё складала 6,4 %. Самая танная квартплата была ў Віцебску – 0,54 руб. за кв. саж., а самая высокая у Мазыры, дзе яна складала 0,87 руб. [12, с. 71]. Пры гэтым менавіта Мазыр вылучаўся сваім антысанітарным станам: пад катэгорыю «бруднага» тут падпадала 36 % жылля [12, с. 68].

Што тычыцца прыбытковасці домаўладання, то, нягледзячы на дыферэнцыяванасць квартплаты згодна з класавым прынцыпам, яна залежала ад месцазнаходжання дома. Так, прыбытак з 1 кв. саж. у цэнтры горада ў залежнасці ад велічыні домаўладання, складаў ад 99 кап. да 8 руб. 85 кап. Прыбытковасць жылплошчы на ўскраінах была значна менш: ад 7 да 78 кап. Такая сітуацыя была абумоўлена тым, што ў цэнтры жылі пераважна асобы з «непрацоўным» даходам, а таксама рабочыя і служачыя з заробкам вышэй за сярэдні. Адпаведна, кватэрная такса для іх была вышэйшая, што павялічвала прыбытак ад домаўладання. Па-другое, у цэнтры горада знаходзілася шмат гандлёвых памяшканняў, плата за якія вар’іравалася ад 5 да 13 руб. [13, с. 178].

Адным са шляхоў павелічэння жылплошчы было будаўніцтва. У 1925 г. планавалася пабудаваць 2880 кв. саж. жылплошчы. Улічваючы штогадовы прырост насельніцтва, які ацэньваўся ў 6500 чалавек, было распачата будаўніцтва прыкладна ў 0,5 кв. саж. на чалавека, чаго было недастаткова. У 1926 г. памер новапабудаванай жылплошчы планавалася павялічыць да 4700 кв. саж. [8, л. 36].

У сваім дакладзе аб дзейнасці Мінгарсавета старшыня С. В. Яцкевіч на паседжанні ў лютым 1927 г. адзначаў, што з мая 1926 па студзень 1927 г. жыллёвае будаўніцтва складала 6500 кв. саж., амаль дасягнуўшы даваеннага ўзроўня. Пераважалі прыватныя будаўнікі 52 %, дзяржава пабудавала 40 %, кааперацыя – 8 % [14, с. 148]. Такія працэнтныя суадносіны не адпавядалі планам савецкай улады па стварэнні моцнага дзяржаўнага жыллёвага фонду, дазвол на прыватнае і кааператыўнае будаўніцтва быў звязаны з неабходнасцю вырашэння праблему вострага недахопу жылля. Прыватнае будаўніцтва было пераважна драўляным і малапавярховым, што давала магчымасць у кароткі тэрмін атрымаць танную жылплошчу. Такая сітуацыя разглядалася як часовая: праз 15–20 гадоў планавалася замяніць гэтыя дамы капітальнай забудовай.

Дзеля пераразмеркавання жылплошчы праводзіліся высяленні і ўшчыльненні. Пастановай ЦВК БССР ад 7 верасня 1922 г. было дазволена высяленне з камунальных дамоў у выпадку драпежніцкіх адносінаў да памяшкання, адсутнасці платы за кватэру на працягу трох месяцаў. Прафсаюзы і ўстановы надзяляліся правам высяляць тых, хто не меў да іх ніякага дачынення. Аналагічныя пастановы прымаліся і ў наступныя гады. 15 верасня 1927 г. прымаецца пастанова ЦВК і СНК БССР ад «Аб прыму-совым пацясненні ў дамах», якая ставіла сваёй мэтай канфіскацыю лішкаў жылплошчы [3, с. 34].

Нягледзячы на мерапрыемствы ўладаў у сферы жылля, у разглядаемы перыяд асноўнай праблемай заставаўся жыллёвы крызіс. Натуральны знос домаўладанняў, марудны рост новага будаўніцтва адносна росту колькасці насельніцтва прыводзілі да скарачэння сярэдняга памеру жылплошчы на чалавека: у 1923 г. на чалавека прыходзілася 1, 34 кв. саж., у 1924 г. – 1, 30 кв. саж., у 1925 г. лічба склала 1,2 кв. саж. пры норме ў 1,8 кв. саж. [8, л. 34].

Жыллёвую сітуацыю ўскладняла неабходнасць размяшчэння ў Мінску гарнізона па прычыне блізкасці горада да мяжы. Акрамя казармаў, гарнізону была адведзена плошча камунальных дамоў у памеры 3840 кв. саж у камунальных. Але нават пры гэтым на чырвонаармейца прыпадала 0,33 кв. саж. пры норме ў 1,4 кв. саж, а на аднаго чалавека камандуючага складу – 1,33 кв. саж пры норме ў 2,40 кв. саж. Пры існуючым колькасным складзе гарнізона мінімальная дадатковая плошча ацэньвалася ў 4475 кв. саж. [8, л. 34].

Вынікам недахопу жылплошчы стала з'яўленне камунальных кватэр – месцаў супольнага пражывання людзей, якіх не аб'ядноўвалі ні сямейныя, ні працоўныя або ўзроставы сувязі. «Звязда» ў снежні 1925 г. у артыкуле «На барацьбу з разбурэннем жыллой плошчы» пісала пра бытавыя праблемы такіх кватэр: «...у кватэры живуць некалькі чалавек, але кожны з іх глядзіць толькі за сваім пакоем. У выніку кухні не атапляваюцца, замярзае і псуецца вадаправод. У жылтаварыства няма паўнамоцтваў паўплываць на жыхароў у гэтай сітуацыі» [15, с. 3]. Калідор і кухня, знаходзячыся ў агульным карыстанні, успрымаліся як “нічыйная” прастора. Камунальныя кватэры былі наступствам жыллёвага крызісу і не разглядаліся ўладамі ў якасці часткі палітыкі «новага быта».

Жыллёвая палітыка ў перыяд НЭПа фарміравалася ў кантэксце вырашэння пытання жыллёвага крызіса. Дзеля пераразмеркавання жыллёвага фонда дзяржава правяла яго муніцыпалізацыю, пры гэтым надзяленне жыллём і спагнанне квартплаты насіла класавы характар, які выражаўся ў падтрымцы працоўнага насельніцтва. Кіраўніцтва жыллёвым фондам ажыццяўляў камунальны адзел мясцовага выканкама.

На шляху да пабудовы камуністычнага грамадства савецкія ідэолагі прапаноўвалі рэфармаваць сферу паўсядзённага жыцця людзей. Палітыка «новага быта» закранала ў тым ліку і жыллё: прапаноўвалася ствараць жыллёвыя камуны з абагульненнем рэчаў, выхаваннем дзяцей, вядзеннем агульнай гаспадаркі. Рух за стварэнне камун не сустрэў падтрымкі насельніцтва, для якога такія ідэі гучалі радыкальна. Кропка была пастаўлена рэзалюцыяй пленума ЦК ВКП(б) «Аб Маскоўскай гарадской гаспадарцы і аб развіцці гарадской гаспадаркі СССР» ад 15 чэрвеня 1931 г., які канстатаваў, што неабходна “рашучая барацьба” супраць выступаючых са ўсялякага рода пражэктарскімі прапановамі (прымусовая ліквідацыя індыўідуальных кухняў, штучнае насаджэнне бытавых камун і г. д.) [16, с. 326].

Для захавання існуючага жыллёвага фонда і будаўніцтва новага ў 1924 г. была дазволена жыллёвая кааперацыя. Камунальныя дамы здаваліся ў арэнду ЖАКТам на ўмовах абавязковага правядзення рамонту. Прыбытковасць домаўладанняў, нягледзячы на залежнасць ад класавай прыналежнасці плацельшчыка, залежала ад месцапалажэння дома.

Памер новага будаўніцтва быў недастатковым: сярэдняя жылплошча на чалавека ў горадзе скарачалася. Большая частка жыллёвага будаўніцтва прыпадала на прыватных будаўнікоў, што разглядалася дзяржавай як часова з’ява.

Наступствам вострага недахопу жылля сталі камунальныя кватэры – месцы сумеснага пражывання людзей, якія не былі аб’яднаны аніякімі сувязямі. Камунальныя кватэры не разглядаліся ўладамі як месцы фарміравання «новага быта».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Бураков, В. Н.* Муниципализация жилищного фонда в БССР (1919–1929) / В. Н. Бураков // Вестник Полоц. гос. ун-та: науч.теорет. журнал. – 2013. – № 9. – С. 106–109.
2. *Бураков, В. Н.* Классовый принцип жилищной политики БССР в период НЭПа / В. Н. Бураков // Веснік Магілёўск. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна: нав.-метад. часопіс. – 2008. – № 3. – С. 11–16.
3. *Бураков, В. Н.* Ограничение права пользования жилой площадью в Белорусской ССР в 1920-е г.: историко-правовой аспект / В. Н. Бураков // Веснік Магілёўск. дзярж. пед. ун-та імя А. А. Куляшова: нав.-метад. часопіс. – 2010. – № 1. – С. 32–39.
4. *Меерович, М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) / М. Г. Меерович. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
5. *Гужалоўскі, А. А.* Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг. / А. А. Гужалоўскі. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 258 с.
6. Резолюции и постановления XVII съезда РКП(б), 18–23 марта 1919 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917–1922 / Издательство политической литературы. – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – С. 71–115.

7. *Воинов, А. А.* Жилищное строительство в Белорусской ССР / А. А. Воинов. – Минск: Выш. шк., 1980. – 220 с.

8. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 158.

9. Жилищный кризис и борьба с ним // Звезда. – 1925. – 21 кастр. – С. 4.

10. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 355. Воп. 1. Спр. 2.

11. Об оплате жилых помещений в городских поселениях БССР: постановление СНК БССР, 1 июля 1925 г. // Бюлетэнь Савета Народных Камісараў Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. – Менск [Мінск]: Інфармацыйна-выдавецкае бюро кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнага савета. – 1925. – № 6. – С. 13–15.

12. Жилищные условия жизни рабочих и служащих в городах и фабрично-заводских поселках БССР в 1925 г. // Бюллетень Центрального статистического управления. – Минск: ЦСУ БССР, 1925. – № 3. – С. 61–76.

13. *Рак, Г. П.* Прыбытак домаўладанняў места Менску ў 1914 г. і ў сучасны момант / Г. П. Рак // Советское строительство: ежемес. общ.-экон. журн. – Минск: Ред.-изд. отд. Госплана БССР. – 1925. – № 3. – С. 198–202.

14. Минский городской Совет депутатов, 1917–2012: документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь [и др.]. – Минск: Белорусский Дом печати, 2012. – 727 с.

15. На борьбу с разрушением жилой площади // Звезда. – 1925. – 16 дек. – С. 3.

16. О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г., № 165 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 1984. – Т. 5. – С. 313–326.

(Дата падачы: 23.02.2022 г.)

А. А. Приборович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Priborovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ВЕК ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА

HISTORICAL SOURCE IN THE AGE OF DIGITAL CONTENT

Автор статьи анализирует проблему обновления корпуса источников исследований по истории, вызванной цифровизацией общества в последние десятилетия. Результаты статьи показывают, что методология исторической науки требует значительного развития в вопросах разработки классификации и методики работы с цифровыми историческими источниками, а также формирования основ компьютерного источниковедения.

Ключевые слова: цифровизация; трансформация общества; исторический источник; цифровой контент.

The author of the article analyzes the problem of updating the body of historical research sources caused by the digitalization of society in recent decades. The results of the article show that the methodology of historical science requires significant development in the development of a classification and methodology for working with digital historical sources, as well as the formation of the foundations of computer source study.

Keywords: digitalization; transformation of society; historical source; digital content.

В эпоху цифровизации общества возникает вопрос о том, нужно ли исторической науке расширение корпуса источников за счет первоначально созданных цифровых ресурсов и оцифрованных документов? В январе 2021 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято Постановление «О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг. Указанная программа, в купе с другими государственными программами, дают начало новому циклу научных исследований и практических работ, которые связаны с осуществлением цифровой трансформации нашего общества. Важнейшим требованием программы является создание национального цифрового контента в сфере культуры: электронные каталоги историко-культурных и природных памятников Республики Беларусь, оцифровка фондов архивов, музеев, библиотек, кинофонда, объектов нематериального культурного наследия [1]. На эти цели из государственного бюджета будут выделены значительные финансовые средства, которые позволят расширить доступ пользователей к электронным ресурсам по истории Беларуси.

Перевод исторических источников в цифровой вид уже не является чем-то новым на 2022 г. На протяжении трех десятилетий архивы, музеи и библиотеки Беларуси проводили работу по сохранению историко-культурного фонда республики путём оцифровки хранимых материалов (текстовых документов, фотографий, фильмов и др.). Однако, эта работа как правила носила выборочный характер и выполнялась по ряду причин таких как: угроза утраты информации с носителя из-за предшествующих нарушений условий его хранения; особой ценности для национальной культуры отдельных документов; защита от разрушения наиболее востребованных документов [2].

Актуальность статьи связана с необходимостью поиска новых путей репрезентации исторических источников и отбора вновь созданных информационных ресурсов, способных обеспечить более качественное осмысление культурного богатства белорусского народа. Историографию данной проблемы можно выделить в рамках анализа исследований, касающихся классификации исторических документов, методологии исторической науки, а также источниковедения. Значительных успехов в исследовании предметного поля статьи добились ряд отечественных и зарубежных ученых: Л. И. Бородкин, И. Н. Данилевский, И. М. Гарскова, Е. В. Злобин, В. Л. Носевич, И. Д. Ковальченко, С. И. Корниенко, О. М. Медушевская, А. П. Прон-

штейн, В. В. Фарсобин, С. О. Шмидт, С. Н. Ходин, М. Ф. Шумейко, Ю. Ю. Юмашева и др.

Цифровизация белорусского общества привела к появлению новых источников, которые не вписываются в привычный мир исторического познания. Если раньше для осмысления того или иного источника у историков было больше времени, то сейчас количество новых цифровых ресурсов растёт в неизмеримом для исследователей объёме. Это создаёт угрозу в возможностях анализа информации на предмет выявления её значимости, правдоподобности и точности. В такой ситуации уже перед нынешним поколением специалистов, занятых вопросами сохранения историко-культурного наследия, возникает вопрос – каким образом нужно сохранить для будущих поколений новые источники информации?

В широком смысле историческим источником может быть любой носитель информации, дающий возможность историку реконструировать исследуемую общественную реальность [3]. Например, экс-президент США Дональд Трамп постоянно использовал социальную сеть «Twitter» для информирования общественности об его решениях или точки зрения. Сообщение 45-го президента США в популярной социальной сети является прецедентом для того чтобы ещё раз осмыслить, что в век цифрового контента историческим источником может стать любое электронное сообщение, которое имеет значение в жизни общества.

Весомое подспорье авторитету историка сейчас создает сеть Интернет, в которой подлинность информации определяется зачастую без аналитики и критики фактов, а чаще всего лишь популярностью того или иного ресурса и его создателя (журналиста, блогера, популяризатора и пр.). Интересно в этом случае мнение авторитетного исследователя в области источниковедения О. М. Медушевской, которая утверждала, что «...появление мнимой информации, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедействительное состояние индивида. Подобный «как бы» информационный ресурс – не обязательно включает фактически ложную информацию, но создает в целом иллюзорную картину реальности, основанную на манипулировании отдельными элементами информационного ресурса» [4]. Автор статьи согласен с мнением О. М. Медушевской, которая еще в начале XXI века предвидела, что стремительное развитие глобальной сети и ИКТ приведут к появлению исторических источников, созданных изначально в электронном виде, и соответственно цифровой истории. Теперь, перед исследователями истории возникла реальная проблема сохранения «доверия» со стороны общества. Историкам нужно привлечь в свой арсенал новые методы исследования цифрового контента, для того чтобы иметь возможность аргументированно отстаивать научные положения.

С похожей проблемой переосмысления методов построения исторического знания, в том числе методологии источниковедения, столкнулись наши коллеги около 100 лет назад. Тогда новые задачи исторической науки требовали расширения проблемного поля и обращения к социальным фактам сложного состава. Если позитивистские историки старого типа работали преимущественно с фактами событийного характера, политической истории, деятельности выдающихся исторических личностей, то уже история нового типа требовала обобщения фактов другого рода – более сложных, массовых по своему характеру, отражающих общественное сознание, социальную психологию, деятельность масс, крупные социальные конфликты.

С конца 1920-х гг. толчок в зарождении нового подхода осмысления роли истории в обществе и исторических источников привнесли представители французской исторической школы «Анналов». Новый подход к истории, выраженный в трудах анналистов, появился в условиях господства позитивистов, которых советский историк А. Я. Гуревич называл «историзирующими историками» [5]. Новое поколение французских историков и их сподвижников отказались от простого перечисления фактов в пользу их осмысления. «Событийная история» не исчезла, но была расширена историей глубинных процессов, происходящих в создании людей и скрытых для обычных методов познания. Анналисты смогли убедить научное сообщество в том, как важно для историка понимать современность, ведь именно это позволяет ему изучить прошлое.

Большое влияние на историков оказали идеи английского ученого Р. Коллингвуда, которые опубликованы в его книге «Идея истории» (1946 г.). В этой книге автор в своих размышлениях о методах исторического познания сделал акцент на роли личности историка в исследовательском процессе. Он выступал против наивного представления об использовании источников как их цитировании, переписывании, называя такой способ работы «историей ножниц и клея». Коллингвуд рассматривал поиск и анализ информации как целенаправленный процесс выяснения из источников именно тех вопросов, на которые исследователь должен получить ответ. Кроме этого он утверждал, что разнообразие источников, используемых современной исторической наукой, ставит вопрос о привлечении новых источниковедческих методов за счет междисциплинарного сотрудничества истории с другими науками. Что и произошло после Второй мировой войны, когда исследователи стали больше уделять внимание методам математики при обработке исторических источников.

По инициативе советского ученого И. Д. Ковальченко в конце 1960-х гг. в АН СССР была создана Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Вскоре появились лаборатории и исследовательские школы квантитативной истории в институтах и уни-

верситетах СССР. Созданная в 1992 г. на пространстве СНГ научная ассоциация «История и компьютер» положила начало новому периоду математической обработки статистических материалов. На страницах основных трудов ассоциации (сборник научных статей «Круг идей», сборник тезисов конференций ассоциации «Информационный бюллетень», журнал «Историческая информатика») опубликованы результаты научных исследований историков, использовавших количественные методы обработки исторических источников.

Помимо методов математики отечественные и зарубежные исследователи истории в своих работах привлекали приемы таких наук, как психология, социология, политология, лингвистика, география. Такое сотрудничество обогатило методологию исторической науки и позволило ей по праву остаться одной из ведущих гуманитарных областей исследования. Сейчас перед исторической наукой определен новый рубеж, пройти который мы можем только в результате междисциплинарного сотрудничества.

Не останавливаясь на всех возможных видах цифрового контента, которые могут стать предметом исторического исследования, автор статьи приводит собственное мнение о возможности анализа электронного контента социальных сетей в поле исследовательского интереса историков.

Роль социальных сетей в обществе велика и растет с каждым годом. Социальные сети представляют собой уникальный общественный институт, который непосредственно влияет на социализацию людей и в особенности молодежи. Интерактивность, мультимедийность, репликация и доступность делает этот канал коммуникации более востребованным нежели телевидение и печатные СМИ. С ростом популярности социальных сетей усложняется архитектура построения их информационных фреймов, которые сами по себе являются фактами отображения окружающей пользователей реальности. Так архитектура социальной сети представляет собой более сложную модель, нежели обычные новостные интернет-порталы или блоги. Сложность заключается в «информационной эклектике», которую строит для себя сами пользователи. При этом значимость тех или иных фактов формируется за счет лояльности (подписки, лайков, комментариев и пр.) посетителей социальных сетей к тому или иному контенту.

Не отходя от темы статьи отметим, что цифровой контент социальных сетей может состоять из первоначально созданных электронных материалов и оцифрованных ранее объектов культуры. Если анализ последних определен в методологии истории, то с первыми есть трудности, связанные с осуществлением их историковедческой обработки – внешняя и внутренняя критика. Изначально созданный цифровой контент в социальных сетях можно разделить на четыре типа: метainформация – персональные сведения о пользователе, количество его подписчиков, подписки, оценка популярности его контента; собственная текстовая информация пользова-

теля – комментарии в постах, текст сообщений; собственные фото, видео, аудио материалы пользователя; репосты.

Классический позитивистский подход потребовал проводить анализ указанного выше контента социальных сетей по принципу цитирования информации, а затем за счет умения историков красиво составлять научный текст, преподносить все это обществу как некую истину без глубокой доказательной базы. В арсенале историков собственно не так и много методов работы с социальными сетями, но они есть у специалистов, занятых в областях информационного моделирования, анализа сетевых технологий, маркетинга и психологии. Эти специалисты считают, что социальные сети, прежде всего, дают представление о интересах самих блогеров по поводу того, какой они хотели бы видеть реальность. То есть мир, описываемый в социальных сетях вполне может быть чрезмерно виртуальным и тем самым искаженным для понимания рядовыми пользователями. Однако, они же считают, что социальные сети отражают эволюцию направления мыслей того или иного человека (политика, журналиста и других известных людей). В плане просопографического анализа это открывает новые горизонты в изучении скрытых мотивов людей.

Обработка информации социальных сетей проводится по ряду направлений: анализ социальных графов; анализ текста; анализ аудио, видео и фотографий. Одной из первых задач при изучении социальной сети является выявление логики ее организации, то есть признаков, по которым организованы ее пользователи. Для решения этой задачи используются инструменты, отображающие характер взаимоотношений одного пользователя сети с другими. Т. е. анализ социальных графов позволяет выявить сходство между пользователями, степень их взаимодействия между собой, наличие общих мотивов, а также вероятность возникновения связи между пользователями, имеющих общий алгоритм действий в сети.

Анализ текста постов и комментариев пользователей является частым способом изучения социальных сетей. На помощь проведения такой работы исследователи прибегают к социолингвистическому методу «контент-анализ». Под контент-анализом понимают процедуру выявления частоты появления в тексте определенных интересующих исследователя слов (словосочетаний), которая позволяет ему делать некоторые выводы относительно намерений коммуникатора или возможных реакций аудитории [6].

Анализ аудио, видео и фотографий в социальных сетях в целом осуществляется такими же способами, как и при обработке корпуса кинофотофонодокументов. Единственным отличием является, то что для анализа медиа социальных сетей необходим специализированное программное обеспечение.

Подводя итог статьи отметим, что отечественная и мировая историческая наука подошла к новому этапу своего развития, и это очерчивает вероятную возможность формирования исторической дисциплины как ком-

пьютерное источниковедение. Цифровизация общества значительно меняет облик профессиональной деятельности историка, выдвигая на первый план необходимость решения задач по анализу исторических источников, представленных в цифровом виде. Эти тенденции хорошо заметны многим специалистам из научной ассоциации «Истории и компьютер», чьи работы дают надежду на скорейшее преодоление сложившегося методологического кризиса исторической науки.

Список используемых источников

1. О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 53 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/ C22100053_1612558800.pdf. – Дата доступа: 04.01.2022.

2. *Приборович, А. А.* Виртуальная выставка архивных документов: теория и практика / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 20–25.

3. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – С. 106.

4. *Медушевская, О. М.* Собрание сочинений: в 4 т. / О. М. Медушевская; под общ. ред. А. Н. Медушевского. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – Т. 2: Источниковедение: теория, история, метод. – С. 32.

5. *Гуревич, А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – С. 33.

6. *Приборович, А. А.* Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / А. А. Приборович, В. Н. Сидорцов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – 199 с.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

Ю. А. Раемский

Могилевский областной краеведческий музей имени Е. Р. Романова,
Могилев

Y. Rayemski

Mogilev Regional Museum of Local Lore named after E. R. Romanov,
Mogilev

УДК 94(476)«1915/1916»

**К ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТАВКИ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МОГИЛЕВЕ:
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ
TO THE HISTORY OF THE MILITARY INFRASTRUCTURE
OF THE SUPREME COMMANDER'S MILITARY
HEADQUARTERS IN MOGILEV: AIR DEFENSE UNITS**

В статье исследуется вопрос противовоздушной обороны Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве.

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего; император Николай II; Могилев; авиационный отряд; автомобильная полубатарея; поезд; вагон; платформа.

The article examines the issue of air defense of the Supreme Commander's military Headquarters in Mogilev.

Keywords: Supreme Commander's military Headquarters; Emperor Nicholas II; Mogilev city; aviation squad; car semi-battery; train; carriage; platform.

В ходе Первой мировой войны с августа 1915 г. город Могилев-губернский стал местом постоянной дислокации Ставки Верховного главнокомандующего действующей армией и флотом Российской империи. Данное обстоятельство вызвало необходимость проведения целой серии мероприятий, которые были осуществлены в Могилеве: эвакуация гражданских учреждений из всех зданий, необходимых для размещения и нормального функционирования управлений Ставки, организация бесперебойной и защищенной связи Штаба Ставки с фронтами и тылом, резервирование необходимого количества мест в городских гостиницах для проживания офицерского состава, обеспечение безопасных условий деятельности для особы Верховного главнокомандующего, чинов Штаба и управлений, охрана наиболее важных объектов инфраструктуры Ставки в городе и за его пределами. Меры безопасности были особенно усилены с конца августа 1915 г., когда в командование действующей армией вступил сам император Николай II. В Могилеве стали нести службу подразделения гвардейских кавалерийских и пехотных частей: Сводно-казачьего полка, Собственного Его Императорского Величества Конвоя, Сводного Его Величества пехотного

полка, Собственного Его Императорского Величества железнодорожного полка. В Могилеве был образован батальон для охраны Ставки Верховного Главнокомандующего, названный впоследствии Георгиевским, в который вошли офицеры и солдаты, отличившиеся на фронтах – кавалеры Ордена Святого Георгия и Георгиевского креста. Военное руководство не ограничилось вышеперечисленными мерами и продумало также систему противовоздушной обороны.

Данная статья основана на материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА) и имеет своей целью исследование организации защиты Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве от нападений противника с воздуха. В приводимых цитатах сохранена пунктуация оригинала, а орфография приводится в соответствии с современными правилами русского языка. Даты приводятся по юлианскому календарю.

В фондах РГВИА можно найти определенные сведения о прибытии в Могилев частей, на которые были возложены функции защиты неба над городом от воздухоплавательных средств противника. К примеру, в приказе по Штабу Верховного главнокомандующего № 84 от 13 ноября 1915 г. сообщается: «Пулеметную команду в составе 6 пулеметов, при 2 обер-офицерах и 94 нижних чинов, прибывшую для воздушной обороны Ставки Верховного Главнокомандующего, числить прибывшей 4 сего ноября» [1, л. 149]. Средства противовоздушной обороны зданий, в которых располагались основные управления Штаба, зафиксированы на некоторых фотографиях того периода. На фотографии, сделанной в Могилеве в мае 1916 г., запечатлена площадка на крыше здания Управления генерал-квартирмейстера, на которой виднеется фигура военнослужащего и силуэт пулемета, направленного в сторону Днепра [2].

Однако в данной статье хотелось бы обратиться к наиболее боеспособным частям, обеспечивавшим защиту неба над Могилевом от воздухоплавательных средств противника, история которых берет свое начало весной 1915 г. 15 апреля 1915 г. приказом Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича № 277 была сформирована отдельная батарея для обороны императорской резиденции от воздухоплавательных аппаратов, а 22 мая приказом Верховного № 422 для той же цели – специальный авиационный отряд [3; 4]. Первоначальным местом их базирования были окрестности Царского Села, а предназначением – защита Александровского дворца, в котором пребывала августейшая семья.

Согласно прилагаемому к приказу № 277 временному штату батарея состояла из 8 орудий на неподвижных установках и 4 орудий, установленных на автомобилях, а личный состав насчитывал 12 офицеров и 285 нижних чинов [3]. На вооружении авиационного отряда на момент создания име-

лось 4 действующих и 4 запасных аэроплана, а личный состав насчитывал 5 офицеров и 63 нижних чина [4].

Запланированное на конец августа 1915 г. принятие Верховного командования действующей армией и флотом самим императором вызывало необходимость защиты высочайшей особы во время его пребывания в Ставке. Первые шаги в этом отношении были предприняты еще до момента, когда Николай II отправился в Могилев. В РГИА в фонде инспекции императорских поездов в деле № 740 хранится телеграмма от 20 августа 1915 г., в которой оговариваются условия переброски авиационного отряда в Ставку: «Для экстренной перевозки авиационного отряда, следующего [в] Могилев, назначается поезд № 49 по следующему расписанию: отправление из Царского Села 21 августа 5 ч. 5 м. дня [...] Витебск прибытие около 1 ч. дня 22 августа. Состав поезда: 2 вагона 1 кл., 3 вагона 3 кл., 23 платформы и 1 крытый [вагон]. Поезд обслужить товарными паровозами и принять меры [к] своевременному прибытию его в Витебск, имея ввиду необходимость срочного выполнения этой перевозки» [5, л. 160]. Однако 22 августа в инспекции императорских поездов была получена телеграмма следующего содержания: «На 4 версте соединительной кривой ... никакой погрузки авиационного отряда не производится и никаких нагруженных вагонов этого отряда на Сев-Западных дорогах не имеется» [5, л. 144].

В итоге авиационный отряд, который должен был двигаться в Могилев по тому же маршруту что и царские поезда, не смог прибыть в Ставку раньше императора, о чем говорит телеграмма от 25 августа. В ней сообщалось, что «опоздание прибытия в Витебск экстренного поезда от 21 августа [его] г[ода] с авиационным отрядом ... произошло по причине крайней загруженности передвижения на участке Дно-Витебск, занятого полностью воинскими поездами, каковых надо было к проходу литерных поездов чрезвычайной важности расставить по станциям таким образом, чтобы заблаговременно обеспечить вполне свободный проход литерным поездам». Далее приводится список станций и номера поездов, задержанных на них. Согласно нему, на отрезке Дно-Витебск было задержано 34 поезда, а в конце телеграммы указано: «Кроме того, на узловых станциях Дно, Новосокольники и Невель все пути были заняты стянутыми на эти станции поездами для обеспечения свободного пропуска литерных поездов чрезвычайной важности».

В нашем распоряжении нет достоверных документов относительно точного времени и обстоятельств переброски в Ставку техники и личного состава отдельной батареи или ее структурных подразделений. В приказе по Штабу Верховного главнокомандующего № 74 от 25 октября 1915 г. со ссылкой на высочайший приказ от 14 октября (утрачен еще во время революции) упоминается о назначении капитана Хростицкого «командующим отдельной батареей для обороны Царской Ставки, с переименованием в подполковники» [1, л. 139 об.]. Также отметим, что в конце мая 1

916 г. подразделение вернулось в Могилев после командировки на северный фронт, удостоившись высочайшего смотра, о чем свидетельствует запись в дневнике Николая II от 24 мая: «В 3 часа сделал смотр автомобильной полубатарее Отд[ельной] бат[ареи] для обороны Ставки и пулеметному взводу при ней. Части только что вернулись из-под Двинска» [6, с. 589].

В фондах РГИА хранится довольно необычное дело под заголовком «О поезде по обороне Царской Ставки в 1916 г.». При этом фактическое его содержание касается оборудования специального поезда, предназначенного для перевозки техники и личного состава автомобильной полубатареей отдельной батареи для обороны Царской Ставки, пулеметного взвода при ней и авиационного отряда. Первый документ дела датирован 5-м апреля 1916 г., когда дворцовый комендант В.Н. Воейков обратился к инспектору императорских поездов М. С. Ежову со следующим письмом: «Препровождая при сём списки всего входящего в состав поезда Охраны высочайших путешествий при поездках к Действующей Армии для распределения по вагонам, прошу ваше превосходительство, согласно данным мною указаниям, позаботиться оборудованием выше означенного поезда в составе нижеуказанном, в возможно скорейшем времени, причём обслуживание деталей приспособления сего поезда соответственно назначению предоставляется вам вести путём непосредственного соглашения с подполковником Хростицким и капитаном Павленко.

Все необходимые по оборудованию поезда расходы предположено отнести за счёт сумм, ассигнованных на артиллерийско-воздушную оборону.

Состав поезда: 35 вагонов, из них: 2 классных, 4 вагона IV класса, 25 платформ и 4 крытых вагона. Всего 74 оси.

В этом составе: общие – 2 классных вагона. Батарея артиллерийской обороны – 9 платформ, 2 вагона IV класса, 1 вагон крытый. Авиационный отряд – 16 платформ, 2 вагона IV класса, 3 вагона крытых. Итого 35 вагонов.

Свиты Его Величества генерал-майор Воейков» [7, л. 1].

Подполковник Хростицкий о составе полубатареей привёл следующие сведения: четыре 5-ти тонных автомобиля с орудиями, один 3-х тонный автомобиль с зарядными ящиками, два 3-х тонных автомобиля для прожектора и генераторов, один легковой автомобиль, грузовой 2-х тонный автомобиль для запасных частей, бензина и инструментов, один 3-х тонный автомобиль с кухней и две мотоциклетки с колясками. Для перевозки вышеуказанной техники предполагалось задействовать 9 железнодорожных платформ [7, л. 2]. Что касается личного состава, то при высочайших выездах из Царской Ставки императорские литерные поезда должны были сопровождать 4 офицера полубатареей (включая самого подполковника Хростицкого и начальника пулеметной команды) и 79 нижних чинов. Среди строевых нижних чинов, следовавших в особом поезде, насчитывалось 4 орудийных фейерверкера (по одному на орудие), 24 орудийных номера (по 6 на орудие), 2 раз-

ведчика-мотоциклиста, 11 шоферов, 15 нижних чинов пулеметной команды и др. [7, л. 3].

С авиационным отрядом капитана Павленко трудностей оказалось намного больше. В деле приведен лишь примерный подвижной состав авиационного отряда: 1 легкий и 3 грузовых автомобиля, 1 прожектор, 1 мастерская и 7 аппаратов [7, л. 4]. Автор справки действительный статский советник Рымарев сообщает дворцовому коменданту В.Н. Воейкову следующее: «Капитан Павленко сообщил при переговорах 5-го сего апреля, что ему предстоит перевооружение; аппараты идут из Франции, точных размеров их он еще не знает и посему списки входящего от авиации в состав поезда не будут пока весьма точны.

Просит оформить возможность получения кредита в 5000 руб., из коих 2000 руб. предположены на постройку приспособления для въезда на платформу и 3000 руб. он желает сохранить для других целей переоборудования, по перевооружении.

Инженер Эртель приступил к осуществлению оборудования поезда путем предварительных необходимых сношений по министерству путей сообщения». На подлинной справке дворцовым комендантом положена следующая резолюция: «Поступит возмещение от генерала Ронжина по предъявлении счетов от инспекции» [7, л. 5].

Сбор и оборудование подвижного состава было возложено на Николаевскую железную дорогу и Александровский сталелитейный завод [7, л. 6]. Уже 3 мая в инспекции императорских поездов была получена срочная телеграмма из управления Николаевской ж/д, в которой сообщалось, что необходимый для формирования поезда подвижной состав будет собран в мастерских к 6 мая [7, л. 7]. После этого началось переоборудование вагонов и платформ на Александровском заводе, занявшее несколько месяцев. В деле содержатся многочисленные технические документы: расчеты сходней для грузовиков, чертежи накатов для погрузки, планы классных вагонов, переписка по изготовлению клиньев для колес и др. Все это неоднократно уточнялось и дорабатывалось. В конечном итоге вся техническая документация была собрана в специальном альбоме чертежей поезда подвижного отряда артиллерийско-воздушной обороны Царской Ставки, один экземпляр которого был направлен в инспекцию императорских поездов, а второй – дворцовому коменданту В. Н. Воейкову [7, л. 35, 36].

29 августа 1916 г. Воейкову поступила телеграмма о готовности состава: «Оборудование поезда обороны закончено. Благоволите дать указание срокам подачи на Ставку» [7, л. 34]. Однако прошло больше месяца, прежде чем поезд отправился в Могилев. Согласно телеграмме инспектора императорских поездов Ежова от 3 октября отправление состава из Петрограда Николаевского было запланировано вечером во вторник 4 октября 1916 г. При этом с поездом командировался агент Николаевской железной дороги для

его сдачи в Могилеве [7, л. 37]. Перейдя на Московско-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу, экстренный поезд № 207 в составе 35 вагонов и 74 осей отправился из Петрограда в тот же день в 23 ч. 10 м. Состав обслуживался двумя товарными паровозами, имеющими автоматический тормоз. Согласно расписанию, его прибытие в Витебск состоялось 5 октября в 7 ч. 40 м. вечера, а в Ставку поезд артиллерийской обороны прибыл в 2 часа ночи 6 октября 1916 г. [7, л. 39, 40, 43]. Отметим, что состав следовал из Петрограда в Могилев порожним, это указано сразу в нескольких телеграммах [7, л. 38, 43]. Данное обстоятельство имеет довольно простое и логичное объяснение – личный состав и техника отдельной полубатарей и авиационного отряда в это время несли службу в Ставке. По прибытии в Могилев вагоны поезда были приписаны к парку Риго-Орловской железной дороги, а классным вагонам были назначены проводники [7, л. 47].

Таким образом, исходя из вышеизложенных фактов, можно сделать определенные выводы. Оборона Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве от воздушных нападений была организована на самом высоком уровне. Охрану неба от воздухоплавательных средств противника несли подразделения со стационарно установленными артиллерийскими орудиями и пулеметами, а также подразделения, укомплектованные автомобильной, мотоциклетной техникой и боевыми аэропланами. Однако в рассматриваемый период противник так и не появился в небе над Могилевом.

Название подробно изученного архивного дела из РГИА не совсем верно отражает его содержание. Указанный железнодорожный состав не применялся для обороны Ставки от воздушных нападений противника. Причиной формирования данного поезда являлось стремление иметь в Могилеве «стоящий под парами» состав для оперативного перемещения подвижного отряда артиллерийско-воздушной обороны Царской Ставки в случае возникновения острой необходимости в этом. В 1915 г. средства защиты от воздухоплавательных средств противника в Могилев доставлялись в результате различных распоряжений должностных лиц императорского двора и инспекции императорских поездов. При этом не всегда была гарантирована четкая организация предоставления подвижного состава для погрузки техники, а также своевременное прибытие поезда. Опоздание в Ставку авиационного отряда служит тому подтверждением.

Оба подразделения несли охрану рубежей Ставки из мест своей постоянной дислокации (в данном случае на 1916 г.). Аэропланы авиационного отряда, например, в это время базировались в окрестностях Могилева – на хуторе Краснополье. Для своевременного оповещения о воздушном нападении в места дислокации частей противоздушной обороны была проведена телефонная связь [8, с. 7, 9, 40, 42].

Задействовать данный состав для защиты литерных поездов от воздушного нападения в пути было практически невозможно. Главным препят-

ствием для этого была организация движения по железным дорогам. Даже два литерных поезда («собственный» – «А» и «свитский» – «Б») ходили с часовой разницей, на значительном расстоянии друг от друга для обеспечения безопасных интервалов. Более того, аэропланы в походном положении, погруженные на платформы, просто не смогли бы взлететь с движущегося поезда.

Более точное название для данного состава дал дворцовый комендант В. Н. Воейков – «поезд Охраны высочайших путешествий при поездках к Действующей Армии». Организация несения боевой службы данных подразделений в местах пребывания императора и Верховного главнокомандующего могла бы вызвать необходимость периодической смены мест их дислокации, а значит постоянного следования перед литерными поездами. В таком случае в дни Февральской революции поезд с техникой и личным составом автомобильной полубатарей и пулеметного взвода мог выполнить не только функции разведки текущей обстановки на участке пути Бологое-Тосно, но и, в случае необходимости, стать ударным кулаком для обеспечения проезда императора в Царское Село. После получения неподтвержденных и непроверенных сведений о занятии революционными войсками станции Любань, лицам свиты ночью 1 марта 1917 г. удалось организовать ночной разворот литерных поездов на станции Малая Вишера. Поезд «Литера А», который должен был прибыть к платформе императорского павильона в Царском Селе 1 марта в 6.00 утра [9, л. 4], впервые отклонился от намеченного расписания и начал свое движение на Бологое-Дно-Псков, где и произошли решающие события Февральской революции.

К сожалению, после комплектования данного поезда дальнейшая его судьба в деле не освещена. С момента приписки к Риги-Орловской железной дороге он перестал находиться в ведении инспекции императорских поездов. Поэтому точно установить его местоположение в дни Февральской революции довольно затруднительно. В исследованных описях фондов РГИА и опубликованных источниках сведений о передвижениях данного поезда в критические дни 28 февраля – 2 марта 1917 г. обнаружить не удалось. Вполне вероятно, что подразделения артиллерийско-воздушной обороны продолжали нести боевую службу в Ставке, а железнодорожный состав находился на запасных путях станции Могилев.

Список использованных источников

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1652.
2. Российский государственный архив кинофотодокументов. – Ал. 262. Сн. 23.
3. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 3.
4. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 4.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740.
6. Дневники императора Николая II / под ред. К. Ф. Шацилло. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
7. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 789.
8. Справочник для абонентов телефонной сети Штаба Верховного Главнокомандующего. – Могилев: Тип. Штаба Верховного Главнокомандующего, 1916. – 102 с.
9. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 815.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

A. P. Raюk
ТАА «БурВодСець», Мінск

A. Rayuk
BurVodSet LLC, Minsk

УДК 94(476) «1905/1908»

ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАСТОРАВЫХ МЕЖ «КРАЯ» У ПАЛІТЫЧНЫХ ПРАГРАМАХ КРАЁЎЦАЎ- КАНСЕРВАТАРАЎ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ Ў 1905–1908 ГГ.

THE EVOLUTION OF THE SPATIAL BOUNDARIES OF THE «COUNTRY» IN THE POLITICAL PROGRAMS OF THE CONSERVATIVE KRAJOWCY OF BELARUS AND LITHUANIA IN 1905–1908

У артыкуле высвятляецца, як недаацэнка інтарэсаў праваслаўнага насельніцтва левабярэжнай Украіны і пазіцыя краёўцаў-дэмакратаў паўплывалі на звужэнне пачатковых прасторавых меж «края» у палітычных праграмах краёўцаў-кансерватараў Беларусі і Літвы ў 1905–1908 гг.

Ключавыя словы: краёвасць; беларускі палітычны кансерватызм; палітычная гісторыя Беларусі; Краёвая партыя Літвы і Беларусі; Эдвард Вайніловіч; Дзяржаўная Дума Расійскай Імперыі.

The article reveals how the underestimation of the interests of the Orthodox population of Left-Bank Ukraine and the position of the Democratic Krajowcy influenced the narrowing of the initial spatial boundaries of the «country» in the political programs of the conservative Krajowcy of Belarus and Lithuania in 1905–1908.

Keywords: the Krajowcy; Belarusian political conservatism; political history of Belarus; Regional Party of Lithuania and Belarus; Edward Voinilovich; the State Duma of the Russian Empire.

Рух краёўцаў займае вялікі адрэзак часу ў гісторыі Беларусі – з 1905 г., калі «краёўцы» пачалі адкрыта публікаваць свае палітычныя пра-

грамы і рабіць канкрэтныя крокі па рэалізацыі сваіх ідэй, да 1921 г., калі быў падпісаны Рыжскі мірны дагавор, які канчаткова перакрэсліў усе планы захавання адміністрацыйна-тэрытарыяльнага адзінства беларуска-літоўскага «края», – і быў маштабнай і складанай з’явай.

Калі апісанне і ацэнка руху краёўцаў ужо даўно знайшлі сваё месца ў польскай (З. Юндзіл, Я. Савіцкі, Я. Юркевіч, Р. Юркоўскі, Д. Шпопер, Д. Тарасюк і інш.) і літоўскай гістарыяграфіі (З. Кяўпа, Р. Мікныс), то ў беларускай першапачаткоўцам стаў А. Смалянчук, хоць свае ацэнкі ўносяць і іншыя беларускія даследчыкі (А. Латышонак, С. Мянчэня, А. Унучак, А. Ластоўскі, А. Раюк і інш.) [1–4].

«Краёвая канцэпцыя» («краёвая ідэя») не мела адзінага канкрэтнага аўтара, а нарадзілася ў выніку дыскусіі самых актыўных прадстаўнікоў карэннага маянтковага дваранства і інтэлігенцыі Беларусі і Літвы. Сярод краёўцаў вылучылася два кірункі (ліберальна-кансерватыўны і ліберальна-дэмакратычны), але краёвая канцэпцыя была супольнай ідэяй як для кансерватыўнай, так і дэмакратычнай плыні краёўцаў. Розніца паміж кансерватыўным і дэмакратычным кірункамі была не ў канечнай мэце (росквіт свайго беларуска-літоўскага края, раўнапраўе народаў, грамадская талерантнасць і супрацоўніцтва), а ў мадэлі пераўтварэнняў на выклікі паўсталых для края праблем і ў метадах дасягнення гэтай мэты.

У дадзеным артыкуле мы высветлім прычыны эвалюцыі прасторавых меж «края» у палітычных праграмах краёўцаў-кансерватараў Беларусі і Літвы ў 1905–1908 гг., бо гэты важны аспект «краёвай канцэпцыі» пакуль не быў прадметам навуковага даследавання і не быў асэнсаваны гісторыкамі.

Па прычыне адсутнасці ў «Заходнім краі» Расійскай Імперыі земстваў карэнныя (галоўным чынам, каталіцкія і польскамоўныя) дваране, пачынаючы з 1880-х гг., пачалі згрупоўвацца ў сваіх губернях у сельскагаспадарчыя таварыствы, якія ўзначальваліся прызнанымі аўтарытэтнымі маянткоўцамі і былі ўплывовымі арганізацыямі ў губернях. У хуткім часе, акрамя гаспадарчых (камерцыйных), многія сельскагаспадарчыя таварыствы ў «заходніх губернях» пачалі выконваць і грамадскія функцыі (культурныя, навуковыя, адукацыйныя і г. д.), характэрныя для земстваў, а сядзібы таварыстваў сталі важнымі цэнтрамі грамадскага жыцця губерняў. Лідары сельскагаспадарчых таварыстваў па сутнасці сталі неафіцыйнымі лідарамі карэнных дваран Заходняга края. Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ) было самым моцным і самым буйным па колькасці членаў і фактычна цэнтральным у Паўночна-Заходнім краі, на якое ў сваіх дзеяннях аглядаліся іншыя сельскагаспадарчыя таварыствы ў паўночна-заходніх губернях. Асоба доўгачасовага віцэ-старшыні МТСГ Э. Вайніловіча, які па сутнасці быў неафіцыйным кіраўніком МТСГ, была шырока вядомай у Заходнім краі (які мясцовыя дваране паралельна называлі ў сваім коле як «Літва і Русь»), а так-

сама мела высокі аўтарытэт як сярод карэнных дваран у Мінскай губерні, так і ў іншых беларуска-літоўскіх губернях [3, с. 29–30].

У час ліберальна-дэмакратычнай рэвалюцыі 1905–1907 гг. у Расійскай Імперыі грамадскі рух патрабаваў ад цара ўвядзення прагрэсіўных рэформ, у першую чаргу – увядзення ліберальных свабод і заканадаўчага парламента, што было даўно неабходным. Першапачаткова пад націскам рэвалюцыйных выступленняў расійскі імператар Мікалай II выдаў маніфест ад 6 жніўня 1905 г., якім уводзіў у Расійскай Імперыі законадарадчую Дзяржаўную Думу і аб’яўляў выбары ў гэтую ўстанову.

Тэрыторыя Заходняга края была часткай былой Рэчы Паспалітай, дзе ў пачатку XX ст. (асабліва ў Паўночна-Заходнім краі) яшчэ значным быў працэнт карэннага дваранства. Карэнныя (галоўным чынам, польскамоўныя і каталіцкія) дваране літоўска-беларускіх губерняў былі генетычна нашчадкамі шляхты ВКЛ і лічылі сябе спадкаемцамі яго гісторыі і традыцый. У сваім коле яны менавалі сваю зямлю «Літвой» (ці «землямі былога Вялікага Княства Літоўскага»), бо перадавалі ад пакалення да пакалення праз усё XIX ст. мару адраджэння былой федэратыўнай польска-літоўскай Рэчы Паспалітай. Выступаючы за салідарнасць з дваранамі з польскіх губерняў (так званыя «Кангрэсоўкі»), дваране Паўночна-Заходняга края (Віленская, Ковенская, Гродзенская, Мінская, Віцебская і Магілёўская губерні) адчувалі, што ў Расійскай Імперыі ў іх больш падобнага па юрыдычным статусе існавання (галоўным чынам, абмежавальнага і дыскрымінацыйнага па сваім характару) з польскімі дваранамі Паўднёва-Заходняга края (Кіеўская, Валынская і Падольская губерні). У дваран Паўднёва-Заходняга края традыцыі самастойнасці і незалежнасці ад варшаўскага цэнтра былі значна слабейшыя, бо тэрыторыя паўднёва-заходніх губерняў да падзелу Рэчы Паспалітай уваходзіла ў склад ваяводстваў Польскага Каралеўства і мясцовае каталіцкае дваранства было ў сваёй большасці этнічна польскім. Карэнныя ж дваране Паўночна-Заходняга края (фактычна зямель былога ВКЛ) лічылі, што жывуць у цэнтры сваёй радзімы, іх уласнага края, а не абрэзка ці ўскраін («крэсаў») якойсьці ўсяпольскай супольнасці [5, с. 235]. Выкарыстоўваючы старую геаграфічную тэрміналогію часоў Рэчы Паспалітай, карэнныя дваране Заходняга края («Літвы і Русі») пад «Літвой» разумелі Ковенскую, Віленскую, Гродзенскую і Мінскую губерні, а пад «Руссю» – усе астатнія (Віцебскую, Магілёўскую, часам Мінскую), Кіеўскую, Валынскую і Падольскую губерні). У рамках «Русі» Віцебская і Магілёўская губерні (а часам і Мінская) імі менаваліся як «Белая Русь», хоць назва «Беларусь» усё часцей пераносілася і на Гродзенскую і палову Віленскай губерні.

Адсюль натуральнай была ідэя супрацоўніцтва ў Дзяржаўнай Думе паміж дэпутатамі ад карэнных дваран заходніх губерняў. Амаль адразу пас-

ля выдання маніфеста ад 6 жніўня 1905 г. Э. Вайніловіч напісаў 16 жніўня ліст да М. Здзяхоўскага, у якім выказваўся, што дэпутаты, выбраныя з ліку карэнных дваран Заходняга края, павінны іграць адметную ролю ў Думе, бо Заходні край («Літва і Русь») мае свае інтарэсы; і сцвярджаў, што яны могуць быць пасрэдкамі паміж групай дэпутатаў ад польскіх губерняў («Польскае Кола») і іншымі дэпутатамі заходніх губерняў [6, с. 212]. Лідары Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (Э. Вайніловіч, Е. Чапскі, Г. Друцкі-Любецкі, Р. Скірмунт і інш.), усведамляючы сваю грамадскую ролю ў краі і свой уплыў, вырашылі актыўна рыхтавацца да чаканых выбараў у новы дзяржаўны орган і першымі сярод лідараў іншых сельскагаспадарчых таварыстваў сфармулявалі на сходзе МТСГ у Мінску палітычную праграму з 12 пунктаў, апублікаваную 7 кастрычніка 1905 г. на старонках газеты «Kuryer Litewski» [7].

Праграма стала адной з першых праяў практычнай рэалізацыі ідэй «краёвасці» – яе ліберальна-кансерватыўнага кірунку – і пастулявала аўтанамісцкія, інтэрнацыянальныя і ліберальна-кансерватыўныя прынцыпы: раўнапраўе ўсіх народаў; прынцыпы свабоды сумлення, веравызнання, слова, стварэння грамадскіх арганізацый і сходаў; раўнапраўе жанчын; недатыкальнасць асобы і жылга без рашэння суда; усеагульная роўнасць перад законам; свабода навучання на роднай мове; ліквідацыя пашпартнай сістэмы ўнутры імперыі і ліквідацыя мяжы яўрэйскай аселасці. Акрамя таго палітычная праграма МТСГ патрабавала ўвядзення ўсеагульнай і бясплатнай пачатковай адукацыі, што, на думку лідараў МТСГ, было важным для павышэння дабрабыту і заможнасці сялян і знішчэння ўвогуле саслоўных адрозненняў сялян. Дзеячы МТСГ былі праціўнікамі сацыялістычных ідэй (у першую чаргу – ідэй ліквідацыі права прыватнай уласнасці), таму ў сваёй праграме акцэнтавалі ўвагу на неабходнасць вырашэння праблемы недахопу зямлі ў сялян, але падкрэслівалі, што гэтая праблема павінна вырашацца без парушэння права прыватнай уласнасці на зямлю. У палітычнай сферы праграма патрабавала рэарганізацыі Дзяржаўнага Савета і рэарганізацыі Дзяржаўнай Думы з законадарадчай у законадаўчую, пашырэння праў для прадстаўніцтва грамадзян (пашырэнне кола выбаршчыкаў), увядзенне аўтаноміі Заходняга края. Сама апублікаваная палітычная ліберальна-кансерватыўная праграма МТСГ была распрацавана для прадстаўлення яе на земскім сходзе і была ў многіх пунктах сугучна з тымі патрабаваннямі, якія прад'яўляў расійскаму самаўладдзю агульнарасійскі ліберальны рух у ходзе рэвалюцыі [2, с. 240–241; 3, с. 62–67].

Рэвалюцыйны грамадскі ўздых у Расійскай Імперыі дабіўся таго, што расійскі імператар Мікалай II пасля Кастрычніцкай стачкі быў вымушаны выдаць Маніфест 17 кастрычніка 1905 г., які надаваў аб'яўленай раней законадарадчай Дзяржаўнай Думе (у якую яшчэ не прайшлі выбары дэпутатаў) законадаўчы характар і ўводзіў ліберальныя свабоды (свабоды арганізацый,

сходаў, слова і інш.). 11 снежня 1905 г. расійскім імператарам было прынята новае палажэнне аб выбарах у Дзяржаўную Думу, якое значна пашырала (у адрозненне ад маніфеста 6 жніўня 1905 г.) кола выбаршчыкаў, хоць сама працэдура выбару была двухступнёвай: выбаршчыкі выбіралі прадстаўнікоў у чатырох курых (памешчыцкай, гарадской, сялянскай і рабочай).

20 лютага 1906 г. некалькімі нарматыўнымі актамі расійскі імператар Мікалай II увёў змены структуры і прынцыпаў функцыянавання Дзяржаўнага Савета, які станавіўся верхняй палатай парламента, дэпутаты якой выбіраліся на губернскіх і дваранскіх сходах, сходамі купцоў, прамыслоўцаў і прадстаўнікоў праваслаўнай царквы. Прыгатаванні карэнных дваран Заходняга края да выбараў у Думу і Савет адразу з лістапада 1905 г. суправаджаліся дыскусіяй аб будучай стратэгіі дзеянняў у гэтых установах. Адначасова было вырашана, што неабходна стварыць дзве асобныя групы (колы) дэпутатаў як у Думе, так і Савеце – адна група ад «заходніх губерняў», другая – ад польскіх. Будучым дэпутатам прапаноўвалася адмовіцца ад стварэння выключна «польскага» блока і згрупавацца з іншымі групамі дэпутатаў (у першую чаргу – заходніх і ўласна польскіх губерняў) для стварэння кааліцыі [2, с. 242; 3, с. 62–67].

Лідары сельскагаспадарчых таварыстваў Заходняга края вырашылі балаціравацца ў верхнюю палату парламента (Дзяржаўны Савет), якая была больш прэстыжнай палатай, а менш уплывовыя (і маладзейшыя) члены таварыстваў – у ніжнюю (Дзяржаўную Думу). Па сутнасці было загадзя вядома, што ў Дзяржаўны Савет дэпутатам ад Мінскай губерні мясцовымі дваранамі будзе выбраны Э. Вайніловіч. Для выбараў у Дзяржаўную Думу з мэтай аб'яднаць усіх прадстаўнікоў, якія б непасрэдна выказвалі інтарэсы карэнных народаў Заходняга края, было вырашана стварыць «краёвую» партыю.

17 лістапада 1905 г. Р. Скірмунт ад імя кола ўплывовых лідараў МТСГ апублікаваў у газеце «Kurier Litewski» «Адозву Краёвай партыі Літвы і Русі». На першапачатковым этапе свайго развіцця «краёвасць» у краёўцаў-кансерватараў была ідэяй аб'яднаць сілы прыхільнікаў развіцця і росквіту ўсяго Заходняга края (Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай, Кіеўскай, Валынскай і Падольскай губерняў) як адзінага цэлага. Адозва спасылалася на праграму МТСГ, згаджаючыся з ёй, і пашырала яе пастулаты: шырокае самакіраванне Заходняга края («Літвы і Русі»), палягчэнне сялянам атрымання банкаўскіх крэдытаў на куплю зямлі і падняцце культуры сельскай гаспадаркі ва ўласнай гаспадарцы. Адозва ўхваляла і падтрымлівала рэформу дзяржаўнага ладу Расійскай Імперыі, акрэсленага ў Маніфесце 17 кастрычніка 1905 г. Ухваляла таксама ініцыятывы расійскіх дзяржаўных дзеячаў, накіраваных на «рэфармаванне дзяржаўнага ладу ў духу талерантнасці, свабоды і прагрэсу», развіццё агульначалавечых, палітычных і канстытуцыйных свабод – г. зн. ператва-

рэння Расійскай Імперыі ў канстытуцыйную манархію. Заклікала таксама да стварэння ў будучай Думе асобнага Краёвага кола Літвы і Русі, якое павінна ў сваёй працы звяртацца да дасягненняў, каб у духу хрысціянскай этыкі захоўваць прынцыпы мірнага суіснавання народаў, жывучых у Заходнім краі. Падкрэслівалася таксама, што для рэалізацыі гэтай мэты паміж дваранствам і сялянствам «павінна і можа панаваць поўная згода ў грамадскай і палітычнай працы пад лозунгам агульнага добра супольнай айчыны» [8].

Вядома, што ідэя аўтаноміі «Літвы і Русі» ў рамках Расіі прапаноўвалася яшчэ ў 1810–1811 г., а паўстанні 1830–1831 гг. і 1863–1864 гг. увогуле былі за аднаўленне дзяржаўнай самастойнасці зямель былой Рэчы Паспалітай. Выкарыстанне геаграфічнай тэрміналогіі Рэчы Паспалітай і вылучэнне Заходняга края як тэрыторыі дзеяння для краёўцаў-кансерватараў было зваротам да мінулага і імкненнем кансалідаваць мясцовае насельніцтва (дваран і сялян рознай этнічнай прыналежнасці) менавіта ў гэтых геаграфічных рамках [9]. На наш погляд, галоўнай праблемай гэтых разлікаў было тое, што краёўцы-кансерватары адасаблялі тэрыторыю Паўднёва-Заходняга края, дзе пераважала ўкраінскае сялянства, ад іншых губерняў з пераважна ўкраінскім сялянскім насельніцтвам – Чарнігаўскай, Харкаўскай, Палтаўскай, Кацярынаслаўскай, Херсонскай і Таўрычаскай губерняў. З часоў падзелу Рэчы Паспалітай украінцы здолелі за XIX ст. каланізаваць землі так званай «Наваросіі» (Кацярынаслаўская, Херсонская і Таўрычаская губерні), сфарміраваць свае ўласныя планы па стварэнні асобнай аўтаноміі ў складзе Расіі (ці дзяржаўнасці), якія актыўна імкнуліся ажыццявіць украінская інтэлігенцыя і значная частка мясцовых дваран (як нашчадкаў былой праваслаўнай казацкай старшыны, так і «хлапаманаў» з ліку каталіцкай польскай шляхты). Акрамя таго, паводле першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва (1897) Расійскай Імперыі ў Паўднёва-Заходнім краі землеўласнікі-палякі з-за актыўнай урадавай антыпольскай зямельнай палітыкі складалі ўжо толькі 18 % ад агульнай колькасці маянткоўцаў у параўнанні з ранейшымі 90 % у пачатку 1860-х гг.; а «рускія» землеўласнікі ў 1897 г. там складалі 70 % маянткоўцаў. У Беларусі і Літве колькасць землеўласнікаў, якія менавалі сябе «палякамі», скарацілася з 94 % ад агульнай колькасці маянткоўцаў у 1860-я гг. толькі да 51 % у 1897 г. і прадстаўлялі сабой адносную большасць; а «рускія» землеўласнікі ў 1897 г. складалі 45 % [4, с. 46; 10, с. 222–223; 11, с. 79, 127–128].

Чарговая, утрыманая ў ліберальна-кансерватыўным тоне «Адозва Краёвай партыі Беларусі і Літвы», якую таксама прыслаў Р. Скірмунт, была надрукавана 11 студзеня 1906 г. у газеце «Kuryer Litewski» і заклікала да стварэння «Краёвай партыі Беларусі і Літвы». Лідары МТСГ ужо акрэслівалі тэрыторыю для дзеяння новай партыі толькі літоўска-беларускімі губернямі (Ковенская, Віленская, Гродзенская, Мінская, Віцебская і Магілёўская губерні). Прычынай выключэння Кіеўскай, Валынскай і Падольскай

губерняў з планаў дзеяння «краёвай партыі» былі разгорнутыя на «поўдні Расіі» (гэта значыць на Украіне) украінскімі сялянамі шматлікія пагромы маёнткаў землеўласнікаў-палякаў у ходзе рэвалюцыі 1905–1907 гг. у Расійскай Імперыі. У адозве Скірмунтам тлумачылася, што падбухторнікамі пагромаў былі сацыялістычныя партыі, а віноўнікамі – лібералы-кадэты, якія ўхвалялі пераход часткі зямель маянткоўцаў да малазямельных сялян: «Для атрымання падтрымкі натоўпаў заахвочвалі малазямельных да знішчэння і рабунку чужой маёмасці на вёсцы. Крык жаху і распачы разышоўся на ўвесь цывілізаваны свет пасля звестак аб саромных пагромах капіталістаў і кушоў у некаторых гарадах паўднёвай Расіі. Крык жаху з грудзі людзей, якія самі свядома пачыналі аграрны пажар» [12].

Толькі пазней ананімны аўтар пад крыптонімам «Samotny» у артыкуле «Сканфедэраваныя тры колы», апублікаваным у газеце «Kuryer Litewski» 24 красавіка 1906 г., прапанаваў стварыць у Дзяржаўнай Думе кааліцыю з трох дэпутацкіх кол: Кола Каралеўства Польскага; Кола Літвы і Беларусі; і Кола Украіны (з усіх украінскіх земляў – разам з «Задняпроўем») [13].

Абвастэрне адносіні (прычым не толькі на маёмаснай глебе, але і этнічнай) паміж украінскім сялянствам і польскімі маянткоўцамі ў Паўднёва-Заходнім краі рабіла немагчымым супрацоўніцтва на аснове «краёвай ідэалогіі» кансерватыўнага кірунку, што, у прыწყпе, можна было чакаць загалды. У адрозненне ад украінскіх зямель, «краёвая ідэя» атрымала ў 1905–1906 гг. вялікі водгук і аказалася запатрабавальнай у Беларусі і Літве. Пачатку вялікай дыскусіі адносна праблем і супольнай будучыні літоўска-беларускіх губерняў, а таксама ўзаемаадносін мясцовых народаў спрыяла фармаванне побач з ліберальна-кансерватыўным ліберальна-дэмакратычнага кірунку «краёвасці», што стала прычынай атрымання «краёвай канцэпцыі» новых граняў і яе шырокага распаўсюджвання ў грамадскай палеміцы Беларусі і Літвы.

Такім чынам, у пачатковай палітычнай праграме краёўцаў-кансерватараў Беларусі і Літвы ў 1905–1908 гг. прасторавымі межамі «края» была тэрыторыя дзевяці заходніх губерняў (Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай, Кіеўскай, Валынскай і Падольскай), якая да 1772 г. уваходзіла ў склад Рэчы Паспалітай, што было праявай звароту мясцовага каталіцкага дваранства да гістарычнай традыцыі былой Рэчы Паспалітай і імкнення аднавіць ранейшае адміністрацыйна-тэрытарыяльнага адзінства гэтых зямель – хоць бы ў форме аўтаноміі ў рамках Расійскай Імперыі. Калі ідэі пашырэння грамадзянскіх правоў і ўмеранай ліберальнай эканамічнай мадэрнізацыі края, агучання ў палітычнай праграме краёўцаў-кансерватараў, былі навацыяй для палітычнай думкі Беларусі і Літвы, то ідэі аўтаноміі, традыцыйнай талерантнасці і кампраміса ў моўных і этнічных узаемаадносінах такой навацыяй у пачатку ХХ ст. не былі.

Першапачатковая арыентацыя краёвай канцэпцыі на прастору «заходніх губерняў» (па прычыне таго, што ў іх быў значны працэнт мясцовага каталіцкага дваранства) была відавочным анахранізмам і недаацэнкай інтарэсаў праваслаўнага насельніцтва левабярэжнай Украіны. Ідэі краёвасці не атрымалі зацэкаўленасці і водгуку ва ўкраінскіх губернях, аднак «краёвая ідэя» аказалася запатрабавальнай у беларуска-літоўскіх губернях Расійскай Імперыі: у пачатку 1906 г. побач з ліберальна-кансерватыўным кірункам краёвасці пачаў фармавацца яшчэ адзін – ліберальна-дэмакратычны кірунак. Менавіта краёўцы-дэмакраты прапагандавалі рэалізацыю ідэі краёвасці выключна ў межах шасці беларуска-літоўскіх губерняў, на што краёўцы-кансерватары згадзіліся ў 1907–1908 гг.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Jurkiewicz, J. Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922 / J. Jurkiewicz.* – Poznań: UAM, 1983. – 259 s.
2. *Szpoper, D. Gente Lithuana, Nazione Lithuana. Myśl polityczna i działalność Konstancji Skirmuntt (1851–1934) / D. Szpoper.* – Gdańsk: Arche, 2009. – 487 s.
3. *Szpoper, D. Sukcesorzy Wielkiego Księstwa. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939 / D. Szpoper.* – Gdańsk: Arche, 1999. – 357 s.
4. *Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук.* – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
5. *Dzieje Kresów / L. Korczak [i in.]; wstęp.: A. Nowak.* – Kraków: Kluszczyński, 2006. – 352 s.
6. *Jurkowski, R. Listy Edwarda Woyniłłowicza do Mariana Zdziechowskiego z lat 1905–1928, Cz. I. / R. Jurkowski // Echa Przeszłości.* – Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2007. – Nr. VIII. – S. 209–220.
7. *Przed wyborami // Kuryer Litewski.* – 1905. – № 31. – S. 1.
8. *Odezwa Stronnictwa Krajowego Litwy i Rusi // Kuryer Litewski.* – 1905. – № 65. – S. 1–2.
9. *Woyniłłowicz, E. Koło Polskie / E. Woyniłłowicz // Kuryer Litewski.* – 1906. – № 80. – S. 2.
10. *Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. / А. П. Жытко.* – Мінск: БДПУ, 2003. – 233 с.
11. *Rodkiewicz, W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905) / W. Rodkiewicz.* – Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. – 257 s.
12. *Odezwa Stronnictwa Krajowego Białej Rusi i Litwy // Kuryer Litewski.* – 1906. – № 7–8. – S. 2.
13. *Samotny. Skonfederowane trzy koła / Samotny // Kuryer Litewski.* – № 88. – 1906. – S. 1.

(Дата падачы: 24.02.2022 г.)

А. Дз. Русін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Rusin

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1944|1965”+329.733(476)“1944|1965”

СТАТУС ПРАФЕСІЙНАЙ ГРУПЫ МЕХАНІЗАТАРАЎ СЯРОД СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 1944–1965 ГГ.

STATUS OF THE PROFESSIONAL GROUP OF MECHANIZERS AMONG THE RURAL POPULATION OF THE BSSR IN 1944–1965 YEARS

У дадзеным артыкуле разгледжана прафесія механізатара як адзін са шляхоў вертыкальнай узыходзячай мабільнасці сельскага насельніцтва БССР у 1944–1965 гг., праз крытэрыі сацыяльнай стратыфікацыі выялены прычыны сацыяльнага ўзыходжання сельскага жыхара БССР пры атрыманні прафесіі механізатара. Зроблена выснова аб тым, што на працягу 1944–1965 гг. прафесія механізатара садзейнічала павышэнню дахода сельскага жыхара, прэстыжу, адукацыйнага ўзроўню, а таксама актыўна далучала да дзейнасці партыйных і камсамольскіх арганізацый.

Ключавыя словы: механізатары; прэстыж; мабільнасць; сельскае насельніцтва БССР.

This article examines the profession of a machine operator as a way of social mobility of the rural population of the BSSR in 1944–1965, according to the criteria of social stratification, the reasons for the social ascent of a rural resident of the BSSR when obtaining the profession of a machine operator are revealed. It is concluded that during 1944–1965 the profession of a machine operator helped to increase the income of a rural resident, prestige, educational level, and also actively joined the activities of party and Komsomol organizations.

Keywords: machine operators; prestige; mobility; rural population of the BSSR.

Праблематыка сацыяльнай мабільнасці сельскага насельніцтва БССР у 1944–1965 гг. не стала на сённяшні дзень аб'ектам вывучэння ў айчынай гістарыяграфіі. У савецкай гістарыяграфіі, прадстаўленай працамі Г. А. Барадача, І. В. Палуяна, назапашаны багаты факталагічны матэрыял па кадравай падрыхтоўцы работнікаў сельскай гаспадаркі, партыйным кіраўніцтве сельскагаспадарчай вытворчасці, тэмах росту сельскай гаспадаркі. Даследчыца А. П. Бяляза разглядае пасляваенны працэс у сельскай мясцовасці БССР праз прызму будаўніцтва сацыялістычнага грамадства [2; 3]. Дадаткова добра распрацаванымі аспектамі з'яўляецца развіццё сельскай гаспадаркі ў працы М. У. Смяховіча «Сельская гаспадарка ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт» [15]. В. Л. Насевіч у сваёй працы «Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе» указвае на ўзрастанне прэстыжу прафесіі механізатара ў пасляваенны

час, тады як праца палявода хутчэй асацыявалася з плантацыйнай гаспадаркай [10]. Аднак пытанне статуса механізатара сярод сельскага насельніцтва БССР застаецца нераскрытым у айчынной гістарыяграфіі і патрабуе дэтальнага вывучэння.

Актуальнасць тэмы артыкула заключаецца ў тым, што пытанне сацыяльнага статуса механізатара сярод сельскага насельніцтва БССР яшчэ не было адлюстравана ў айчынной гістарыяграфіі. Даследаванне прафесійнай групы механізатараў дазволіць вызначыць тыя сацыяльныя працэсы, якія былі характэрны для беларускай вёскі ў 1944–1965 гг. Менавіта гэты перыяд быў часам, калі сельскае насельніцтва складала большую частку насельніцтва БССР, а пасля 1965 г. адбыўся рэзкі рост гарадскога насельніцтва за кошт сельскага.

Мэтай артыкула з’яўляецца адлюстраванне сацыяльнага становішча прафесійнай групы механізатараў у сельскім насельніцтве БССР, прасачыць, якім чынам прафесія механізатара садзейнічала росту сацыяльнага статусу сельскага жыхара.

Адным са шляхоў сацыяльнай мабільнасці сельскага насельніцтва БССР з’яўлялася атрыманне механізатарскай спецыяльнасці. На працягу 1944–1965 гг. назіралася паступовая механізацыя сельскай гаспадаркі, укараненне сельскагаспадарчай тэхнікі ў калгасы і саўгасы БССР, асабліва заўважнае ў заходніх абласцях БССР. Аднак умовы дзейнасці механізатараў у 1944–1965 гг. значна адрозніваліся ў залежнасці ад перыяду. На працягу 1944–1950 гг. адбывалася пасляваеннае аднаўленне калгасаў і саўгасаў ва ўсходніх раёнах БССР. У заходніх раёнах БССР у гэты час адбывалася калектывізацыя сельскай гаспадаркі, якая была скончана да 1952 г. Пасля пленума КПСС у верасні 1953 г. механізатары сталі тымі, хто вырашаў задачу партыйнага кіраўніцтва па ўздыму сельскай гаспадаркі. Згодна перапісу насельніцтва БССР 1959 г., механізатары складалі 5 % ад агульнай колькасці занятых у сельскай гаспадарцы. Патрэба ў механізатарскіх кадрах запатрабавала ўдзелу жачын у дадзейнай прафесіі, на пачатку 1960-х гг. прыкладна 400 жанчын працавалі механізатарамі [2, с. 133–136].

Адным з паказчыкаў больш высокага статуса працы механізатара з’яўляецца памер аплаты працы. У дачыненні да механізатараў неабходна вызначыць два перыяды: 1944–1958 гг. і 1958–1965 гг. Такі падзел абумоўлены месцам працы. Да 1958 г. механізатары працавалі на машына-трактарных станцыях (МТС), а пасля рэформы 1958 г. уся сельскагаспадарчая тэхніка была перададзена непасрэдна калгасам і саўгасам. Па падліках даследчыка сельскай гаспадаркі БССР у 1943–1990 гг. М. У. Смяховіча, у 1962–1965 гг. зароботная плата механізатараў (трактарыстаў і машыністаў) была на 110 % вышэй, чым у паляводаў, хаця ў апошніх за дадзены перыяд назіраўся рост зароботнай платы на 75 %. У механізатараў жа за перыяд 1962–1965 гг. назіраўся рост зароботнай платы ўсяго на 23,4 %. Аднак, як

адзначалася вышэй, памер заробатнай платы ў механізатараў быў значна вышэй, чым у некваліфікаваных работнікаў сельскай гаспадаркі. Аднак перыяд у пачатку 1960-х гг. з'яўляецца часам рэарганізацыі сельскай гаспадаркі пасля далучэння МТС да калгасаў і саўгасаў у 1958–1960 гг., і, як вынік, частымі былі прастой тэхнікі. Аднак, па меркаванні В. Л. Насевіча, узровень заробку механізатараў быў меншым, чым ў дарожных рабочых, што выклікала жаданне сярод кваліфікаваных механізатараў да пераезду ў горад [10, с. 320–321]. З гэтым меркаваннем можна пагадзіцца, параўноўваючы статыстычныя дадзеныя. Сярэдні заробак механізатараў у 1962 г. складаў 47 р., у 1963 г. – 51, у 1964 г. – 55, у 1965 г. – 58. Пры гэтым сярэдні заробак па СССР у цэлым за перыяд 1962–1965 гг. знаходзіўся ў межах 81 р. у 1962 г. і 93,8 р. у 1965 г. [6, с. 12–16]. Пры гэтым узровень аплаты некваліфікаваных работнікаў сельскай гаспадаркі паляводаў ў 1962–1965 гг. падроз з 15 р. да 24 р. Такім чынам, даход механізатараў у сельскай мясцовасці быў ніжэй, чым сярэдні заробак па СССР у цэлым, але значна пераўзыходзіў памер аплаты працы некваліфікаваных работнікаў сельскай гаспадаркі [14, с. 50–60]. З гэтага вынікае, што адным са спосабаў павысіць памер заробку на працы ў калгасе для палявода было атрыманне механізатарскай спецыяльнасці.

У савецкі перыяд доступ да ўладавых структур адбываўся праз удзел у кіруючай партыі КПСС або у моладзевай арганізацыі ВЛКСМ. За перыяд 1945–1958 гг. колькасць партыйных механізатараў у МТС павялічылася з 604 да 8860. У дачыненні да механізатараў саўгасаў БССР выяўляецца наступная тэндэнцыя: колькасць механізатараў-членаў КПСС-КПБ у саўгасах за перыяд 1960–1965 гг. павялічылася з 1832 да 7142 [5, с. 88–92].

За перыяд 1944–1965 гг. колькасць механізатараў камсамольцаў узрасла з 46 да 19351 чалавек. Найбольшыя тэмпы прыросту механізатараў-камсамольцаў назіралася за перыяд 1947–1952 гг., калі колькасць механізатараў камсамольцаў узрасла з 719 да 2575. Такім чынам, тэмпы прыросту камсамольскіх і партыйных арганізацый з ліку механізатараў заставаліся найвышэйшымі сярод усіх работнікаў калгасаў і саўгасаў. Удзел у партыйных і камсамольскіх арганізацыях адкрываў магчымасці атрымоўваць больш высокія пасады, працягваць навучанне ва ўстановах партыйнай адукацыі БССР [7, с. 98–99]. Пры гэтым сам факт удзелу ў партыйных і камсамольскіх арганізацыях не азначаў аўтаматычнага кар'ернага росту, а факт магчымага сацыяльнага ўздыму залежыў ад прафесійных, дзельных і чалавечых якасцей механізатара або іншага сельскага жыхара.

Важным паказчыкам, які адрозніваў механізатара ад звычайнага работніка-палявода, быў больш высокі ўзровень адукацыі. За 1944 г. школы сельскай механізацыі падрыхтавалі звыш 3,5 тыс. механізатараў. За 1950 г. школы механізацыі падрыхтавалі звыш 7 тыс. спецыялістаў. Школы сельскай механізацыі рыхтавалі брыгадзіраў трактарных брыгад, трактарыстаў, камбайнёраў, дызелістаў. Падрыхтоўка вялася дастаткова

хуткімі тэмпамі, паколькі адна Рудакоўская школа механізацыі ў Хойніцкім раёне за 1952 г. выпусціла 500 спецыялістаў, а да пачатку ўборачнай кампаніі планавала выпусціць яшчэ 202 спецыяліста. Таксама пры МТС дзейнічалі курсы механізацыі, якія рыхтавалі механізатараў сярод мужчын і жанчын. З 1944 г. па сакавік 1946 г. праз курсы пры МТС прайшло каля 21 тыс. чалавек, галоўным чынам яны атрымалі прафесію трактарыстаў [18, с. 15]. Са снежня 1947 г. пры Браслаўскай школе механізацыі было заснавана вучылішча. Гэта стала магчымым дзякуючы Пастанове Савета Міністраў БССР па арганізацыі рамесных вучылішчаў па падрыхтоўцы рабочых кадраў для МТС, МТМ, рамонтных заводаў. У 1950 г. адбылася рэарганізацыя некаторых устаноў адукацыі: Жыровіцкі сельскагаспадарчы тэхнікум стаў тэхнікумам механізацыі сельскай гаспадаркі, у Мінскім політэхнічным інстытуце быў створаны факультэт механізацыі сельскай гаспадаркі. Такім чынам, актыўная механізацыя сельскай гаспадаркі патрабавала ад механізатараў пастаяннага павышэння адукацыйнага ўзроўню [3, с. 79–87].

Адначасова захоўвалася патрэба ў механізатарскіх кадрах, якая завальнялася вучылішчамі механізацыі. За 1955–1956 навучальны год дадзены тып устаноў падрыхтаваў 16400 чалавек. За перыяд 1954–1966 гг. вучылішчы механізацыі выпусцілі 195 850 механізатараў. Колькасць спецыяльнасцей у сельскіх прафесійна-тэхнічных вучылішчах за гэты ж перыяд узрасла да 18, папоўнілася механізатарамі меліяратыўных работ, што тлумачыцца неабходнасцю правядзення меліярацыі на землях Палесся ў той перыяд часу. У 1958–1959 гг. ва ўсіх установах вышэйшай сельскагаспадарчай адукацыі навучалася 6,2 тыс. чалавек у вочным фармаце, а прыкладна 3,4 тыс. атрымалі завочную адукацыю [17, с. 133–135].

Патрэба ў механізатарскіх кадрах асабліва праявілася ў заходніх абласцях БССР падчас калектывізацыі сельскай гаспадаркі. У 1952–1953 навучальным годзе для заходніх абласцей БССР былі падрыхтаваны 5603 трактарысты, з якіх 2566 навучаліся ў школах механізацыі і 3037 на курсах пры МТС. Інтэнсіўная падрыхтоўка кадраў для сельскай гаспадаркі ў заходніх абласцях БССР прывяла да таго, што летам 1953 г. налічвалася ўжо 1888 механізатараў з 2–3 спецыяльнасцямі [2, с. 127–128].

Па меркаванні А. П. Бяляза, фактычна ў 1950-х гг. механізатары сталі сацыяльнай групай, якая была блізкай да прадстаўнікоў індустрыяльных прафесій. У цэлым, гэта датычылася не толькі механізатараў, але і іншых прафесій, якія звязаны з машынай працай. Гэта адбывалася дзякуючы больш высокім тэмпам павышэння культурна-тэхнічнай, прафесійнай і агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі. Найбольш падрыхтаваная частка механізатараў спалучала разумовую і фізічную працу [2, с. 143–146]. Такім чынам, на пачатку 1960-х гг., калі М. С. Хрушчовым была пастаўлена задача будаўніцтва камунізму, механізатары сталі прыкладам сацыяльнага

ўзыходжання сельскага насельніцтва БССР праз асваенне перадавой сельскагаспадарчай тэхнікі і вырашэнне ключавых для савецкай улады народнагаспадарчых задач.

Праца ў якасці механізатара з'яўлялася ў сельскай мясцовасці БССР дастаткова прэстыжнай. Прэстыж вызначаўся не толькі вышэйшым заробкам у параўнанні з паляводамі, але і тым фактам, што механізатары выконвалі народнагаспадарчыя задачы дзяржаўнай важнасці. У першую чаргу гэта датычылася асваення цалінных зямель і паўночных раёнаў РСФСР. У красавіку 1954 г. Пленум ЦК КПБ даў даручэнне абласным камітэтам партыі і аблвыканкамам падрыхтаваць спіс 1300 механізатараў і іншых кваліфікаваных работнікаў для адпраўкі на асваенне цалінных зямель [15, с. 177–182].

Аднак у заходніх абласцях БССР, згодна успамінам механізатара У. П. Гаўрыленка, прэстыж механізатарскай прафесіі быў асэнсаваны сельскім насельніцтвам далёка не адразу. Сярод сялянства новая тэхніка ўспрымалася ў некаторых выпадках нават варожа. Камбайнёру Міхаілу Кавальчуку з в. Кавалі Свіслацкага раёна нават прыйшлося абмалочваць звязаныя снапы ўначы, паколькі жанчыны ўдзень не давалі рабіць абмалот камбайнам. У некаторых вёсках трактарыстаў сяляне не пускалі ў свае хаты, нібы з прычыны непрыемнага паху керасіна ад іх. Успаміны агранома А. І. Беляковай аб дзейнасці механізатараў таксама ўтрымліваюць сведчанні насцярожанага стаўлення сельскага насельніцтва БССР да дадзенай прафесіі. Размовы аб тым, што конь разумнейшы за машыну, выклікаліся нявопытнасцю механізатараў, якія няправільна ўстанаўлівалі глыбіню плуга. Аднак павелічэнне ўраджайнасці дзякуючы механізацыі сельскай гаспадаркі павысіла аўтарытэт прафесіі механізатара і сярод жыхароў заходніх абласцей БССР [12, с. 110–116].

Асабліва роля ў павышэнні прэстыжу механізатарскай прафесіі сярод сельскага насельніцтва БССР належыла матэрыялам перыядычнага друку, які прадстаўлены газетамі «Савецкі селянін», «Калгасная праўда», «Советская Белоруссия». Аналізуючы перыядычны друк за перыяд 1944–1965 гг., становіцца заўважнай тэндэнцыя: калі ў канцы 1940-х гг. разам з механізатарамі ўсхваляліся і работнікі ручнога жніва, то ў 1950-х – першай палове 1960-х гг. галоўнымі героямі артыкулаў, прысвечаных жніву, былі механізатары, трактарысты і шафёры. На старонках газеты «Калгасная праўда» змяшчаліся інтэрв'ю з лепшымі камбайнёрамі, якія ў асноўным распавядалі пра паляпшэнне выкарыстання сельскагаспадарчых машын. У якасці прыклада можна прывесці нумар «Калгаснай праўды» за 1958 г., дзе камбайнёр Ляпінч бярэ абавязак у гонар 40-годдзя БССР убраць не менш за 250 га [8, с. 11].

Разам з тым перыядычны друк распавядаў не толькі аб станоўчых момантах, але і аб недахопах у працы. Карэспандэнт «Калгаснай праўды»

Ф. Станішэўскі ў рэзкай форме крытыкаваў кіраўніцтва Бярозаўскай МТС, якое замест уборкі ўраджаю займалася складаннем звадак [16, с. 13]. У другой палове 1950-х гг. колькасць матэрыялаў, якія ўсхвалялі працу механізатараў, стала змяншацца. Гэта тлумачыцца новаўвядзеннямі ў калгасах, дзе сталі стварацца комплексныя брыгады, а тэхніка пасля 1958 г. з МТС стала перадавацца непасрэдна калгасам. Перыядычны друк з 1954 г. публікаваў матэрыялы аб удзеле механізатараў ва ўборцы ўраджаю на цалінных землях. У нумары газеты «Калгасная праўда» ад 1962 г. змешчана заява механізатара з Петрыкаўскага раёна Васіля Грасько, які прасіў адправіць яго ў Кастанайскую вобласць і абяцаў апраўдаць давер камсамольскай арганізацыі [1, с. 15]. Такім чынам, перыядычны друк праз адлюстраванне поспехаў механізатараў у развіцці сельскагаспадарчых работ, а таксама ў выкананні гаспадарчых задач на цалінных землях павышаў статус механізатараў сярод чытачоў газет. На працягу 1950-х гг. колькасць артыкулаў аб механізатарах павялічвалася, але з 1958 г. адзначаецца тэндэнцыя да адлюстравання работы механізатараў разам з іншымі работнікамі сельскай гаспадаркі.

Такім чынам, статус прафесійнай групы механізатараў сярод сельскага насельніцтва БССР быў вышэйшы, чым калгаснікаў-паляводаў. Гэта адбывалася з-за больш высокага заробку механізатара, актыўнага ўдзелу ў дзейнасці камсамольскіх і партыйных арганізацый, адлюстравання поспехаў механізатараў на старонках перыядычнага друку, а таксама больш высокага ўзроўню адукацыі механізатараў. Прэстыж прафесіі механізатараў тлумачыўся не толькі больш высокім памерам заробку, але і ключавой роляй у выкананні палітыкі кіруючай партыі па ўздыму сельскай гаспадаркі. З 1958 г. пасля роспуску МТС механізатары сталі работнікамі калгасаў і саўгасаў і пачалі працаваць у складзе комплексных брыгад, пры гэтым захавалі свой больш высокі статус у параўнанні з паляводамі, заставаліся перадавікамі сельскагаспадарчай вытворчасці. Ва ўмовах механізацыі сельскай гаспадаркі, правядзення меліярацыі, асваення цалінных зямель прафесійная група механізатараў працягвала адыгрываць важную ролю, на працягу 1944–1965 гг. прэстыж дадзенай прафесіі і павага да механізатараў з боку сельскага насельніцтва пастаянна раслі. У той жа час памер зароботнай платы механізатараў быў ніжэйшым, чым сярод гарадскіх рабочых на прамысловасці, што прыводзіла да жадання сельскага насельніцтва пераезду ў горад. Прафесійная група механізатараў была не выключэннем, бо па прычыне больш высокай прафесійнай падрыхтоўкі магла знайсці працу і ў горадзе.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бас, Н. Па камсамольскіх пуцёўках / Н. Бас // Калгасная праўда. – 1962. – 18 крас. – С. 15.

2. *Белязо, Е. П.* Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму (1951–1960 гг.) / Е. П. Белязо. – Минск: Наука и техника, 1982. – 204 с
3. *Бяляза, А. П.* Беларуская вёска ў пасляваенныя гады (1945–1950) / А. П. Бялязо. – Мінск: Выдавецтва Бел. дзярж. ун-та, 1974. – 175 с.
4. *Виноградов, Г.* Лучший путь в вуз / Г. Виноградов // Калгасная праўда. – 1954. – 13 февр. – С. 13.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах, 1918–1988 гг.: сборник / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КП; редкол.: В. И. Бобков [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1988. – 253 с.
6. *Левша, Ф. Г.* Что получают колхозники и механизаторы в порядке дополнительной оплаты за выращивание кукурузы / Ф. Г. Левша. – Минск: Изд-во ЦК КПБ, 1955. – 26 с.
7. Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах, 1920–1980 гг.: сборник / редкол.: И. А. Сороковик [и др.]. – Минск, 1980. – 141 с.
8. *Ляпiч, К.* Мой камбайн гатоў да ўборкі / К. Ляпiч // Калгасная праўда. – 1958. – 30 ліп. – С. 11.
9. *Михнюк, В. Н.* Крестьянство Белоруссии на пути к социализму: историографический очерк / В. Н. Михнюк. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 181 с.
10. *Носевич, В. Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Л. Носевич. – Мінск: Тэхналогія, 2004. – 350 с.
11. *Патоличев, Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Белоруссии XXII съезду КПБ / Н. С. Патоличев. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1956. – 80 с.
12. Рассвет над Неманом: Воспоминания актив. участников колхоз. стр-ва в Гродн. обл. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Гродн. обл. Компартии Белоруссии; редкол.: В. П. Верховсь [и др.]. – Минск. Беларусь. – 1982. – 221 с.
13. Система образования Республики Беларусь в цифрах, 1940–1995 гг.: стат. сбор. / Министерство образования и науки Республики Беларусь.
14. Вычислительно-аналитический центр / редкол.: В. М. Хмелевский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ВАЦ МОиН РБ, 1996. – 41 с.
15. *Смяховiч, М. У.* Аплата працы ў калгасах і саўгасах БССР (1944–1985 гг.) / М. У. Смяховiч // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 2015. – № 3. – С. 50–60.
16. *Смяховiч, М. У.* Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт / М. У. Смяховiч. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 439 с.
17. *Станiшэўскі, Ф.* Сур’ёзныя ўпушчэнні / Ф. Станiшэўскі // Калгасная праўда. – 1958. – 6 жніўня. – С. 13.
18. Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права; редкол.: А. А. Головки [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1966. – 246 с.
19. *Чэховiч, Ф.* У школе механiзацыі / Ф. Чэховiч // Калгасная праўда. – 1952. – 13 лістп. – С. 15.

(Дата падачы: 23.02.2022 г.)

О. И. Рышкевич

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
Гимназия № 6 г. Гродно имени Ф. Э. Дзержинского, Гродно

O. Ryshkevich

Grodno State University named after Ya. Kupala,
Gymnasium No. 6 of Grodno named after F. E. Dzerzhinsky, Grodno

УДК 94(476)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА БЕЛАРУСИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ

HISTORICAL PERIODICALS OF BELARUS: APPROACH TO DETERMINATION AND TYPOLOGIZATION

В статье рассматриваются проблемы определения и типологизации исторической периодики Республики Беларусь. Подчеркиваются схожие и отличительные моменты в исследованиях авторов, которые отмечали важность исторической периодики в изучении истории Беларуси. Приведены примеры применения типологических подходов относительно форм отечественной научной исторической периодики.

Ключевые слова: историческая периодика; исторические журналы; типологизация; историография.

The article deals with the problems of defining and typology the historical periodicals of the Republic of Belarus. Similar and distinctive points are emphasized in the research of the authors, who noted the importance of historical periodicals in the study of the history of Belarus. Examples of the application of typological approaches regarding the forms of the national scientific historical periodicals are provided.

Keywords: historical periodicals; historical journals; typology; historiography.

В развитии исторической науки Беларуси значительная роль принадлежит научной исторической периодике, активное развитие которой произошло на 90-е гг. XX в.

Существует достаточно много форм научной исторической периодики. Одной из наиболее распространенных стали научно-периодические журналы, на страницах которых и размещались материалы исторической тематики. Примером таких научных историко-периодических материалов могут служить журналы: «Спадчына» (с 1989 г.), «Беларуская мінуўшчына» (с 1993 г.), «Беларускі гістарычны часопіс» (с 1993 г.), «Гісторыя: праблемы выкладання» (с 1997 г.) и др.

Роль и функция исторической периодики в исторической науке Республики Беларусь изучается на протяжении всего времени существования независимого белорусского государства. В своих исследованиях белорусские авторы касались общей характеристики, проблемной направленности, типологизации (классификации) и определения научной исторической периоди-

ки, отмечая ее несомненную роль в изучении исторической науки Беларуси. Внимание вопросам, связанным с формированием и развитием белорусской научной исторической периодики, уделяли многие отечественные исследователи: Д. В. Карев [1; 2], С. М. Токть [3], Г. Саганович [4], А. П. Минич [5], И. А. Фролов [6; 7] и др.

Общность мнений данных авторов состоит в том, что историческая периодика вносит весомый вклад в развитие профессиональной коммуникативной среды. Упомянутые авторы, используя термины «историческая периодика» и «исторические журналы», не приводят соответствующие определения данных понятий. Отсутствует среди авторов и единое мнение о системе типологизации исторической периодики.

Доктор исторических наук, профессор Д. В. Карев был одним из первых отечественных историографов, который говорил о том, что историческая периодика способствует открытию новых тем исследований, пересмотру взглядов и стереотипов отечественной истории. Д. В. Карев отмечал, что в этом и есть заметная заслуга белорусских исторических журналов, на страницах которых внимание уделяется малоисследованным и дискуссионным проблемам истории Беларуси [1, с. 155–156].

Выделяя доминирующие смысловые блоки в журнальных публикациях исторической периодики Беларуси 90-х гг. XX – начала XXI вв., Д. В. Карев отмечал, что ведущее место в этих изданиях отведено историко-культурологической проблематике и исследованиям по политической истории [1, с. 157].

Среди наиболее значимых проблем белорусской истории Д. В. Карев указал и вопрос о значении белорусской культуры и белорусского этноса в формировании культурных и политических традиций ВКЛ, отмечая важность изучения исторической периодики в освещении истории ВКЛ [2, с. 7–9].

В своих публикациях Д. В. Карев приводит примеры становления в 90-х гг. XX в. отечественных исторических журналов. По мнению историка, каждый из этих журналов осваивает определенную нишу в рамках белорусской историографии [2, с. 13–15].

В статье доктора исторических наук С. М. Токтя дана оценка важности становления отечественной периодики, проанализирована тематика публикаций, приведен обзор исторических журналов, но одновременно с этим как таковая классификация исторических журналов отсутствует [3].

Являясь создателем и главным редактором исторического журнала «Беларускі гістарычны агляд», белорусский историк Г. Саганович в своей статье поднимает вопрос о роли периодических исторических изданий в становлении белорусской историографии, приводит собственное мнение о проблемно-тематической направленности исторических журналов [4, с. 217–218].

В своей публикации историк А. П. Минич раскрывает значимость исторических периодических изданий в формировании национального самосознания белорусов. По мнению А. П. Минича, исторические журналы играют важную роль в переоценке устоявшихся подходов и формировании новых концепций в исторической науке Республики Беларусь. Исследователь отметил значительный вклад исторической периодики в публикацию исторических источников, но, вместе с тем, указал на недостаточность теоретического осмысления опубликованных материалов в исторических журналах [5, с. 258–259].

Вопросы изучения направлений исторической науки в 1991–2014 гг. в научной периодике Беларуси содержатся в публикации И. А. Фролова, где с помощью таблицы показаны динамика и распределение исторических тем по научным направлениям [6, с. 17].

Общей характеристикой исследований И. А. Фролова и других авторов является обзор некоторых исторических журналов, а отличительной стороной – классификация автором исторической периодики по учредителям на: академическую, научно-методическую, ведомственную, вузовскую и частную, согласно которой автор и выстроил материал своего исследования. И. А. Фролов подчеркивает, что специальных исследований по проблеме научной исторической периодики не было, но процесс создания научных исторических журналов шел активно [7, с. 54–55].

Научной проблемой в изучении исторической периодики выступают два момента: определение понятия «историческая периодика» и ее типологизация.

Известный теоретик советской библиографии Е. И. Шамурин в свое время отметил, что крайне трудно дать точное определение понятия «периодическое издание». Существуют трудности и с устойчивостью определения понятия «историческая периодика» [8, с. 279]. Допускается вариативность используемых терминов в зависимости от источников и авторов, поэтому рассматриваемое понятие имеет схожие и отличительные характеристики. Автор приводит один из примеров определения «историческая периодика».

Историческая периодика – специальные периодические издания, в которых публикуются письменные документальные исторические материалы (источники), научные труды по истории, библиографические заметки и историографические статьи [9].

Историческая периодика представлена изданиями, адресованными прежде всего историкам и читателям, особо интересующимся историей. Это главным образом журналы. Для историков они являются историографическими исследованиями и одновременно публикаторами разнообразных материалов по истории.

В исторической периодике получает отражение вся текущая жизнь исторической науки, ее учреждений и организаций, профессиональная деятельность ученых, историческая мысль эпохи.

Например, российский исследователь Н. Д. Потапова определяет историческую периодику как самостоятельное коммуникативное пространство в «письменной» или «печатной» коммуникации, указывая, что именно периодика способствует наиболее явному раскрытию потенциала научного сообщества [10, с. 34].

Особое место в исторической периодике Республики Беларуси отведено научным историческим журналам, в большинстве издаваемых при университетах и входящих в перечень изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований [11].

В белорусской энциклопедии историческими журналами называются журналы, которые освещают вопросы истории, в том числе теоретические, и специальных исторических дисциплин (археологии, этнографии и др.). Здесь же приведена и классификация издаваемых исторических журналов: научными учреждениями, высшими учебными заведениями (преобладающе университетами), историческими объединениями и ассоциациями, музеями, архивами, отдельными историками. Данные издания подразделяются на научные, научно-популярные и популярные, согласно содержания – на универсальные (посвящены мировой истории) и специализированные (история отдельных стран и регионов) [12, с. 272].

В свою очередь исторические журналы выполняют функцию организующих центров исторической литературы (монографическо-исследовательской; научно-популярной; информационно-хроникальной; справочно-библиографической).

Одним из первых, кто обратился к вопросам теоретического переосмысления научной периодики и исторической в частности, был известный советский историк С. С. Дмитриев. Он обращал внимание на тесную взаимосвязь развития исторической периодики с общим ходом развития исторической науки, подчеркивал, что исторические журналы являются преобладающей частью исторической периодики. С. С. Дмитриев писал: «В исторической периодике находят отражение те или иные политические, теоретико-методологические и другие установки различных направлений исторической науки» [8, с. 280–282].

Ученый перечислял, что в большинстве случаев к периодическим изданиям вместе с журналами и газетами относят и другие формы изданий: ежегодники, сборники, альманахи, бюллетени, циркуляры, информационно-инструктивные письма; продолжающиеся или серийные издания типа «Трудов», «Записок», «Известий» учреждений и общественные календари, справочно-адресные книги, путеводители [8, с. 284].

По мнению С. С. Дмитриева: «Определение этих понятий должно выработываться не при помощи абстрактно-логических категорий, а на основе конкретно-исторического изучения реально существовавших в данное время соответствующих изданий. Дать научное определение таких понятий “для всех времен и народов” невозможно» [8, с. 293].

Периодические издания, используемые историками, по предложению С. С. Дмитриева, следует разделить на две группы. К первой группе автор относил издания, которые специально были посвящены истории, предназначены для историков и интересующихся историей читателей. Это были журналы научно-исследовательской, научно-популярной тематики, публикуемых из разных исторических источников, освещавших актуальные вопросы исторической науки. Именно первая группа периодических изданий представляла для историков профессиональный интерес, потому что данные издания сопровождалась историческими учреждениями и организациями, отдельными историками. Ко второй группе причислялись все оставшиеся периодические издания, которые служат источниками для историков [8, с. 295–297].

При рассмотрении типов исторических журналов, С. С. Дмитриев обращал внимание на необходимость учитывать следующие данные: название издания, определительный подзаголовок титульного листа, объявления об этом издании, программно-вступительные статьи ко всему изданию, редакционные и издательские заявления и обращения к читателям, личность издателя и редактора, название и характер учреждения или организации, от имени которых данный орган издавался [8, с. 299].

Однако приведенные данные не могут оцениваться как однозначные факторы в определении степени принадлежности издания к исторической периодике. С. С. Дмитриев указывал на необходимость детального рассмотрения тематической содержательности издания с опорой на предложенные типологические данные [8, с. 300].

Пример типологизации исторической периодики приводит российский исследователь Ю. П. Денисов [13]. Автор типологизирует и классифицирует профессиональные исторические журналы по различным критериям. К основным критериям Ю. П. Денисов относит следующие факторы: период возникновения издания; географическое местоположение редакции издаваемого журнала; источники финансирования издания; вхождение или не вхождение в перечень ВАК; уровень междисциплинарного взаимодействия в рамках издания [13, с. 12–13].

Основываясь на предложенной типологизации Ю. П. Денисова, можно привести примеры распределения белорусских научных исторических изданий.

По времени возникновения издания можно разделить на: советский (бюллетень «Памятники истории и культуры Беларуси», который в 1989 г.

переименован в историко-культурный журнал «Спадчына») и период независимой Республики Беларусь («Беларускі гістарычны часопіс»). По географическому местоположению редакций издания можно подразделить на столичные (издания НАН Республики Беларусь, институты и университеты г. Минска) и региональные (университетская периодика областных и районных центров). По источникам финансирования отметить государственную (журнал «Беларуская думка») и частную составляющую (журнал «Беларускі гістарычны агляд»). Весомым критерием считается вхождение или не вхождение в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований. Примером использования критерия уровня междисциплинарного взаимодействия служит «Журнал международного права и международных отношений».

В подходах к типологии исторических периодических изданий у С. С. Дмитриева и Ю. П. Денисова присутствуют и схожие, и различительные признаки, что еще раз подтверждает вариативность подходов к оценке историко-периодического издания.

Еще один подход типологизации был предложен белорусским исследователем И. А. Фроловым [7, с. 54–55]. К академической группе относятся издания Национальной академии наук Беларуси, включая Институт истории: научный журнал «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сeryя гуманітарных навук», сборник научных статей «Гістарычна-археалагічны зборнік» и др. Научно-методическую группу представляют: журналы «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя і грамадазнаўства». Ведомственную характеризуют: сборник научных сообщений и статей «Архiварыус», ежегодник «Беларускі археаграфічны штогоднік». Вузовскую освещают журнал «Весці БДПУ», «Журнал Белорусского государственного университета. История». Частную – «Гістарычны альманах».

Говоря о типологизации белорусской научной периодики в целом и исторической в частности, отдельного внимания заслуживает подход, предложенный авторами публикации «Часопісная перыёдыка Беларусі» [14].

С точки зрения истории журналистики особого внимания заслуживают документы «Памятка о средствах массовой информации» и «Каталог подписных периодических изданий Беларуси», которые можно применять для изучения исторической периодики как источника белорусской исторической науки.

В «Памятке о средствах массовой информации» предлагается детальная тематика периодических печатных изданий, где история является отдельно выделенной темой. Анализ «Каталога подписных периодических изданий Беларуси» позволил выявить разнообразие проблемно-тематического поля журналов и показал, что в зависимости от функционально-целевого назначения, темы и содержания публикаций журнальную периодику Беларуси

(универсальную, специальную и смешанную) можно классифицировать ориентировочно по группам [14, с. 50].

Среди предлагаемых групп одной из многочисленных являются групповые издания научного характера (гуманитарные, биологические, экологические, сельскохозяйственные, географические, физико-математические, социологические, спортивные). С опорой на предложенную классификацию автор выделяет следующие группы описываемых журналов.

Классифицируемые журналы по проблемно-тематическому полю входят в научную группу гуманитарной подгруппы («Спадчына», «Беларуская мінуўшчына», «Гісторыя і грамадазнаўства», «Беларускі гістарычны часопіс» и др.). К группе общественно-политических исторических журналов в качестве примера можно привести «Беларускую думку» – общественно-политический журнал Администрации Президента Республики Беларусь. К группе юридически-правовых изданий научно-практического назначения относится журнал «Архівы і справаводства». В группу воспитательно-образовательных изданий можно отнести журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» [14, с. 51–53].

Вместе с тем необходимо отметить, что в связи с разноплановостью публикуемых материалов в этих журналах, данная группировка может считаться условной, потому что один и тот же журнал может одновременно подходить по тематике своих статей в несколько групп.

Обращаем внимание, что типологизация исторической периодики весьма подвижна и зависит от выдвигаемого на первое место признака, интересующего исследователя.

Типологическое разнообразие и изучение исторической периодики позволяет говорить о весомом потенциале в изучении истории не только своей страны. С развитием информационного пространства историческая периодика все больше представлена не только как бумажный, но и как доступный электронный ресурс, что еще больше усиливает ее роль в формировании профессионального коммуникативного пространства среды историков всех стран.

Особенности научной периодики составляют многоплановость, специфическая динамика развития, значительный коллектив авторов, особый характер и тип подачи информации; также ее характеризует отражение текущих тенденций развития науки и научно-исследовательских интересов профессионального сообщества, которому она адресована.

Отечественная историческая периодика в ее разнообразии является для историков-исследователей открытым вопросом для дальнейшего осмысления и изучения.

Список использованных источников

1. *Карев, Д. В.* Белорусская историография на рубеже XX–XXI вв. (старые проблемы и поиски новых решений) / Д. В. Карев // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–

16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2004. – С. 154–157.

2. *Карев, Д. В.* Изучение истории Беларуси в историографии 90-х годов XX – начала XXI века (Основные проблемы и тенденции изучения истории феодальной Беларуси, белорусской историографии и источниковедения) / Д. В. Карев // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2012. – № 9. – С. 6–15.

3. *Токть, С.* Обзор белорусской исторической периодики / С. Токть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/tokc_o/Токть_Сергей_Обзор_белорусской_исторической_периодики.html. – Дата доступа: 15.01.2021.

4. *Сагановіч, Г.* Дзесяць гадоў беларускай гістарыяграфіі (1991–2000) / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд. – 2001. – Т. 8. Сш. 1–2 (14–15). – С. 215–229.

5. *Минич, А. П.* Историческая публицистика Республики Беларусь 90-х годов XX века / А. П. Минич // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы респ. науч.-практ. конф., г. Гродно, 30 сент. 2004 г. / под ред. Е. А. Ровбы, А. Н. Нечухрина, И. П. Крени. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 257–260.

6. *Фролов, И. А.* Отражение в научной периодике основных направлений исследований по истории Беларуси Нового и Новейшего времени / И. А. Фролов // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2016. – № 2. – С. 16–20.

7. *Фролов, И. А.* Становление научной исторической периодики в Республике Беларусь (1991–2014 гг.) / И. А. Фролов // Вестник МГИРО. История. – 2016. – № 3(26). – С. 51–55.

8. *Дмитриев, С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) / С. С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1975 / Академия наук СССР, Институт истории СССР; гл. ред. Н. И. Павленко, отв. секр. А. Г. Тартаковский. – М., 1976. – С. 272–305.

9. Историческая периодика // Фонд знаний «Ломоносов». – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0135220>.

10. *Потапова, Н. Д.* Российская историческая периодика: ситуация языкового выбора / Н. Д. Потапова // Исторические исследования в России. Семь лет спустя. Модели исторического познания / ред. Г. А. Бордюгов. – М., 2003. – С. 31–57.

11. Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований в 2021 году: Приказ Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 01.04.2014 г. № 94 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vak.gov.by/node/6038/>. – Дата доступа: 16.01.2021.

12. *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Минск: БелЭн, 1997. – Т. 5: Гальцы – Дагон. – 576 с.: іл.*

13. *Денисов, Ю. П.* Профессиональная историческая периодика в условиях трансформации коммуникативного пространства российской исторической науки на рубеже XX–XXI вв. / Ю. П. Денисов // Омский научный вестник. – 2011. – № 3(98). – С. 9–13.

14. *Сучасная часопісная перыёдыка Беларусі / Часопісная перыёдыка Беларусі / Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А. С. Пушкіна». – Брэст: БрДУ, 2019. – С. 47–57.*

(Дата подачы: 23.02.2022 г.)

А. Э. Сакольчык

Институт гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

A. Sakolchuk

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК 351.74(476+474.5)-89(091)“1862”

**ПАЛІЦЭЙСКАЯ РЭФОРМА 1862 Г.
У БЕЛАРУСКА-ЛІТОВСКИХ ГУБЕРНИХ:
ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА**

**THE POLICE REFORM OF 1862 IN THE BELARUSIAN-
LITHUANIAN PROVINCES: THEORY AND PRACTICE**

У артыкуле прааналізаваны асноўныя аспекты і этапы паліцэйскай рэформы 1862 г. у беларуска-літоўскіх губернях у кантэксце мадэрнізацыйных працэсаў у Расійскай імперыі 60-х гг. XIX ст. Асабліва ўвага нададзена сутнасці праведзеных мерапрыемстваў «у дзеянні». Акрэслены прычыны і характар праблем разыходжання заканадаўчай тэорыі і жыццёвай практыкі ў функцыянаванні паліцэйскага апарату.

Ключавыя словы: паліцэйская рэформа; павятовае паліцэйскае праўленне; гарадское паліцэйскае праўленне; павятовы спраўнік; станава прыстаў; паліцмайстар; міравы пасрэднік; судовы следчы.

The article analyzes the main aspects and stages of the police reform of 1862 in the Belarussian-Lithuanian provinces in the context of modernization processes in the Russian Empire of the 60s of the XIX century. Special attention is paid to the essence of the events «in action». The reasons and nature of the problems of divergence of legislative theory and life practice in the functioning of the police apparatus are outlined.

Keywords: police reform; county police department; city police department; county police officer; police officer; police chief; world mediator; judicial investigator.

Перыяд другой паловы XIX ст. увайшоў у гісторыю пад знакам шматлікіх рэформ, якія закранулі розныя бакі грамадскага жыцця Расійскай імперыі і адпаведна беларуска-літоўскіх губерняў. Вызваленне сялян ад прыгоннай залежнасці аб'ектыўна абумовіла і другія структурныя змяненні ў дзяржаве. На павестцы дня стала пытанне аб перабудове сістэмы дзяржаўнага кіравання, важнай складовай часткай якога з'яўлялася паліцыя. Яе роля і месца ў забеспячэнні аховы правапарадку значна ўзраслі ў такі асабліва востры і адказны для дзяржавы перыяд.

Заканадаўчае афармленне і пэўны пункт адліку рэфармавання органаў правапарадку атрымала 25 снежня 1862 г. прыняццем «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» [12]. Аднак яшчэ напрацягу 1855–1859 гг. міністры ўнутраных спраў, службоўцы МУС, некаторыя генерал-губерна-

тары адпраўлялі на імя імператара лісты з абгрунтаваннем неабходнасці рэфармавання паліцэйскіх устаноў імперыі ў сувязі з занятым станам і незадавальняючай дзейнасцю, перагружанасцю справамі неадпаведнымі прафесійнай кампетэнцыі.

Восенню 1856 г. пры МУС была створана «Комиссия по преобразованию земской полиции». Яна стала галоўным каардынатарам праектных пераўтварэнняў. Ад яе членаў паступалі розныя прапановы магчымых унутрысістэмных змяненняў. У большасці сваёй яны зводзіліся да арганізацыйнага і функцыянальнага абнаўлення паліцыі, што павінна было забяспечыць спакой у вёсцы і паступовы пераход былых прыгонных да новага тыпу прававых адносін. У выніку 15 лютага 1858 г. Аляксандр II на пасяджэнні «Главного комитета по крестьянскому делу» даручыў вядучым дзяржаўным дзеячам сфармуляваць агульную канцэпцыю пераўтварэнняў павятовага кіравання і паліцыі. У маі праект быў складзены і разасланы ў губернскія дваранскія камітэты, дзе рыхтаваліся праекты сялянскай рэформы. Водгукі прыйшлі неадназначныя. У адных утрымліваліся заключэнні традыцыйнага ахоўнага характару з акцэнтам толькі на павелічэнні штату і матэрыяльнага забеспячэння паліцэйскіх служачых. Другія, наадварот, выказалі ліберальныя погляды і імкнуліся да грунтоўных зменаў [13, с. 16–17].

Пасля пэўных абмеркаванняў 25 сакавіка 1859 г. імператар зацвердзіў указ «О главных началах для устройства уездной полиции и учреждений для разбора споров и недоумений между помещиками и крестьянами». Ён складаўся з двух раздзелаў. Першы непасрэдна датычыўся паліцэйскіх структур і ўключыў 17 артыкулаў з 5 заўвагамі. Цэнтральнымі новаўвядзненнямі сталі аб'яднанне земскай і гарадской паліцыі і стварэнне аднаго павятовага паліцэйскага праўлення за выключэннем сталіц, губернскіх і больш значных павятовых гарадоў, вывядзенне з кампетэнцыі паліцыі следчай дзейнасці, адмена выбарнасці ў прызначэнні на пасады паліцэйскіх служачых. Не засталіся па-за ўвагай пытанні фінансавага боку і класнасці службовых пасадаў, а таксама ўмовы дзейнасці (звычайныя і надзвычайныя) [11]. Такім чынам, указ стаў асновай будучых рэфарматарскіх мерапрыемстваў і заклаў іх прынцыпы, у якіх заўважаецца імкненне да цэнтралізацыі і функцыянальнага размежавання.

Рэформа паліцэйскіх органаў разглядалася як складовая частка рэфармавання ўсяго апарату мясцовага кіравання, таму рашэнне большасці пытанняў належыла «Комиссии о губернских и уездных учреждениях», створанай пры МУС у сакавіку 1859 г. Камісія канстатавала, што існуючае заканадаўства па паліцыі не адпавядае надзённым патрабаванням дзяржавы і ў 1860 г. прадставіла праект «Общего учреждения уездной полиции». Аднак пасля двухразовага абмеркавання на пасяджэннях «Главного комитета по крестьянскому делу» у маі 1860 г. яго лёс быў вызначаны адмоўна [13, с. 18].

Зрэшты, Аляксандр II пад уплывам кансерватыўных прадстаўнікоў урадавага кола цалкам замацаваў ідэю ўсяго рэфарматарскага курсу сістэмы аховы правапарадку. Згодна ёй: «неудобно преобразовать всю полицию, но возможно ограничиться только теми изменениями и улучшениями, для того, чтобы теперешняя уездная полиция могла с надлежащим успехом действовать при будущем изменении отношений помещиков и крестьян» [2, с. 156].

Праўда, жыццёвыя рэаліі патрабавалі іншага падыходу. Функцыянал паліцэйскіх служачых быў непамерны і немагчымы для эфектыўнага выканання. Так, у запісцы аднаго невядомага станавага прыстава зазначалася: «Сказав, что у приставе соединяются власти судебная и исполнительная, я выразился об обширной деятельности пристава только общими чертами, только слегка очертил круг его деятельности. Если же присмотреться ближе к тому, что возлагает на него закон (2654—2798 стат. 2 т. Св. Зак., изд. 1857) и чего он от него требует, то невольно становишься в тупик» [1, с. 246]. Далей ён пералічваў свае абавязкі па розных міністэрствах (фінансаў, юстыцыі, дзяржаўных маёмасцей, ваенным). Аўтар казаў аб неабходнасці прыняць да ўвагі тое, што бывае ў адзін дзень трэба выканаць патрабаванні ўсіх пералічаных міністэрстваў і папрацаваць за сябе, «то есть заняться собственным своим полицейским делом охранения порядка, установленным законом» [1, с. 247].

Але разлічваць на неабходнае размежаванне праваахоўных і выканаўчых функцый агульнай паліцыі не прыходзілася. М. А. Мілюцін прызнаваў, што «гораздо труднее положить разницу между хозяйством и полицией, нежели между полицией и судом» [2, с. 146]. У выніку, 8 чэрвеня 1860 г. імператар падпісаў указ аб утварэнні інстытуту судовых следчых. У прэамбуле пазначаліся мэты і задачы дадзенага новаўвядзення: «желая дать полиции более средств к успешнейшему исполнению ее обязанностей <...> и определить точнее свойство и круг ее действий» [9].

Парадак дзеянняў судовых следчых і паліцыі рэгламентаваўся асобнымі дакументамі – наказами, выдадзенымі адначасова з указам 8 чэрвеня. Так, для паліцыі ён называўся «Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» [10]. Наказ уяўляў сабой інструкцыю на 23 пункты, па якой абавязкі паліцыі ў правядзенні следства па малаважных правінах і злачынствах абмяжоўваліся толькі дазнаннем. Пад дазнаннем разумелася апытанне ўсіх, хто мог паведаміць карысныя для следства звесткі: якое, калі, кім і дзе, здзейснена правапарушэнне; дзе жывуць або знаходзяцца сведкі і падазроныя. Апытанне не патрабавала выканання асаблівых фармальнасцяў, а запіс праводзіўся толькі тады, калі падазроныя прыйшлі з павіннай або былі схоплены пры здзяйсненні процізаконнага дзеяння. Права на вобшукі, зыманні, паказанні пад прысягай, вочныя стаўкі паліцыя мела толькі ў выпадку магчымага знішчэння доказаў злачынства. Арышт дазваляўся, калі

злачынца, затрыманы пры здзяйсненні адкрытага процізакона, або ўцёк з-пад варты, калі відавочцы або рэчавыя доказы прама ўказвалі на злачынцу [10].

Яшчэ адзін наказ паліцыі, праўда, часовага характару, быў прыняты 16 жніўня 1861 г. «Временный наказ уездным полициям» распрацоўваўся ў развіццё «Главных начал для устройства уездной полиции...» і карэктаваў адзін з пунктаў, дзе ўмовы дзейнасці паліцыі падзяляліся на звычайныя і надзвычайныя. У дакуменце ўтрымліваліся тлумачэнні сутнасці надзвычайнага выпадку, адкрытага супраціўлення, умоў садзеяння паліцыі ваеннымі камандамі і прымянення сілы і зброі [7, арк. 1–1 адв.].

На наступны год пры актыўным удзеле П. А. Валуева ўзнік цэлы шэраг праектаў, датычных напраму паліцыі. Іх сукупным завяршэннем стала зацвярджэнне 25 снежня 1862 г. «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Можна сказаць, кропка ў сямігадовым цыкле падрыхтоўчай фазы рэформы сістэмы аховы правапарадку была пастаўлена.

У адпаведнасці з Правіламі гарадская паліцыя (управа благачыння) і павятовая паліцыя (павятовы земскі суд) стварылі адзіны орган, які атрымаў назву павятовага паліцэйскага праўлення. Павееты дзяліліся на станы, паліцэйскія функцыі ў якіх выконвалі станавыя прыставы. Спраўнік, яго памочнік і засядацелі ад саслоўяў складалі прысутнасць павятовага паліцэйскага праўлення. Агульная прысутнасць з’яўлялася дарадчым органам пры павятовым спраўніку.

У сталіцах, губернскіх і больш значных павятовых гарадах захоўвалася асобная ад павятовай гарадская паліцыя. У горадзе начальнікам паліцыі заставаўся паліцмайстар, які дапоўніў свой штат памочнікам і агульнай прысутнасцю гарадскога паліцэйскага праўлення. Склад гарадскога праўлення залежыў ад разраду (іх было 3), да якога быў аднесены горад. Самастойныя гарадскія паліцэйскія праўленні на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў былі ўтвораны ва ўсіх губернскіх гарадах і ў павятовых: Бабруйску, Брэст-Літоўску, Дынабургу. Парадак замяшчэння пасады начальніка павятовай паліцыі (павятовага спраўніка) па выбары ад дваран быў зменены. Цяпер прызначэнне і звальненне з’яўлялася кампетэнцыяй асабіста губернатара. Прынцып выбарнасці пакідаўся засядацелям ад саслоўяў і ніжнім чынам сельскай паліцыі [12].

Як бачна, указ не закрануў кампетэнцый паліцыі, яе ўзаемаадносін з іншымі ўстановамі мясцовага кіравання, службовых абавязкаў чыноў паліцыі. Таму нярэдкамі сталі выпадкі, калі выразна рэгламентаваныя на паперы законы і цыркуляры на месцах няправільна трактаваліся ці не выконваліся зусім.

З аднаго боку, правядзенне сялянскай рэформы ў мірным русле вымага-ла значнай колькасці сіл у выглядзе чалавечых рэсурсаў. Іх адназначна не

хапала. Таму ад вышэйшага губернскага кіраўніцтва зыходзілі просьбы аб узмацненні паліцыі войскам. Так, 22 студзеня 1861 г. начальнік Віцебскай губерні па ўзору Пермскай губерні прапаноўваў: «к удобнейшему приведению в действие правил по устройству быта крестьян <...> увеличить силы полиции командою казаков, появление которых, как нового здесь элемента, незнакомого еще жителям, должно будет иметь влияние на спокойствие» [6, арк. 1]. На Віцебскую губерню запрашвалася 249 чалавек, з абавязковым размяшчэннем 3 пры гарадскіх паліцыях, 6 – пры земскім судзе, 4 – у становай кватэры.

Другая праблема ўзнікала на фоне поліфункцыянальнага характару выканаўчых паўнамоцтваў самой сістэмы аховы правапарадку і іх перакрывавання з новаўтворанымі інстытутамі. Менавіта задача афармлення інстытуцыйнай субардынацыі стала цэнтральнай у дадзены перыяд. Хаця ў разгортванні праблемы назіраліся дзве плоскасці: першая на ўзроўні грамадства – інстытут паліцыі, другая на ўзроўні інстанцыя – інстанцыя.

Прыклад першай дэманструе рапарт Невельскага земскага спраўніка, які канстатаваў: «при исполнении требований мировых учреждений, касающихся временно-обязанных крестьян, чиновники земской полиции, встречают крайнее затруднение <...> крестьяне не только отказываются выполнять требования полицейского чиновника, но даже не хотят являться к нему: нижние же полицейские служители, состоящие из тех же крестьян, тоже покровительствуют им во всем, отговариваются же тем, что последние их не слушаются и будто бы говорят, что никаких требований полиции они теперь исполнять не обязаны» [6, арк. 43]. На думку спраўніка, перакананне гэта моцна ўкаранілася ў народзе і растлумачыць яго можа толькі міравы пасрэднік, зрабіўшы акцэнт на законнасці ўлады паліцыі, якая ніколі не змянілася, і яе патрабаванні павінны быць святы выкананы [6, арк. 44].

Калі першая плоскасць насіла больш простую форму і на практыцы праяўлялася звычайным адкрытым сялянскім непадпарадкаваннем, то другая параджала скрыты калапс у выканаўчай дзейнасці розных інстанцый, следствам чаго становіліся канкрэтныя канфліктныя сітуацыі і скаргі.

Цікавая справа разгарнулася ў Слуцкім павеце ў ліпені 1865 г. Міравы пасрэднік другога участка Елачыч скардзіўся на дзейнасць мясцовай паліцыі: «ни одно требование мое Полицией не было исполнено, ни одно требование не было даже удостоено ответа <...> Вообще говоря, пятисотские и сотские имеют от Пристава словесную инструкцию не выполнять приказания Мирowego посредника» [3, арк. 2]. Дадзенае сцверджанне ён даказваў словамі аднаго з тысячніц на свой загад забраць у мясцовага яўрэя скрадзенага ў селяніна каня: «Не угодно ли будет Вам Г. Посредник с этим делом обратиться к Господину Исправнику, Г. Исправник напишет Г. Приставу 2 стана, а если Г. Приставу будет угодно приказать мне сие исполнить, то я это сделаю. Пока я ничего делать не собираюсь, потому, что, Слава

Богу, в последнее время наши взаимные отношения с Г. Посредником слишком хорошо выяснились» [3, арк. 2].

Елачыч прыводзіў некалькі эпизодаў аб хабарніцтве, лавіраванні інтарэсаў больш заможных асобаў і супрацьдзеянні паліцыі яго распараджэнням. Па словах міравога пасрэдніка хабарніцтва сярод Слуцкай паліцыі было развіта надзвычай высока. Штогод натураю памешчыкі, яўрэі, сяляне плацілі «весьма правильно организованную по самой системе взимания, подать» [3, арк. 18]. Якім чынам прыстаў дзяліў гэта ўсё паміж прадстаўнікамі паліцэйскай улады невядома, але, як пісаў пасрэднік, «вероятно было бы довольно интересно знать, т. к. здесь повторялась бы басня Крылова “делег”» [3, арк. 18].

Аўтар скаргі ўзгадваў і пра спрыянне паліцыяй дзейнасці зладзейскай бандзе з мястэчка Сіняўкі пад кіраўніцтвам Айзіка Гурвіча. Члены шайкі цесна супрацоўнічалі з шулерамі Нясвіжа, якія ездзілі ў базарныя дні па мястэчках, каб абыгрываць сялян у картачную гульню «Береберда». Апошнія апаналіся фарсіста ў ваенныя мундзіры і за дазвол на гульню плацілі прыставу 200 руб. Энергічным пасобнікам прыстава Елачыч называў пяцісоцкага Жукоўскага, якога «нередко можно видеть в пиджаке, лаковых сапогах, в шляпе и лайковых перчатках» [3, арк. 20].

Паколькі справа набрала сур'ёзны абарот для разбіральніцтва з МУС прыслалі саноўніка па асаблівых даручэннях Дзмітрыева. Фактычна яму нічога не ўдалося ўстанавіць, бо паказанні хісталіся ў падтрымку то аднаго, то другога боку. Справа засталася без канчатковага вырашэння.

Скаргі міравых пасрэднікаў паступалі не толькі на злоўжыванні ў паліцэйскай дзейнасці, але і на перавышэнні паўнамоцтваў у выкананні спраў, якія ў прыныце адносіліся да кампетэнцыі міравых пасрэднікаў. Напрыклад, Суражскі міравы пасрэднік другога участка Крылоў напісаў рапарт у Віцебскае губернскае праўленне, дзе пералічваў, на яго думку, падобныя справы: а) аб парубцы лесу сялянамі на дачы землеўладальніка Лісоўскага і памешчыка Багдановіча; б) пра забітага селянінам мядзведзя на лузе землеўладальніцы Кавецкай; в) аб арыштаванай маёмасці сялян за парубку на дачы Багдановіча. А таксама ў непрыняцці заявы Крылова на арандатара карчмы Пярно яўрэя Залмана Нанеева аб абразе Хадарынскага старасты.

У адказ павятовае паліцэйскае праўленне напісала тлумачэнне. Заяву на арандатара карчмы праўленне не прыняло на законных падставах, бо павінен сам пакрыўджаны заяўляць, а не праз пасрэдніка. Справы аб парубках былі спалучаны з крымінальнымі і па заканчэнні расследавання перададзены своєчасова судоваму следчаму [8, арк. 6–7].

Узаемныя нараканні нярэдка сустракаліся і паміж паліцэйскімі служачамі і судовымі следчымі. Так, Лепельскі земскі спраўнік Абаленскі ў лістападзе 1860 г. рапартаваў аб службовых злоўжываннях судовага след-

чага Пятава: «сколько кажется ставит себя, в отношении к земской полиции совсем не в то положение, в котором должен находится к ней по наказу о Судебных следователях <...> из своих выездов из города в уезд, делает какие-то торжественности, сообщает Земскому суду, чтобы ему приходили из уезда лошади, заготовливалась квартира, давались нижние чины полиции, а приставы сидели на местах ожидали повеления Пятава» [5, арк. 1]. Сваю незадоволенасць спраўнік абгрунтоўваў наступным: прыставам і так хапае працы, ім няма калі сядзець на месцы і чакаць следчага, выдача коней, якіх не хапае, вельмі абцяжарвае саму паліцыю.

Праўда, і судовы следчы не застаўся ў даўгу. Пятаў заўважыў недагледы паліцэйскай працы ў справе аб крадзяжы рэчаў у мешчаніна Казырскага. Прыстаў замест папярэдняга дазнання правёў фактычна фармальнае следства. Спраўнік пракаментываў, што іншага выйсця не было. Судовы следчы ўвогуле патрабаваў дастаўлення да яго арыштанта і рэчавых доказаў злачынства, але гэта «не подлежит исполнению ибо следствие, по смыслу закона, производится на месте преступления» [5, арк. 30]. Следчы апрадваў свой нявыезд на месца злачынства невыкананнем земскім судом патрабавання прадастаўлення яму коней, хаця мог скарыстацца коньмі земскай пошты. У выніку, абодва бакі былі прызнаны вінаватымі і падвергліся на першы раз строгаму выгавару.

Такія выпадкі не з'яўляліся адзінкавымі. Яны хутчэй былі правіламі, чым выключэннем і вынікалі як следства ўрадавай палітыкі, дзе ігнаравалася пытанне аб абмежаванні шырокіх выканаўча-гаспадарчых функцый органаў паліцэйскай службы непасрэдна іх праваахоўнымі кампетэнцыямі. Гэта патрабавала глыбінных пературбацый усёй выканаўча-адміністрацыйнай сістэмы Расійскай імперыі, на што ў дадзены перыяд урад проста фізічна не мог пайсці.

Падрабязнае інструкцыйнае размежаванне ўсё ж такі з'яўлялася цэнтральным на дадзеным этапе. «Старым» і «новым» інстанцыям трэба было дакладна разумець сваё месца і ролю, а практычная рэалізацыя ўскладзеных абавязкаў параджала шэраг удакладняльных распараджэнняў нават на ўзроўні ўнутрыпаліцэйскіх структур. Так, начальнік Мінскага губернскага жандарскага праўлення (уведзены ў 1867 г. па «Положению о Корпусе жандармов») прасіў губернатара дазволіць сумесныя абходы паліцыі і жандараў, бо апошнія, «обходя свои участки <...> очень часто, встречаясь с ночными обходами, следующими в их направлении, они вынуждены изменять такое, так как не вправе принимать участие в общем обходе» [4, арк. 1]. На што паступіў станоўчы адказ.

Такім чынам, праведзеныя мерапрыемствы ў пачатку 1860-х гг. не вырашалі набалельх пытанняў ва ўдасканаленні сістэмы аховы правапарадку. Цесная ўзаемасувязь паліцэйскай рэформы з правядзенем сялянскай абумовіла забытанасць у кампетэнцыях і функцыях самой паліцыі і

спалучэнні іх з іншымі органамі. Нягледзячы на спробы цэнтральнай улады заканадаўча ўніфікаваць паліцэйскае ведамства, зрабіць яго структуру больш стройнай і размежаваць паўнамоцтвы, рэформа не ўнесла істотных змен у парадак падпарадкаванасці і зносін паліцыі, прадметы ведамства, межы ўлады, размеркаванне абавязкаў. Няпоўная рэгламентацыя дзейнасці паліцэйскіх органаў параджала наяўнасць так званых «прававых дзірак» і выканаўчых супярэчнасцяў. Тэарэтычныя прававыя асновы незаўсёды якасна спрацоўвалі ў дзеянні на практыцы, што было абумоўлена як канцэптуальным урадавым падыходам да самых пераўтварэнняў, так і часткова простым чалавечым фактарам. Тым не менш, 60-я гг. XIX ст. сталі пераломным момантам у далейшай рэарганізацыі паліцэйскага апарату Расійскай імперыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Борисов, А.* Три века Российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 605 с.
2. *Морозова, Е. Н.* А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления) / Е. Н. Морозова. – Саратов: Из-во Саратов. ун-та, 2019. – 208 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1751.
4. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3071.
5. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 11903.
6. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 30881.
7. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 30983.
8. НГАБ. – Ф. 2586. Воп. 1. Спр. 1666.
9. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 35. – Ч. 1. – С. 710–715. – № 35890.
10. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 35. – Ч. 1. – С. 725–727. – № 35892.
11. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 36. – Ч. 3. – С. 42–44. – № 34277а.
12. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 37. – Ч. 2. – С. 588–593. – № 39087.
13. *Тот, Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Ю. В. Тот; СПб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 39 с.

(Дата падачы: 14.02. 2022 г.)

А. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“15”

АДУКАЦЫЙНАЯ СПРАВА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ЧАСЫ ПРАЎЛЕННЯ КАРАЛЯ СТЭФАНА БАТОРЫЯ (1576–1586 ГГ.)

EDUCATIONAL WORK ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE REIGN OF KING STEFAN BATORY (1576–1586)

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме развіцця адукацыйнай справы на тэрыторыі Беларусі ў часы праўлення Стэфана Баторыя (1576–1586 гг.). Прааналізаваны планы караля па стварэнню ў краіне адзінай школьнай сістэмы на чале з езуітамі. Паказана яго роля ў адкрыцці Віленскай акадэміі і Полацкага калегіўма. Адзначана, што з прычыны абвастрэння міжканфесійных адносін у пачатку 1580-х гадоў Стэфан Баторый пагадзіўся на шматвектарны характар развіцця адукацыі: дазволіў адкрываць свае школы праваслаўным і не перашкаджаў адпаведным ініцыятывам пратэстантаў.

Ключавыя словы: Стэфан Баторый; Віленская езуіцкая акадэмія; езуіцкія калегіўмы ў Полацку і Нясвіжы; Віленская кальвінская школа; Віленская брацкая школа; Іўеўская антытрынітарская акадэмія.

The scientific article is devoted to the undeveloped in historiography problem of the development of educational work in Belarus during the reign of Stefan Batory (1576-1586). The king's plans to create a unified school system headed by Jesuits were analyzed. His role in the opening of the Vilno Academy and the Polotsk Collegium is shown. It was noted that due to the aggravation of interfaith relations in the early 1580s, Stephen Batory agreed to the multi-vector nature of educational development: he allowed the opening of Orthodox schools and did not interfere with the relevant initiatives of Protestants.

Keywords: Stefan Batory; Vilno Jesuit Academy; Jesuit Colleges in Polotsk and Nesvizh; Vilno Calvinist School; Vilno Brotherhood School; Ivie Anti-Trinitarian Academy.

У сярэдзіне 1570-х гг. на абшарах ВКЛ адукацыйная справа ўяўляла сабою надзвычай стракатую сферу культурнага жыцця. Паасобку адна ад адной дзейнічалі каталіцкія (в. Гайна пад Лагойскам, в. Трабы пад Ашмянамі, Масты, Гродна і інш.) ды пратэстанцкія (Брэст, Віцебск, в. Варняны пад Астраўцом, Магілёў, Мінск, Нясвіж і г. д.) вучылішчы з выкладаннем катэхізіса, асноў латыні, польскай мовы і арыфметыцы. Больш шырокую праграму меў толькі Віленскі езуіцкі калегіўм (1569–1570), дзе акрамя да-сканалага авалодання латынню (да рыторыцы ўключна) лепшыя выхаванцы вивучалі філасофію і тэалогію. Праваслаўная асвета ў Беларусі была

прадстаўлена пачатковай школай у Тураве ды семінарыяй пры Троіца-Сергіевым манастыры ў Слуцку з курсамі царкоўнаславянскай, грэчаскай і лацінскай моў. Усе яны разам не маглі ў поўнай меры забяспечыць адукацыйныя патрэбы мясцовай моладзі, якая адпраўлялася на вучобу ў Кракаў, Прагу, Вену, Лейпцыг, Вітэнберг, Базэль, Страсбург, Неапаль, Рым і г. д. [1, с. 117–123].

У лепшы бок асветніцкая сітуацыя ў ВКЛ пачала змяняцца ў часы праўлення Стэфана Баторыя (1576–1586), калі ўсе тутэйшыя канфесіі істотна актывізавалі намаганні ў дадзеным кірунку і дабіліся якаснага паляпшэння арганізацыі працэса навучання ўласных адзінаверцаў. Прычым, сам манарх прымаў у гэтай справе непасрэдны ўдзел, лічачы адпаведныя клопаты праблемай дзяржаўнага ўзроўню. На жаль, у айчынной гістарыяграфіі роля Стэфана Баторыя ў развіцці айчыннай адукацыі комплексна ніколі не вывучалася. Традыцыйна ўзгадваецца толькі яго падтрымка езуітаў ды прывілеі на карысць праваслаўных [2, с. 55 ; 3, с. 99–102]. Пры гэтым, па-за рамкамі навуковага інтарэсу засталіся матывы азначаных дзеянняў караля і адбыўшыся за гады праўлення змены ў яго стаўленні да агульных абрысаў школьнай справы ў краіне.

Трэба адзначыць, што сам Стэфан Баторый пачатковую адукацыю атрымаў пры дварах правячай эліты Трансільваніі ды Аўстрыі. Адпраўлены ў Італію ў 1549 г. са світаю дачкі імператара Фердынанда I Габсбурга Кацярынай, ён не вярнуўся адразу на Радзіму, што пазбавіла яго шанца заняць нейкую пачэсную прыдворную пасаду, а па асабістай ініцыятыве паступіў у Падуанскі ўніверсітэт, дзе правучыўся да вясны 1550 г. Гэта выдатна ілюструе яго асабістае стаўленне да важнасці добрай адукаванаасці, якую ён цаніў куды больш чым свецкія манеры ці высокароднае паходжанне [4, с. 114].

Дзеянні Стэфана Баторыя ў першыя гады кіравання сведчаць аб тым, што манарх лічыў цалкам рэальным утварэнне ў дзяржаве агульнай сістэмы асветы. Прычым, даверыць яе ён збіраўся езуітам, якія пераканалі караля ва ўласнай здольнасці вярнуць страчаныя каталіцкай царквою пазіцыі ў Рэчы Паспалітай – «спакваля, без шуму» («*sensim placideque*») – праз адукацыю ды ўкараненне добрых звычаяў, што быццам бы дазволіць пазбегнуць вострых міжканфесійных канфліктаў [5, с. 55].

Умацаванне пазіцый ордэна павінна было пачацца з Вільны, але ў ёй моцную канкурэнцыю езуітам аказвала кальвінская школа. Пасля смерці кн. М. Радзівіла Чорнага ў 1565 г. яна знаходзілася ў заняпадзе, але ў 1577 г. аднавілася па ініцыятыве канцлера ВКЛ кн. М. Радзівіла Рудога. На яго сродкі вучэбная праграма гэтай навучальнай установы была набліжана да ўзроўню езуіцкага калегіума. У 5 класах выкладаліся: латынь, старажытнагрэчаская мова, рыторыка, паэтыка, матэматыка, гісторыя, права і асновы кальвінскага веравызнання. Меліся планы і па рэарганізацыі яе ва ўніверсітэт – тым больш, што лепшым з выпускнікоў ужо надаваліся вучоныя ступені – «*Poeticae candidatus*» [6, с. 166–169].

Асноўным пратыўнікам кальвіністаў у ВКЛ з’яўляўся віленскі біскуп В. Пратасевіч. Па яго ініцыятыве Стэфан Баторый 27 сакавіка 1577 г. выдаў мандат, у якім, звяртаючыся да кн. М. Радзівіла Рудага, пісаў: «Данёс нам... айцец Валер’ян... што некаторыя дамы ці палацы ў горадзе нашым Вільні купляюцца, ці ўжо набыты, з тым, каб адкрыць у іх новыя школы, ці ўзвесці храмы... Гэта супярэчыць не толькі юрысдыкцыі Віленскага біскупа, якому належыць папачыцельства аб храмах і школах, але яшчэ больш нашай каралеўскай уладзе, без згоды якой, ні новыя храмы, ні школы не могуць засноўвацца... І таму азначаным каралеўскім мандатам нашым не дазваляем і забараняем, каб ніхто... не будаваў... публічна і прыватна, ніякага новага храма, будынка альбо палаца для адкрыцця школ і сходаў у горадзе нашым – Вільні, а ў пабудаваных дамах незаводзіў школ... пад штрафам страты гэтых дамоў і звыш таго выплаты ў казну нашу дзесяці тысяч коп грошаў манетай і лікам Вялікага княства Літоўскага...» [7, с. 3–4].

Адначасова з гэтым, кароль станоўча ўспрыняў хадаініцтва В. Пратасевіча ды кашталяна віленскага Я. Г. Хадкевіча аб рэарганізацыі Віленскага езуіцкага калегіума ў акадэмію з правамі ўніверсітэта. Гэта прапанова цалкам укладвалася ў планы манарха наконт пабудовы цэнтралізаванай адукацыйнай сістэмы. Тым больш, што ордэнскія ўлады абяцалі яму прымаць сюды прадстаўнікоў розных веравызнанняў. Апошні фактар успрымаўся Стэфанам Баторыям вельмі сур’ёзна. Ён шчыра верыў у тое, што адзіны для ўсіх хрысціянскіх вернікаў цэнтр вышэйшай адукацыі прывядзе да міжканфесійнага супакою ды ўмацавання талерантнасці ў мясцовым грамадстве. Гэта ў сваю чаргу павінна было дапамагчы яму пераўтварыць Рэч Паспалітую ў магутную еўрапейскую дзяржаву, якая б славілася не толькі вайсковымі перамогамі, але і дасягненнямі ў культуры ды асвеце [8, с. 20]. Прычым як шчыры католік ён разглядаў прагэстантаў толькі з боку пагрозы кансалідацыі тутэйшага грамадства, а таму не лічыў іх здольнымі арганізаваць універсітэт з вучэбнай праграмай, задаволіўшай бы ўсіх. У сваю чаргу, праваслаўныя, на яго погляд, не мелі належнага патэнцыялу для рэалізацыі падобнай задачы. У гэтым меркаванні ён зыходзіў з трактата П. Скаргі «Аб адзінстве царквы Боскай» (1577), дзе аўтар абгрунтоўваў пашырэнне ў асяроддзі праваслаўнага насельніцтва «школы и навуцы» на лацінскай мове тым, што пануючая ў ім царкоўнаславянская мова вяла толькі да далейшага культурнага заняпаду [9, ст. 485–486]. Як след гэтага – Стэфан Баторый быў перакананы, што езуіты – адзіныя, хто здольны ў поўнай меры рэалізаваць яго спадзяванні на росквіт уласнай дзяржавы.

Непасрэдна працэс стварэння езуіцкай акадэміі ў Вільні распачаўся 7 ліпеня 1578 г., калі кароль у час свайго знаходжання ў Львове ўхваліў адпаведнае афіцыйнае прашэнне В. Пратасевіча. У выдадзеным Дыпламе ён надаў ёй правы Кракаўскай акадэміі, прызнаў судовую аўтаномію, вызначыў склад кіраўніцтва – рэктар, канцлер (віленскі біскуп) і дэфензар

(жмудскі біскуп). Разам з тым, для ўступлення гэтага дакумента ў моц неабходна была згода канцлера ВКЛ кн. М. Радзівіла Рудага і падканцлера ВКЛ А. Валовіча. Аднак, яны з'яўляліся лідарамі пратэстантаў і адмовіліся прыкласці да яго свае пячаткі. Згодна ўспамінаў каралеўскага сакратара Я. Д. Салікоўскага Стэфан Баторый быў вельмі абураны і на гэты конт выказаўся наступным чынам: «Адкуль такая вольнасць, якая не жадае вучыцца і ведаць... адкуль яна мае прывілей жыць у варварстве, у няведанні Бога, дабрачыннасцяў і добрых звычаяў, ніколі не пазнаць ні веру Боскую, ні вызваленыя навук...» [10, с. 54–55]. Толькі вясною 1579 г. А. Валовіч разам з канцлерам каронным Я. Замойскім пацвердзілі правамоцнасць Дыплама аб заснаванні Віленскай езуіцкай акадэміі, які манарх выдаў паўторна 1 красавіка. Урачыстае ж адкрыццё Віленскай езуіцкай акадэміі адбылося ў пачатку верасня 1580 г. [11, с. 56–58].

Выконваючы абяцанне Стэфану Баторыю аб пашырэнні асветы сярод прадстаўнікоў розных хрысціянскіх канфесій, езуіты распачалі справу аб арганізацыі пры акадэміі алуэмнагу, прызначанага для айчынных пратэстантаў ды праваслаўных, з перспектывай пашырэння колькасці выхаванцаў за кошт выхадцаў з Расіі. 5 лютага 1582 г. выйшла папская була аб адкрыцці ў Вільні алуэмнага: «У якой руская і маскоўская моладзь вывучала б самую чыстую каталіцкую веру, вучэнне Хрыстова і добрыя навукі і паспявала ў добрых нормах...» [12, с. 171–173; 176].

Такім чынам, Вільня ў пачатку 1580-х гг. пераўтварылася ў буйны цэнтр езуіцкай асветы, які прадастаўляў магчымасць усім жадаючым вучыцца ад рудыменты з інфімай ажно да тэалогіі ўключна. Прыём сюды выхадцаў са шляхты і мяшчан рознага веравызнання ўмацоўваў пазіцыі ордэна ў мясцовым грамадстве, пашыраў колькасць прыхільнікаў сярод правячай эліты, а значыць – адчыняў дзверы да шчодрых ахвяраванняў і спрыяў з'яўленню новых асяродкаў езуіцкай адукацыі па-за межамі сталіцы ВКЛ.

Распаўсюджванне ордэна па тэрыторыі ВКЛ у разглядаемы перыяд непасрэдна звязана з постацю П. Скаргі. У 1555 г. ён скончыў Кракаўскую акадэмію са ступенню бакалаўра філасофіі і ў 1569–1771 гг. быў у езуіцкім навіцыяце ў Рыме. Пасля вяртання на Радзіму актыўна ўключыўся ў дзейнасць ордэнскіх калегіўмаў на каронных землях (Пултуск, Познань, Яраслаў). У 1573 г. яго накіравалі ў Вільню, дзе спачатку П. Скарга выконваў абавязкі прапаведніка і дарадцы рэктара, а ў 1579 г. і сам заняў гэтую пасаду. Ён блізка сыйшоўся са Стэфанам Баторыям, умацоўваючы таго ў меркаванні, што толькі езуіты здольны стварыць у ВКЛ якасную сістэму адукацыі [13, с. 16–27].

Перакананне караля ў гэтым было настолькі моцным і шчырым, што згодна ордэнскаму гісторыку С. Растоўскаму, ў час штурму Полацка ён даў абет – калі пры Божай дапамозе захопіць горад, то ўладкуе ў ім езуітаў [14, с. 87]. 31 жніўня 1579 г. рускі гарнізон капітуляваў і кароль запрасіў

П. Скаргу з іншымі членамі ордэна прыбыць у Полацк: «не трэба зайздросціць сваім лузітанскім ды іспанскім братам, якія ў Азіі ды Амерыцы пашыраюць колькасць прыхільнікаў Бога... у палачан, яны таксама знойдуць вельмі шмат невукаў у справе веры...» [15, с. 48]. Езуіты прыехалі ў Полацк летам 1580 г. Стэфан Баторый, спасылаючыся на адсутнасць граматы (у час вайны былі вывезены ў Маскву), аддаў ім фундушы 7 мясцовых манастыроў і 8 цэркваў – разам 423 будынка ў горадзе ды 72 вёскі (730 дымоў). Гэта дазволіла ордэну ўжо вясной 1781 г. адкрыць 2-класную школу. Кароль прапаноўваў мясцовым жыхарам пратэстанцкага і праваслаўнага веравызнання накіроўваць у яе ўласных дзяцей, бо, на яго думку, вучоба тут ніякім чынам не пагражала іх веры. Ва ўласным выступе 17 ліпеня 1581 г. перад палачанамі ён падкрэсліваў, што: «Не для таго пасяляе езуітаў, каб пазбавіць шляхту свабоды, але для большай славы Божай; школа ствараецца для іх жа нашчадкаў і дзяцей, з мэтай навучаць іх у хрысціянскім духу і маральнасці. Ад адукацыі юнацтва залежыць шмат чаго: пра гэта ведае не толькі Польшча, але і ўсё свет» [16, с. 28–29; 741]. Калегіўм з поўным курсам навучання ў Полацку езуіты стварылі згодна грамаце Стэфана Баторыя ад 2 студзеня 1582 г., у якой зацвярджаўся яго фундуш. З 1584 г. мясцовы прафесар Я. Аланд стаў вучыць сваіх праваслаўных падапечных «рускім пісьменам» [17, с. 6; 26].

Прыклад Стэфана Баторыя па пашырэнню езуіцкай асветы станюча ўздзейнічаў і на яго набліжаных. У 1584–1585 гг. кн. М. Кр. Радзівіл Сіротка з дапамогай П. Скаргі заснаваў ордэнскі калегіўм у Нясвіжы [18, с. 426–431]. Вельмі жадаў кароль уладкаваць езуітаў і ў Гродна, але супраць выступілі тутэйшыя прадстаўнікі каталіцкай царквы, апасаўшыся за лёс падкантрольнай ім школы пры фарным касцёле. Насуперак ім кароль ва ўласным завяшчанні ахвяраваў ордэну на пабудову езуіцкага касцёла з калегіўмам 10 тыс. злотых, але рэалізаваць намер манарха ўдалося толькі ў XVII ст. [19, с. 7]

У цэлым, здавалася, што задума караля аб арганізацыі ў краіне адзінай сістэмы адукацыі паспяхова рэалізоўвалася. Ідэя спалучэння «рускай» ды «лацінскай» навук набыла прыхільнікаў нават сярод праваслаўнай эліты. Згодна распараджэнню брацлаўскага кашталяна В. Загароўскага, ў 1577 г. трапіўшага ў палон да татар, пачатковае выхаванне яго сыноў Васілія і Максіма ў хатніх умовах павінны былі ажыццяўляць мясцовы святар: «Руское науки в писме светом дать» і свецкі дыдакал: «Науки Латинского писма добре учить», а потым загадвалася адправіць іх: «До Вильни к езуитом, бо там фаят детям добрую науку» [20, с. 73–74]. Не быў катэгарычна супраць навучання ў езуітаў і кн. А. Курбскі, які, аднак, апасаўся, што езуіты скарыстаюцца падобнай магчымасцю для прапаганды каталіцызма і схілення праваслаўнай моладзі да змены веравызнання [21, с. 241–242, 363–364].

У рэчаіснасці ж справа развівалася яшчэ ў больш горшым кірунку, чым меркаваў адзін з лідараў прываслаўнай «партыі» у Рэчы Паспалітай. Ілюзорнасць спадзяванняў Стэфана Баторыя наконт дасягнення ў дзяржаве «рэлігійнага міра» стала відавочна ў верасні 1581 г., калі езуіцкія выхаванцы спустошылі кальвінскі збор у Вільні. Кароль асудзіў іх дзейнасць, заявіўшы, што дасягненне шчырай веры немагчыма праз прымус і насілле [22, с. 48–49]. Абвастрэнню ж адносін паміж каталікамі ды прываслаўнымі паспрыяла ўвядзенне ў 1582 г. грыгарыянскага календара [23, с. 309].

У выніку азначаных падзей Стэфан Баторый адмовіўся ад ідэі стварэння ў дзяржаве адзінай сістэмы адукацыі і фактычна адкрыў шлях да арганізацыі асветных асяродкаў усім хрысціянскім канфесіям. Так, ён умяшаўся ў канфлікт паміж кіеўскім мітрапалітам Анісіфорам Дзевачкай з прываслаўнымі мяшчанами Вільны за кантроль над сталічным Троіцкім манастыром. 27 мая 1584 г. кароль перадаў апошнім не толькі апеку над ім, але і дазвол: «На сбудованьне школ, и на выхованьне людей в письме умелых, для науки детей народу закону Греческого...» [24, с. 287]. Развіццём гэтага рашэння стаў прывілей Стэфана Баторыя ад 18 мая 1585 г. усяму прываслаўнаму насельніцтву Рэчы Паспалітай: «Гимназии как каменные, так и деревянные основливать, созидать, обогащать...» [25, с. 44]. Раней за астатніх падобным правам скарысталіся мяшчане ў Вільні, адкрыўшы першую ў ВКЛ брацкую школу. Згодна К. Харламповічу, распачала сваю дзейнасць яна не пазней 1586 г., бо ў гэтым годзе братамі Мамонічамі была выдадзена царкоўнаславянская «Граматыка» І. Дамаскіна, якая, верагодна, прызначалася для тутэйшых выхаванцаў [26, с. 316].

Пратэстантам, у сваю чаргу, Стэфан Баторый, у адрозненні ад Жыгімонта II Аўгуста, не аказваў адкрытай падтрымцы. Вышэй прыводзілася каралеўская грамата супраць актывізацыі асветніцкай дзейнасці кальвіністаў у Вільні ў 1577 г. Але фактычна на гэтым яго захавы супраць прыхільнікаў Рэфармацыі завяршыліся. Вядома, што 8 чэрвеня 1580 г. ён зацвердзіў ахвяраванне кн. М. Радзівіла Рудога на карысць Віленскай кальвінскай школы і ў далейшым ніяк больш не перашкаджаў яе дзейнасці [27, с. 26–34]. Фактычна манарх прызнаў за айчыннымі магнатамі права на рэалізацыю на падудадных ім землях уласных асветніцкіх ініцыятыў. Так, ён не адрэагаваў на рашэнне А. Валовіча ўвесці ў Новым Месцы ва Ўпіцкім павеце сістэму ўсеагульнай пачатковай адукацыі – загадам канцлера ад 4 ліпеня 1584 г. усе тутэйшыя жыхары павінны былі: «восенню... па святым Міхале» (29 верасня) адпраўляць уласных дзяцей ва ўзросце ад 8 да 15 год у школу для вывучэння асноў кальвінскага веравучэння, малітваў і іншых навук [28, с. 10–11]. Таксама без аніякіх наступстваў з боку Стэфана Баторыя засталася і арганізацыя віленскім кашталіанам Я. Кішка антыгрынітарскай акадэміі ў Іўі ў 1585 г. з шырокай вучэбнай праграмай (старажытныя і сучасныя мовы, творы антычных аўтараў, логіка, этыка, правазнаўства, магэматыка) [29, с. 41].

Такім чынам, у часы Стэфана Баторыя ў адукацыйнай справе ВКЛ адбыліся істотныя змены. Езуіцкі ордэн пачаў ствараць уласную школьную сістэму, якая ўжо складалася з Віленскай акадэміі ды калегіўмаў у Полацку і Нясвіжы. У асяроддзі праваслаўнага насельніцтва былі закладзены асновы брацкай педагагічнай мадэлі. Прагэстанты не толькі захавалі свае ранейшыя вучылішчы, але і засноўвалі новыя асветніцкія асяродкі. Відавочна, што гэта цалкам супярэчыла першапачатковаму плану караля аб арганізацыі ў краіне адзінай адукацыйнай структуры. Міжканфесійнае супрацьстаянне зрабіла яго недасягальным. Ужо ў пачатку 1580-х гг. стала зразумела, што адносны «рэлігійны мір» магчымы толькі пры суіснаванні ў краіне розных школьных сістэм. Прычым, згода на гэта Стэфана Баторыя была выклікана не яго талерантнасцю, а прызнаннем уласнай немагчымасці пераадолець місіянерскія дзеянні езуітаў ды супраціў мясцовых магнатаў, найперш жадаўшых абараніць сваіх адзінаверцаў ад ціску з боку прадстаўнікоў іншых рэлігій.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Самусік, А. Ф. Паміж «septem artes liberales» і «studia humanitatis»: трансфармацыя еўрапейскай адукацыі ў XIV–XVI стст. / А.Ф. Самусік // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы: сб. научн. ст.* – Мінск: РИВШ, 2011. – Вып. 4. – С. 108-126.
2. *Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова.* – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.
3. Пілецкі, В. А. Гісторыя культуры Беларусі / В.А. Пілецкі. – Мінск: Мінскі інвацыійны ўніверсітэт, 2017. – 401 с.
3. *Besala, J. Stefan Batory (Báthory István) / J. Besala, A. Biedrzycka // Polski Słownik biograficzny.* – Warszawa; Kraków: Wyd-wo PAN, 2004-2005. – Т. XLIII. – S. 114–129.
4. *Baliński, M. Dawna Akademia Wileńska: próba jej historii: od założenia w roku 1579 do ostatecznego jej przekształcenia w roku 1803 / M. Baliński.* – Poznań: Nakł. i druk. J. Ohryzki, 1862. – XI, 606 s.
5. *Łukaszewicz, J. Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie w 2 t. / J. Łukaszewicz.* – Poznań: Druk. Orędownika, 1842–1843. – Т. 2. – 1843. – 290 s.
6. Акты издаваемые комиссией, Высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне: в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1875. – XXV, 631. – Т. VIII. – 83 с.
7. *Bednarski, S. Geneza Akademji Wileńskiej / S. Bednarski.* – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1929. – 22 s.
8. О единстве церкви Божией Петры Скарги 1577 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: в 39 т. – СПб.; Ленинград, 1872–1927. – СПб.: Тип. А. М. Котомина и К, 1882. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 223–526.
9. *Jana Dymitra Solikowskiego arcybiskupa lwowskiego Krótki Pamiętnik Rzeczy Polskich od zgonu Zygmunta Augusta, zmarłego w Knyszynie 1572 r. w miesiącu lipcu, do r. 1590 / Przel. W. Syrokomla.* – Petersburg; Mohylew: Nakł. B. M. Wolffa, 1855. – XIX, 97 s.

10. *Piechnik, L.* Dzieje Akademii Wileńskiej: w 4 vol. / L. Piechnik. – Rome: Apud «Institutum Historicum Societatis Jesu», 1983–1990. – Vol. I: Początki Akademii Wileńskiej, 1570–1599. – 1984. – 263 s.
11. *Poplatek, J.* Zarys dziejów seminarium papieskiego w Wilnie 1585–1773 / J. Poplatek // *Ateneum Wileńskie*. – 1930. – R. VII. – Z. 1–4. – S. 170–228.
12. *Grzebień, L.* Chronologia pobytu i działalności Piotra Skargi w Wilnie (1573–1584) / L. Grzebień // *Senoji Lietuvos Literatūra*. – Kn. 35/36. – 2013. – P. 15–41.
13. *Rostowski, S.* Lithuanicarum Societatis Jesu historiarum provincialium / S. Rostowski. – Vilnae: Druk. Akademicka, 1768. – VI, 515 p.
14. *Sygański, J.* Działalność ks. Piotra Skargi T. J. na tle jego listów 1566–1610: szkic historyczny / J. Sygański. – Kraków: Wydaw. Towarzystwa Jezusowego, 1912. – VIII, 138 s.
15. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 гг.) / под ред. М. Кояловича. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1867. – VII, 839 с.
16. *Сапунов, А. П.* Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А. П. Сапунов. – Полоцк: Изд. Л. Ф. Данько, 1997. – 29 с.
17. *Zaeski, S.* Jezuici w Polsce: w 5 t. / S. Zaeski. – Lwow; Krakow: Druk. W. Anczyca i Spolki, 1900–1906. – T. 4. – Cz. 1. – 1905. – XXXVI, 478 s.
18. *Jodkowski, J.* Gimnazjum po-dominikaskie w Grodnie / J. Jodkowski. – Grodno: Druk. K. Kramkowskiego, 1924. – 39 s.
19. Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе: в 8 ч.; 35 т. – Киев, 1859–1914. – Ч. 1. – Т. 1. – Киев: Университетская тип., 1859. – LXXXVII, 555 с.
20. Сказания князя Курбского / под ред. Н. Г. Устрялова. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. – 494 с.
21. *Tazbir, J.* Piotr Skarga. Szermierz kontrreformacji / J. Tazbir. – Warszawa: Państwowe Wyd-wo «Wiedza Powszechna», 1978. – 344 s.
22. *Падокшын, С. А.* Культурна-асветніцкая мабілізацыя прываслаўя / С. А. Падокшын // *Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т.* – Мінск: Бел. навука, 2008. – Т. 3. – 2013. – С. 306–309.
23. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 3. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – VIII, 317. – 17 с.
24. Белорусский архив древних актов / сост. И. Григорович. – М.: Тип. С. Селивановского, 1824. – 148 с.
25. *Харлампович, К.* Западноруския православныя школы XVI и начала XVII века / К. Харлампович. – Казань: Типо-литография Имп. Университета, 1898. – 586 с.
26. Акты издаваемые комиссией, Высочайше учреждёною для разбора древних актов в Вильне: в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. XX. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – CCXXVI, 669 с.

27. *Bagińska, E.* Instrukcje dotyczące organizacji życia religijnego w dobrach kanclerza litewskiego Ostafiego Wołłowicza w drugiej połowie XVI wieku / E. Bagińska // *Biuletyn Historii Pogranicza*. – Białystok. – 2012. – № 12. – S. 5–14.

28. *Андреева, Е. Г.* Пратэстанцкая адукацыя: этнічны аспект / Е. Г. Андреева, Л. М. Лыч // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2004. – № 3. – С. 40–47.

(Дата падачы: 11.02.2022 г.)

I. I. Сацукевіч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

I. Satsukevitch

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 94 (476-25) «1917/1944»

АДЛЮСТРАВАННЕ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАГА ЖЫЦЦЯ Ў НАЗВАХ ПРАДМЕСЦЯЎ, УРОЧЫШЧАЎ, ПАСЁЛКАЎ І РАЁНАЎ МІНСКА Ў 1917–1944 ГГ.

REFLECTION OF SOCIO-POLITICAL LIFE IN THE NAMES OF SUBURBS, TRACTS, SETTLEMENTS AND DISTRICTS OF MINSK IN 1917–1944

Артыкул прысвечаны даследаванню ўплыву грамадска-палітычнага развіцця БССР на фарміраванне назваў прадмесцяў, урочышчаў, пасёлкаў і раёнаў Мінска ў 1917–1944 гг. Аўтар выдзяляе асноўныя фактары фарміравання ўнутрыгарадскіх найменванняў. Характарызуецца важнейшыя прынцыпы найменвання ўрочышчаў, рабочых пасёлкаў, адміністрацыйных раёнаў. Аналізуецца стварэнне дзяржавай інстытуцыянальнага механізму фарміравання ўрбаніміі Мінску. Акцэнтуюцца ўвага на стварэнні ў 1938 г. першых у гісторыі Мінска адміністрацыйна-тэрытарыяльных раёнаў – Варашылаўскага, Сталінскага і Кагановіцкага.

Ключавыя словы: грамадска-палітычнае развіццё; дзяржава; урбанімія; прадмесце; урочышча; рабочы пасёлак; адміністрацыйны раён; перайменаванне; прынцып; механізм.

The article is devoted to the study of the influence of the socio-political development of the BSSR settlements and districts of Minsk in 1917–1944. The author identifies the main factors for the formation of intra-city names. The most important principles of naming tracts, workers' settlements, administrative districts are characterized. The article analyzes the creation by the state of an institutional mechanism for the formation of urbanism in Minsk. Attention is focused on the creation in 1938 of the first administrative-territorial regions in the history of Minsk - Voroshilovsky, Stalinsky and Kaganovich.

Keywords: socio-political development; state; urbanonymy; suburb; tract; workers' settlement; administrative district; renaming; principle; mechanism.

Перыяд 1917–1944 г. можна вылучыць у асобны этап развіцця ўрбанізацыі Мінска. У гэты час дзяржава не толькі кропкава ўмяшчалася ў тапаніміку, як было да 1917 г., але і пачала разглядаць унутрыгарадскія назвы як неад’емную частку дзяржаўнай ідэалогіі і выпрацоўваць пэўную палітыку ў гэтай сферы. Гэта перыяд удасканалвання інстытуцыянальнага механізму фарміравання ўрбанізацыі Мінску і знікнення аўтаномнага.

Назвы прадмесцяў і ўрочышчаў (харонімы – назвы тэрытарыяльных аб’ектаў) Мінска пасля рэвалюцый, ваенных падзей і перайменаванняў вуліц і плошчаў 1917–1922 г. не спазналі кардынальных пераменаў. Гэта можна растлумачыць тым, што яны, у адрозненні ад вуліц і плошчаў, не разглядаліся ўладамі як аб’ект дзяржаўнай палітыкі. Вуліцам і плошчам давалі адрасы, замацаваныя юрыдычна, а прадмесцям і ўрочышчам – не. Хоць яны, як і раней, дапамагалі арыентавацца гараджанам на прасторах Мінска.

Фактычна яны дапаўнялі вуліцы і плошчы, дапамагаючы шукаць той ці іншы адрас на карце горада. Так, у дакументацыі гарадскіх службаў за 1919 г. узгадваліся «жители Архиерейской Слободки Ивановской улицы» [1, арк. 7]. У 1922 г. згодна з дакументамі вуліца Радашкоўская знаходзілася ў Пярэспе [2, арк. 14], Ігуменскі тракт – у Серабранцы [3, арк. 17], а вул. Мацвееўская – ва ўрочышчы Пляшчанка [4, арк. 95]. Невыпадкова ў спісе вуліц і плошчаў Мінска за 1925 г. сярод гадонімаў і агаронімаў можна налічыць 28 урочышчаў, прадмесцяў і фальваркаў горада [5, с. 107–112]. У 1920–1930-я гг. працягвалі існаваць многія харонімы дарэвалюцыйнага перыяду: Альшэва, Антонава, Басіялаўка, Весялоўка, Галубоўка, Грушаўка, Кальварыя, Камароўка, Курасоўшчына, Ляхаўка, Міхалюшка, Пляшчанка, Пярэспа, Серабранка, Сенажаны, Старажоўка, Татарская Слабада, Тры Карчмы, Цівалі і інш. Яны пастаянна ўзгадваліся ў перыядычных выданнях, дакументах дзяржаўных устаноў, рэкламе прадукцыі і тавараў [6, с. 4].

Многія з гэтых назваў аказаліся ў рэчышчы сацыяльна-эканамічных пераменаў, якія адбываліся ў тагачасным грамадстве. У Тучынцы быў арганізаваны 2-і савецкі цагельны завод [7, арк. 68]. У 1929 г. па вуліцах горада быў арганізаваны трамвайны рух па маршруце «Таварная – Камароўка», а аўтобусы курсіравалі па маршрутах «Кальварыя – Ляхаўка» і «Серабранка – Старажоўка» [8, арк. 118]. Галоўным у горадзе месцам рэалізацыі ў першую пяцігодку планаў індустрыялізацыі стала Ляхаўка, дзе ў пачатку 1930-х гг. выраслі ТЭЦ-2, «Камунарка», швейная фабрыка імя Н. Крупскай [9, с. 13].

У той час, калі адны найменні дарэвалюцыйных прадмесцяў працягвалі сваё існаванне ва ўмовах сталіцы БССР, то іншыя амаль не ўзгадваліся ў перыёдыцы і дакументах. Так, забытымі аказаліся Добрыя Мыслі, Залатая Горка, Круты Бераг, Раманаўская Слабада, Старая Слабада, Траецкая Гара, Уборкі. Верагодна, гэта адбылося таму, што тэрыторыя дадзе-

ных прадмесцяў мела даўно склаўшуюся забудову з устойлівай вулічнай адрасацыяй і яны не знаходзіліся на ўскраіне горада, а значыць «дапамога» назваў прадмесцяў для арыентацыі ў горадзе ўжо не патрабавалася. Не дарэмнай аказалася і палітыка найменавання дзясяткаў безымянных вуліц і завулкаў у 1928–1933 гг., пасля чаго мінчане ведалі свой дакладны адрас па вуліцы. Да гэтага для арыентацыі ім прыходзілася побач з безымяннай вуліцай угадваць назву прадмесця.

Калі ў пачатку ХХ ст. для абзначэння харонімаў выкарыстоўвалі тэрміны «прадмесце» і «урочышча», то ў 1920-я гг. застаўся толькі другі. Найменні прадмесцяў засталіся, але побач з імі перасталі пісаць слова «прадмесце». Напрыклад, у 1923 г. пры выдзяленні ўчастка зямлі пад гарадскія патрэбы пазначалася, што ён знаходзіцца «в Кошарах» [10, арк. 99-адв]. Ці былыя прадмесці сталі называць урочышчамі. Так, калі ў 1919 г. у адным з дакументаў угадваецца прадмесце Тры Карчмы [11, арк. 230], то пазней гэты раён горада фігуруе выключна як урочышча [12, арк. 1; 13, арк. 32]. Больш таго, у гэты час з’яўляецца яшчэ адзін тэрмін, якім пазначалі прастору жылых кварталаў – пасёлак ці рабочы пасёлак. Так «поселок Козырево» у адным з дакументаў за 1924 г. было названа былое прадмесце Козырава [14, арк. 2]. Але звычайна так пачалі называць новыя жылыя масівы, якія ўзводзіліся ў горадзе. Фактычна новы харонім «пасёлак» прыйшоў на замену старому «прадмесцю». У найменні «рабочы пасёлак» можна заўважыць адлюстраванне палітыкі савецкіх улад па ўзвышэнню ролі пралетарыяту ў жыцці грамадства. Першым рабочым пасёлкам горада стаў Камінтэрн, будаўніцтва якога распачалося ў 1925 г. [15, арк. 110]. Рабочы пасёлак атрымаў назву ў гонар арганізацыі «Камінтэрн» (Камуністычны інтэрнацыянал), якая была створана ў 1919 г. як міжнароднае аб’яднанне камуністычных партый розных краін. Назва-сімвал ніяк не была прывязана да мясцовасці і фактычна з’яўлялася новамодным словам з лексікону савецкіх людзей, якое адлюстроўвала тагачасныя палітычныя рэаліі. Новыя кварталы дамоў для рабочых пас. Камінтэрн размясціліся за прамысловай Ляхаўкай на тэрыторыі ўрочышча Тры Карчмы (цяпер раён вул. Заводскай, Фабрычнай і Судмаліса) [16, арк. 88].

Але вырашэнне жыллёвай праблемы пралетарыяту патрабавала ад гарадскіх уладаў актыўных дзеянняў. У 1926 г. быў пабудаваны рабочы пасёлак Чыгуначнік (каля суч. вул. Брылеўскай). Такую назву рабочы пасёлак атрымаў таму, што жыллё для рабочых Маскоўска-Брэсцкай чыгункі ўзводзіла жылёва-будаўнічае кааператыўнае таварыства «Чыгуначнік» [17, арк. 140–143]. У тым жа годзе для рабочых сталіцы БССР былі пабудаваны рабочыя пасёлкі 1 Мая (побач з пл. Парыжскай Камуны) і Чырвоны заходнік (дакладна лакалізаваць яго на карце Мінска пакуль не ўдалося) [18, арк. 93]. У 1927 г. будаваліся жылыя дамы ў пасёлках: Друкар (зараз раён вул. Мельнікайтэ), Хлебнік (ля былых яўрэйскіх

могілак па вул. Калектарнай), 11 Ліпеня (там жа), Медработнік (побач з бальніцай на вул. Леніна), Шпалернік (раён шпалернай фабрыкі), Бетонбуд, Чырвоны Будаўнік, Рабасвета 1, Рабасвета 2 (лакалізацыя апошніх не высветлена) [19, с. 3]. Гэтыя найменні-сімвалы павінны былі дэманстраваць ідэалагічную накіраванасць грамадства і размах сацыялістычнага будаўніцтва ў СССР у 1920-я гг. Заўважым, што рэальнасць была не такой: амаль усе вышэйпералічаныя пасёлкі складаліся з некалькіх – 2-, радзей 4-кватэрных аднапавярховых драўляных дамоў – і вырашыць жыллёвую праблему для рабочых у растучай сталіцы БССР не маглі, стаць трывалымі арыенцірамі для гараджан у Мінску таксама. Разам з тым некаторыя рабочыя пасёлкі атрымоўвалі не толькі сімвалічныя назвы. Так, новы жылы масіў на заходняй ускраіне Мінска атрымаў імя суседняга з ім дарэвалюцыйнага прадмесця Грушаўкі і стаў пасёлкам Грушаўскім. На іншым ускраіку горада непадалёк ад вул. Пушкінскай з’явіліся кварталы пасёлка Пушкінскага (зараз раён вул. Сурганава, Кузьмы Чорнага і Якуба Коласа) [20, с. 68].

Але не толькі новыя рабочыя пасёлкі вырасталі ў Мінску ў 1920–1930-я гг. Праблему забеспячэння горада харчаваннем вырашылі ў 1923 г. далучэннем да Мінска навакольных тэрыторый і падпарадкаваннем сельска-гаспадарчых прадпрыемстваў. НЭП патрабаваў збліжэння горада і вёскі. У новую гарадскую рысу ўвайшлі тэрыторыі былых памешчыцкіх сядзібаў, вёсак, палёў і лугоў [21, с. 4]. Новыя ўрбанонімы Мінска называлі ўрочышчамі, хутарамі і вёскамі.

У 1923 г. у межах горада ўпамінаюцца ўрочышчы Жданаўка (зараз Ждановічы) і Шапіраўка (мікрараён Радужны насупраць Мінск-Арэны) [22, арк. 305-адв]. У 1924 г. была праведзена адміністрацыйна-тэрытарыяльная рэформа БССР, у выніку якой была створана Менская акруга і на тэрыторыі горада аказаліся два сельсавета: Азярышча-Сляпянскі і Пятроўшчынскі. На тэрыторыі гэтых сельсаветаў аказаліся населеныя пункты, якія не ўваходзілі ў рысу горада да 1917 г. ці з’явіліся ў 1920-я гг.: урочышча Бараноўшчына (зараз там размешчаны мік-н Запад), урочышча Барсукі (3-і і 4-ы зав. Халмагорскія), урочышча Весялоўка (зараз пл. Дзяржаўнага Сцяга і выставачны комплекс «Белэкспа»), урочышча Галубоўка (мік-н Вясянка), фальварак Дарава («Арэна-сіці» на праспекце Пераможцаў), урочышча Зялёны Луг (мікрараён Зялёны Луг-7), урочышча Кальварышкі (парк «Дрымлэнд» на вул. Арлоўскай), хутар Падгор’е (раён вул. Тыражнай і Гало), хутар Хмарынскія Пасекі (тэрыторыя паміж вул. Нававіленскай і дачамі ў Драздох) [23, арк. 9–11-адв]. У 1927 г. упершыню з’явіліся на карце Мінска ўрочышча Дразды, Ліпкі (суч. мік-н Сцяпянка), Марусіна (месца ля скрыжавання суч. вул. Падольскай і Алешава) [24, арк. 159]. У горадзе з’явіліся новыя харонімы, якія дапамагалі арыентавацца міліцыі і падатковай інспекцыі ў прыгарадных гаспадарках і хутарах. Праўда, далёка не адразу нават міліцыя магла знайсці неабходны адрас

у межах новай рысы горада. Так, у 1924 г. кіраўніцтва міліцыі звярнулася ў мінаквыканкам: «по надобности просим сообщить месторасположение урочища Липки и хутора Подгорье быв. Сенницкой волости – по делу о взыскании штрафов за порубку леса» [25, арк. 129]. Заўважым, што ўсе новыя харонімы ўказвалі на мясцовасці, асноўным заняткам насельніцтва якіх была сельская гаспадарка. Абсалютная большасць назваў маюць патранімічнае паходжанне. Напрыклад, Хмарынскія Пасекі беспамылкова ўказваюць на Хмараў – былых уласнікаў дадзенай тэрыторыі, а Дарава – на Вярыга-Дарэўскіх, якім раней належыла сядзіба Веснінка [26, арк. 2]. Зялёны Луг і Падгор'е падкрэсліваюць мясцовую тапаграфію. Харонім Кальварышкі ўласцівы не цэнтральнай, а паўночна-заходняй Беларусі, дзе вялікі ўплыў раней мела літоўская мова. Літаральна Кальварышкі – гэта Малая Кальварыя.

Перайменаванні ў харонімаў у гэты перыяд зафіксавана мала. Гэта можна растлумачыць тым, што назвы прадмесцяў і ўрочышчаў, у адрозненні ад вуліц і плошчаў, не мелі шыльдаў на мясцовасці і не былі замацаваны дакументальна, а існавалі амаль выключна ў свядомасці гараджан. Тым не менш такія спробы былі. Напрыклад, 10 чэрвеня 1922 г. газета «Звезда» паведаміла, што «горисполком постановил переименовать Ляховку в улицу Лекерта» [27, с. 4]. На тэрыторыі прадмесця Ляхаўка існавала чатыры вуліцы з падобнай назвай: тры Ніжне-Ляхаўскія і Ляхаўская Слабодка. У 1923 г. часта пісалі такім чынам: «Ляховка ныне Лекерта, Ляховка ныне Кожевенная» [28, арк. 61]. Аднак змяніць імя аднаму з найвялікшых прадмесцяў горада аказалася не так проста: тысячы гараджан актыўна карысталіся гэтай назвай. У выніку ўлады абмежаваліся перайменаваннем чатырох Ляхаўскіх вуліц, а назва прадмесця, як і раней, заставалася ў свядомасці і побыце мінчан [29, арк. 12].

Больш паспяховым стала перайменаванне ў 1924 г. прадмесця Архірэйскай Слабада і ўрочышча Архірэйскага Гай у адпаведна вул. Пуліхава і ўрочышча Чырвоны Гай [30, с. 3]. У адрозненне ад Ляхаўкі, Архірэйскай Слабада была невялікім прадмесцем: у ім не было значных для горада аб'ектаў і яно складалася толькі з адной вялікай аднаіменнай вуліцы. Таму пераход ад Архірэйскай Слабады да Пуліхавай Слабады (менавіта так часта называлі гэты раён у 1920-х гг.) адбыўся хутка [31, с. 93]. Архірэйскім Гаём, Архірэйскім Урочышчам, Архірэйскай Пустыню (зараз вялікая прастора паміж трактарным і аўтамабільным заводамі) называлі гарадскі лес, які да Кастрычніцкай рэвалюцыі быў ўласнасцю праваслаўнай царквы. Пасля перайменавання гэтую мясцовасць называлі Чырвоным Гаём ці Чырвоным Урочышчам. У 1929 г. у Чырвоным Урочышчы адкрылі ваенны лагер Чырвонай Арміі [32, арк. 46]. Няма сумненняў, што гэтыя харонімы былі зменены з-за свайго рэлігійнага зместу.

У 1924 г. гарадскія ўлады разглядалі магчымасць перайменавання станцыі і пасёлка Козырава ў Гая – у гонар Г. Гая (сапр. Гайк Бжышкянц), камкора ў савецка-польскую вайну, які з 1923 г. узначалваў 7-ю Самарскую кавалерыйскую дывізію ў Мінску, а з 1924 г. увайшоў у склад ЦВК БССР [33, с. 81]. Але камдзіў не атрымаў прыжыццёвую назву ў Мінску – праект пастановы аб перайменаванні быў закрэслены старшынёй мінакрвыканкама С. Яцкевічам [34, арк. 206]. Па якой прычыне перайменаванне не адбылося, можна толькі здагадацца. А вось чаму планавалі перайменаваць менавіта пасёлак і станцыю Козырава (цяпер Мінск-Паўднёвы) – відавочна. Папершае, з-за дваранскага паходжання інжынера Дз. Козырава, па прозвішчу якога пайшла іх назва. Па-другое, таму, што 7-я Самарская кавалерыйская дывізія дыслакавалася менавіта ў Козыраве (зараз казармы МУС РБ па вул. Маякоўскага). Перайменаванне Козырава ўсё-такі адбылося ў 1935 г., калі пастановай прэзідыума ЦВК БССР яго назвалі пасёлкам Фрунзэ – у гонар іншага камдзіва М. Фрунзэ [35, с. 3]. Праўда, гэтае перайменаванне так да канца і не было даведзена: гэтаму перашкодзіла кансерватыўнасць гараджан, якія працягвалі карыстацца ранейшай назвай, і Вялікая Айчынная вайна.

У губернскім Мінску ў пач. XX ст. тэрыторыя горада для зручнасці збору падаткаў і работы паліцыі была падзелена на пяць паліцэйскіх частак [36, с. 12]. У 1923 г. па гэтай жа прычыне гарадская прастора складалася з чатырох міліцэйскіх раёнаў [37, арк. 154]. Аднак з пункту гледжання арыентацыі ў гарадской прасторы выкарыстанне такіх абазначэнняў (1-ы, 2-і, 3-і, 4-ы міліцэйскі) для раёнаў было нязручным. Таму часта ў дакументах і газетах іх называлі па-іншаму. Напрыклад, у 1927 г. так тлумачылася адно з рашэнняў прэзідыума мінакрсавета: «дзеля абслугоўвання працоўных мас Ляхаўскага і Серабранскага раёнаў» [38, арк. 41]. Відавочна, што пад Ляхаўскім разумеўся 1-ы міліцэйскі раён, а пад Серабранскім – 3-і міліцэйскі раён (куды акрамя тагачаснай Серабранкі ўваходзіла тэрыторыя вакол абодвух чыгуначных вакзалаў і пас. Грушаўскі). Камароўскім называлі 2-і (паўночна-ўсходняя частка Мінска), а Татарскім – 3-і (паўночна-заходняя) міліцэйскі раён. Заўважым, што для абазначэння міліцэйскіх раёнаў у 1927 г. (час правядзення беларусізацыі) былі абраны назвы прадмесцяў – Ляхаўкі, Серабранкі, Камароўкі, Татарскай Слабады, – якія былі найбольш значымі аб'ектамі на іх тэрыторыі.

Здавалася, усё ішло да стварэння адміністрацыйных раёнаў горада. 3 мая 1928 г. адбылося пасяджэнне мінакрвыканкаму, на якім разглядалася пытанне аб утварэнні раённых саветаў у Мінску. Захаваўся пратакол гэтага пасяджэння, у рэзалюцыі якога старшыня мінакрвыканкаму С. Яцкевіч вымушаны быў прызнаць: «прымаючы пад увагу, што ў сучасную пару немагчыма забяспечыць райсавет самастойным бюджэтам і такім чынам увесці пад іх працу матэрыяльную базу, утварэнне іх лічыць папярэднечасовым» [39, арк. 250]. Пытанне аб стварэнні адміністрацыйных раёнаў у Мінску было

адкладзена на 10 гадоў. Пастановай прэзідыума ЦВК БССР ад 15 сакавіка 1938 г. у горадзе былі арганізаваны 3 раёны: Сталінскі, Варашылаўскі і Кагановіцкі [40, с. 349]. Імёны гэтыя адміністрацыйныя адзінкі атрымалі ў гонар жывых лідараў партыі бальшавікоў і Савецкай дзяржавы – І. Сталіна, К. Варашылава, Л. Кагановіча. Менавіта раёны сталі ў XX ст. харонімамі, якім не пагражала знікненне, паколькі яны існавалі не толькі юрыдычна, але і прысутнічалі амаль ва ўсіх сферах гарадскога жыцця.

Такім чынам, у 1917–1944 гг. харонімы заставаліся важнай часткай урбананімнай прасторы Мінска. Пры гэтым яны не падвергліся масавым перайменаванням, як гэта адбылося з назвамі вуліц і плошчаў. Большая частка прадмесцяў і ўрочышчаў папярэдняга перыяду працягвала існаваць і ў гэты час. У 1920-я гг. з’явілася новае абзначэнне для хароніма – рабочы пасёлак, – якое паступова выціснула з абиходу панавашчае ў папярэдні перыяд прадмесце. Новыя харонімы ў 1920-я гг. (час НЭПа і беларусізацыі) атрымлівалі назвы, якія падкрэслівалі камуністычную ідэалогію, мясцовую тапаграфію, развіццё прамысловасці і асабліва сельскай гаспадаркі. А вось з сярэдзіны 30-х гг. стала праяўляцца тэндэнцыя да найменавання харонімаў у гонар персаналій з савецкай найноўшай гісторыі. Харонімы фарміраваліся ў першую чаргу пад уплывам грамадска-палітычнага фактару. У 1917–1944 гг. інстытуцыянальны механізм фарміравання ўрбананімнай прасторы Мінска, які ў гэты час паставіў пад кантроль назвы вуліц і плошчаў, у дачыненні да харонімаў паказаў нізкую эфектыўнасць, за выключэннем адміністрацыйных раёнаў. У 1938 г. тэрыторыя Мінска была падзелена на тры адміністрацыйныя раёны – Варашылаўскі, Кагановіцкі і Сталінскі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 196.
2. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 85.
3. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 78.
4. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 346.
5. Вся Белоруссия. Справочная книга на 1925 г. – Минск, 1925.
6. Звезда. – 1922. – 18 фев.
7. ДАМВ. – Ф. 1111. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 68.
8. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 211.
9. Мінск незнаёмы: 1920–1940 / Аўт.-уклад. І. Куркоў. – Мінск: Ураджай, 2002.
10. НАРБ. – Ф. 34. Воп. 1. Спр. 360.
11. ДАМВ. – Ф. 1111. Воп. 1. Спр. 17.
12. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 432.
13. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 109.
14. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 2. Спр. 258.

15. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 540.
16. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 110.
17. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 126.
18. НАРБ. – Ф. 18. Воп. 1. Спр. 243.
19. *Кулькин*. Новые дома трудящимся / Кулькин // Рабочий. – 1927. – 6 августа.
20. *Тарас, В.* На высьпе ўспамінаў / В. Тарас. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007.
21. Расширение черты города Минска // Звезда. – 1923. – 19 мая.
22. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 17.
23. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 239.
24. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 141.
25. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 17.
26. НГАБ. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2297.
27. Звезда. – 1922. – 10 июня.
28. ДАМВ. – Ф. 354. Воп. 1. Спр. 80.
29. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 226.
30. Звезда. – 1923. – 3 июня.
31. Уся БССР. Менск, 1935.
32. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 211.
33. Их именами названы... Улицы Минска: энцикл. справ. / редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2014.
34. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 47.
35. Рабочий. – 1935. – 23 фев.
36. *Шыбека, З. В.* Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада / З. В. Шыбека, С. Ф. Шыбека; пер. з рус. мовы М. Віжа; прадм. С. М. Станюты. – Мінск: Полымя, 1994.
37. ДАМВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 78.
38. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 141.
39. ДАМВ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 141.
40. Минск: Энцикл. справочник / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., доп., перераб. – Минск: Бел. Сов. Энциклопедия, 1983.

(Дата падачы: 25.02.2022 г.)

О. И. Сенькевич

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск

A. Siankevich

Минск, Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 94:323.1(476):706.034.2"192/193"

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В 20–30-Х ГГ. XX В. В БССР

VISUALIZATION OF MASS PHYSICAL EVENTS IN THE 20–30S 20TH CENTURY IN THE BSSR

Целью исследования является определение задач государственной политики регулирования сферы физической культуры в 20–30-х гг. XX в. В статье акцентируется внимание на особенностях организации наглядности для популяризации физической культуры и спорта среди населения. Изучены материалы периодической печати, а также отчетные данные некоторых организаций, непосредственно участвовавших в проведении физкультурных мероприятий в исследуемый период. В результате выделены и охарактеризованы основные методы и задачи визуализации массовых физкультурных мероприятий, проводимых в период становления белорусского государства на советской основе.

Ключевые слова: история физической культуры; визуализация; агитация; парады физкультурников; эмансипация; эстетика телесности.

The purpose of the study is to determine the tasks of the state policy of regulation of the sphere of physical culture in the 20-30s. 20th century. The article focuses on the features of the organization of visibility for the popularization of physical culture and sports among the population. The materials of the periodical press, as well as the reporting data of some organizations directly involved in the conduct of physical culture events in the study period, were studied. As a result, the main methods and tasks of visualization of mass physical culture events held during the formation of the Belarusian state on the Soviet basis were identified and characterized.

Keywords: history of physical culture; visualization; agitation; parades of athletes; emancipation; physical aesthetics.

20–30-е годы стали периодом трансформации государственной системы, социально-экономических отношений и, безусловно, массовой культуры. Без принятия обществом новых культурных ценностей, не могла бы проходить адаптация к иным политическим и экономическим условиям. После октябрьской революции физическая культура перестает быть частным делом и становится предметом государственной заботы. «Физическая культура» советского гражданина была понятием, прежде всего, идеологическим. Цели, формы и методы развития физкультуры определялись государством.

Приобщение как можно большего количества советских граждан к занятиям физической культурой, по мнению советских руководителей, должно было укреплять здоровье населения, формировать готовность совершать трудовые и военные подвиги во славу своей страны, бороться с внешними и внутренними врагами. Массовая физкультура провозглашалась одним из средств классовой борьбы и противопоставлялась «буржуазному» спорту, доступному лишь тем, кто в состоянии оплатить членский взнос в спортивном обществе и необходимый инвентарь.

Спортивные «буржуазные» соревнования предусматривали состязание и определение сильнейшего, а значит пропагандировали индивидуализм и формировали культ спортивного зрелища как развлечения. Советское государство трактовало физическую культуру как форму общественной активности и предложило другой формат демонстрации физических качеств и навыков советских граждан: спартакиады, парады физкультурников, спортивные праздники для разных возрастных и профессиональных слоев общества, демонстративные агитационные походы и т. д. Праздники и парады не предполагали выбора сильнейших. В них все были равны и одинаково значимы. В процессе подготовки и проведения самого мероприятия у физкультурников должны были развиваться такие важные для социалистического общества личные качества, как дисциплинированность, коллективизм, трудолюбие. Массовые физкультурные парады проводились по заранее разработанному сценарию и часто были приурочены к важному событию советской истории. Выступления отдельных коллективов физической культуры от разных предприятий и учреждений тщательно продумывались и репетировались. Режиссер Н. Охлопков, принимавший участие в организации всесоюзного парада физкультурников, писал в «Известиях»: «Эти народные спортивные праздники являются не только смотром ежегодной физкультурной работы. Это – истинно народное зрелище. Это – новый вид искусства, монументального, грандиозного, в котором театр, балет, опера, живопись, скульптура, музыка, песня синтетически соединены, подчиняясь физкультурному действию» [5, с. 3].

Помимо парадов для пропаганды физкультурного движения использовались такие методы, как агитационные походы (лыжные вдоль границ, в противогazaх и т. д.), мотопробеги, выставки фотографий и произведений изобразительного искусства на спортивную тематику. Подобные мероприятия подробно, с фотоотчетами, освещались в прессе. Для разъяснения государственной политики в сфере физической культуры и иллюстрации ожидаемых советским руководством результатов проводились публичные лекции, концерты, агитационные показательные выступления коллективов физической культуры или студентов техникумов физической культуры (в БССР техникумы работали в Могилеве и Минске).

Визуальное восприятие спортивных мероприятий должно было способствовать распространению и закреплению ряда идеологических положений политики советского государства:

- ◆ все народы имеют право на национальное самоопределение;
- ◆ равенство прав и возможностей для всех советских граждан, независимо от пола;
- ◆ утверждение новой эстетики телесности советского человека, получившего доступ к всеобщему образованию и возможности духовного и физического самосовершенствования, благодаря государственному регулированию;
- ◆ пропаганда новой государственной символики, олицетворявшей государство рабочих и крестьян;
- ◆ формирование культа лидеров коммунистической партии;
- ◆ формирование общественного мнения о занятиях спортом как о правильной и полезной форме саморазвития. Утверждение того, что это не праздное развлечение, а значимая форма самосовершенствования советского гражданина, способствующая его подготовке к созидательному труду и обороне советского государства.

Декларативно было заявлено право всех народов на национальное самоопределение. Также утверждался тезис о преобладании классовых интересов над национальными и предопределенности социалистических революций во всех странах мира. Спорт мог бы стать одной из объединяющих интернациональных форм взаимодействия рабочего класса.

23 июля 1921 г. была создана организация Красный спортивный интернационал (КСИ) как альтернатива Международному олимпийскому комитету, считавшемуся координатором буржуазного спорта. Высший совет физической культуры БССР призывал все кружки физкультуры обязательно подписаться на журнал «Пролетарский спорт», издаваемый Спортивным интернационалом [2, с. 3], а также отчислять взносы в пользу этой организации [6, с. 3].

Самым масштабным мероприятием, проведенным под эгидой КСИ, стала Первая Всесоюзная спартакиада. Она проходила в Москве с 12 по 24 августа 1928 г. и стала масштабным, но единственным в своем роде международным спортивным мероприятием, прошедшим в СССР до Второй мировой войны. В ней участвовало 4040 советских физкультурников (из них 850 женщин) и более 600 иностранцев [1, с. 3]. Всесоюзная спартакиада противопоставлялась IX международной Олимпиаде в Амстердаме, которая проходила в том же году с 17 мая по 12 августа. Всего в ней участвовало 2883 человек, из них 277 женщин.

В программы обоих спортивных мероприятий были включены соревнования по искусству. На Олимпиаде в Амстердаме в данной категории было разыграно 11 комплектов наград (в номинациях поэзия, драматургия,

скульптура, архитектурный дизайн, живопись и т. д.). На Всесоюзной спартакиаде в номинации «Искусства» проводились «Пляски и танцы», которые могли быть «гимнастическими или этнографическими» [4, с. 7]. Этнографические танцы, хоть и назывались так же, как традиционные народные, представляли собой сложные хореографические постановки со зрелищными, порой акробатическими элементами.

Ко Всесоюзным парадом физкультурников, проводимым с 1936 г., делегациями каждой республики готовились танцевально-гимнастические выступления. Темой для сценария таких выступлений могли стать события гражданской войны или Октябрьской революции 1917 г., созидательный труд и равные права всех народов на развитие национальной культуры в условиях социалистического строя. Для подобных зрелищных танцевально-гимнастических постановок часто шились костюмы, стилизованные под национальные, использовалась авторская музыка, созвучная национальной. На Всесоюзном параде физкультурников 1937 г. для части белорусской делегации были выполнены костюмы с использованием национального геометрического орнамента, вышитого красным цветом на головной повязке, подоле юбок и на полочках белых рубаш. Хореографические постановки включали элементы традиционных танцевальных движений. Общий парад народов СССР должен был иллюстрировать отсутствие межнациональных конфликтов, равенство всех народов и их свободу в национальном культурном проявлении.

Проводилась государственная политика эмансипации. Женщину следовало освободить от «кухонного, бытового рабства» и вовлечь в производственный процесс и общественную деятельность наравне с мужчинами. Право женщин на занятие физической культурой наравне с правами на образование, выбор профессии и трудоустройства, участие в общественных и государственных организациях гарантировалось на законодательном уровне. Однако далеко не всегда необходимость этих прав воспринималась обществом положительно. В прессе была развернута широкая агитационная компания по разъяснению и укоренению принципов организации нового быта. На страницах журналов («Женский журнал», «Работница», «Колхозница», «Крестьянка») печатались рекомендации по соблюдению норм гигиены, уходу за малолетними детьми, выполнению упражнений гимнастики, популяризовались ясли, общественные и заводские столовые. В качестве общественной активной деятельности приветствовалось участие в работе женотделов, комсомольских организаций, пропагандировалось вступление в коллективы физической культуры на предприятиях. В каждом номере цитировались письма, присланные в редакцию от женщин, благодаривших советскую власть за предоставленную им возможность получать образование, обулаивать свой быт по-новому, работать на промышленных предприятиях и колхозах, что давало возможность экономической самосто-

тельности. Значительное количество таких писем, написанных простыми, искренними словами, должно было формировать у читателя ощущение, что новые нормы общественной жизни необратимы, и если женщина не встречает понимания в своем ближайшем окружении, то она найдет поддержку в общественных организациях.

В первой половине 20-х гг. XX в. ежегодные отчеты Высшего совета физической культуры БССР показывали, что в работу физкультурных организаций в основном вовлечены люди до 25 лет. Большинство из них мужского пола. Женщины от 22 лет и старше к занятиям физической культурой проявляли незначительный интерес. Больше внимания спорт вызывал как зрелище [3, с. 9]. Однако далеко не все болельщики имели желание самостоятельно заниматься спортом. Привлечение женщин к участию в зрелищных физкультурных мероприятиях в составе отдельных или смешанных коллективов должно было содействовать формированию положительного образа женщины активистки-физкультурницы. Если выступление не носило этнического характера, то костюмы участников были одинаковыми не зависимо от пола, майка-соколка и шорты либо широкие брюки и рубаха. Женщины активно привлекались к соревнованиям, к тем видам спорта, которые в общественном сознании считались традиционно мужскими (автоспорт, спортивная авиация и др.).

В 1936 г. состоялся первый в СССР женский автопробег. Он был посвящен конституции 1936 г. Участницы должны были не только продемонстрировать свое умение управлять автомобилем в сложных дорожных условиях, но и выступить в разных городах с лекциями, разъясняющими значение принятой конституции. Последней остановкой перед возвращением в Москву был Минск, где участницы после агитационной лекции прошли парадом по площади Ленина перед Домом правительства.

Утверждалась новая эстетика телесности советского человека. Предполагалось, что благодаря бесплатному доступу к среднему образованию и физическому воспитанию, реорганизации быта и правильной организации досуга человек в коммунистическом будущем должен быть прекрасен умом и телом. Человек на улице в спортивной одежде должен был восприниматься абсолютно естественно. Подтянутые, стройные фигуры участников физкультурных парадов, сила и ловкость их движений должны были восхищать зрителей и вызывать стремление стать такими же. В общественных местах появлялись скульптуры атлетически безупречно сложенных рабочих и крестьян. Отдельной темой садово-парковой скульптуры станет тема советского физкультурника (девушка – гребчиха с веслом, футболист, легкоатлет в момент прыжка или бега и т. д.). В дальнейшем эти темы будут подхвачены живописью и графикой в стиле социалистического реализма.

В 20–30-е гг. активно утверждался культ лидеров коммунистической партии. Публичные показательные выступления коллективов физиче-

ской культуры были оформлены портретами В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ф. Э. Держинского, М. И. Калинина и др. Конструкции с портретами партийных и государственных лидеров использовались не только как декорации для выступлений, но и как передвижной реквизит, задействованный в представлении. Также популяризировалась и новая государственная символика. Изображение герба и флага СССР могло украшать место проведения физкультурного мероприятия. Конфигурации в виде скрещенных серпа и молота или пятиконечной звезды могли быть составлены из самих физкультурников, в результате выполнения ими упражнений по принципу сокольской гимнастики.

Массовые спортивные, танцевально-гимнастические праздники устраивались по случаю важных для советского государства исторических дат. Сюжетная линия выступления выстраивалась в соответствии со значением отмечаемой даты и содержанием исторического события. К примеру Всесоюзный парад физкультурников проходивший в Москве 12 июля 1937 г. был приурочен к 20 годовщине Октябрьской революции. Выступление учащихся минского техникума физической культуры на этом параде было посвящено гражданской войне и называлось «Граница на замке».

День физкультурника в Москве в 1937 г. запечатлен на кинолентку и смонтирован в своеобразный документальный фильм «Сталинское племя». Начинается действие ранним утром. Горожане, проснувшись, переодеваются в спортивную одежду и прямо из собственных квартир направляются на Красную площадь. На самой площади к параду присоединяются молодые люди в спортивной одежде, выходящие из общественного транспорта, спускающиеся по лестницам из парков. Все без исключения молодые, стройные, атлетического телосложения, радостно улыбающиеся друг другу люди должны были убеждать зрителя киноленты, что только социалистический строй способен обеспечить равные для всех условия для образования и развития. Далее демонстрировались выступления различных коллективов физической культуры со всего Советского Союза, а также приветствия с трибун от членов Совета народных комиссаров СССР. Подобная сюжетная линия должна была создавать ощущение, что в советском государстве физическая культура как способ физического самосовершенствования доступна всем. Каждый советский человек способен продемонстрировать хорошую физическую форму и крепкое здоровье.

Физическая культура и спорт должны были органично влиться в быт и досуг советского человека, не зависимо от его социального положения и места проживания. Причем участие в соревновательной деятельности должно было стать вторичным для массового спорта. На первый план должны были выйти цели коллективных совместных занятий для формирования военно-прикладных навыков, укрепления здоровья и подготовки к трудовой деятельности.

Публичные физкультурные мероприятия должны были иллюстрировать цели государственной политики в сфере физической культуры и спорта, демонстрировать ориентиры для саморазвития граждан, поощрять их вступать в коллективы физической культуры, совершенствовать свои физические навыки для лучшего выполнения трудовых и оборонительных задач, не стесняться собственного тела и первоначальных не всегда высоких спортивных показателей.

Список использованных источников

1. *Асеев, Н.* Спартакиада (Международный марш рабочих физкультурников) / Н. Асеев // Спартакиада. Бюллетень Организационного Комитета Спартакиады при ЦИК СССР. – 1928. – № 3. – С. 3–5.
2. Ближе к красному спортинтеру! // Чырвоная змена. – 1925. – 9 кастр. – С. 3.
3. *Лукашевич.* Высший Совет физической культуры при СНК Белоруссии/ / Лукашевич // Бюллетень высшего совета физической культуры. – Минск, 1925. – № 1–2. – С. 6–9.
4. *Жаворонков.* Пляска и танец на Спартакиаде / Жаворонков // Спартакиада. Бюллетень Организационного Комитета Спартакиады при ЦИК СССР. – 1928. – № 3. – С. 7–8.
5. *Охлопков, Н.* Счастливый день / Н. Охлопков // Известия. – 1938. – 26 июля. – С. 3.
6. Резолюция по докладу спортинтерна // Чырвоная змена. – 1925. – 22 ліст. – С. 3.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

И. А. Сороковик

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск

I. Sorokovik

Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 340.143 (476)(470+571)

БЕЛАРУСЬ – РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

BELARUS – RUSSIA: COOPERATION IN THE FIELD OF LAW

Статья посвящена оказанию помощи исследователями Российской Федерации ученым Беларуси в подготовке юридических кадров и сотрудничеству в области юриспруденции. Тема не исследована исторической наукой.

Ключевые слова: БССР; РСФСР; Советская власть; юриспруденция; Белорусский государственный университет; ученые.

The article is devoted to the provision of assistance by researchers of the Russian Federation to scientists of Belarus in the training of legal personnel and cooperation in the field of jurisprudence. The topic has not been investigated by historical science.

Keywords: BSSR; RSFSR; Soviet power; jurisprudence; Belarusian State University; scientists.

Последовательное развитие общества и государства осуществляется, как правило, только эволюционным путем, когда накапливаемая масса проблем постепенно переходит в качество. Об этом свидетельствует и история белорусско-российских отношений в области юриспруденции в XX веке.

Как бы кто не относился к Советской власти, но только с ее приходом в Беларусь стало возможным открытие высшей школы. Юридический импульс для ее создания дал 24 февраля 1919 г. ЦИК ССРБ, который признал «открытие Государственного университета в Минске весьма желательным» и выделил один миллион рублей на первоочередные расходы. Но в реальности вмешивались то гражданская, то польско-советская войны. И только после их завершения стало возможным его практическое решение.

Организационная и научно-методическая работа по открытию университета разворачивалась и в Минске, и в Москве при Наркомпросе РСФСР. Финансовые, кадровые и научно-учебные вопросы решались в Москве. В марте 1921 г. на правах временного руководства будущего университета была создана комиссия в составе члена коллегии Наркомата просвещения РСФСР С. Г. Гринберга, профессора В. И. Пичеты и Ф. Ф. Турука. Торжественное открытие Белорусского государственного университета (БГУ) состоялось 11 июля 1921 г. [1]. Его руководство составили прибывшие из России ректор профессор В. И. Пичета, заместитель ректора по академическим делам профессор В. Н. Ивановский, заместитель ректора по административным делам профессор С. З. Коценбоген [2, с. 233].

С образованием БГУ было открыто правовое отделение на факультете общественных наук, деканом которого был назначен В. М. Игнатовский, заместителем декана С. Е. Вольфон, секретарем А. Н. Вознесенский. Занятия начались 30 октября 1921 г., преподавали 14 профессоров, 49 преподавателей, 10 ассистентов, 5 заведующих кабинетов, 3 препаратора. На отделении стали работать уголовный, гражданский, действующего законодательства РСФСР и судебной медицины кабинеты [3, с. 132].

БГУ был очень заинтересован в известных исследователях, профессорах и был вынужден идти на определенные уступки. После Первой мировой и Гражданской войн, прокатившихся и по территории современной Беларуси, в Минске наблюдалось очень сложное положение с продовольствием и жилой благоустроенной площадью, которые бы удовлетворяли потребности известных профессоров. Их сложно было пригласить на постоянную работу. В начале 1920-х гг. правительство ССРБ при содействии американской

администрации помощи (American Relief Administration – АРА) стремилось определенным образом удовлетворить потребности партийно-советской и ученой элиты республики в необходимом питании. Хуже было дело с жильем. Примером является просьба профессора Николая Николаевича Кравченко к правлению БГУ: «1) предоставить удобное и вполне удовлетворительное помещение для жительства. Для меня с семьей достаточно квартиры из трех светлых и не сырых комнат с теплой уборной при них; 2) обеспечить неприкосновенность представленной квартиры на основе документа, избавляющего от уплотнений и выселений» [4, л. 43].

Поэтому первый ректор БГУ В. И. Пичета (1878–1947) был вынужден приглашать на работу известных ученых из других регионов Советского Союза. Для подготовки белорусских научных кадров В. И. Пичета пошел на то, чтобы такие ученые приезжали в университет «вахтовым» методом. В середине 1920-х годов так работало 10 профессоров. Это такие известные юристы, как А. В. Горбунов, В. М. Дурдиневский, Н. Н. Кравченко, Б. В. Чредин, В. М. Ширяев и другие, в основном из Ярославля и Москвы [4, Лл. 154, 97]. Они соглашались работать в Минске, читая лекции три-четыре раза по нескольким неделям в год, не отказываясь от своих должностей по основному месту работы. Жили они, как правило, в минском отеле «Европа» [4, л. 84].

Профессор В. Н. Ширяев из Ярославля считал такую систему приездов «ненормальной и нежелательной». Он полагал, что «недостатки этой системы могли бы быть несколько ослаблены, если бы он приезжал в Минск один раз в триместр, но на срок более или менее продолжительный – примерно до трех недель» [4, л. 54]. Начиная с 1923 и заканчивая 1929 годом, он ежегодно по несколько раз в учебный год курсировал между Ярославлем, Москвой и Минском и наоборот. Успевал не только эффективно читать лекции по уголовному праву и истории российского права, но и готовить учебно-методические работы, активно заниматься научной деятельностью. Даже сегодня не каждый из молодых ученых сможет переносить такие интеллектуальные, физические и моральные нагрузки. Кажется, что с одной стороны, им двигало существо настоящего ученого-исследователя уголовного права, без чего он не представлял свою жизнь и был полностью отдан любимому делу. С другой стороны, В. М. Ширяев был настоящим семьянином, заботился о состоянии своей семьи в очень сложный исторический период, когда прежние устои и традиции рухнули, а новые только складывались, когда страна переживала сложное социально-экономическое положение и даже известные ученые вынуждены были заниматься вопросами своей жизнедеятельности. Забота о семье и вынуждала его также совершать «вахтовый» метод.

Одними из первых на правовом отделении университета стали работать Г. С. Гурвич (советское государственное право), В. М. Дурденевский (го-

сударственное право буржуазных стран) [5, с. 56], М. Б. Кроль (судебная психиатрия), И. Т. Титов (судебная медицина), М. О. Гредингер (гражданское право и процесс), Б. В. Чредин (римское право). Проблемы историко-правовой науки Беларуси занимались А. В. Бурдейко, Д. И. Довгяла, В. Д. Дружниц, Т. И. Забела, К. И. Толстолес, А. М. Ясинский [6, с. 5].

Учебный процесс на правовом отделении стали осуществлять и новые преподаватели: профессор А. В. Горбунов проводил занятия по административному и рабочему праву, профессор В. Н. Ширяев – по уголовному праву и процессу, профессор Н. Н. Кравченко – по международному праву и др. [2, с. 234, 236, 237, 239].

В феврале 1925 г. состоялся первый выпуск 28 юристов, а 13 июля этого же года – 91 правоведа [3, с. 133]. Всего за первые пять лет работы БГУ подготовил 130 юристов. В этом была большая помощь и заслуга ученых-юристов из Российской Федерации. Они не только проводили занятия, готовили учебно-методические материалы, но и издавали научные труды. При БГУ действовало научное общество, в нем имелось шесть разделов, включая юридический, в котором активное участие принимали профессора М. О. Гредингер, В. Н. Ширяев, Б. В. Чредин, А. К. Ленц, ассистент Ф. И. Гаузе. До 1930 г. было издано 25 выпусков научных работ, включая труды по праву [7, с. 169]. Важно и то, что «десант» из России передавал неоценимый опыт и практику учебно-методической и научной деятельности белорусским коллегам. Благодаря этому происходил рост собственных юридических кадров высокой квалификации.

Однако такое сотрудничество продолжалось, к сожалению, недолго. С конца 1920-х гг. начались репрессии, в том числе и против ученых. Профессор Б. В. Чредин покончил жизнь самоубийством. Так поступил и белорусский ученый академик В. М. Игнатовский. Наркомат внутренних дел БССР не оставил в покое даже и такого всемирного известного ученого, как академика В. И. Пичету. Вначале он был снят с должности ректора БГУ, а затем репрессирован. Не ясна судьба В. Н. Ширяева. В Национальном архиве Беларуси имеется документ, проясняющий отношение власти к нему, под названием «Список академиков БАН, с указанием имеющих на них компрометирующих материалов». В нем, в частности, отмечается: «Гредингер Михаил Осипович – профессор БГУ по кафедре гражданского права. Старик. К активной научной работе не способен ввиду старости. Недоволен быстрым продвижением молодых научных работников. В очень близких отношениях с реакционной профессурой (Ширяев). В ведении а/с (антисоветских – прим. автора) разговоров не замечен» [8, л. 81].

В 1930 г. органы НКВД БССР сфабриковали дело «О нацдемовской контрреволюции и антисоветской организации “Союз освобождения Беларуси”». Было арестовано 108 представителей белорусской интеллигенции. Среди репрессированных находились и известные белорусские правоведа:

Н. М. Гутковский, В. Д. Дружчиц, Г. Е. Поречин. Это и явилось главным основанием сворачивания исследований по правовой и государственной тематике. По заключению бюро ЦК КП(б)Б от 5 января 1938 г., в «Академии наук БССР с момента ее организации орудовали злейшие враги народа, которые поставили свою работу так, что она была подчинена выполнению их шпионско-вредительских, диверсионных заданий». В связи с этим бюро ЦК КП(б)Б «считает целесообразным Институт философии и права закрыть» [9, л. 2–3]. Отныне академические правовые исследования до 1947 г. не проводились.

После Великой Отечественной войны возобновилось сотрудничество белорусских и российских исследователей в области юриспруденции. Но это был качественно новый этап. «Вахтовый» метод уже не практиковался. Еще продолжалась война, а в столице Беларуси стал действовать Минский юридический институт (МЮИ). В соответствии с приказом Наркомата юстиции СССР от 26 августа 1944 г. ему была оказана помощь высококвалифицированными научными юридическими кадрами из Казанского, Алма-Атинского и других юридических институтов, передана их учебно-методическая литература [10, л. 1]. Благодаря прибывшим кандидатам юридических наук активизировалась научная работа, которая дала положительные результаты. В 1947 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) директор МЮИ Г. А. Поветьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое регулирование подготовки квалифицированных рабочих кадров для социалистической промышленности» [11, л. 3, 4, 27]. Она стала одной из первых в МЮИ, затем последовали и другие.

Только за три года (1950–1953) выросла прослойка своих кандидатов наук с 6 до 25 человек, а доцентов – с 9 до 15 [12, л. 4, 5, 7]. Во многом это стало возможным благодаря открытию и действию аспирантуры при институте. На 1950 г. имелось семь аспирантов: Зимянина, С. Г. Дробязко, Н. А. Кудинов, И. С. Тишкевич, П. К. Евдокимов, И. И. Мартинович, В. Ф. Чигир [11, л. 95]. Вскоре они защитили кандидатские диссертации, четверо из них – С. Г. Дробязко, И. С. Тишкевич, И. И. Мартинович, В. Ф. Чигир – со второй половины 1960-х гг. стали известными юристами не только в Беларуси, но и в СССР. Все они успешно защитили докторские диссертации.

Однако наиболее плодотворное сотрудничество юристов Беларуси и России наблюдалось благодаря тесным научным связям Отдела правовых наук АН БССР и Института государства и права Академии наук СССР (до 27 мая 1960 г. – Института права АН СССР).

Образование Отдела правовых наук АН БССР – результат напряженной научной работы сектора права Института философии и права АН БССР, который состоял из профессионального коллектива во главе с членом-корреспондентом АН БССР С. П. Моргунским. Если к концу 1957 г. в секторе

теории и истории государства и права в штате имелось всего 8 сотрудников, которые в основном вели исследования в области истории государства и права Беларуси, то с образованием Отдела правовых наук как самостоятельного научного учреждения, он имел уже 15 научных сотрудников и 10 аспирантов. В этом большая заслуга была, безусловно, С. П. Моргунского [13, с. 142].

Именно благодаря ему углубились и расширились научные творческие связи с союзным Институтом государства и права. Если на первых порах сотрудники этого Института помогали в выборе научной темы и консультировали аспирантов и научных сотрудников сектора по ней, то с 1958 г. наступил новый этап взаимоотношений. Известные в СССР исследователи государства и права союзного Института стали научными руководителями кандидатских диссертаций. К примеру, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР А. А. Пионтковский (1898–1973) – известный специалист в области уголовного права, общей теории права, философии и методологии юридической науки – был руководителем двух аспирантов, доктор юридических наук, профессор К. К. Яичков (1896–1976), известный специалист по гражданскому праву – одного; доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Л. Я. Гинцбург – известный специалист по трудовому праву – одного аспиранта отдела правовых наук АН БССР Так, А. А. Пионтковский был научным руководителем П. А. Дубовца и К. В. Кичигиной [14, л. 37, 85].

Примечательно, что и сдача по кандидатскому экзамену по специальному предмету осуществлялась в Институте права АН СССР. Об этом свидетельствует приказ № 10 от 4 марта 1959 г. Отдела о командировании аспирантов В. С. Юрченко и И. И. Потеружу. Одновременно они должны были проконсультироваться по теме кандидатской диссертации с научными руководителями. В тоже время доктор юридических наук, профессор Р. О. Халфина (1909–1998) – крупнейший специалист в области гражданского права и теории государства и права, а также известный правовед, член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович (1894–1984) входили в состав комиссии для приема экзаменов по кандидатскому минимуму по специальности гражданское право и советский уголовный процесс. Они были и научными руководителями аспирантов из Отдела правовых наук АН БССР [14, л. 10, 14].

Контакты между Отделом и Институтом права АН СССР настолько стали прочными, что Отдел откомандировал аспирантов второго года обучения И. И. Потеружу и В. С. Юрченко в Институт права для продолжения учебы в аспирантуре по специальности соответственно советский уголовный процесс и советское гражданское право [14, л. 29, 30].

Курс на подготовку собственных научных кадров через аспирантуру и при том, что научными руководителями аспирантов стали известные со-

ветские юристы в различных областях права из союзного академического Института государства и права, себя оправдывал. Многие из них стали известными исследователями республики, а В. И. Семенов, Н. В. Сторожев, В. И. Шабайлов – даже членами-корреспондентами АН БССР.

За период существования Отдела правовых наук АН БССР (1958–1965 гг.) в нем было подготовлено 32 кандидата юридических наук. Ко времени объединения его с Институтом философии АН БССР он имел 33 штатных научных сотрудника, в их числе и 22 кандидата юридических наук.

Таким образом, изложенный материал позволяет заключить, что сотрудничество Беларуси и России в области юриспруденции активно развивалось в советский период истории и создало основу для дальнейшего углубления и расширения таких отношений на современном этапе двусторонних отношений в рамках Союзного государства. Если первоначально РСФСР оказывала помощь своими научными кадрами, в основном «вахтовым» путем, то с послевоенного периода диапазон сотрудничества значительно расширился. Это и приезд ученых-юристов из России на постоянную работу в юридические научные учреждения Беларуси, особенно в Минский юридический институт, а затем в БГУ, Гродненский педагогический институт, Минскую высшую школу МВД СССР, Белорусский институт народного хозяйства. Это и научное руководство аспирантами из БССР ведущими учеными-юристами России, выделение мест для них в аспирантуре, прежде всего в Институте государства и права АН СССР. Это и участие в работе научных конференций и многие другие направления сотрудничества. Надо с благодарностью признать, что в области юриспруденции Россия оказала большую помощь Беларуси, прежде всего в подготовке научных кадров. Все это создавало благоприятные условия для сотрудничества не только на высоком государственном уровне, но, что очень важно для науки, на уровне научных учреждений Беларуси и России, о чем, к слову, свидетельствуют и контакты в области юриспруденции.

Список использованных источников

1. Савецкая Беларусь. – 1921. – 13 ліпеня.
2. *Каценбоген, С. З.* Белорусский государственный университет / С. З. Каценбоген // Працы беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. – Менск: Выд. Праўлення БДУ, 1923. – № 4–5. – С. 230–281.
3. *Максимова, Л. П.* Alma mater юристов Беларуси: История и современность юридического факультета Белорусского государственного университета / Л. П. Максимова. – Минск: Право и экономика, 2001. – 171 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 205. Оп. 1. Д. 1145.
5. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – М.: Наука, 1976. – 238 с.

6. Доўнар, Т. І. Зараджэнне айчынай гісторыка-прававой навукі і яе развіццё ў Беларускім дзяржаўным універсітэце / Т. І. Доўнар // Веснік БДУ. Серыя 3. Права. – 2010. – № 3. – С. 3–9.

7. Справаздача аб дзейнасці Навуковага таварыства БДУ за 1925–1926 акадэмічны год // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску. – Менск: Выд. Праўлення БДУ, 1927. – № 14–15. – С. 169–172.

8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 5109.

9. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 3. Д. 475.

10. НАРБ. – Ф. 1110. Оп. 1. Д. 5.

11. НАРБ. – Ф. 1110. Оп. 1. Д. 28.

12. НАРБ. – Ф. 1110. Оп. 1. Д. 160.

13. Маргунский, С. П. Отдел права Института философии и права Академии наук Белорусской ССР / С. П. Маргунский // Советское государство и право. – 1975. – № 8. – С. 142.

14. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.

(Дата подачи: 20.02.2022 г.)

К. В. Стволыгин

Белорусский государственный университет, Минск

K. Stvolysin

Belarusian State University, Minsk

УДК 355.212.3(470)

МОДЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI В.

MODELS OF ALTERNATIVE SERVICE OF THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

В статье освещаются основные результаты сравнительного анализа основных моделей альтернативной службы конца XIX – начала XXI в. В качестве основных исследуются религиозная, европейская и азиатская модели альтернативной службы. Основными критериями проведенного исследования стали основания для замены военной службы альтернативной службой, места и продолжительность ее прохождения.

Ключевые слова: модели альтернативной службы; военная служба; пацифистские убеждения; права граждан.

The article highlights the main results of a comparative analysis of the main models of alternative service in the late XIX - early XXI centuries. Religious, European and Asian models of alternative service are studied as the main ones. The main criteria of the study were the grounds for replacing military service with alternative service, the place and duration of its passage.

Keywords: alternative service models; military service; pacifist beliefs; citizens' rights.

Право граждан на отказ по убеждениям от военной службы начиная с 80-х годов XX века становится предметом активного обсуждения на различных международных форумах и в итоге закрепляется как международный стандарт в области прав человека. Следуя этому стандарту, практически все европейские страны, а также многие государства, образовавшиеся после распада СССР, к началу XXI века закрепили законодательно право граждан на отказ по убеждениям от военной службы. Данное право в странах, где комплектование вооруженных сил осуществляется на основе обязательной воинской повинности, предполагает замену обязательной военной службы службой альтернативной, совместимой по своему содержанию с убеждениями лица, отказывающегося проходить военную службу. Практическая реализация права граждан на отказ по убеждениям от военной службы привела к появлению в различных странах ряда существенно различающихся моделей альтернативной службы. К примеру, в ряде стран право на альтернативную службу можно реализовать только при наличии исключительно религиозных пацифистских убеждений, а в некоторых странах на альтернативную службу можно попасть не только вследствие соответствующих убеждений, а и в силу социального статуса призывника.

Наличие различных моделей альтернативной службы неизбежно приводит к вопросу о наиболее оптимальной из этих моделей. Ответ на этот вопрос следует искать не только в современности, но и во всей истории освобождения от военной службы по убеждениям. Так, в России такое освобождение и сопутствующая ему альтернативная служба были узаконены почти полтора века назад.

Проблематика альтернативной службы, пацифистских убеждений и отказов вследствие них от военной службы в целом нашла свое отражение с позиций различных наук, в том числе и истории. Наиболее показательны в этом плане труды канадского историка П. Брока, отражающие результаты его многолетних исследований пацифизма [1–3]. С конца 80-х гг. XX в. появляются русскоязычные публикации, имеющие основной целью освещение правового аспекта проблем альтернативной службы [4–10]. Историческая составляющая этих проблем представлена прежде всего в таких работах, как монография Р. М. Илюхиной «Российский пацифизм вчера и сегодня» [11], статья в сборниках «Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России» [12] и «Пацифизм в истории. Идеи и движения мира» [13], созданных международными коллективами исследователей. Особо следует выделить статьи О. В. Ерохиной «Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в российской империи до 1914 года» [14] и А. С. Жаровой «Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии (конец XIX – начало XX века)» [15] как наиболее близкие к теме данной статьи. Вместе с тем анализ ре-

зультатов исследований по проблемам альтернативной службы, представленных в отечественных и иностранных источниках научной информации, свидетельствует о том, что целенаправленный сравнительный анализ различных моделей альтернативной службы не нашел в этих и других источниках должного отражения.

Перечисленные выше обстоятельства определили цель данной статьи – сравнительный анализ основных моделей альтернативной службы конца XIX – начала XXI в.

К числу основных моделей альтернативной службы отнесем:

♦ модель, которой можно присвоить наименование «религиозная модель альтернативной службы»;

♦ европейская модель альтернативной службы;

♦ азиатская модель альтернативной службы.

Перечисленные выше модели имеют разную продолжительность в истории освобождения граждан от военной службы, но все эти модели не утратили своей актуальности в настоящее время. Вместе с тем в статье основное внимание уделено анализу именно религиозной модели альтернативной службы в силу следующих обстоятельств. Религиозная модель альтернативной службы, реализуемая подчас неофициально, имеет самую продолжительную историю, поскольку отказы от военной службы по убеждениям существуют столько же сколько и сама военная служба, а эти убеждения чаще всего диктовались именно пацифистскими религиозными воззрениями. С конца XIX в. вплоть до конца XX в. именно религиозная модель альтернативной службы использовалась в большинстве стран, где такая служба существовала. Данная модель используется в ряде стран (в том числе в Республике Беларусь и в Украине) и в настоящее время.

В качестве основных критериев анализа моделей альтернативной службы могут быть выделены следующие:

♦ исторический период функционирования анализируемых моделей;

♦ основания для замены военной службы альтернативной службой;

♦ места прохождения альтернативной службы;

♦ продолжительность альтернативной службы;

♦ организация альтернативной службы.

Характерной особенностью религиозной модели альтернативной службы, проявившейся в первые годы ее существования, является то, что право на ее прохождение закреплялось только за представителями определенных религиозных организаций, т. е. выборочно. Так, в Российской империи институт обязательной (в современном понимании – альтернативной) службы меннонитов, соответствующий описанной выше модели и ее особенности, функционировал с 1875 г. и до 1917 г. В качестве основания для замены воинской повинности альтернативной службой в Российской империи выступали исключительно религиозные убеждения меннонитов. В Советском

государстве институт альтернативной службы был создан в 1919 г. От воинской повинности освобождались граждане только по религиозным убеждениям, но при этом изначально не было каких-либо ограничений относительно принадлежности призывника к той или иной религиозной организации. В дальнейшем такие ограничения стали вводиться с целью свертывания альтернативной службы. Подобная практика была продиктована господствующей в то время идеологией, несовместимой с религиозными убеждениями, а тем более с пацифистскими. В итоге в 1939 г. институт альтернативной службы в СССР был упразднен [16, с. 183–184].

Религиозные модели альтернативной службы, имевшие место в Российской империи и в Советском государстве, отличались также по еще одному, крайне значимому основанию. В Российской империи основанием для направления на альтернативную службу выступала непосредственно принадлежность призывника к одной из общин меннонитов. В Советском государстве одной принадлежностью гражданина к той или иной конфессии, исповедующей религиозный пацифизм, было недостаточно. Окончательное решение о замене воинской повинности альтернативной службой принималось народным судом и базировалось на результатах экспертизы религиозных убеждений призывника. Применительно к современным реалиям в Российской империи направление на альтернативную службу базировалось на уведомительном (заявительном) принципе, а в Советском государстве – на доказательном. При применении уведомительного принципа в подавляющем большинстве случаев для направления на альтернативную службу достаточно заявления призывника о наличии у него убеждений, противоречащих военной службе, какие-либо экзамены (тесты) на предмет проверки истинности убеждений не проводятся. Доказательный принцип предполагает предоставление призывником веских доказательств (подлежащих всесторонней проверке и признанных в судебном порядке убедительными) наличия у него убеждений, несовместимых с прохождением военной службы.

Места прохождения обязательной (альтернативной) службы меннонитами в Российской империи менялись. В результате чего эти места очень быстро перестали иметь какое-либо отношение к военному ведомству. Начиная с 1907 г. основным местом прохождения альтернативной службы меннонитами определяются лесные команды, занимающиеся посадкой деревьев, расчисткой лесов, борьбой с лесными вредителями и т. п. [17, с. 193–199]. Таким образом, уже к началу XX в. обязательная (альтернативная) служба меннонитов в России обретает исключительно гражданский характер, вполне соответствующий требованиям нашего времени.

В Советском государстве местом прохождения альтернативной службы изначально были преимущественно заразные госпитали. В последующем, в соответствии с законами об обязательной военной службе 1925 г.

и 1930 г., граждане, освобожденные от военной службы по религиозным убеждениям, привлекались к общепользным работам на лесозаготовки, сплав, торфоразработки, по борьбе с эпидемиями, лесными пожарами и другими стихийными бедствиями и т. п.

Продолжительность обязательной (альтернативной) службы меннонитов в Российской империи была равна сроку военной службы (в конце XIX в. 6 лет – на действительной службе и 9 лет – в запасе). В Советском государстве продолжительность альтернативной службы также была равной сроку прохождения их сверстниками непрерывной (срочной) военной службы (от 2 до 4 лет в зависимости от рода войск).

В Российской империи ведомство Главного управления землеустройства и земледелия утверждало правила, определяющие внутреннее устройство и систему управления лесными командами, где проходили службу меннониты, порядок их увольнения со службы или в отпуск, призыва из запаса, перевода меннонитов из одной команды в другую, учета их во время нахождения в запасе. Эти правила согласовывались с министром внутренних дел, поскольку учет обязанных рабочих во время нахождения их в запасе, а также исполнение распоряжений о призыве этих рабочих из запаса на службу возлагался на чинов полиции. В СССР организация альтернативной службы возлагалась на народные комиссариаты внутренних дел союзных республик и их местные органы, в распоряжение которых эти граждане поступали, в порядке, установленном народными комиссариатами внутренних дел союзных республик по соглашению с народными комиссариатами труда, земледелия, здравоохранения и другими заинтересованными народными комиссариатами союзных республик.

Религиозные модели альтернативной службы XXI в. по основанию для направления на эту службу близки к религиозной модели, имевшей место в Советском государстве. Таким основанием являются исключительно пацифистские религиозные убеждения, которые недостаточно просто заявить, а надо доказать. Места прохождения альтернативной службы и ее организация принципиально не изменились – ее проходят преимущественно вне вооруженных сил, а за ее организацию, как правило, отвечают гражданские ведомства. Значимым различием современной религиозной модели альтернативной службы стала ее большая продолжительность относительно службы военной. Так, в Республике Беларусь на альтернативную службу направляются граждане, лично заявившие о том, что военная служба противоречит их религиозным убеждениям. Решение о замене воинской службы на альтернативную службу принимает призывная комиссия, основываясь не только на соответствующем заявлении призывника, но и на документах и информации, полученной призывной комиссией самостоятельно. Граждане Республики Беларусь проходят альтернативную службу в гражданских

организациях (здравоохранения, социальной сферы, жилищно-коммунального, сельского и лесного хозяйства и т. п.). При этом продолжительность альтернативной службы в Беларуси в два раза превышает продолжительность воинской службы по призыву. В Украине имеют место некоторые отличия в организации альтернативной службы относительно Беларуси. К числу значимых отнесем следующие: решение о направлении призывника на альтернативную службу принимает не призывная комиссия, а специальная комиссия местной госадминистрации; продолжительность альтернативной службы превышает продолжительность воинской службы по призыву не в два, а только в полтора раза.

Европейская модель альтернативной службы вероятнее всего получила такое название в связи с тем обстоятельством, что в XXI веке в большинстве европейских стран используется именно эта модель альтернативной службы. Ее характерное отличие от религиозных моделей альтернативной службы состоит в том, что основанием для замены военной службы на альтернативную выступает широкий спектр пацифистских убеждений призывников (моральных, этических, политических, религиозных). В Германии – стране, в которой институт альтернативной службы может выступать как эталон (первые «сознательные отказники» приступили к прохождению альтернативной службы в 1961 г.), в качестве основания для прохождения гражданской альтернативной службы выступали соображения совести. В России в качестве такого основания служат убеждения или вероисповедание, противоречащие несению военной службы, в Республике Молдова – религиозные, пацифистские, этические, моральные, гуманитарные убеждения и другие подобные причины.

Еще одно принципиальное отличие европейской модели альтернативной службы от религиозной модели – преобладание в большинстве стран, где данная европейская модель используется, так называемого уведомительного принципа при рассмотрении заявления призывника о его желании проходить альтернативную службу. По своему содержанию данный принцип полностью соответствует своему названию, т. е. приоритет отдается, как уже отмечалось ранее, не доказательствам о наличии у призывника убеждений, несовместимых с прохождением военной службы, а самому уведомлению в виде заявления призывника о том, что у него такие убеждения есть. Отметим, что в ряде стран, где в настоящее время за основу направления на альтернативную службу принят уведомительный принцип, ранее приоритетным был доказательный принцип. Смена приоритетов во многом обуславливается проблематичностью экспертизы убеждений в целом и пацифистских в частности [18].

Основное отличие азиатской модели альтернативной службы состоит в том, что право на освобождение от военной службы и направление на альтернативную службу предоставляется призывникам не столько по

убеждениям, сколько по различным социальным критериям. Характерно, что именно азиатская модель легла в основу Модельного закона СНГ «Об альтернативной (вневоинской) службе» (постановление № 14-11 от 16 октября 1999 г.). Модельный закон имел своей целью ориентировать страны СНГ на согласованную законодательную деятельность в вопросах альтернативной гражданской службы и носил рекомендательный характер. Из 11 оснований модельного закона, дающих право на прохождение альтернативной (вневоинской) службы (ст. 2), только одно связано с убеждениями гражданина. Еще одна специфическая особенность, которая может иметь место при организации альтернативной службы в рамках азиатской модели: в Кыргызской Республике граждане за прохождение альтернативной службы вносят денежный взнос государству. Причем взнос за направление на альтернативную службу по религиозным убеждениям более чем на треть больше взноса при направлении на эту службу по семейным обстоятельствам.

Анализ представленных выше моделей альтернативной службы, исторического контекста их применения свидетельствует о том, что выбор тем или иным государством конкретной модели альтернативной службы зависит не только от его стремлений максимально соответствовать международным стандартам в области прав человека, но и от особенностей военной доктрины, в частности от системы комплектования вооруженных сил, патриотизма и менталитета населения.

Сравнительный анализ основных моделей альтернативной службы конца XIX – начала XXI в. позволяет сделать следующие выводы:

♦ начиная с конца XIX в. и до настоящего времени в разных странах и в разные исторические периоды имели и имеют место три основные модели альтернативной службы: религиозная, европейская и азиатская;

♦ основные различия моделей связаны с основаниями для замены военной службы альтернативной службой, местами и продолжительностью ее прохождения;

♦ выбор той или иной модели альтернативной службы обуславливается не только демократическими процессами в странах, где эти модели применяются, но и особенностями подготовки стран и их военной организации к защите национальных интересов с применением военной силы.

Список использованных источников

1. Brock, P. Freedom from Violence Sectarian Pacifism from the Middle Ages to the Great War / P. Brock. – Toronto: University of Toronto Press. 1991. – 385 p.
2. Brock, P. Freedom from war: Nonsectarian Pacifism 1814–1914 / P. Brock. – Toronto: University of Toronto Press. 1991. – 436 p.
3. Brock, P. Pacifism in the twentieth century / P. Brock and N. Young. – Toronto: distributed by Syracuse University Press. 1999. – 436 p.

4. *Пчелинцев, А. В.* Сквозь призму совести / А. В. Пчелинцев // Человек и закон. – 1992. – № 4–5. – С. 36–40.
5. *Пронозин, А.* Альтернативная служба / А. Пронозин // Новое время. – 1991. – № 10. – С. 32–35.
6. *Тимофеев, М.* По религиозным или иным соображениям (об альтернативной службе) / М. Тимофеев // Мор. сб. – 1990. – № 10. – С. 6–8.
7. *Шилов, А.* Альтернативная служба: история и современность / А. Шилов // Информ.-метод. сб. Центра военных соц., психол. и правовых исслед. Вооруженных сил. – 1992. – № 2. – С. 37–38.
8. *Маранов, Р. В.* Альтернативная гражданская служба. Практическое пособие / Р. В. Маранов. – Пермь, 1998. – 111 с.
9. *Левинсон, Л. С.* Альтернатива призыву: тем, кто делает выбор / Л. С. Левинсон. – М.: За демократ. альтернатив. граждан. службу, 2006. – 224 с.
10. *Калинин, А. А.* Альтернативная гражданская служба: прошлое, настоящее, будущее / А. А. Калинин, Р. В. Маранов, Е. А. Захаров. – М.: Грааль, 2000. – 272 с.
11. *Илюхина, Р. М.* Российский пацифизм вчера и сегодня / Р. М. Илюхина. – М.: ИВИ, 1992. – 100 с.
12. Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России [Электронный ресурс]. – М.: ИВИ РАН, 1997 // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/library/05_d/ol/giy_0.htm. – Дата доступа: 26.09.2010.
13. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира [Электронный ресурс] / Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/16_p/paz/ifizm_01.htm. – Дата доступа: 26.09.2010.
14. *Ерохина, О. В.* Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в российской империи до 1914 года / О. В. Ерохина // Вестник ВолГУ. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 68–78. – (Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения).
15. *Жарова, А. С.* Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии (конец XIX – начало XX века) / А. С. Жарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38(176). История. – Вып. 37. – С. 114–117.
16. *Стволыгин, К. В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Стволыгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.
17. *Стволыгин, К. В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи: монография / К. В. Стволыгин. – Минск: РИВШ, 2010. – 248 с.
18. *Стволыгин, К. В.* Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников [Электронный ресурс] / К. В. Стволыгин // Психология и право. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>. – Дата доступа: 11.11.2012.

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

Е. С. Стройлова

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. Stroilava

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 940:37

АНАЛИЗ КНИГ ПО ИСТОРИИ, ИЗДАННЫХ В ТИПОГРАФИЯХ ВИЛЕНСКОЙ И КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИЙ В XVII–XVIII ВВ.

ANALYSIS OF BOOKS ON HISTORY PUBLISHED IN THE PRINTING HOUSES OF THE VILNA AND KIEV-MOHYLA ACADEMIES IN THE XVII–XVIII CENTURIES

Цель статьи – осуществить анализ книг по истории, изданных в типографиях Виленской и Киево-Могилянской академий в XVII–XVIII вв. Исследование проведено на основе каталогов современных библиотек Беларуси, России, Украины и Литвы и музеев Беларуси и России. Актуальность работы обусловлена отсутствием в научной среде материалов о заявленных собраниях литературы.

Ключевые слова: Виленская академия; Киево-Могилянская академия; Речь Посполитая; книгопечатание; типография; история.

The purpose of the article is to analyze the books on history published in the printing houses of the Vilna and Kiev-Mohyla academies in the 17th-18th centuries. The study was carried out on the basis of catalogs of modern libraries in Belarus, Russia, Ukraine and Lithuania and museums in Belarus and Russia; scientific monographs and articles. The relevance of the work is due to the lack of materials in the scientific community about the declared collections of literature.

Keywords: Vilna Academy; Kiev-Mohyla Academy; Rzeczpospolita; printing house; typography; history.

Период XVII–XVIII вв. является временем становления полноценных высших учебных заведений в восточноевропейском регионе, формирования истории как отрасли науки, возникновения отдельных исторических произведений.

Нами была поставлена задача изучить книги по истории, изданные на восточнославянских землях Речи Посполитой (к ним относим Вильно как важный культурный центр со значительным количеством населения и Киев, который во второй половине XVII в. перешел от Польского королевства к Российскому государству). Для сравнения будем использовать издания типографий Виленской и Киево-Могилянской академий, так как данные учебные заведения олицетворяли два конфессиональных «полюса» на восточнославянских землях Речи Посполитой: католичество и православие. Так, современный исследователь П. А. Демидов говорит: «Тема унии за-

нимала видное место в работе типографии (Виленской академии. – Е. С.)» [1, с. 60]. Киево-Могилянская академия от начала своего существования была оплотом православия и еще более упрочила свое положение в этом качестве при российской императрице Екатерине II. Типография Киево-Печерской Лавры (1615 г.), удовлетворявшая нужды киевской Академии, была православной. Православный характер изданий типографии Киево-Могилянской академии (1787 г.) четко прописан в указе Екатерины II от 1787 г.: «при Академии завезть [...] типографию [...], наблюдая, чтоб тут не были издаваемы книги, противные православной вере» [2, с. 3].

Данная статья подготовлена на основе каталогов современных библиотек Беларуси [3; 4; 5], России [6; 7], Украины [8], Литвы [9] и музеев Беларуси [10; 11] и России [12; 13]. В результате исследования было выявлено 387 единиц литературы, из них 348 – из Виленской академии, 39 – из Киево-Могилянской академии. Основная таблица с изданиями будет опубликована нами отдельно. В данной статье приводится авторская классификация книжных собраний по истории, изданных в типографиях Виленской и Киево-Могилянской академий в XVII–XVIII вв. Нами было выявлено пять основных блоков книг по истории: литература по светской истории; книги по церковной истории; сочинения, несущие историческую информацию; биографические сочинения; литературные произведения, несущие историческую информацию. Данная классификация определяет структуру представленной статьи.

1. Литература по светской истории

В отличие от Виленской академии, *обобщающие сочинения по всеобщей истории*, изданные в типографиях Киево-Могилянской академии, в результате исследования не были обнаружены. Виленская академия располагала малочисленными сочинениями данного рода. Они издавались на протяжении XVIII в. и фрагментарно давали информацию об аспектах истории стран Западной и Восточной Европы. В начале XVIII в. это были сочинения об истории Польского королевства и Великого княжества Литовского в общем контексте истории Восточной Европы, например, научная работа иезуита и историка Адама-Игнатия Нарамовского «*Facies rerum sarmaticarum in facie Regni Poloniae, Magnique Ducatus Litvaniae gestarum: duobus libris succincte expressa*» (1724–1726 гг.). В конце XVIII в. количество изданий по всеобщей истории возрастает.

Книги по истории отдельных стран отражали специфику политического и территориального положения Виленской и Киево-Могилянской академий. В Виленской академии издавались книги по истории Польского королевства, Великого княжества Литовского, Курляндии, иных стран и земель региона. В качестве примера назовем работу архиепископа львовского Вла-

дислава Любенского «*Historia polska z opisaniem rządu i urzędów polskich*» (1763 г.). В Киево-Могилянской академии сочинений по истории отдельных стран до включения украинских земель в состав Российского государства не было. Единичные труды затрагивали историю Руси или отдельных регионов, например, произведение римско-католического епископа и историка Адама Станислава Нарушевича «*Таврикия или Известия древнейшая и новейшая о состоянии Крыма, и его жителях до наших времен*» (1788 г.).

Сочинений, посвященных конкретным историческим событиям, в Виленской академии было значительное количество. В XVII в. в основном печаталась литература об определенных событиях из государственной деятельности правителей Речи Посполитой, реже – местных католических епископов, военных и государственных деятелей Великого княжества Литовского. Например, анонимное издание о битве под Парканами в 1683 г. «*Vienna Austriae caput... Leopoldi, Romanorum imperatoris sedes, dextera... Joannis III, Poloniarum regis, ab obsidione Othomanica vindicate, sub auspiciis... Leonis Połubiński, palatinidae Novogrodensis...*» (1684 г.). Книг конца XVII в. было меньше, но среди них были редкие издания, посвященные конкретным событиям из истории зарубежных стран. Книг данного рода, изданных в типографиях Киево-Могилянской академии, обнаружено не было.

Родословий, комментированных гербовников, титулярников в Киево-Могилянской академии не выявлено, а в Виленской академии их было мало. Первой половиной XVII в. датируются общие по своему характеру титулярник с обновленными титулами и гербовник с родословными. Во второй половине XVII в. появляются частные родословные, главным образом Радзивиллов. Печатаются гербовники литовской знати. В XVIII в. издаются родословия знати Великого княжества Литовского. Например, научное издание иезуита и историка Казимира Когновицкого «*Zycia Sapiehow u listy od monarchow, książąt, u różnych panujących do tychże pisane*» (1790–1792 гг.).

В *сочинениях историсофского характера* Виленской и Киево-Могилянской академий ставились разные акценты: светское, политико-ориентированное содержание изданий Виленской типографии и религиозно-этическое направление изданий типографий Киево-Могилянской академии. В библиотеке Виленской академии находились немногочисленные историсофские размышления второй половины XVII в.; книг конца XVIII в. было меньше. Приведем в пример издание правоведа и экономиста Иеронима Стройновского «*Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki polityczney, i prawa narodów*» (1785 г., 1791 г.). Самое малое количество историсофских размышлений первой половины XVII в. принадлежало библиотеке Киево-Могилянской академии. Например, книга диакона Агапита «*Царю Юстиниану... главизны поучительны*» (1628 г.).

2. Книги по церковной истории

Книг по *библейской истории* типография Виленской академии издавала очень мало (например: «Droga krzyzowa cierpiącego Jezusa zbawiciela naszego z domu Piłatowego do góry Kalwaryi prowadząca», 1778 г.), в отличие от Киево-Могилянской академии, которая уделяла больше внимания библейской истории: начиная с сотворения мира и заканчивая деяниями двенадцати апостолов. В качестве примера назовем издание епископа Русской Православной церкви Вениамина (Румовского-Краснопевкова) «Священная история краткими вопросами и ответами сочиненная» (1791 г.). Все книги православной академии, кроме одного издания конца XVII в., датируются XVIII в.

Литература *по истории Церкви* в Виленской и Киево-Могилянской академиях освещала церковную историю соответствующих конфессий. В Виленской типографии в XVII–XVIII вв. книг по истории Церкви печаталось много. Но в XVIII в. их издание значительно сократилось. В библиотечных фондах академии находилась разнообразная литература описательного характера, датированная XVII в., о положении Церкви (главным образом, Католической) в Речи Посполитой, деятельности синодов Виленской и Жемайтской епархий; законах католических орденов Речи Посполитой. О Православной церкви говорилось мало; чувствовалось, что она не была основной религией в государстве. В XVIII в. тематика книг не меняется, но появляются исторические работы более общего характера про греческую и церковную историю. Католическая церковь начинает восприниматься как господствующая в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском, с католической позиции критикуется Православная церковь. В качестве примера приведем книгу епископа-суффрагана виленского Ежи Казимира Анцуты «Ius plenum religionis catholicae in Regno Poloniae et M.D. Lithuaniae iuri praetenseo dissidentium in supplici libello et supplemento privilegiorum ac constitutionum [...] praesentato Grodnae anno 1718 oppositum» (1719 г.). В Киево-Могилянской академии во второй половине XVII в. издаются труды по истории Православной церкви на украинских землях. Например, издание историка Феодосия Софоновича «Выклад о церкви святой и о церковных речах...» (1667 г.). После третьего раздела Речи Посполитой в конце XVIII в. появляются издания, затрагивающие аспекты церковной истории в Российском государстве.

Жития святых, изданные в Виленской и Киево-Могилянской академиях, отражали ту конфессию, которой придерживалось учебное заведение. Особое внимание издания Виленской академии уделяли житиям местных польских католических святых. Рассматривались жития иностранных католических, а также святых неразделенной Церкви первых веков христианства. В XVIII в. житий стало меньше. На первую половину XVIII в. приходится издание общих житий. Например, работа деятеля контрреформации

в Речи Посполитой Петра Скарги «Żywoty świętych starego u nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok» (1747–1748 гг., 1780 г.). Все жития святых Киево-Могилянской академии посвящены православным святым. Например, анонимное издание «Житие и похвала преподобного отца нашего Иоаникия Великаго» (1672–1677 гг.). Печать житийной литературы здесь постоянно прерывалась, иногда на продолжительное время. Большинство книг датируются второй половиной XVII в. Мало было изданий первой половины XVII в. и конца XVIII в.

Полемические издания Виленской и Киево-Могилянской академий издавались во время активной церковной полемики на восточнославянских землях Речи Посполитой. В полемических изданиях Виленской академии отражена активная полемика между католиками, униатами и православными, где православные осуждаются. Например, полемическое издание митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Антония (Селява) «Gemina sagitta. Sagitta salutis dii, et sagitta salutis dni contra schismaticos, ab ... archiepiscopo Polocensi metropolita Kioviensi..... sub ingressum in sedem cathedralem... Daniele Korsak, equite Lith.» (1642 г.). *Проповеди* посвящались военным победам Речи Посполитой. Полемические сочинения и проповеди Виленской академии издавались относительно равномерно на протяжении всего исследуемого периода, с начала XVIII в. преобладали проповеди на светские политические темы. В Киево-Могилянской академии полемических сочинений было мало, и они отражали интересы Православной церкви. Например, труд митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Петра Могилы «Lithos abo kamien z prosu prawdy cerkwie świętey prawosławney ruskiey...» (1644 г.).

История расколов в Киево-Могилянской академии раскрыта слабо. Библиотека академии располагала малым количеством изданий XVIII в. о раскольниках, например, труд митрополита Ростовского и Ярославского Дмитрия Ростовского (Туптало) «Розыск о расколической брынской вере, о учении их, о делах их...» (1748 г., 1776 г.). Книг из типографии Виленской академии по истории расколов не выявлено.

3. Сочинения, несущие историческую информацию

По количественным и качественным показателям *политические трактаты и проекты* в библиотеке Виленской академии находились в абсолютном большинстве по сравнению с библиотечными фондами Киево-Могилянской академии. В XVII в. в Виленской типографии печатались законодательные издания и войсковые артикулы, политические проекты о религиозном устройстве Речи Посполитой. К ним мы относим работу литовского юриста Станислава Пашкевича «Assertiones canonico legales, de iudiciis, et processu in causis civilibus, et criminalibus, sub auspiciis ... domini, Constantini Casimiri Brzostowski, episcopi Vlnensis» (1699 г.). Встречались опубликованные политические выступления. Тематика книг Виленской академии, датированных XVIII в., не изменилась, но даже расширилась:

обнаружены официальные документы и политические трактаты по поводу военных сражений внутри Речи Посполитой и критического отношения к «шляхетским вольностям». Сразу после третьего раздела Речи Посполитой и включения Вильно в состав Российского государства (1795 г.) в академической типографии начинают издаваться политические проекты о юридических нормах жизнедеятельности в России, например, «Городовое положение» (1796 г.). Политических трактатов и проектов, датированных XVII в. больше, чем изданных в XVIII в. В библиотеке Киево-Могилянской академии политических трактатов и проектов было мало, и касались они прежде всего казачества. Например, «Постановлене от его Царского Величества з Войском Запорозким року 1659» (1660 г.). Издания датированы второй половиной XVIII в.

Историко-географических сочинений и описаний путешествий, издававшихся в типографиях Киево-Могилянской академии, не выявлено. В Виленской академической типографии их выпускалось мало. Описания путешествий выходцев из Великого княжества Литовского редки и датированы концом XVII в. Историко-географические сочинения развивались быстро. В первой половине XVIII в. издано краткое изложение географии в стихах, освещающее различные временные периоды. Вторая половина XVIII в. – время издания учебника по истории и географии Великого княжества Литовского. В конце XVIII в. появляется сокращенное пособие по географии историка Николаса Ленгре Дюфренуа «Geografia krotka na lekcyje podzielona dla nauki młodzi» (1793 г.).

Историко-статистические сочинения Виленской и Киево-Могилянской академий имеют религиозный характер, но ставят разные акценты: на историю Речи Посполитой и историю Российского государства. Книги Виленской академии датируются XVIII в., кроме каталога отлучений от церкви (первая половина XVII в.). В первой половине XVIII в. изданы различные календари («Kalendarz jezuiicki większy na rok przestępny», 1740 г.), содержащие информацию о значимых датах, католических персонах, светских деятелях Великого княжества Литовского и пр. Больше всего каталогов членства и обязанностей ордена иезуитов и календарей с информацией религиозного и светского характера было напечатано во второй половине XVIII в. В Киево-Могилянской академии историко-статистических сочинений было меньше, чем в Виленской академии. Здесь находились таблицы с событиями из жизни российских правителей, месяцеслов с информацией о константинопольских патриархах разных эпох. Например, «Киевский месяцеслов на лето от рождества Христова 1797–1800...» (1796–1799 гг.). Все историко-статистические сочинения православной академии датировались второй половиной XVIII в.

4. Биографические сочинения

Сочинения биографического характера в XVII–XVIII вв. были в Виленской и Киево-Могилянской академиях одной из самых распространенных форм исторической литературы. В Виленской академии в XVII в. издавались главным образом биографии правителей и политических деятелей Речи Посполитой, например, анонимное издание «*Theatrum gloriae potentissimo atque invictissimo Poloniae ac Sueciae regi Vladislao Quarto*» (1636 г.). Много было биографий государственных и военных деятелей Великого княжества Литовского. Отдельное внимание уделялось религиозным католическим деятелям Речи Посполитой. В XVIII в. количество изданий по данной теме сокращается. В Киево-Могилянской академии биографий военных, государственных и религиозных деятелей Речи Посполитой было не много. Например, книга «*Capitolium perennis gloriae ... ad auspicatissimum ac desideratissimum ingressum in celeberrimam urbium metropolim Kiioviam ... d. Ioanni Mazepa, duci exercituum Zaporoviensium ... erectum*» (1690 г.). Все они датированы второй половиной XVII в.

Панегирики, эпитафии, торжественные оды, юбилейные и свадебные издания составляли в библиотеках Виленской и Киево-Могилянской академий абсолютное большинство по сравнению с прочими подвидами литературы по истории. В XVII в. данные книги выходили в Виленской академической типографии практически каждый год, чего нельзя сказать о Киево-Могилянской академии. В XVIII в. выпуск книг Виленской типографии сократился, а в Киево-Могилянской академии изданий XVIII в. стало больше. В качестве примера приведем панегирик из Виленской академии епископу жемайтскому Юрию Тышкевичу «*Panegyricus illustrissimo ac reverendissimo domino d. Georgio Tyszkiewicz, magno Samogitiae praesuli ... ob translatum in Samogitiam Calvariae montem*» (1643 г.) под авторством жемайтского дворянина Николая Бардовского и анонимное издание из библиотеки Киево-Могилянской академии «*Ода на прибытие Екатерины II в Киев 1787 года генваря 29 дня, поднесенная от Академии Киевской*» (1787 г.). Панегирики (XVII – первой половины XVIII в.) Киево-Могилянской академии были адресованы, как правило, различным лицам украинского и русского происхождения, военным и государственным достижениям Российской империи; они уступали по количественным показателям панегирикам (XVII – первой половины XVIII в.) Виленской академии, адресованным правителям и иным государственным и духовным деятелям Речи Посполитой. В Виленской академии издавалось много эпитафий; в Киево-Могилянской академии обнаружены только редкие эпитафии православным духовным и светским лицам. В меньшей степени в обеих академиях представлены юбилейные и свадебные издания.

5. Литературные произведения, несущие историческую информацию

Исторических пьес, изданных в XVII в., в библиотеке Виленской академии было мало. Первой половиной XVII в. датированы несколько музыкальных пьес одного и того же года издания о Троянской войне. Во второй половине XVII в. были напечатаны более серьезные по своему содержанию пьесы по военным событиям из польской и английской истории, например, анонимное издание «Inhumana humanitas Eduardi regis Angliae, morte et sepultura fratris clara, ab' – juventute oratoria collegii ducalis Radiviliani S. I. ludis antecinerilibus in scenam data A. D. 1697 d. 16 Febr» (1697 г.). Исторических пьес, изданных в типографиях Киево-Могилянской академии, не обнаружено.

Поэм, датированных первой половиной XVII в., в Виленской академии было больше, чем пьес. Они посвящались победоносным военным сражениям Речи Посполитой с другими странами, например, поэма поэта и иезуита Лаврентия Бойера «Carolomachia : Qua felix victoria ... auspiciis ... Sigismundi III., Poloniae et Sueciae regis, Magni Lithuaniae ducis &c., per ... D. Ioan. Carolum Chodkiewiczium, comitum in Szklow et Bychow ... Octob. A.D. 1605. in Livonia sub Kyrkholmum reportata» (1606 г.). Ближе ко второй половине XVII в. появляются издания о событиях образовательной и социальной сферы деятельности Речи Посполитой. Мало было книг, посвященных членам семьи государственных деятелей Великого княжества Литовского, они изданы в первой половине XVIII в. В результате исследования поэм Киево-Могилянской академии обнаружено не было.

Опираясь на изложенную выше информацию, сделаем некоторые выводы по работе.

Виленская академия носила более светский характер – ее литература по истории также имеет более светский характер. Затрагивались события политической истории – прежде всего история Речи Посполитой. Некоторые аспекты российской истории начинают освещаться после присоединения в 1795 г. Вильно к Российскому государству). В XVIII в. (особенно к концу столетия) появляется больше литературы по истории зарубежных стран. Велика была роль полемических изданий, направленных против Православной церкви с позиций католичества. Много в типографии Виленской академии издавалось биографических сочинений.

Книжные собрания Киево-Могилянской академии носили более конфессиональный характер. В них была представлена преимущественно история украинских земель. История России начинает изучаться после присоединения Киева к Российскому государству. Наиболее цельно изложена история Православной церкви на восточнославянских землях Речи Посполитой и Российского государства. Защищались интересы православия.

Анализ изданий Виленской и Киево-Могилянской академий позволяет сделать вывод, что на протяжении XVII–XVIII вв. сформировался жанр исторической книги, представленный изданиями разных видов – книгами по светской и церковной истории, биографиями и др. Однако библиотечные фонды этих высших учебных заведений еще не были в полноте укомплектованы данной литературой. Виленская академия в данном отношении показывала лучшие результаты. Ее типографии удалось обеспечить свое учебное заведение более разнообразным, цельным и большим собранием литературы по истории, чем типографии Киево-Могилянской академии, в которой отсутствовали многие виды изданий (обобщающие сочинения по всеобщей истории; родословия, гербовники, титулярники; историко-географические сочинения и др.). В библиотеке Виленской академии, в отличие от Киево-Могилянской академии, не было только книг по истории расколов. Уже в 1741 г. в Виленской академии официально была поставлена задача изучать историю. То есть к этому времени история уже воспринималась как научная дисциплина. В Киево-Могилянской академии в рассматриваемый период этот процесс только зарождался.

Список использованных источников

1. Демидов, П. А. Книгопечатные традиции Виленской иезуитской академии / П. А. Демидов // Традиции университета: от Франциска Скорины до современности: сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 26-27 окт. 2017 г. / Белорусский государственный университет; редкол.: С. Н. Ходин (пред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 59–64.
2. Щавинская, Л. Л. Первая в Украине (Типография Киево-Могилянской академии) / Л. Л. Щавинская, Ю. А. Лабынцев. – М.: Библиотека украинской литературы, 2007. – 28 с.
3. Национальная библиотека Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nlb.by>. – Дата доступа: 01.01.2022.
4. Президентская библиотека Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://preslib.org.by/elektronnyi-katalog>. – Дата доступа: 01.01.2022.
5. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csl.bas-net.by>. – Дата доступа: 01.01.2022.
6. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rsl.ru>. – Дата доступа: 01.01.2022.
7. Российская национальная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nlr.ru>. – Дата доступа: 01.01.2022.
8. Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua>. – Дата доступа: 01.01.2022.
9. Lietuvos mokslų akademijos vrublevskių biblioteka [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mab.lt>. – Date of access: 01.01.2022.
10. Национальный исторический музей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.histmuseum.by/ru/>. – Дата доступа: 01.01.2022.

11. Национальный полоцкий историко-культурный музей-заповедник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polotsk.museum.by/be>. – Дата доступа: 04.01.2022.

12. Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgomz.ru/katalog/rukopisnyie-i-staropечатnyie-knigi>. – Дата доступа: 01.01.2022.

13. Музей-усадьба «Архангельское» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arhangel'skoe.su/the_museum/. – Дата доступа: 01.01.2022.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

Лю Сянцян

Белорусский государственный университет, Минск

Liu Xiangqian

Belarusian State University, Minsk

УДК 338.48(510:476)

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

TOURISM DIPLOMACY BETWEEN CHINA AND BELARUS IN THE FRAMEWORK OF SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Автор рассматривает взаимодействие Китая и Беларуси в туристической сфере как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках ШОС. Оно развивается в условиях отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, установленных между Пекином и Минском. Выявлено влияние визитов и встреч на высшем и высоком уровнях, охарактеризованы договорная база, инициативы и формы взаимодействия двух стран в туристической сфере, его участники на государственном и негосударственном уровнях, отмечена роль молодежи и общественных структур. Автор исходит из того, что туристическая дипломатия содействует диалогу между различными регионами и этническими группами, Китаем и Беларусью, формированию понимания между народами и терпимости к различным политическим системам, религиозным верованиям, обычаям и привычкам; она вносит весомый вклад в долгосрочное развитие двух стран.

Ключевые слова: туристическая дипломатия; Китай; Беларусь; китайско-белорусское сотрудничество; международные организации; ШОС.

The author examines the interaction between China and Belarus in the tourism sector, both bilaterally and multilaterally, within the framework of the SCO. It is especially emphasized that it develops in the context of the relationship of trusting comprehensive strategic partnership of mutual trust and win-win cooperation. The article reveals the impact of top and high-level

visits and meetings, the framework of cooperation between the tourism sectors of both countries, initiatives and forms of interaction at the state and non-state levels. The author believes that tourism diplomacy promotes dialogue between the different regions and nationalities of China and Belarus, builds understanding between people and tolerance for different political systems, religious beliefs, customs and traditions, and contributes to the long-term development of both countries.

Keywords: tourism diplomacy; China; Belarus; Chinese-Belarusian cooperation; international organizations; SCO.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является постоянно действующей межправительственной организацией, о создании которой было объявлено 15 июня 2001 года Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Киргизской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан. В качестве одной из основных целей ШОС является содействие эффективному сотрудничеству в сфере туризма [1].

Будучи одним из основателей ШОС, Китай активно осуществляет взаимовыгодное сотрудничество с другими ее государствами-членами, государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу. 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге состоялось девятое заседание Совета глав государств-членов, на котором Председатель КНР Ху Цзиньтао приветствовал Беларусь и Шри-Ланку, ставших партнерами ШОС по диалогу, а также призвал укреплять сотрудничество в области культуры и туризма [2].

1 марта 2013 г. состоялась встреча Генерального секретаря ШОС Д. Ф. Мезенцева с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в КНР В. П. Бурей, во время которой было отмечено значение отношений государств-членов ШОС с Беларусью [3]. Решение о предоставлении Республике Беларусь статуса государства-наблюдателя было принято 9–10 июля 2015 г. на заседании Совета глав государств-членов ШОС в Уфе (Россия) [4]. Главы государств поддержали дальнейшее углубление сотрудничества в области культуры, туризма и спорта в интересах укрепления отношений добрососедства, взаимного уважения и плодотворного взаимодействия на пространстве ШОС. 15 декабря 2015 г. Беларусь впервые приняла участие в заседании Совета глав правительств государств-членов организации в качестве наблюдателя [5].

Цель статьи – проследить эволюцию белорусского вектора туристической дипломатии КНР в рамках ШОС. Наибольшее значение для изучения туристической дипломатии представляют документы ШОС, а также внешнеполитических ведомств КНР и Республики Беларусь. Вторую группу источников составили информационные сообщения органов государственной власти КНР и Республики Беларусь (официальный сайт Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, официальный

сайт Президента Республики Беларусь, портал Государственного совета КНР), материалы новостных информационных агентств. Работа основана на принципе историзма, проблемно-хронологическом, системном и ценностном подходах.

Основой статьи стали труды китайских, белорусских, российских и западных историков, политологов, специалистов-международников. В русскоязычной историографии есть немало работ, в которых рассматривается важная роль Минска в ШОС и значение гуманитарного сотрудничества в рамках организации. Отметим работы Е. А. Достанко, А. В. Тихомирова, Г. В. Иванова, Ю. И. Малевич, В. Г. Когут, Н. Т. Тынаеван, Г. И. Цвык, Н. И. Козырева, К. О. Орозбаева [6–14]. Е. А. Достанко (Белорусский государственный университет) высказывает мнение, что для Беларуси членство в ЕАЭС и участие в реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» не мешают, а дополняют экономическое взаимодействие с Европейским союзом [6, с. 69]. А. В. Тихомиров (Белорусский государственный университет) считает, что ШОС создает предпосылки для расширения участия Беларуси в реализации совместных экономических и инфраструктурных проектов на евразийском пространстве [7, с. 136].

Китайские ученые обсуждают значение вступления Республики Беларусь в ШОС – это Ли Цыгуо, Линь Минван, Бай Ляньлэй [15–17]. Западный исследователь А. Магін проявляет особый интерес к деятельности Беларуси в рамках Евразийского экономического союза, ШОС и других объединений [18].

Китайские и белорусские ученые обсуждают значение, статус, роль Китая и Беларуси в ШОС. Однако китайско-белорусское сотрудничество в области туризма в рамках ШОС не изучалось и требует более глубокого научного осмысления и обсуждения.

Китай всегда поддерживал усилия Беларуси по расширению диалога с ШОС. Туристическая дипломатия рассматривается автором как составная часть общей дипломатии Пекина, которая эволюционировала с периферии внешнеполитической деятельности и стала неотъемлемой частью национальной дипломатии [19, с. 43]. Бесспорен тезис о том, что ШОС имеет огромный потенциал возможностей для расширения культурно-гуманитарных связей в будущем [11, с. 170]. Китай и Республика Беларусь осуществляют сотрудничество в рамках этой организации по нескольким направлениям (политика, экономика, культура, компонентом которой является туризм) и в разнообразных формах.

Обмен визитами на высшем уровне и туристическая дипломатия.
24 марта 2010 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко провел в Минске переговоры с заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином. Китайская сторона предложила поощрять выездной туризм с целью укрепления

взаимопонимания между людьми и усиления социальной основы китайско-белорусских отношений [20].

29 сентября 2016 г. Президент Беларуси посетил Китай с государственным визитом. Лидеры двух стран подписали «Совместную декларацию Беларуси и КНР об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества» и объявили о развитии «всепогодной дружбы». Председатель КНР Си Цзиньпин особо подчеркнул, что Китай готов углублять сотрудничество с белорусской стороной в рамках ШОС [21]. В июне 2019 г. Си Цзиньпин и Александра Лукашенко встретились во время Бишкекского саммита ШОС, где Президент Беларуси также отметил важность сотрудничества с Китаем в рамках этой организации [22].

Ознакомительные поездки дипломатов в туристические центры Китая. В сентябре 2011 г. МИД КНР организовал трехдневный визит Генерального секретаря ШОС, а также послов Беларуси и других стран в Сиань, столицу провинции Шэньси, а в декабре 2020 г. – в провинцию Гуйчжоу. В Сиане (старое название – Чанъань), крупном городе Центрального Китая, находился восточный конец Великого шелкового пути. Гуйчжоу (юго-запад Китая) славится традиционными деревнями, водопадами, пещерами и известен как «китайская Швейцария». Близко ознакомившись с многочисленными достопримечательностями, послы выразили готовность всячески способствовать расширению обменов и сотрудничества в области туризма [23; 24].

Весной 2021 г. в течение трех дней Синьцзян (Уйгурский автономный район) посетили генеральный секретарь ШОС В. Норов, а также послы и дипломаты из более чем 20 стран Евразийского региона, включая Беларусь, аккредитованные в Китае. Генеральный секретарь заявил, что Секретариат готов использовать механизм ШОС для улучшения туристического потенциала Синьцзяна и демонстрации его привлекательности туристам [25].

Проведение Года туризма Беларуси в Китае. В январе 2018 г. в г. Чунцин прошла церемония открытия Года туризма Беларуси в Китае, на которой был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством спорта и туризма Республики Беларусь и Государственным управлением по туризму КНР [26]. Чрезвычайный и Полномочный Посол Беларуси в Китае Кирилл Рудый заверил, что проведение Года туризма создаст позитивный информационный фон для продвижения белорусского туризма и станет стимулом увеличения туристических обменов, которые «сближают народы, укрепляют доверие, формируют хорошую основу межгосударственных отношений» [27].

Во время саммита ШОС в Циндао 10 июня 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с президентом Беларуси Александром Лукашенко.

Главы государств подписали Соглашение о взаимных визовых послаблениях для владельцев обычных паспортов, которое вступило в силу 10 августа 2018 г. [28]. Безвизовый режим создал благоприятные условия для китайско-белорусского туристического сотрудничества и стал свидетельством результативности туристической дипломатии обеих стран.

Реализация китайско-белорусского Меморандума о взаимопонимании в области туризма и ШОС. 12 октября 2018 г. в Душанбе состоялось заседание Совета глав правительств ШОС. По прогнозу Генерального секретаря ШОС Рашида Алимова, подписание Плана совместных действий по реализации Программы сотрудничества государств-членов ШОС в сфере туризма на период 2019–2020 гг. позволило бы начать предметную работу по совместному развитию туристической отрасли в рамках организации [29].

В августе 2020 г. Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами приступило к реализации Меморандума о взаимодействии с Китайским комитетом Шанхайской организации сотрудничества по добрососедству и дружбе. Председатель президиума Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Нина Иванова отметила, что основным содержанием документа является укрепление взаимного доверия, установление взаимодействия между институтами гражданского общества, содействие продолжению проектов в области культуры, спорта и туризма, взаимные консультации по вышеназванным вопросам [30].

15 июля 2021 г. в Душанбе (Таджикистан) в очном формате и формате видеоконференции состоялась Встреча руководителей туристических администраций государств-членов ШОС, среди участников которой находились заместитель министра культуры и туризма КНР Чжан Сюй и начальник отдела маркетинга и качества туристских услуг департамента по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь И. Г. Бринкевич. Главы делегаций подписали План совместных действий в новых условиях с целью реализации Программы по развитию сотрудничества государств-членов ШОС в сфере туризма на 2022–2023 гг., что позволит привлечь в государства-члены ШОС дополнительные туристские потоки, улучшит экономическое положение, создаст новые рабочие места [31]. В качестве приоритетной отрасли для многостороннего сотрудничества предлагается выбрать туризм [14, с. 41].

Молодежные поездки в Китай. В августе 2016 г. группа в составе 150 молодежных лидеров из 12 стран, включая Беларусь, в течение 10 дней посетила Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Пекин с целью «улучшения понимания Китая» [32]. Автор оценивает это событие как яркий пример туристической дипломатии в рамках ШОС. В ноябре 2020 г. на 20-м заседании Совета глав государств ШОС Председатель КНР Си Цзиньпин призвал со-

действовать обмену между цивилизациями и поддерживал сотрудничество в области туризма. На 2021–2023 гг. Пекин выделил 600 мест для въездного молодежного туризма [33].

Форум ШОС о перспективах сотрудничества в туристической отрасли. В апреле 2019 г. в Пекине состоялось 14-е заседание Форума ШОС. На церемонии открытия присутствовали заместитель министра иностранных дел Китая Чжан Ханьхуэй, генеральный секретарь ШОС Владимир Норов и советник Посольства Республики Беларусь в КНР Роман Сокол, а в конференции приняли участие более 100 экспертов, ученых и дипломатов из Китая и других стран. Итоговый документ ориентировал, в том числе, и на интенсификацию сотрудничества в области туризма [34]. 29 сентября 2020 г. в режиме видеосвязи состоялось 15-е заседание Форума ШОС, участники которого обсудили роль этой структуры в борьбе с последствиями пандемии, в том числе в сфере туризма. По мнению генерального секретаря ШОС Владимира Норова, организация обладает большим потенциалом и продолжит свою деятельность по борьбе с последствиями COVID-19 [35].

20 января 2022 г. А. Г. Лукашенко и Си Цзиньпин обменялись поздравлениями по случаю 30-летия дипломатических отношений Беларуси и Китая. По оценке Председателя КНР, китайско-белорусские отношения «упорно движутся вперед», «традиционная дружба между двумя странами с каждым днем становится все крепче». Президент Беларуси отметил, что Минск и Пекин последовательно расширяют межгосударственный диалог, координируют цели и задачи по вопросам мировой и региональной повесток дня, в том числе в рамках ШОС, реализации инициативы «Один пояс, один путь», построению «сообщества единой судьбы человечества» и по многим другим направлениям [36]. 28 января 2022 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию о положении в стране отметил, что важнейшим фактором сотрудничества в Азии для Беларуси является дружба с Китаем [37].

Таким образом, китайско-белорусское сотрудничество в сфере туризма осуществляется как на двусторонней, так и на многосторонней основе, в частности, в рамках ШОС. Ему способствуют визиты и встречи на высшем и высоком уровнях, тесные экономические и культурные связи двух народов, создаваемая нормативно-правовая база, сотрудничество государственных структур с институтами гражданского общества. Туристическая дипломатия содействует диалогу между различными регионами и этническими группами, Китаем и Беларусью, формированию понимания между народами и терпимости к различным политическим системам, религиозным верованиям, обычаям и привычкам, способствует долгосрочному развитию двух стран.

Список используемых источников

1. О Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: http://rus.sectesco.org/about_sco/20151208/16789.html. – Дата доступа: 25.01.2022.
2. В Екатеринбурге состоялось девятое заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/200906/t20090616_9388282.shtml. – Дата доступа: 16.01.2022.
3. Состоялась встреча Генерального секретаря ШОС с Послом Республики Беларусь в КНР [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/news/20130301/3020.html>. – Дата доступа: 16.01.2022.
4. Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/news/20150710/48964.html>. – Дата доступа: 16.01.2022.
5. Беларусь впервые приняла участие в заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в качестве государства-наблюдателя [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Китае. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/zh/embassy/news/e21ba4b9d04be004.html>. – Дата доступа: 21.01.2022.
6. *Достанко, Е. А.* Расширение экономического сотрудничества Белоруссии с ШОС / Е. А. Достанко // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2015. – № 2(12). – С. 67–70.
7. *Тихомиров, А. В.* Шанхайская организация сотрудничества во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития: материалы круглых столов, Минск, 27 сент. 2018 г. – Минск: Бел. гос. ун-т, 2018. – С. 133–138.
8. *Иванов, Г. В.* Социально-экономические аспекты участия Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) / Г. В. Иванов // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 28 фев. 2020 г. / редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бел. гос. ун-т, 2020. – С. 39–42.
9. *Малевич, Ю. И.* Деятельность Китая в ШОС по обеспечению безопасности и ее перспективы / Ю. И. Малевич, М. Ж. Гукасян // Беларусь в современном мире: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвященной 98-летию образования Бел. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. / Белорусский государственный университет. – Минск: Бел. гос. ун-т, 2019. – С. 71–75.
10. *Когут, В. Г.* Республика Беларусь и ШОС в евразийском геополитическом пространстве / В. Г. Когут // Управленческое консультирование. – 2017. – № 1(97). – С. 37–44.
11. *Тынаева, Н. Т.* Международно-правовые аспекты регулирования культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Н. Т. Тынаева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2020. – № 12. – С. 167–170.

12. Цвык, Г. И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС / Г. И. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 415–428. – (Серия: Международные отношения).
13. Козырев, Н. И. ШОС: новые контуры евразийской интеграции / Н. И. Козырев, Д. А. Сидоров // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 10(699). – С. 2–7.
14. Орозбаев, К. О. Перспективы развития туризма на пространстве ШОС / К. О. Орозбаев, Н. К. Кудобаева // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университети кабарлары. – 2018. – № 3(45). – С. 294–296.
15. Zigu L. Revisiting the SCO in the Context of Its Enlargement / L. Zigu // China Int'l Stud. – 2018. – № 70(3). – С. 53–70.
16. Бай, Ляньлэй. Шанхай хэцзо зучжи куоюань: синь фачжань цзиюй юй тиаочжань = Расширение Шанхайской организации сотрудничества: новые возможности и проблемы развития. Международные исследования / Бай Ляньлэй // Гоцзи венги янцзо = Международные исследования. – 2017. – № 6. – С. 56–69 (на кит. яз.).
17. Линь, Минван. Куоюань гэ Шанхай хэцзо зучжи дайлай синьде цзиюй хэ тиаочжань = Расширение членства приносит новые возможности и проблемы для ШОС / Линь Минван // Шинце чжиши = Мировое знание. – 2017. – № 12. – С. 74–75 (на кит. яз.).
18. Marin, A. Minsk-Beijing: What kind of strategic partnership / A. Marin // Russie. nei. visions. – 2017. – № 102(5). – С. 1–34.
19. Лю, Сянцянь. О развитии туристической дипломатии Китая с соседними странами в XXI веке / Лю Сянцянь // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Минск, 2021. – Вып. 9. – С. 43–58.
20. Президент Беларуси Александр Лукашенко провел переговоры с Заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/xgxw_678898/201003/t20100326_9330366.shtml. – Дата доступа: 21.01.2022.
21. Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом Беларуси Лукашенко [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/xgxw_678898/201609/t20160930_9330419.shtml. – Дата доступа: 20.01.2022.
22. Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом Беларуси Лукашенко [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/xgxw_678898/201906/t20190614_9330442.shtml. – Дата доступа: 21.01.2022.
23. МИД КНР организовал визит Генерального секретаря ШОС и послов Беларуси и других стран в КНР в Сиань [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/201109/t20110926_9388311.shtml. – Дата доступа: 21.01.2022.
24. МИД КНР организовал визит Генерального секретаря ШОС и послов Беларуси и других стран в КНР в провинцию Гуйчжоу [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/202012/t20201218_9388520.shtml. – Дата доступа: 21.01.2022.

25. Генеральный секретарь ШОС и посланники 20 стран в Китае посетили Синьцзян [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://chn.sectscsco.org/news/20210402/739745.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.

26. Сотрудничество в области туризма [Электронный ресурс] // Официальный сайт Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству. – Режим доступа: http://belaruschina.by/ru/belarus_china/relations/present/humanitarian/sotrudnichestvo-v-oblasti-turizma. – Дата доступа: 20.01.2022.

27. Торжественная церемония открытия Года туризма Беларуси в Китае состоялась в Чунцине [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республика Беларусь. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/news/torzhestvennaja-tseremonija-otkrytija-goda-turizma-belarusi-v-kitae-sostojalas-v-chuntsine_i_72645.html. – Дата доступа: 18.01.2022.

28. Отношения между Китаем и Беларусью [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/sbgx_678896/. – Дата доступа: 25.01.2022.

29. Рашид Алимов: «Локомотив ШОС» уверенно идет по пути развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/news/20181012/471726.html>. – Дата доступа: 21.01.2022.

30. Народная дипломатия открывает путь к новым форматам взаимодействия Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/narodnaja-diplomatija-otkryvaet-put-k-novym-formatam-vzaimodejstvija-belarusi-i-kitaja---ivanova_i_0000122086.html. – Дата доступа: 19.01.2022.

31. Информационное сообщение по итогам Встречи руководителей туристских администраций государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/news/20210715/768712.html>. – Дата доступа: 19.01.2022.

32. Молодые лидеры стран ШОС посещают Секретариат ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://chn.sectscsco.org/news/20160829/124660.html>. – Дата доступа: 19.01.2022.

33. Си Цзиньпин принял участие в 20-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и выступил с важной речью [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/202011/i20201110_9388516.shtml. – Дата доступа: 19.01.2022.

34. В Пекине прошло заседание Форума ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/news/20190418/527489.html>. – Дата доступа: 25.01.2022.

35. Состоялось юбилейное заседание Форума ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ШОС. – Режим доступа: <http://rus.sectscsco.org/news/20200929/679789.html>. – Дата доступа: 19.01.2022.

36. Лукашенко и Си Цзиньпин обменялись поздравлениями по случаю 30-летия дип-отношений Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-predsedatelyu-knr-si-czinpina-1642604029>. – Дата доступа: 25.01.2022.

37. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu>. – Дата доступа: 29.01.2022.

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

Хань Ваньчэнь

Белорусский государственный университет, Минск

Han Wanchen

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510+477)(091)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И УКРАИНЫ
В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ
«ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» (2014 – ЯНВАРЬ 2022 ГОДА)**

**INTERACTION BETWEEN CHINA AND UKRAINE
IN THE FIELD OF VOCATIONAL EDUCATION
IN THE CONTEXT OF THE ONE BELT AND ONE ROAD
INITIATIVE (2014 – JANUARY 2022)**

В статье анализируются китайско-украинские отношения в сфере профессионального образования после выдвигения Пекином инициативы «Один пояс и один путь» и до празднования 30-летия дипломатических отношений между двумя государствами. Рассмотрено формирование нормативно-правовой базы и механизмов взаимодействия, на конкретных примерах выявлены его участники, раскрыты формы и содержание, оценены достигнутые результаты. Автор подчеркивает, что сотрудничество в сфере профессионального образования не только способствовало экономическому и культурному развитию Китая и Украины, но и стимулировало прогресс в политических отношениях.

Ключевые слова: Китай; Украина; китайско-украинские отношения; сотрудничество в сфере профессионального образования; альянсы для сотрудничества в области профессионального образования.

The article analyzes Chinese-Ukrainian relations in the field of vocational education after China launched the One Belt, One Road initiative and before the celebration of the 30th anniversary of diplomatic relations between the two states. The formation of the regulatory framework and mechanisms of interaction is considered, its participants are identified on

specific examples, the forms and content are disclosed, the achieved results are evaluated. The author emphasizes that cooperation in the field of vocational education not only contributed to the economic and cultural development of China and Ukraine, but also stimulated progress in political relations.

Keywords: China; Ukraine; Chinese-Ukrainian relations; cooperation in the field of vocational education; alliances for cooperation in the field of vocational education.

Инициатива КНР «Один пояс и один путь», предложенная в 2013 г., стимулирует сотрудничество и обмен между Китаем и странами вдоль маршрута в области экономики, науки и культуры, включая Украину. Подписание большого количества совместных проектов предоставляет возможность китайским технологиям, капиталу и ресурсам реализовать стратегию «выхода вовне». Темпы модернизации образования Китая значительно ускорились, становится все более очевидной открытость его образования для внешнего мира.

Являясь одним из важных стратегических партнеров Китая, Украина активно взаимодействует с Китаем в сфере профессионального образования и добилась, по оценке экспертов, очевидных результатов. По мере углубления сотрудничества потребности Китая и Украины в подготовке и повышении квалификации кадров все чаще становятся ключевым фактором в совместном строительстве инициативы ОПОП.

Объект исследования – китайско-украинские отношения в 2014–2021 гг. Предмет исследования – сотрудничество Китая и Украины в сфере профессионального образования в этот период.

Цель автора – охарактеризовать сотрудничество китайских колледжей и украинских вузов в контексте совместной реализации инициативы «Один пояс один путь». Источниковую базу исследования составили документы правительственных структур о развитии профессионального образования Китая, а также соглашения о сотрудничестве между вузами и колледжами двух стран, историографическую базу – работы китайских и украинских экспертов. Теоретико-методологическая основа исследования определяется комплексом общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение) и специальных методов (нарративный, включенного наблюдения, институциональный). Автором использовались системный и ценностный подходы.

Китайско-украинское сотрудничество в сфере профессионального образования уже стало предметом научных исследований. Ли Ци, начальник Украинского исследовательского центра при профессионально-техническом колледже в Шэньси, обозначает направление и подходы к сотрудничеству на основе сравнения состояния профессионального образования в Китае и Украине [1, с. 150]. Кандидат педагогических наук Юань Ли рассматривает тенденции развития интернационализации профессионального образования в Украине [2, с. 74–75]. Сотрудничество в области профессио-

нального образования между Китаем и странами ОПОП затрагивается в статьях Чжан Юаньюань [3, с. 23–25], Дэн Цзэминь [4, с. 13–14], Фу Цянь [5, с. 22–25].

Профессор Национальной академии педагогических наук Украины Н. Г. Ничкало считает, что в условиях глобализации руководство профессиональным образованием Украины должно ускорить разработку и внедрение инноваций, в частности, в таком направлении, как «педагогика», на основе китайского опыта [6, с. 48]. Руководитель Центра международного сотрудничества Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова А. С. Рыжков на примере специальности «судостроение» представил план совместной подготовки специалистов украинскими университетами и китайскими колледжами [7, с. 87–89]. Предметом исследования государственного секретаря Министерства образования и науки Украины профессор экономики С. Захарин стало сотрудничество китайских и украинских университетов, в том числе по исследуемому вопросу [8, с. 81–82].

Развитие профессионального образования тесно связано с экономическим и культурным строительством. В последние годы в Китае был принят ряд программ на национальном уровне, направленных на активное развитие интернационализации профессионального образования.

В июне 2014 г. Министерство образования, Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство финансов, Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерство сельского хозяйства и Управление по борьбе с бедностью Государственного совета КНР приняли «План построения современной системы профессионального образования КНР (2014–2020 гг.)», в котором указывалось, что необходимо построить более открытую систему профессионального образования, поддерживать связи между китайскими профессиональными колледжами и зарубежными учебными заведениями для реализации высококачественных совместных учебных проектов [9, с. 84].

«План развития инновационного высшего профессионального образования (2015–2018 гг.)» (октябрь 2015 г.) и «О содействии образовательной акции по совместному строительству ОПОП» (июль 2016 г.) Министерства образования КНР требуют от китайских профессиональных колледжей активного участия в международном сотрудничестве, усилении подготовки кадров и «служения экономическому и социальному развитию стран и регионов вдоль ОПОП» [9, с. 23–24].

Указанные документы обеспечили правовую основу и направление сотрудничества между китайскими высшими профессиональными колледжами и украинскими университетами. В 2012 г. совместный учебный проект Профессионально-технического колледжа Цанчжоу и Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова был одобрен Министерством образования Китая (по специальностям «международная тор-

говля», «туризм» и «маркетинг») в режиме «2 + 1» (первый и второй годы обучения – в колледже Китая, третий год – в украинском вузе-партнере) [10].

Значительных результатов добились Международный морской колледж Чжэцзян и Национальный университет кораблестроения имени адмирала Макарова Украины. В 2014 г. их совместный проект подготовки кадров по специальности «технология судостроения» был одобрен Министерством образования Китая, а спустя четыре года туда была добавлена специальность «промышленные роботы и робототехнические комплексы». После завершения трехлетнего обучения и получения дипломов о высшем профессиональном образовании учащиеся могут продолжить обучение в Украине в течение одного года и получить украинскую степень бакалавра. В настоящее время количество выпускников по программе превысило 200 человек, из них 44 человека получили степень бакалавра [10].

В июне 2018 г. эти учебные заведения открыли Международный морской колледж Китай-Украина в г. Макаров. Успешной реализации проекта способствовала поддержка Министерства образования Китая, Министерства образования и науки Украины, Министерства коммуникаций Китая и правительства провинции Чжэцзян. Проект оценивается как образец для других китайских профессиональных колледжей, участвующих в реализации инициативы ОПОП и Плана развития инновационного образования. Являясь одним из самых активных украинских вузов-партнеров, Национальный университет кораблестроения имени адмирала Макарова также тесно сотрудничает с Уханьским транспортным профессиональным колледжем [11].

При поддержке Министерства образования и правительств провинций КНР высшие профессиональные колледжи и предприятия Китая активно создают Альянсы для сотрудничества в области профессионального образования, что повышает эффективность реализации ими стратегии «выхода вовне» и вклад в строительство Сообщества ОПОП.

К 2022 г. создано 8 альянсов с участием украинских университетов [5, с. 30] (таблица 1).

Таблица 1

Список альянсов с участием украинских университетов

Дата создания	Название	Место
май 2015 г.	Альянс университетов Нового Шелкового пути	г. Сиань
август 2015 г.	Альянс сотрудничества университетов и предприятий ОПОП	г. Урумчи
август 2016 г.	Альянс профессионального образования ОПОП	г. Сиань
октябрь 2016 г.	Альянс сотрудничества промышленности и образования ОПОП	г. Нинбо

Дата создания	Название	Место
декабрь 2016 г.	Институт международного сотрудничества ОПОП	г. Пекин
ноябрь 2019 г.	Альянс сотрудничества университетов и предприятий по обучению интернациональных талантов языкам стран-участниц ОПОП	г. Ухань
декабрь 2019 г.	Альянс профессионального образования «Морской шелковый путь XXI века»	г. Цюаньжоу
декабрь 2021 г.	Альянс профессионального образования трех северо-восточных провинций и одного автономного округа ОПОП	г. Шэньян

Регулярно в рамках альянсов проводятся форумы, которые стали самым важным механизмом и платформой китайско-украинского сотрудничества в области профессионального образования. Министерство образования КНР, Посольство Украины в Китае, правительства провинций Китая и Китайское общество профессионального и технического образования придают этим структурам большое значение.

Специальный посланник Украины в Китае В. Сидоренко, участвуя в V Международном форуме профессионального образования (май 2018 г.), подчеркнул, что Украина продолжит расширять взаимодействие с Китаем в этой сфере для совместного строительства ОПОП. В декабре 2019 г. на I Форуме сотрудничества в области профессионального образования «Морской шелковый путь XXI века» начальник Китайского общества профессионального и технического образования, бывший заместитель министра образования КНР Лу Синь призвала воспользоваться приоритетностью строительства ОПОП и совместно «вращивать больше качественных инновационных технических талантов». В декабре 2021 г. директор Института профессионально-технического образования при Министерстве образования КНР Ван Яннань на церемонии открытия Альянса профессионального образования трех северо-восточных провинций и одного автономного округа ОПОП отметил, что Министерство образования будет работать с провинциальными отделами образования для укрепления международного сотрудничества и ускорения подготовки специалистов высокого уровня [12].

В рамках Альянсов китайские и украинские колледжи и университеты достигли широкого консенсуса по таким вопросам, как обучение и подготовка специалистов, технологические исследования и разработки, создание международной базы подготовки специалистов, подписав ряд соглашений. Наиболее активными украинскими университетами являются Национальный университет «Черниговская политехника», Черкасский государствен-

ный технологический университет, Харьковский национальный аграрный университет имени В. В. Докучаева, Западноукраинский национальный университет [1, с. 151].

Колледж авиационной техники Чжанцзяцзе, Сианьский авиационный политехнический колледж и Цзянсийский авиационный профессионально-технический колледж подписали соглашения с Национальным авиационным университетом и Национальным аэрокосмическим университетом имени Н. Е. Жуковского об отправке нескольких студентов специальности «Производство и техническое обслуживание самолетов» в Украину для прохождения ежегодной четырех-шестимесячной практики [1, с. 151].

Хунаньский профессионально-технический институт-колледж, Городской университет Чжэнчжоу, Чунцинский профессиональный колледж и другие профессиональные колледжи подписали соглашение с украинскими университетами о совместной образовательной программе для поступления в бакалавриат после окончания высшего профессионального образования [1, с. 151].

Сотрудничество колледжей и предприятий также играет важную роль в процессе получения качественного профессионального образования. При этой форме сотрудничества профессиональные колледжи готовят специалистов для предприятий в соответствии с потребностями последних в рамках совместных проектов. В апреле 2019 г. Министерство образования и Министерство финансов Китая опубликовали документ под названием «Мнения о реализации высших профессиональных колледжей с китайской спецификой и плана строительства дисциплины», в котором указывалось на необходимость усиления интеграции высшего профессионального образования и промышленности, повышения эффективности участия высших профессиональных колледжей в модернизации экономики. Китайско-украинское сотрудничество вузов, колледжей и предприятий осуществляется в таких областях, как автомобилестроение, морская инженерия, сельскохозяйственные науки и технологии [9, с. 23].

В декабре 2019 г. Министерство образования и науки Украины утвердило «Положение о дуальной форме получения профессионального образования», которое поощряет объединение предприятий с профессиональными колледжами для улучшения подготовки специалистов в соответствии с потребностями предприятий и для совершенствования практических навыков учащихся [13].

Совместная реализация инициативы «Один пояс, один путь» способствовала развитию Китая и Украины в сферах экономики, науки и техники, культуры и т. д., тем самым стимулируя сотрудничество в образовании, в том числе профессионально-техническом. Такие китайско-украинские механизмы сотрудничества, как Альянсы профессионального образования, форумы и семинары, обмен учащимися совершенствовались в процессе

практической реализации. Многосторонние связи между правительственными учреждениями, профессиональными колледжами, предприятиями Китая и Украины также способствовали решению поставленных задач.

Сотрудничество в области профессионального образования играет важную роль в повышении качества подготовки специалистов в Китае, Украине, странах и регионах вдоль маршрута ОПОП, в создании и внедрении научно-технических инноваций, а также в интеграции производства, обучения и науки. С другой стороны, оно способствует совершенствованию всего механизма образовательного взаимодействия, развитию всего комплекса двусторонних отношений и повышает эффективность реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Список использованных источников

1. 李颀 李颀(Ли Ци). 中国与乌克兰现代职业教育比较研究(Сравнение современно-го профессионального образования в Китае и Украине) / 颀李(Ли Ци) // 科技与教育(Журнал «Технология и образование»). – 2021. – № 5. – 第149–151页 (С. 149–151).
2. 袁礼(Юань Ли). 乌克兰职业教育现状与发展趋势研究(Состояние и перспективы развития профессионального образования в Украине) / 礼袁(Ли Юань) // 深圳职业技术学院学报(Вестник Шэньчжэньского профессионально-технического колледжа). – 2019. – № 1. – 第71–76页 (С. 71–76).
3. 张媛远(Чжан Юаньюань). 我国与“一带一路”沿线国家职业教育合作形式研究(Формы сотрудничества в сфере профессионального образования между Китаем и странами вдоль ОПОП) / 媛远张(Юаньюань Чжан) // 职业教育研究(Журнал «Исследования профессионального образования»). – 2016. – № 9. – 第22–26页 (С. 22–26).
4. 邓泽民(Дэн Цзэминь). 职业教育助推“一带一路”战略的先行策略(Основные подходы профессионального образования для реализации стратегии ОПОП) / 泽民邓(Цзэминь Дэн) // 中国职业技术教育(Журнал «Китайское профессионально-техническое образование»). – 2016. – № 30. – 第11–14页 (С. 11–14).
5. 付倩(Фу Цянь). 基于“一带一路”战略的职业教育多边合作发展研究(Много-стороннее сотрудничество профессионального образования в контексте инициативы ОПОП): 教育学硕士论文(дис. ... маг. пед.: 13.00.01.). 宁波(Нинбо), 2018. 57页(57 л.).
6. Ничкало, Н. Г. Перспективные направления исследований проблем профессионального образования в Украине / Н. Г. Ничкало // Методология исследования в профессиональном педагогическом образовании. – 2013. – С. 40–51.
7. Рыжков, А. С. Управление международными образовательными проектами Национального университета кораблестроения на примере украинско-китайского сотрудничества / А. С. Рыжков // Сборник научных трудов НУК. – 2014. – № 6. – С. 84–91.
8. Захарин, Д. И. Коваленко // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы интеграции образования, науки и бизнеса в условиях глобализации»: тезисы докладов, г. Киев, 4 октября 2019 г. – Киев: КНУТД, 2019. – С. 81–82.

9. 马君(Ма Цзюнь), 李一凡(Ли Ифань). 我国职业教育国际合作政策的发展历程、演进逻辑与优化路径(История, эволюция и путь китайской политики международного сотрудничества в сфере профессионального образования) / 君马(Цзюнь Ма) // 教育与职业(Журнал "Образование и профессия). – 2021. – № 20. – 第20–27页 (С. 20–27).

10. 中外合作办学机构与项目(Список китайско-зарубежных совместных учебных заведений и совместных образовательных проектов) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.crs.jsj.edu.cn/approval/orglists> – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

11. 中国高职教育(Высшее профессиональное образование в Китае) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.tech.net.cn/news/show-83188.html> – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

12. 东北三省一区“一带一路”职业教育联盟成立(Создание Альянса профессионального образования трех северо-восточных провинций и одного автономного района ОПОП) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/513638173_121124020 – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

13. Про затвердження Положення про дуальну форму здобуття професійної освіти (Об утверждении Положения о дуальной форме получения профессионального образования) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0193-20#Text> – Дата доступа: 02.11.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Н. О. Хушваков

Государственный музей заповедник «Шахрисабз» Узбекистана,
Шахрисабз

Г. И. Богомолов

Национальный центр археологии Узбекистана, Ташкент

N. Khushvakov

State Museum Reserve «Shakhrisabz» of Uzbekistan, Shakhrisabz.

G. Bogomolov

National Center of Archeology of Uzbekistan, Tashkent

УДК 904"03/04"(575.1)

ОБРАЗ СИЁВУША В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ИЗ ЯККАБАГА (УЗБЕКИСТАН)

THE IMAGE OF SIYOVUSH IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS FROM YAKKABAG REGION (UZBEKISTAN)

В изучении истории и культуры доисламского периода Средней Азии одним из важнейших значений может сыграть изучение и интерпретация плакетки-иконки, найденной на территории кладбища «Кабургаота» в северной части селения Алакуйлак.

Данная плакетка изготовлена из качественной местной глины, имеющий желтовато-коричневый цвет. Неспроста образ козлоголового персонажа (изображенный на многих найденных археологических памятниках, находках, сохранившийся в мифологиях Греции, и будучи сакральным животным в религиозных представлениях Шумера, Аккада и Вавилона) является культовым (переходит от животного образа к антропоморфному) и имеет ритуальную значимость. В Греческой мифологии и искусстве Дионис первоначально является богом плодородия (умирающий и возрождающий) затем виноградарства и виноделия. Он мог являться в образе различных животных, в том числе в образе козла, древнего хитонического демона. Более того, козёл – сакральный атрибут Диониса. Одно из имён Диониса, отражающее значимость козла, называется – «живойкозлёнок». Следует учесть важный аспект в том, что как и Дионис Среднеазиатский Сиявуш был тесно связан с плодородием и почитался как умирающим и возрождающимся богом растительности, покровителем виноделия, наравне обладающим чертами астрального божества.

Ключевые слова: Южный Согд; Яккабаг; Алакуйлак; Шахрисябз; плакетка-образок; калыб; оттиск; зооантропоморфный образ; горных козел; Дионис; Сиявуш; петроглиф; аpezак.

In the study of the history and culture of the pre-Islamic period of Central Asia, one of the most important values may be the study and interpretation of the icon plaque found on the territory of the Kaburgaota cemetery in the northern part of the village of Alakuylak. This cloth is made of high-quality local clay, which has a yellowish-brown color. For some reason, the image of the goat-headed character (depicted on many archaeological sites found, finds preserved in the mythologies of Greece, and being a sacred animal in the religious representations of Sumer, Akkad and Babylon) is cult (moving from an animal image to anthropomorphic) and has ritual significance. In Greek mythology and art, Dionysus is originally the god of fertility (dying and reviving) then viticulture and winemaking. He could appear in the image of various animals, including the image of a goat, an ancient chitonic demon. Moreover, the goat is the sacral attribute of Dionysus. One of Dionysus's names, reflecting the significance of the goat, is called the «living goat». An important aspect should be taken into account in that, like Dionysus of Central Asia, Siyavush was closely associated with fertility and was revered as the dying and reborn god of vegetation, the patron saint of winemaking, on an equal basis possessing the features of an astral deity.

Keywords: Southern Sogd; Yakkabag; Alakuylak; Shahrissyabz; placette-image; kalyb; imprint; zooanthropomorphic image; mountain goat; Dionysus; Siyavush; petroglyph, apezak.

Уже несколько десятилетие Государственный музей заповедник «Шахрисабз» ведут археологическое исследование Яккабагского района Кашкардаринской области – один из старейших историко-культурных регионов Узбекистана. Полученные археологические материалы, особенно терракотовые изделия, которые, отражая народные культы, несут образы архаических верований, позволяют реконструировать не только быт и занятия древнего населения, но и духовную культуру, в том числе религиозные обряды и представления.

Недавно на кладбище «Кабургаота» в северной части селения Алакуйлак, расположенном к юго-востоку от Шахрисябза, случайно была найдена терракотовая плакетка-образок с зооантропоморфным изображением (рис. 1). Сама плакетка изготовлена из тонко отмученного глиняного теста желтовато-коричневатого цвета. Плакетка имеет вид вытянутой вверх арки с почти прямоугольной нижней частью и верхушкой остро арочной формы. Ее размеры – высота почти 15 см, ширина по основанию 6 см, в средней части – 7 см. Ее оборотная сторона заглажена, а лицевая – представляет собой отгиск в форме-калыбе. Край плакетки обрамляет невысокий бортик, прямоугольный в сечении и неодинаковый по ширине. Верхняя площадка бортика декорирована, но отгиск – нечеткий, то ли слабый изначально, то ли сильно затерт. Тем не менее, видно, что основным элементом служила полоса из ломанной линии, в нижней части которой между изгибами помещались треугольные углубления.

Всю внутреннюю часть под аркой занимает крупная фронтально развернутая стоящая зооантропоморфная фигура. Только его голова повернута влево, почти в профиль. На голове у него показаны крупные, мощные рога, верхняя часть которых заметно загнута назад. Поверхность рогов покрыта поперечными рельефными валиками, отражающие фактуру рогов ибекса. Ниже под ними показана низко надвинутая корона в виде линии зубцов подтреугольной формы и крупного круглого диска спереди, надо лбом. Лицо отпечаталось неодинаково. Хорошо видны: крупный с узким разрезом глаз с выделенным в центре зрачком и косые насечки в нижней части лица (борода или шерсть). Тогда как передняя часть головы смята, но похоже она представляла собой удлиненную морду животного. Почти на плечо опускается узкая бородка. С правой стороны на грудь спускается то ли лента, то ли косичка.

Возможно, он одет в рубаху с длинными рукавами. В то же время отсутствие ворота, складок одежды не исключают того, что персонаж был обнажен до пояса. Грудь его украшает апезак – нагрудное украшение в виде медальона, укрепленного на ремнях по середине.

Нижняя часть туловища закрыта юбкой с полукруглым подолом. Причем поверхность юбки состоит как бы из четырех рядов поясов, видимо, нашитых друг на друга. Край последнего обрамляет пояс из кружков. В правой руке, отставленной в сторону и опущенной на уровень груди, персонаж сжимает меч, поднятый острием вверх. В таком случае уплощенный валик перед кистью мог представлять собой широкий браслет.левой рукой он опирается на верхушку какого-то овального предмета, возможно, это щит или винный мех. Поза персонажа – необычная, его ноги широко расставлены, точнее он опирается на правую ногу, а левая – поднята вверх и почти сливается с нижним краем «щита». За правым плечом персонажа показан столбик с косыми насечками, образуя как бы витую поверхность.

Это изображение языков пламени, призванное подчеркнуть его божественный статус, схожие изображения языков пламени известны на согдийских плакетках.

Очень важен вопрос датировки предмета, тем более что археологический контекст находки неясен. Осмотр местности показал, что кладбище село на древнее поселение, почти прямоугольной формы, размером 260 × 150 м. В его юго-восточной части выделяется небольшая цитадель или замок высотой 3 м. Высота основной части поселения составляет 1 м. Памятник окружен оборонительной стеной шириной 2,5 м. На этой стене найдено несколько артефактов, позволяющих судить о времени его обживания. Это антропоморфная терракотовая фигурка, грубо вылепленная из единого куска глины бурого цвета. Крупная голова персонажа как бы слегка задрана вверх, защипом выделен нос и надбровные дуги. Мелкими дисконидными налестками с наколами круглой полый трубочки образованы круглые глаза персонажа. Рот передан в виде С-образного углубления. Верхняя часть головы и скошенного лба подрезаны ножом. Туловище в сечении уплощенно-овальной формы. Руки и ноги обломаны и утрачены. Верхняя часть ног расходится в стороны, т. е. ноги персонажа были расставлены. Сохранившиеся размеры статуэтки: высота – 6,5 см, ширина по уровню плеч – 4,1 см. Вероятней всего, это могла быть фигурка всадника или идоличика, изображавшая фраваша или кого-то из предков в каких-то домашних обрядах. Схожая лепная фигурка только из темно-серой глины с отдельно вылепленным алтариком с городища Канка датируется VI–VII вв. Однако вне зависимости от интерпретации важно другое – фигурки из Канки и с поселения Алакуйлак следует датировать в пределах VI–VII вв.

Еще одним датирующим артефактом, указывающим на период функционирования поселения, может служить найденная здесь крышка овального, юртообразного оссуария, ее размеры: длина – 31 см, наибольшая ширина – 26 см, высота 17,5 см, причем собственно ручки – 5,5 см. Оссуарии подобной формы больше характерны для Ташкентского оазиса, но встречаются в Согде и датируются в довольно широких пределах VI–VIII вв. Таким образом, можно предположить, что к VII–VIII вв. поселение было заброшено и часть его стала использоваться под зороастрийское кладбище.

Сама плакетка-иконка, точнее ее форма, с выделенным бортиком вдоль края находит аналогии среди согдийской терракоты V–VII вв. [1, с. 12]. Однако, среди выделенных В. А. Мешкерис образов нет терракот с апезаком. Возможно, в данном случае сказались культурные связи и влияние Сасанидского Ирана, тем более, что ряд терракот с Шортена и Еркургана несут следы сасанидского официального портрета [2, с. 54–55]. В этот круг атрибутов входит и изображение апезака, по-видимому, в передаче образа персонажа на плакетке-иконке с Алакуйлака художник апеллировал к одному из официальных изображений Шапура II Великого (309–379 гг.), как

воителя. Все это позволяет предполагать датировку плакетки IV–V вв. В функциональном плане совершенно очевидно, что эта терракотовая иконка служила своеобразным талисманом-оберегом.

Значительно более сложен вопрос об интерпретации образа. Прямых аналогий среди образов согдийской терракоты пока не обнаружено. Пожалуй, наиболее близкой аналогией является изображение антропоморфного персонажа с козлиной головой в медальоне на дне серебряной чаши из Верхне-Березовского клада, которую исследователи относят к хорезмийским изделиям. Кстати, В. П. Даркевич трактовал это изображение как участника оргиастического маскарада в маске козла, связанного с культом плодородия. Где копы с лентами (тирс) и маска козла, указываются на дионисийский характер праздника [3, с. 54–55]. Совершенно иначе рассматривал этот образ С. П. Толстов, по его мнению, в виде «козлоголового божества» на чаше изображен Сиявуш [4, с. 205].

Немаловажна еще одна находка из района Шахрисябза – тоже плитка-образок, т. е. практически из одного района с находкой из Алакуйлака. Она близка к ней по форме и назначению, опубликована С. К. Кабановым [5, с. 54]. Согласно С. К. Кабанову, плитка была найдена близ северной стены Шахрисябза. Она изготовлена из красноглиняного теста с белыми вкраплениями (по всей видимости, добавками мелкотолченого гипса в качестве отощителя), и вся ее поверхность покрыта светлым серым ангобом. Размеры плитки: высота – 13 см, ширина по основанию – 6,7 см. Первоначально С. К. Кабанов относил плитку к кушанскому времени, позже он пересмотрел свое мнение и предложил датировать ее не ранее V в. н. э. В настоящее время плакетка находится в экспозиции Государственного музея истории Узбекистана.

Лицевая сторона плитки оттиснута в форме-калыбе. Край ее (бортик) образует стрельчатую арку с плоским основанием, кроме основания, декорированного линией вертикальных насечек. Поверхность бортика украшена соединенными в цепочку ромбиками. Под аркой также изображено стоящее фронтально развернутое зооантропоморфное существо. У него необычное лицо, удлинненно-треугольной формы, скорее напоминающее морду животного, за щипом выделена удлиненная часть с носом (большая часть которого, к сожалению, отбита), в образовавшихся округлых впадинах посажены глаза. Хорошо видно, что прямо из головы растут длинные загнутые рога, образующие почти замкнутый овал. Кроме того, на голову одета очень схематично переданная корона, нижняя часть которой показана в виде полосы из вертикальных насечек, а верхняя в виде ребристого шара.

Персонаж одет в короткий кафтан до колен с широким треугольным подолом, край которого украшен (окантован) полоской в виде широкого валика. Воротник кафтана передан короткими вертикальными насечками. Вертикальным волнистым валиком показан край запахнутого подола. Ноги

переданы условно, они очень тонкие, широко расставлены. За ними показан тянущийся вверх растительный росток. Любопытна еще одна деталь, как и на фигуре персонажа на плакетке из Алакуйлака, фигуру Шахриябзской плитки пересекает цепочка овальных бугорков. Языков пламени нет, но верхнюю часть фигуры обводят горизонтальные штришки, символизирующие сияние, призванные подчеркнуть божественную природу персонажа.

Действительно, изображения на плакетках-иконках всегда имели культовый характер и несли изображения божеств или духов-защитников и были призваны оградить владельца от всяких напастей, наделить благодатью или защитить. Поэтому персонажи на плакетках, из Алакуйлака и Шахриябза вместе с козлоголовым существом на хорезмийской чаше из Верхне-Березовского клада передавали образ либо самого божества плодородия, причем очень архаичный, или кого-то из его спутников (восходящих к его инкарнациям). Одним из таких его легко узнаваемых инкарнаций и даже атрибутов был козел, который во многих культурах издавна трактовался как символ плодovitости и изобилия. Уже с древнейших времен там, где охотились на дикого козла или разводили коз, козел играл важную роль в ритуалах и обрядах. Хотя символическое значение животного различалось по гендерной принадлежности. Так, козел воспринимался из-за своего драчливого характера как символ мужественности, воплощение жизненной силы и фертильности, а в козе видели кормилицу и воплощение материнского начала. Не исключено, что образ «козлоголового персонажа» отражает дальнейшее развитие культа козла (переход от животного образа к антропоморфному) и его ритуальной значимости.

Вполне возможно в сложении образа на плакетке из Алакуйлака могла отразиться адаптация изображения и представлений о божестве плодородия другого религиозного круга или слияние с ним местных воззрений. Еще в раннюю эпоху определенное влияние на сложение некоторых мифологических образов оказали религиозные представления Древней Месопотамии.

В религиозных представлениях Шумера, Аккада и Вавилона козел был сакральным животным владычиц животных, Мардука и Ниннеру, бога земледелия и оросительных каналов. В старовавилонском и раннекаситском искусстве бог Амарру изображался в виде человека в длинном одеянии с крюкообразным посохом, одной ногой стоявшего на маленькой фигурке горного козла, воспринимался как бог кочевников. Причем знаменательно, что в аккадском искусстве термин «амарру» еще обозначали группу звезд созвездия Персей [6, р. 130].

В греческой мифологии и искусстве Дионис – первоначально бог плодородия (умирающий и воскресающий, один из эпитетов Диониса – Загрей, в древнегреческой мифологии его также называли «старший Дионис»). Зевс посетил Персефону в виде змея, и та родила ему рогатого младенца Загрея-

Диониса. Однако ревнивая Гера подговорила титанов, и те стали преследовать его, настигли и растерзали. Афине удалось спасти его сердце, т. е. саму сущность бога, его проглотил Зевс и дал второе рождение сыну через Семелу), затем виноградарства и виноделия. Он мог являться в образе различных животных, в том числе в виде козла, древнего хтонического демона. Больше того, козел – сакральный атрибут Диониса, а одно из его имен – «живой козленок». Спутники Диониса – демонические существа, козловидные сатиры и силены (лесные божества, демоны плодородия). Важной составляющей культа Диониса были празднества (Дионисии) в его честь. Они праздновались четыре раза в год и были связаны с календарно-вегетативными циклами, завершением или началом сельхозработ. В эти дни устраивались веселые шествия, в процессии вели жертвенных животных (чаще всего козла), священную утварь, сосуды с вином для возлияний, пели песни в честь Диониса. После жертвоприношения устраивались пирушки и шуточные игры-состязания, качались на качелях, прыгали на одной ноге по надутым козьим мехам, смазанных маслом, этим же объясняется странная поза персонажа на плакетке из Алакуйлака. Победитель в награду получал мех с вином.

Однако, в нашем случае оружие – меч в руках персонажа на плакетке из Алакуйлака, дубина в руках Шахрисябзского персонажа или копье в руках «козлоголового существа» на серебряной чаше из Верхне-Березовского клада, скорее всего, объясняется их функцией защитника-охранителя. Видимо, эти персонажи служат не только подателем плодородия (разных благ), т. е. сельскохозяйственным божеством, но и богом-воителем, защитником общины от различных опасностей.

Очень любопытна линия Дионис – Сиявуш, подробно рассмотренная В. П. Даркевичем [7, с. 110]. Как и Дионис, среднеазиатский Сиявуш был тесно связан с плодородием, почитался как умирающий и возрождающийся бог растительности и покровитель виноделия, обладавший еще и чертами астрального божества [8, с. 205]. Согласно Закарьи Казвини, одно из созвездий называлось «Бар Сиявуш». Оно изображалось в виде юноши с мечом в руке и отрубленной головой Гуля в другой. Г. А. Пугаченкова приводит еще более любопытное сообщение Димишки, что созвездие Бар-Сиявуш изображалось в виде человека, стоявшего на одной ноге и державшего в руке голову Гуля [9, с. 60]. Видимо, не случайно эти описания совпадают с изображениями на некоторых оссуариях и плакетках из Согда, которые передают оттиск крупного штампа в виде сидящего или стоящего божества с оружием и головой чудовища в руках, может, и Бар-Сиявуша. По крайней мере нельзя исключать вероятность, что персонаж из Алакуйлака – это один из вариантов иконографии образа Бар-Сиявуша. В таком случае, как благое созвездие он вполне мог быть выбран каким-нибудь человеком в качестве личного покровителя-защитника.

Важен еще один аспект в представлениях о Сиявуше: он мог восприниматься как носитель огненной стихии (испытание огнем по Шахнаме, посвященная ему птица – петух – также ассоциировалась с огнем и солнцем). И это не удивительно, так как в представлениях древних огонь наделялся плодоносящей, животворной силой, а горный козел уже с глубокой древности мог восприниматься как солярно-космический образ. Например, на петроглифах Саймалыташа козел шествует среди изображений солнечных дисков [10, с. 23–31]. В петроглифах святилища Боралдай (южные отроги Каратау) рога козла нередко изображены загнутыми в кольцо, замыкающиеся на спине животного. Причем часто в центре кольца выбивалась точка [11, с. 23–31], т. е. сам козел воспринимался как солнце или несущий солнце. Е. А. Смагулов и А. А. Ержигитова приводят процарапанную на керамике композицию и изображение стоящего козла перед «солярым знаком виревой розеткой» [12, с. 98].

Следы связи козла с огнем прослеживаются и на среднеазиатском материале. Неслучайно на сакских котлах и жертвенниках присутствуют фигурки горных козлов или ручки в виде их рогов. И даже позже в эпоху Средневековья сохраняется традиция помещать на сосуды, связанные с огнем или приготовлением пищи, схематические изображения головы горного козла. Так, на красноглиняном котелке X в. с городища Кавардан ручки оформлены в виде сильно стилизованной головы козла.

Очень соблазнительно было бы видеть в некоторых изображениях человека, стоящего или сидящего на козле. Многочисленные примеры свидетельствуют, что с эпохи бронзы в сценах наскального искусства Средней Азии, Алтая, Сибири своеобразной опорой антропоморфного персонажа служат различные животные, в том числе и козлы. Причем, по мнению некоторых исследователей, в этом можно видеть слияние инокультурных влияний с местными представлениями. Для нас важно другое: что это отражает этап становления, точнее наделяния антропоморфным обликом божества (патрона местности, хозяина животных, явлений природы) из прежде зооморфного образа, архаические представления об образе божества огня или грозы. Уже с эпохи бронзы у многих народов Востока широкое распространение получает сюжет с изображением человека, который стоит или сидит на спине животного.

Интересно, что среди петроглифов Средней Азии присутствует изображение человека, стоящего над козлом или на козле. Правда, как считают исследователи, изображение человека могло быть добавлено позже. Таковы несколько петроглифов из Сармишская, целой галереи, выбитых на скалах рисунков животных и человека на склонах Кубатау, отрогов Нурагинского хребта и, безусловно, священного места на протяжении длительного времени [13, с. 217–222]. Среди петроглифов Тамгалы в Семиречье есть изображение солнцеголового божества на быке. К эпохе бронзы относятся пе-

троглифы Саймалыташа с изображением колесницы (вероятно, священной повозки божества), в которую впряжены лошадь и козел. В другой сцене в колесницу впряжены то ли горные козлы, то ли кони, к головам которых приделаны длинные рога горных козлов. Известно, что козел во многих древних культурах выступал атрибутом бога громовержца. Вполне возможно, что обе композиции в целом изображали священную колесницу божества, например, бога грозы, повелителя туч, а значит дождя, растительности и плодородия. Вероятно, именно в этом ключе следует трактовать другую сцену с Саймалыташа, где в колесницу запряжены лошадь и козел. По бокам от них показаны какие-то мало понятные фигуры (птицы?), в нижнем углу сцены помещены две человеческие фигуры с воздетыми вверх руками. Но самое интересное возница, он представляет собой антропоморфное существо с длинными рогами и длинным хвостом, напоминающий персонажа с плакетки. Скорее всего, композиция передает поклонение персонажу на колеснице и ожидание от него каких-то благ.

Видимо, в Средней Азии эта иконографическая концепция сохранялась вплоть до раннего Средневековья. Так, на халцедоновой раннесредневековой гемме из Сидак-ата в Южном Казахстане изображен человек, сидящий на козле, по обе стороны от которого помещены два растительных побега. Все это указывает на связь персонажа на гемме с растительным миром и плодородием, и это вполне могли быть Сиявуш-Дионис или Атар, который разлит по всему космосу, но в своей ипостаси как огонь Урвазишта присутствует в растениях, греет зерна и семена в земле, благодаря ему растения цветут [14, с. 100].

Таким образом, плакетка из Алакуйлака – это амулет с изображением божественного персонажа (о чем свидетельствуют языки пламени), она была предназначена для почитания божества в домашнем святилище или для ношения в качестве оберега-защиты, подателя блага выбранного божества-покровителя. Однако для уверенной персонификации персонажа на алакуйлакской плакетке данных все же слишком мало. Совершенно очевидно, что божество связано с плодородием и может быть идентифицировано с Сиявушем, но еще вероятней с Атаром (с последним сближают не только параллели с индийским Агни). Кроме того, Атар – один из наиболее активных, энергичных зороастрийских божеств. Он тоже связан с плодородием, дарит людям стада и много других благ. Оружие в его руках подчеркивает еще одну его функцию – защищать вместе с Воху Ману творения Аши от Ангро Майнью [15, р. 66–67].

Несмотря на уникальность изображения следует подчеркнуть, безусловно, местное производство плакетки. Важен еще один аспект: персонаж плакетки свидетельствует об устойчивости и живучести древних образов. Изображения зоантропоморфных существ охватывают огромный ареал и их наиболее древние изображения связаны с наскальными рисунками, где их

часто обозначают термином «ряженные», подразумевая в них людей, участников мистерий, или жрецов, одетых в шкуры и звериные маски. Однако не исключено, что схожее развитие общества, уровень взаимодействия с природной средой подпитывали появление схожих тотемистических и анимистических верований и способствовали возникновению и развитию образов полиморфных существ в мифологии и искусстве Средней Азии.

Список использованных источников

1. *Мешкерис, В. С.* Согдийская терракота / В. С. Мешкерис. – Душанбе: Дониш, 1989. – С. 12.
2. *Сулейманов, Р. Х.* Древний Нахшаб / Р. Х. Сулайманов. – Самарканд-Ташкент: Изд-во ФАН, 2000. – С. 54–55.
3. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 54–55.
4. *Толстов, С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования / С. П. Толстов. – М.: Наука, 1948. – С.205.
5. *Кабанов, С. К.* Две терракоты из долины Кашкадарья / С. К. Кабанов. – Ташкент, 1962. – Вып. 2. – С. 54–55.
6. *Кабанов, С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. / С. К. Кабанов. – Ташкент, 1981. – С. 54.
7. *Gray, L. H.* The foundations of the Iranian Religions. Being a series of the Ratanbai Katrak Lectures delivered at Oxford / L. H. Gray. – Bombay: Kitab Mahal, 1925. – P. 130.
8. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 110.
9. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 205.
10. *Пугаченкова, Г. А.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. – Ташкент: Изд-во худ. лит-ры, 1960. – С. 60.
11. *Байтанаев, Б. А.* Петроглифы Бродлая / Б. А. Байтанаев, С. Д. Потапов, А. Н. Грищенко. – Алматы: Кумбиз, 2007. – С. 23–31.
12. *Смагулов, Е. А.* Пенджикентский «Бык у алтая» и графика Сидака (Южный Казахстан) / Е. А. Смагулов, А. А. Еркигитова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб.: ГЭ, 2016. – Вып. 20. – С. 98.
13. *Хужаназаров, М. М.* Наскальные изображения древних кочевников Каратау / М. М. Хужаназаров // Культура номадов Центральной Азии: материалы Междунар. конф. – Самарканд, 2008. – С. 217–222.
14. *Рак, И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана / И. В. Рак. – СПб.; М., 1998. – С. 100.
15. *Tashbaeva, K.* Petroglyphs of Kyrgyzstan / K.Tashbaeva. – Samarkand, 2001. – P. 23–31.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

В. У. Чараўко

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Наваполацк

V. Charauko

Polotsk State University, Novopolotsk

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«14/18»

**ВЫВУЧЭННЕ ПОЗНЕСЯРЭДНЕВЯКОВЫХ ПАХАВАЛЬНЫХ
ПОМНІКАЎ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ
Ў СЯРЭДЗІНЕ 60-Х ГГ. XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.**

**STUDY OF LATE MEDIEVAL FUNERAL MONUMENTS
OF THE BELARUSIAN DVINA REGION IN THE MIDDLE
60S OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

Артыкул прысвечаны вывучэнню познесярэдневяковых пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння ў сярэдзіне 60-х гг. XIX – пачатку XX ст. На гэты час прыпадае дзейнасць Д. М. Струкава, А. М. Семянтоўскага, М. Ф. Кусцінскага, Ф. В. Пакроўскага, Е. Р. Раманава. Быў даследаваны шэраг познесярэдневяковых пахаванняў. Удасканалілася метадыка палявых работ. Рэалізаваліся першыя спробы картаграфавання помнікаў. Але пахаванні Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. у дарэвалюцыйны час не сталі прадметам этнакіраванага даследавання. Паколькі XIV–XVIII стст. не ўваходзілі ў праблемнае поле тагачаснай археалагічнай навукі, пахаванні гэтага перыяду ў якасці асобнай катэгорыі помнікаў не разглядаліся.

Ключавыя словы: археалагічныя даследаванні; познесярэдневяковыя пахавальныя помнікі; Беларускае Падзвінне; гісторыя археалогіі Беларусі; гістарыяграфія археалогіі.

The article is devoted to the study of the late medieval funerary monuments of the Belarusian Dvina region in the mid-60s 19th – early 20th century. During this period, D. M. Strukov, A. M. Sementovsky, M. F. Kustinsky, F. V. Pokrovsky, E. R. Romanov were engaged in funerary monuments. A number of late medieval burials were investigated. The method of field work has been improved. The first attempts to map monuments were realized. But the burials of the Belarusian Dvina region of the 14th–18th centuries. in pre-revolutionary times did not become the subject of purposeful study. Since the monuments of the 14th–18th centuries were not included in the problematic field of the then archaeological science, the burials of this period were not considered as a separate category of monuments.

Keywords: archaeological research; late medieval funerary monuments; Belarusian Dvina region; history of archeology of Belarus; historiography of archeology.

У канцы XVIII – першай палове 60-х гг. XIX ст. быў закладзены падмурак у справе археалагічнага вывучэння Беларусі. Акумулявалася інфармацыя аб археалагічных помніках, адбываліся першыя раскопкі, пачалася публікацыя палявых матэрыялаў і вынікаў іх абагульнення. Вывучэнне познесярэдневяковых пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння ў гэты час адбывалася ў пазначаным кантэксте. Агульнае развіццё археалагічных

ведаў патрабавала каардынацыі намаганняў даследчыкаў. Пляцоўкай, якая аб'яднала б мясцовых археолагаў-аматараў, магла стаць археалагічная камісія пры Віленскім музеі старажытнасцей, створаная ў 1855 г. Яўстафіем Тышкевічам. Яе ліквідацыя царскім урадам у 1865 г. замарудзіла працэс археалагічнага вывучэння Беларусі. Разам з тым вывучэнне мясцовых старажытнасцей не спынілася. Археалагічныя помнікі да сярэдзіны 1860-х гг. надзейна ўвайшлі ў кола рэчавых крыніц [1, с. 13; 2, с. 160; 3, с. 125, 127–128; 4, с. 61, 81–83].

Урадавая адміністрацыя неадназначна ставілася да краязнаўчых ініцыятыў прадстаўнікоў мясцовай польскай ці паланізаванай шляхты каталіцкага веравызнання нават пры ўмове іх актыўнага супрацоўніцтва з агульнарасійскімі вучонымі таварыствамі. Але краязнаўчая дзейнасць даследчыкаў з ліку праваслаўнага духавенства, дваранства, чыноўнікаў і афіцэраў не сустрэкала перашкод. Тое ж можна сказаць аб камандзіраваных у беларускія губерні прадстаўніках агульнарасійскіх навуковых таварыстваў. У 1864 г. Рускае археалагічнае таварыства ў Пецярбургу атрымала сродкі для арганізацыі «экскурсій» (экспедыцый) для пошуку «рускіх і праваслаўных памятных мясцін» Паўночна-Заходняга краю [4, с. 93]. У тым жа годзе для выяўлення, апісання і графічнай фіксацыі помнікаў даўніны ў беларускія землі быў камандзіраваны мастак Маскоўскай Аружэйнай палаты Дзмітрый Міхайлавіч Струкаў (1828–1899). У далейшым у 1860–1890-х гг. ён неаднаразова наведваў беларускія губерні па заданнях Рускага археалагічнага таварыства або па ініцыятыве папячыцеля Віленскай навучальнай акругі П. М. Бацшошкава. Вынікам маштабнай экспедыцыйнай дзейнасці Д. М. Струкава сталі шматлікія малюнкi, прыкладзеныя да справаздач [4, с. 93–94; 5, с. 515].

Прыярытэт пры гэтым надаваўся вывучэнню помнікаў і артэфактаў старажытнаруускага часу, што мусіла садзейнічаць урадавай палітыцы. Д. М. Струкаў разумеў мэту «экспедыцый» больш шырока. Ён замалёўваў не толькі старажытнаруускую спадчыну. Мастак шукаў і адлюстраванне старажытнаруускіх архітэктурных і мастацкіх традыцый у помніках пазнейшага часу. Наяўнасць сярод малюнкаў Д. М. Струкава выяў аб'ектаў, якія не мелі непасрэднага дачынення да гісторыі праваслаўнай царквы, не знаходзіла разумення ў мясцовай адміністрацыі [4, с. 93; 5, с. 513–514]. Е. Р. Раманаў меркаваў, што гэта тлумачылася слабой знаёмасцю мастака з Паўночна-Заходнім краем і яго гісторыяй [6, с. 239]. Але дзейнасць Д. М. Струкава адпавядала тагачаснаму «мастацтвазнаўчому» напрамку ў расійскай археалогіі і падыходам, распрацаваным археалагічнымі таварыствамі ў Пецярбургу і ў Маскве [5, с. 513–514].

З познесярэдневяковых пахавальных помнікаў Д. М. Струкаў замаляваў адзін з двух крыжоў з шэрага каменю ў Экімані. На крыжах былі высечаны літары і выявы крыжоў [7, с. 16, 97]. На востраве Заходняй Дзвіны, які

знаходзіўся на рацэ паміж Экіманню і Сафійскім саборам і быў заняты агародам Кадэцкага корпуса, мастак заклаў 2 шурфы. На глыбіні каля 1,8 м ён выявіў чалавечыя косці [7, с. 16, 100–101]. Іх можна звязаць з вядомым па пісьмовых крыніцах манастыром Іаана Прадцечы. Невялікія раскопкі Д. М. Струкаў правёў таксама ў ваколіцах Віцебска, на адлегласці 2 вёрст ад якога знаходзіўся зачынены касцёл, а раней была праваслаўная Барысаглебская царква. У трох месцах на глыбіні каля 1 м сустрэліся чалавечыя косці [7, с. 18].

Шукаючы патрэбны матэрыял, мастак аглядаў сутарэнні старых будынкаў [5, с. 513]. У сутарэннях аднаго з храмаў Бельчыцкага Барысаглебскага манастыра ў Полацку Д. М. Струкаў бачыў некалькі трун з пахаваннямі. Труны былі моцна пашкоджаны вадой, што знаходзілася ў склепе. Па словах настаўніка манастыра, адно пахаванне, што захавалася лепш за астатнія, магло належаць памерламу ў пачатку XIX ст. архімандрыту Кіпрыяну [7, с. 16]. Трэба меркаваць, што астатнія пахаванні належалі духоўным асобам, памерлым не пазней за другую палову – канец XVIII ст. Шматлікія непахаваныя косці мастак заўважыў і ў сутарэннях полацкага касцёла Узнясення [7, с. 14].

У 1860-х гг. да вывучэння мясцовых старажытнасцей далучыўся сакратар Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта Аляксей Максімавіч Семянтоўскі (1823–1893), які супрацоўнічаў з Археалагічным таварыствам у Маскве. У кнізе «Помнікі даўніны Віцебскай губерні» (1867) ён змясціў апісанне помнікаў і надрукаваў першую археалагічную карту беларускіх земляў [4, с. 97; 8]. Самастойных раскопак ён не праводзіў, але актыўна займаўся разведкамі і часам браў удзел у раскопках іншых даследчыкаў [4, с. 97, 99].

Звесткі аб познесярэднявечных пахаваннях у «Помніках даўніны...» адсутнічаюць, але занатаваны звычай беларусаў Падзвіння класці ў труну разам з нябожчыкам асабістыя рэчы. Гэты звычай звязваецца з язычніцкімі перажыткамі [8, с. 56]. У 1890 г. А. М. Семянтоўскі выдаў кнігу «Беларускія старажытнасці» [9]. Яе аснову склаў матэрыял «Помнікаў даўніны...», дапоўнены новымі звесткамі [4, с. 99]. Аўтар паведаміў, што пры закладанні падмурка царквы ў в. Веляшковічы (сучасны Лёзненскі раён) у 1872 г. былі адкрыты некалькі дзесяткаў пераадкладзеных пахаванняў. Глыбіня іх залягання складала каля 2,1–2,8 м ад узроўня дзённай паверхні. Часткова захаваліся труны, у якіх былі выяўлены манеты, а таксама шклянныя сасуды, «падобныя на бакальы» [9, с. 28]. А. М. Семянтоўскі прама не кажа пра парушэнне пахаванняў, аднак выкарыстання ім выразы («чалавечыя галовы», «шмат касцей») сведчаць менавіта аб гэтым.

У «Беларускіх старажытнасцях» змешчана паведамленне аб раскопках двух курганоў каля в. Крывец Лепельскага павета. Пахаванне ў ад-

ным з іх утрымлівала манету XVI ст. [9, с. 27–28]. Раскопкі праводзіў Міхаіл Францавіч Кусцінскі (1829–1905). Ён быў мясцовым памешчыкам і актыўным археолагам-аматарам, працаваў над археалагічнай картай Віцебскай губерні, праз свайго сакурсніка А. С. Уварава падтрымліваў сувязі з археолагамі Санкт-Пецярбурга і Масквы [4, с. 116–117; 10, с. 359]. У 1903 г. М. Ф. Кусцінскі апісаў даследаванне познесярэднявечавага курганнага пахавання з манетай. Курган знаходзіўся каля маёнтка Забалоцце Лепельскага павета [11]. Нягледзячы на несупадзенні ў паведамленнях А. М. Семянтоўскага і М. Ф. Кусцінскага, маюцца падставы сцвярджаць, што абодва аўтара апісвалі адны і тыя ж раскопкі [12, с. 272–273; 13, с. 160–162]. На сённяшні момант гэта адзінае вядомае курганнае пахаванне на тэрыторыі Беларускага Падзвіння, якое ўпэўнена вызначаецца як познесярэднявечавае.

Недалёка ад возера Пола і дарогі паміж Улай і замчышчам Суша, на полі каля маёнтка Сокарава М. Ф. Кусцінскі адшукаў гранітны крыж з надпісам XVI ст. [14, с. 92–93]. Крыж меў каля 1,2 м у вышыню, каля 0,9 м у шырыню, размяшчаўся на невысокім узвышшы і быў да паловы заглыблены ў зямлю. Надпіс на крыжы ўтрымліваў дату (1569 г.) і ўказанне на пахаванне «200 жовнеров», таму даследчыкам была зроблена выснова аб брацкай магіле вайскоўцаў [14, с. 93]. Надрукаваная ў «Старажытнасцях» Маскоўскага археалагічнага таварыства ў 1874 г. публікацыя М. Ф. Кусцінскага змяшчала не толькі тэкст, але і прамалёўку надпіса на крыжы [14, с. 93]. У публікацыі 1882 г. М. Ф. Кусцінскі прывёў і прамалёўку крыжа [15, с. 36–37]. У «Беларускіх старажытнасцях» А. М. Семянтоўскага ёсць яшчэ адзін малюнак крыжа з прамалёўкай надпіса [9, с. 54].

У 1882 г. інфармацыю аб тым жа крыжы ў нарысе «Беларускае Палессе» (у складзе III тома «Жывапіснай Расіі») прывёў Адам Кіркор (1818–1886) – актыўны дзеяч колішняй Віленскай археалагічнай камісіі [16, с. 248].

У 1890-х гг. вывучэнне старажытнасцей у беларускіх губернях актывізавалася, што звязана з правядзеннем IX Археалагічнага з'езда [4, с. 131–132; 17, с. 209–210]. Археалагічныя з'езды ў Расійскай імперыі прысвячаліся важным у навуковым плане, але недастаткова даследаваным тэрыторыям. IX Археалагічны з'езд было вырашана прысвяціць «заходнерускім» землям і правесці ў 1893 г. у Вільні. У 1891 г. быў створаны Папярэдні камітэт IX з'езда і яго Віленскае аддзяленне [4, с. 131–132; 17, с. 99, 209]. Прызнавалася неабходным стварыць археалагічныя карты губерній «Паўночна-Заходняга краю», правесці раскопкі на некаторых помніках і сабраць звесткі аб прыватных калекцыях. Звесткі аб помніках збіраліся ў адпаведнасці з праграмай, якая ўтрымлівала асобныя пункты адносна знаходак касцей, каменных крыжоў, старых могілак [4, с. 132–133; 18, с. 22, 30; 19, с. 24–25]. Пасля вывучэння атрыманых адказаў дапоўненая

рэдакцыя праграмы зноў была разаслана на месцы. Яе агульны наклад склаў каля 9 000 экзэмпляраў. Атрымальнікамі сталі чыноўнікі, духавенства, памешчыкі, настаўнікі [18, с. 22; 19, с. 25; 20, с. 3].

Да IX Археалагічнага з'езда загадчык Віцебскага цэнтральнага архіва Міхаіл Лаўрэнцевіч Вяроўкін (1825–1896) падрыхтаваў грунтоўную «Запіску аб археалагічных помніках Віцебскай губерні» [18, с. 187–224]. «Запіска...» ўяўляла сабой выпіскі з дакументаў Віцебскага цэнтральнага архіва са звесткамі аб археалагічных помніках, у тым ліку аб пахавальных. Напрыклад, у дакументах за 1569 і 1632 гг. фігуруе размешчаны каля Пышніцкага маёнтка каменны крыж, які знаходзіўся на могілках ці побач з імі [18, с. 190–191, 214]. Са спасылкай на «ўраджэнца Магілёўскай губерні» паведамлялася аб знаходцы сялянамі на полі каля Лукомля каменнага крыжа, які моцна ўрос у зямлю [18, с. 190–191, 218].

Вынікам картаграфавання помнікаў сталі падрыхтаваныя захавальнікам Віленскага музея Фёдарам Васільевічам Пакроўскім (1855–1903) археалагічныя карты Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губерній, надрукаваныя адпаведна ў 1893, 1895 і 1899 гг. [20; 21; 22]. Матэрыял Ф. В. Пакроўскі браў як з апублікаваных крыніц і даследаванняў, так і сістэматызуючы адказы на пытанні згаданай праграмы. Найбольш актыўнымі аказаліся настаўнікі народных школ. Матэрыялы таксама дасылалі праваслаўныя святары, валасныя пісары, ляснічыя [20, с. 3; 21, с. VII]. У археалагічных картах Ф. В. Пакроўскага сустракаюцца асобныя звесткі аб познесярэдневяковых пахавальных помніках Беларускага Падзвіння. У «Археалагічнай карце Віленскай губерні», напрыклад, узгадваюцца старажытныя могілкі з вялікім каменем у мястэчку Глыбокім; знаходкі чалавечых касцей і кавалкаў шабелі каля в. Залескія; руіны уніяцкай царквы з могілкамі ў двух вёрстах ад в. Зябкі і г. д. [21, с. 9–10, 13].

Інспектар народных вучылішчаў Еўдакім Раманавіч Раманаў (1855–1922) склаў інструкцыю па арганізацыі археалагічных экспедыцый – «Кароткія ўказанні для здзяйснення археалагічных экскурсій сярэднімі навучальнымі ўстановамі Віленскай навучальнай акругі» [23]. У склад гэтай акругі тады ўваходзілі беларускія землі. Інструкцыя рэкамендавала навучальным установам размяркоўваць тэрыторыю, дзе планаваліся экспедыцыі. Е. Р. Раманаў настойваў не толькі на абавязковым вядзенні справаздач, але і на іх публікацыі [23, с. 4–5]. Ён імкнуўся заахвоціць да пошуку і апісання помнікаў сельскую інтэлігенцыю і наракаў на яе несвядомасць у гэтай справе і недастатковую актыўнасць [24, с. 18].

Карты Ф. В. Пакроўскага даследчык лічыў недасканалымі, таму веў уласную работу па картаграфаванню помнікаў, у тым ліку і на тэрыторыі Віцебскай губерні [4, с. 146; 23, с. 1]. Ён распрацаваў падрабязную класіфікацыю археалагічных аб'ектаў Беларусі і звярнуў увагу на каменныя

крыжы [17, с. 210]. Даследчык упершыню вылучыў у асобную катэгорыю археалагічных помнікаў грунтовыя могільнікі («звычайныя пахаванні», або «могільнікі без знешніх прыкмет») і прапанаваў методыку іх раскопак [25, с. 51].

У складанні археалагічнай карты Віцебскай губерні ўдзельнічаў і архіварыус Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актаў Аляксей Парфенавіч Сапуноў (1851–1924) [17, с. 210]. У «Матэрыялах па гісторыі і геаграфіі Дзісенскага і Вілейскага паветаў» (1896) ён паведамляў аб могілках, якія дзейнічалі ў XVIII ст. у Дзісне і забудаваны пасля таго, як у вайну 1812 г. згарэла царква на іх [26, с. 85]. Там жа ёсць інфармацыя аб пахаванні ў XVII ст. Льва Корсака і яго жонкі ў Безразвецкай праваслаўнай царкве і прыведзены надпіс над адной з ніш у склепе пад Глыбоцкім касцёлам кармелітаў, што ўказвае на пахаванага [26, с. 96, 104]. У рабоце «Помнікі часоў старажытных і навейшых» (1903) А. П. Сапуноў перадрукаваў ужо вядомыя звесткі аб каменным крыжы каля маёнтка Сокарава і яго малюнак, запазычаны ў М. Ф. Куцінскага [8, с. 49–50; 15, с. 36–37]. У 1912 г. А. П. Сапуноў па запрашэнні мясцовых улад ажыццяўляў экспертызу выпадкова адкрытага ў Полацкім Сафійскім саборы пахавання [27].

У 1901 г. Леў Юльянавіч Лазарэвіч-Шапялёвіч (1863–1909) агледзеў старыя могілкі з «каменнымі крыжамі прымітыўнай формы» каля в. Дубраўка Гарадоцкага павета. Старыя могілкі знаходзіліся побач з дзеючымі і курганнай групай. Археалаг-аматар правёў раскопкі «каменнай магілы» каля в. Дубраўка Гарадоцкага павета. На глыбіні каля 0,7 м ад узроўня дзеённай паверхні ім былі выяўлены фрагменты керамікі, а на глыбіні каля 1,54 м – касцяк [28, с. 1]. У 2014 г. на згаданых могілках правёў раскопкі В. У. Чараўко [29].

У 1914 г. архітэктар і рэстаўратар Пётр Пятровіч Пакрышкін (1870–1921) ажыццяўляў архітэктурна-археалагічныя даследаванні каля Сафійскага сабора ў Полацку. З мэтай вывучэння падмуркаў старажытнага храма каля яго сцен была закладзена траншэя. На глыбіні каля 0,7 м сярод будаўнічага смецця пачалі трапляцца чалавечыя парэшткі і рэшткі трун. Касцякі пераважна мелі ўсходнюю або паўночную арыенціроўку. Акрамя шкілетаў дарослых людзей былі адкрыты тры дзіцячыя касцякі [30, с. 82].

У канцы XIX – пачатку XX ст. пазначаныя каменнымі канструкцыямі пахавальныя помнікі сумежнага з Беларускай Падзвіннем Панямоння даследаваў Вандалін Шукевіч (1852–1919). У 1893 г. у «Працах» Віленскага аддзялення Папярэдняга камітэта IX Археалагічнага з’езда быў апублікаваны яго рэферат «Аб археалагічных мясцовасцях у Лідскім і Трокскім паветах» [31]. У ім паведамлялася, што на захадзе Лідскага павета ў вялікай колькасці маюцца помнікі з народнымі назвамі «Татарскія магілы» і «Магілы веліканаў». Яны ўяўляюць сабой групы магіл, абазначаных

невялікімі каменнымі насыпамі авальнай або круглай формы; амаль заўсёды з аднаго ці з двух бакоў магіл знаходзіліся абцясанія вялікія валуны. Глыбіня магільных ям складала 0,8–1,2 м, касцякі мелі заходнюю арыенцроўку, рукі складзены на жываце, грудзях або выпягнуты ўздоўж цела. Пахавальны інвентар прадстаўлены бытавымі рэчамі, зброяй, жаночымі ўпрыгажэннямі і манетамі XIV–XV стст. Пад камянямі надмагілляў сустракаліся фрагменты керамікі [31, с. 99–100].

Вынікі раскопак В. Шукевіч падрабязна апісаў у некалькіх артыкулах [32, с. 111; 33; 34]. Ён адзначыў, што «каменныя курганы» нагадваюць пахавальныя помнікі Падляшша, аднак адрозніваюцца будовай каменных канструкцый і пахавальным інвентаром. Каменныя надмагіллі могуць быць паўсферычнымі і авальнымі. На думку даследчыка, першыя з’яўляюцца больш старажытнымі, паколькі пахаванні пад імі багатыя на інвентар, але не ўтрымліваюць манет, а на высокіх камянях у галавах/нагах авальных надмагілляў часам высечаны крыжы [33, с. 32–34]. Археолог не толькі прывёў замалёўкі знаходак, але і надрукаваў фотаздымак надмагілля і аднаго з пахаванняў [34, с. 43]. Астэалагічны матэрыял з раскопак В. Шукевіча вывучаўся антрапологам Юльянам Талька-Грынцэвічам [35].

У канцы XIX – пачатку XX ст. з’явіўся шэраг публікацый Аляксандра Андрэевіча Спіцына (1858–1931), прысвечаных пахаванням з каменнымі надмагіллямі, даследаваным у сумежных з Беларускаім Падзвіннем рэгіёнах. У артыкуле «Сопкі і жальнікі» (1903) ён даў вызначэнне тэрмінам «жальнік» і «жальнічнае пахаванне», адзначыў іх размяшчэнне ў межах курганных груп, прасачыў магчымае развіццё гэтых помнікаў (ад абстаўленых буйнымі валунамі магіл Наўгародскага і Пскоўскага рэгіёнаў XI ст. да каменных абкладак з вялікімі камянямі ў галавах і/або нагах магілы, пашыраных у Пецябургскім, Наўгародскім і Цвярскім рэгіёнах XII–XIV ст.) [36, с. 152–155]. Даследчык заўважыў падабенства наўгародскіх жальнікаў і каменных магіл у басейнах Буга і Нёмана, а таксама адзначыў наяўнасць такіх помнікаў каля Прыдзруйска і ў Мінскай губерні ў вярхоўях Бярэзіны [36, с. 154–155]. У рабоце «Меркаванія старажытнасці Чорнай Русі» (1903) А. А. Спіцын па выніках даследаванняў В. Шукевіча і Э. А. Вольтэра, апісаў каменныя магілы Беларускага Панямоння, пазначыўшы канструктыўныя асаблівасці надмагілляў, іх параметры, тыповы інвентар пахаванняў і прасачыўшы іх развіццё [37, с. 305–307, 309–310].

У інструкцыі «Выкананне археалагічных раскопак» (1896) А. А. Спіцын паводле фармальнай прыкметы ў асобную катэгорыю вылучыў «каменныя магілы, фігуры, пляцоўкі, кучы і ямы» – «усе помнікі старажытнасці, адзначаныя звонку шэрагамі або пляцоўкамі камянёў». Апісваючы ў межах гэтай групы каменныя магілы, археолог рэкамендаваў пры раскопках звяртаць увагу на размяшчэнне камянёў і на знаходкі паміж імі або непасрэдна пад каменнымі канструкцыямі. Па словах даследчыка, каменныя канструкцыі

з цягам часу змяняюць свой выгляд. «У заходнім краі Расіі» яны могуць як мець правільныя геаметрычныя абрысы, так і ўяўляць хаатычнае скапленне камянёў [38, с. 40–41].

Нягледзячы на назапашванне матэрыялаў з познесярэднявекowych пахавальных помнікаў, у канцы XIX ст. расійскі археолаг Д. М. Анучын вызначыў для «Заходняй Расіі» храналогію пахавальных помнікаў наступным чынам: VI–X стст. адпавядаюць грунтовыя магілы без знешніх прыкмет або са слаба пазначанымі насыпамі, а IX–XIII стст. – курганы [39, с. 38–40]. Пахаванні пазнейшай эпохі не былі аднесены да археалагічных помнікаў.

Такім чынам, вывучэнне познесярэднявекowych пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння працягнулася ў сярэдзіне 60-х гг. XIX – пачатку XX ст. На гэты час прыпадае дзейнасць Д. М. Струкава, А. М. Семянтоўскага, М. Ф. Кусцінскага, Ф. В. Пакроўскага, Е. Р. Раманава, А. П. Сапунова і іншых даследчыкаў. Быў апісаны і раскапаны шэраг познесярэднявекowych пахаванняў. Матэрыялы гэтых раскопак былі апублікаваны ў мясцовых і цэнтральных профільных выданнях. Удасканалілася методыка палявых работ. Рэалізаваліся першыя спробы картаграфавання помнікаў.

Разам з тым, пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння ў дарэвалюцыйны час не сталі прадметам мэтанакіраванага археалагічнага даследавання, а іх вывучэнне было пераважна вынікам выпадковага выяўлення. Інфармацыя аб іх фіксавалася, але амаль не абагульнялася. Нягледзячы на тое, што некаторыя познесярэднявековыя пахаванні былі адкрыты, у цэлым яны не ўспрымаліся як асобная катэгорыя археалагічных помнікаў, паколькі храналагічны перыяд XIV–XVIII стст. не ўваходзіў у праблемнае поле тагачаснай археалагічнай навукі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Алексеев, Л. В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л. В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. *Алексеев, Л. В.* Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XX в. / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 146–163.
3. *Чараўко, В. У.* Вывучэнне познесярэднявекowych пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння ў сярэдзіне 40-х – сярэдзіне 60-х гг. XIX стагоддзя / В. У. Чараўко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 125–129.
4. *Алексеев, Л. В.* Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.
5. *Баженова, О. Д.* Альбом рисунков Д. М. Струкова 1864 г. как источник по истории белорусской культуры: концепт и контекст альбома / О. Д. Баженова // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2012. – С. 510–515.

6. *Романов, Е. Р.* Альбом художника Д. М. Струкова как результат экспедиции по Северо-Западному краю в 1864 г. / Е. Р. Романов. – Вильна: Тип. И. Завадского, б.д. – 20 с.
7. *Струков, Д. М.* Альбом рисунков, 1864–1867 [изоматериал] / Д. М. Струков. – Минск: Беларус. Энцикл. им. П. Бровки, 2011. – 305 с.
8. *Сементовский, А. М.* Памятники старины Витебской губернии / А. М. Сементовский. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1867. – II с. + 74 с.
9. *Сементовский, А. М.* Белорусские древности / А. М. Сементовский. – СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1890. – Вып. 1. – 136 с.
10. *Каробушкіна, Т. М.* Кусяцінскі Міхаіл Францавіч / Т. М. Каробушкіна // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1993. – С. 359.
11. *Кусцинский, М. Ф.* Из заметок о курганах Лепельского уезда / М. Ф. Кусцинский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 7. – С. 232–235.
12. *Чараўко, В. У.* Вывучэнне пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. у дарэвалюцыйны перыяд / В. У. Чараўко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2010. – Вып. 25. – С. 271–275.
13. *Чараўко, В. У.* Да пытання аб раскопках М. Ф. Кусяцінскім познесярэдневяковых курганных пахаванняў у Лепельскім павеце / В. У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2011. – Вып. 21. – С. 160–162.
14. *Кусцинский, М. Ф.* Надгробный камень над павшими в сражении в 1568 г., найденный в Лепельском уезде Витебской губернии / М. Ф. Кусцинский // Древности. Труды Московского археологического общества. – М., 1874. – Т. IV. – С. 92–93.
15. Витебская старина / сост. А. П. Сапунов. – Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1885. – Т. IV–IV с. + 274 с. + 394 с. + XII с.
16. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: Беларус. энцикл. им. П. Бровки, 1993. – 550 с.; ил.
17. *Лебедев, Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1971 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. – 464 с.
18. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – XI с. + 170 с. + XVIII с. + 371 с. + 104 с.
19. Труды IX археологического съезда в Вильне. 1893 / под ред. граф. Уваровой и С. С. Слудского. Т. II. – М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романова, 1897. – VII с. + 328 с. + 126 с.
20. *Покровский, Ф. В.* Археологическая карта Ковенской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1899. – 161 с.
21. *Покровский, Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – XVIII с. + 164 с.
22. *Покровский, Ф. В.* Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1895. – 165 с.

23. *Романов, Е. Р.* Краткие указания для совершения археологических экскурсий средними учебными заведениями Виленского учебного округа. Записка члена временной комиссии по устройству и управлению Виленской публичной библиотеки и музея / Е. Р. Романов. – Вильна: Б. и., 1910. – 14 с.

24. *Романов, Е. Р.* К археологии Северо-Западного края России / Е. Р. Романов. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1911. – 18 с.

25. *Клімаў, М. В. Е. Р.* Раманаў і праблема грунтовых могільнікаў Беларускага Падзвіння / М. В. Клімаў // «Открыть миру душу белоруса...»: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння Е. Р. Раманава, 25–26 кастр. 2005 г. / рэдкал.: А. Р. Яшчанка [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 51–54.

26. *Сапунов, А.* Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / А. Сапунов, В. Друцкий-Любецкий. – Витебск: Губернская типолиотография, 1896. – 262 с. + 144 с.

27. *Сапунов, А.* Чей прах покоится в нише полоцкого Софийского собора? (Доклад в ученой архивной комиссии) / А. Сапунов // Полоцко-Витебская старина. Издание Витебской ученой комиссии. – Витебск: Типолит. Насл. М. Б. Неймана, 1912. – Вып. II. – С. 351–358.

28. *Лазаревич-Шепелевич, Л. Ю.* Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губернии / Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич // Известия императорской археологической комиссии. – СПб.: Тип. главного управления уделов, 1904. – Вып. 6. – С. 1–5.

29. *Черевко, В. В.* Археологические исследования на могильнике возле д. Дубровка Городокского района в 2014 г. / В. В. Черевко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 153–161. – (Серия А. Гуманитарные науки).

30. Полоцк. Археологические раскопки // Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 52-му. – СПб.: Тип. главного управления уделов, 1914. – С. 82–83.

31. *Шукевич, В.* Об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах / В. Шукевич // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – С. 96–100.

32. *Blomberg, M. M.* Badania archeologiczne Polaków na terenach Wielkiego Księstwa Litewskiego (XIX – początek XX wieku) / M. M. Blomberg // Archaeologia Historica Polona. – 2012. – Т. 20. Regiony, rzemiosła, kategorie – archeologia późnego średniowiecza i czasów nowożytnych w uwarunkowaniach nowego ustroju. – S. 7–41.

33. *Szukiewicz, W.* Kurhany kamienne w powiecie Lidzkim (gub. Wileńska) / W. Szukiewicz // Światowit. – 1899. – Т. I. – С. 32–38.

34. *Szukiewicz, W.* Kurhany kamienne w pow. Lidzkim gub. Wileńskiej / W. Szukiewicz // Światowit. – 1902. – Т. IV. – С. 40–45.

35. *Talko-Hrynciewicz, J.* O domniemanych czaszkach Krywiczan. Studium antropologiczne / J. Talko-Hrynciewicz // Materiały antropologiczno-archaeologiczne i etnograficzne. – Krakowie: Nakł. Akademii umiejętności, 1904. – Т. VII. – W. – С. 3–43.

36. *Спицын, А. А.* Сопки и жальники / А. А. Спицын // Записки императорского русско-археологического общества. Новая серия. Т. XI. Вып. 1–2. Труды отделения славянской и русской археологии. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1899. – Кн. 4. – С. 142–155.

37. *Спицын, А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси / А. А. Спицын // Записки императорского русского археологического общества. Новая серия. Т. XI. Вып. 1–2. Труды отделения славянской и русской археологии. – СПб., 1899. – Кн. 4. – С. 303–310.

38. *Спицын, А. А.* Производство археологических раскопок / А. А. Спицын. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1896. – 71 с.

39. *Анучин, Д.* Погребальные обычаи / Д. Анучин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIV: Повелительное наклонение – Полярные координаты. – СПб.: Типолиитография И. А. Ефрона, 1898. – С. 38–40.

(Дата падачы: 24.02.2022 г.)

Лэчжэн Чжоу

Белорусский государственный университет, Минск

Lezheng Zhou

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510)“2012/2015”

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР ПОСЛЕ XVIII СЪЕЗДА КПК: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ (2012–2015 ГГ.)

FOREIGN POLICY OF THE PRC AFTER THE XVIII CCP CONGRESS: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES (2012–2015)

Изменения в международном порядке предоставили Китаю беспрецедентные исторические возможности для активного участия в глобальном управлении. Основываясь на этом, руководящая группа Коммунистической партии Китая во главе с Си Цзиньпином принимала новые меры и концепции в дипломатических отношениях и вступила на путь реализации концепции дипломатии крупных стран с китайскими особенностями на основе унаследованных направлений политики. С годами внешняя политика Китая стала более зрелой, а ее дипломатическая активность приобрела более глубокий и разнообразный характер.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; Китайская Народная Республика; Коммунистическая партия Китая; национальные интересы; дипломатия великих держав; принятие дипломатических решений.

Changes in the international order have provided China with unprecedented historical opportunities for active participation in global governance. Building on this, the leadership group of the Chinese Communist Party, led by Xi Jinping, continually adopted new measures and concepts in diplomatic relations and embarked on the path of diplomacy of large countries with Chinese characteristics based on inherited policy directions. Over the years, under the

leadership of the CCP, China's foreign policy in large countries has matured, and its diplomatic philosophy has potential and ambitions on a global scale.

Keywords: foreign policy; diplomacy; the People's Republic of China; the Chinese Communist Party; national interests; the diplomacy of the great powers; the adoption of diplomatic decisions.

Переформатирование международных отношений в начале XXI в., во многом связанное с усилением роли и значения Китая в мировой политике и экономике, открывает широкие возможности для теоретического новаторства китайских политиков и ученых в области внешней политики. Среди новых концептуальных подходов и идей, сформулированных руководством КПК, следует выделить теоретические установки о «новом типе международных отношений» и «дипломатии крупной державы». Китайская теория международных отношений предполагает изучение международной системы на основе традиций китайской культуры и философского мышления; сохранение разумного баланса между историческим опытом и современными нововведениями, усвоение основных норм и принципов международных отношений и международного права.

Теоретические обогащение внешнеполитической теории и практики КНР особенно заметно проявилось во второй декаде XXI в. XVIII съезд КПК, состоявшийся в ноябре 2012 г., стал крупным событием в политической жизни Китая. В контексте «подъема Китая» съезд привлек широкое внимание в стране и за рубежом в связи с ожидаемой сменой руководства ЦК КПК. Си Цзиньпин был избран Генеральным секретарем Коммунистической партии Китая и председателем Центральной военной комиссии, а позднее также был избран председателем Китайской Народной Республики и председателем Центрального военного совета КНР на Всекитайском собрании народных представителей в марте 2013 г. Сосредоточение власти в руках одного лидера и приход к руководству страной нового поколения политических деятелей открывали новые возможности для проведения внешней политики Китая в условиях усилившейся международной турбулентности. Цель данной статьи – проанализировать основное содержание дипломатии крупной державы с китайской спецификой в новую эпоху. Наш анализ опирается на документы КПК, материалы информационных агентств и СМИ КНР, исследования китайских ученых в области международных отношений.

После XVIII съезда КПК новое руководство страны выдвинуло внешнеполитическую стратегию, оформленную в виде концепции внешней политики крупного государства с национальными, китайскими особенностями. С момента основания КНР в октябре 1949 г. национальное позиционирование и дипломатическая структура Китая менялись несколько раз. Если считать политику реформ и открытости, начатую Дэн Сяопином в 1978 г.,

основным водоразделом, китайскую дипломатию под руководством КПК можно условно разделить на два важных исторических периода. Это историческое разделение отмечено трансформацией дипломатической стратегии от «революционной дипломатии» к «дипломатии мира, развития и сотрудничества», что указывает на то, что политика и взгляды китайского руководства на внешний мир претерпели фундаментальные изменения. «Революционная дипломатия» была основана на эпохальном взгляде на «войну и революцию». Фокус и цель дипломатии Пекина в тот период заключались в том, чтобы объединить силы «третьего мира», создать международный единый фронт и сломать западные блокады и сдерживание. Новая «дипломатия мира, развития и сотрудничества» основана на концепции мира и развития. В этот период доминирующее дипломатическое мышление начало смещаться от акцента на борьбу к поиску сотрудничества, а цель дипломатии трансформировалась от стремления к выживанию к поиску развития, сосредоточив внимание на «сотрудничестве во внутреннем экономическом строительстве и создании для этого мирной международной среды» [3, с. 22].

После XVIII съезда КПК китайская дипломатия вступила в новый исторический этап. 27 июня 2013 г. министр иностранных дел Ван И выступил с речью на обеде на втором Всемирном форуме мира, где впервые предложил международной общественности и экспертам изучить путь дипломатии крупной державы с китайскими особенностями [2]. 28 ноября 2014 г. Председатель Си Цзиньпин в своем выступлении на Центральной рабочей конференции по международным отношениям отметил: «Китай должен иметь свои особенности дипломатии. Внешняя деятельность нашей страны имеет отличительные китайские особенности, китайский стиль и китайскую специфику». В своем выступлении Си Цзиньпин выделил два момента: один состоит в том, чтобы формально прояснить стратегическое позиционирование дипломатии крупных держав, другой – в обогащении и развитии концепции китайской дипломатии [4].

В 2015 г. Си Цзиньпин выступил с речью на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, изложив китайское видение нового типа международных отношений, основанное, во-первых, на принципах взаимовыгодного сотрудничества и развития, во-вторых, на принципах справедливости, открытости, всесторонности и инновациях. С тех пор Китай выдвинул ряд дипломатических концепций, таких как «Сообщество единой судьбы человечества» (внешнеполитическая концепция КНР) и тесно связанную с ним «новую концепцию общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности», а также «концепцию глобального управления», предусматривающую консультации, совместный вклад и общие выгоды.

Концепция дипломатии великих держав сосредоточена на «содействии международному развитию собственным развитием». Вклад Китая в основ-

ном отражается в следующих двух аспектах: во-первых, он активно участвует в реформировании и построении глобальной системы управления, обменивается опытом управления Китаем и делится им со странами всего мира, а также способствует общему прогрессу человеческого общества; второй аспект основан на собственной успешной практике развития. Развивающиеся страны предоставляют возможность модернизации для стран мира, которые хотят ускорить свое развитие и сохранить независимость, а также внести китайскую мудрость и китайские идеи в решение человеческих проблем. После XVIII съезда КПК геополитические позиции и международное влияние Китая продолжали расти, что придавало Китаю больше уверенности в том, что он может активно формировать свои отношения с другими странами, участвовать в глобальном и региональном управлении, использовать многостороннюю дипломатию для защиты справедливости в развивающихся странах.

Во многих западных странах новое правительство имеет тенденцию выделять и подчеркивать отличные от предыдущего правительства концепции и политику управления. По-иному это выглядит в Китае, где акцент на преемственности политики является устоявшейся нормой. Плавная передача власти руководством КПК на XVIII съезде сама по себе отражает то, что политика новой группы руководства будет отражать больше преемственности, чем изменений. Государственный советник Ян Цзечи после XVIII съезда КПК опубликовал заявление, что Китай будет «поддерживать преемственность и стабильность своей дипломатической политики» [9]. Эта преемственность и наблюдалось в китайской дипломатии в изученный нами период, особенно в определении и реализации ее стратегических аспектов.

Си Цзиньпин использует китайскую мечту о «великом обновлении китайской нации» для решения основной задачи экономического строительства Китая. Во время своих визитов и встреч с иностранными гостями он интерпретировал китайскую мечту как стремление «сделать страну процветающей и могущественной, омолодить нацию, а народ сделать счастливым». Китайская мечта считается «наследием и развитием важных идей мирного развития Китая в новую эпоху» [6]. Таким образом, «китайская мечта» и её реализация стали новой концепцией китайской дипломатии.

В политическом отчете XVIII съезда КПК была расширена руководящая идеология дипломатии после политики реформ и открытости с указанием на то, что «Китай будет неуклонно следовать по пути мирного развития и твердо проводить независимую внешнюю политику» [5]. Поддержание мира и стабильности в международной среде остается главным приоритетом китайской дипломатии. Для дальнейшего содействия экономическому развитию страны экономическая дипломатия занимает более важное место в дипломатической активности. Министерство иностранных дел после создания в 2012 г. Департамента международной экономики, учредило Кон-

сультативный комитет по международным экономическим и финансовым вопросам для укрепления экономической дипломатии. В целях развития экономического сотрудничества между Китаем и соседними странами Си Цзиньпин предложил идею создания Экономического пояса Шелкового пути со странами Центральной Азии и план создания Морского Шелкового пути со странами Юго-Восточной и Южной Азии [10].

В течение первых 20 лет политики реформ и открытости нового Китая его внешняя политика фокусировалась на отношениях с развивающимися странами, соседними государствами и международными организациями (многосторонняя дипломатия). С начала нового века постепенно сформировалась новая модель международных отношений КНР, в которой отношения с крупными державами являются ключевыми, соседними странами – первоочередными, с развивающимися странами – основными, а многосторонняя дипломатия считается вступившей в качественно новый этап своего развития. После XVIII съезда и до конца 2014 г. КПК китайские лидеры посетили более 20 стран и приняли участие во многих крупных многосторонних дипломатических мероприятиях [1]. Общая структура внешних отношений Китая, однако, не изменилась.

Во внешней политике Китая большое значение придавалось отношениям с крупными державами. Установление базовой национальной политики реформ и открытости означает, что Китай предпочитает открыться Западу и интегрироваться в международную систему. В политическом отчете XVIII съезда КПК улучшение и углубление отношений с развитыми странами было поставлено на первое место в международных отношениях Китая, с которыми предлагалось «расширить области сотрудничества, должным образом улаживать разногласия и способствовать установлению долгосрочных отношений» [5].

Хотя между Китаем и развитыми странами Запада существуют противоречия и различия, нельзя отрицать, что эти страны являются не только основными торговыми партнерами Китая, но и важным источником привлечения иностранных инвестиций и технологий. В октябре 2013 г. ЦК КПК провел в Пекине симпозиум, посвященный дипломатическим и политическим отношениям с соседними странами. В своем выступлении Си Цзиньпин подчеркнул, что отношения с соседними странами требуют «трехмерной, разнобразной и временной перспективы», подтвердил приверженность Китая дипломатической политике доброжелательности и партнерства с соседями и предложил всем соседним странам улучшить политические отношения с Китаем. Цель состоит в том, чтобы стать более дружественными, укрепить экономические связи, сотрудничество в области безопасности и установить более тесные связи между людьми и культурой [7].

На протяжении года после XVIII съезда КПК Си Цзиньпин и премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян посетили девять из десяти стран

АСЕАН и четыре страны Шанхайской организации сотрудничества, а также такие важные соседние страны, как Индию и Пакистан. После вступления на пост председателя Си Цзиньпин посетил Танзанию, Южную Африку и Республику Конго и предложил четырехзначный девиз сотрудничества Китая с Африкой: «Истинный, практичный, близкий и искренний» [7].

6 мая 2013 г. Си Цзиньпин провел переговоры с лидерами 8 стран Карибского бассейна, в которых выразил желание Китая установить и развивать с ними всестороннее сотрудничество. Китай стал более активно участвовать в международной системе и настаивал на «уважении суверенитета и противодействии вмешательству; поддержании мира и противостоянии агрессии; придерживании диалога и противостоянии насилию; поддержании равенства и противостояния силе» [11]. Участвуя в решении глобальных и региональных проблем, наша страна проявляет инициативу, занимает более четкую позицию и играет более заметную роль.

После XVIII съезда КПК дипломатия Китая также продемонстрировала преемственность в своей политике в отношении с крупными странами и решении острых вопросов. В основном это проявлялось в отношении к США, с которыми Пекин стремился реализовать концепцию установления нового типа отношений между крупными державами. В июне 2013 г. Си Цзиньпин и президент США Барак Обама встретились в Калифорнии и выдвинули основные принципы установления нового типа отношений между крупными державами, а именно «неконфликтность, неконфронтация», «взаимное сотрудничество» и «взаимовыгодное сотрудничество» [12]. Тем самым прояснилось общее направление развития двусторонних отношений.

В указанный период китайская дипломатия продемонстрировала новые черты на оперативном уровне, уделяя большее внимание скоординированной роли национальных интересов в международных отношениях, в том числе дипломатии на высшем уровне и «дипломатии женщин». В отчете XVIII съезда КПК было отмечено, что «жесткая защита национальных интересов и законных прав китайских граждан и юридических лиц за рубежом» является первым приоритетом, в котором суммируются достижения китайской дипломатии. Следование принципу независимой дипломатии, «решительная защита национального суверенитета, безопасности и интересов развития» - это второй принцип, который направляет дипломатию Китая в будущем [5]. Предлагая концепцию возрождения китайской нации, Си Цзиньпин подчеркнул, что китайская мечта «воплощает в себе фундаментальные интересы китайской нации и народа». На третьем коллективном заседании Политбюро ЦК КПК XVIII съезда (когда?) он заявил, что Китай должен придерживаться пути мирного развития, никогда не должен отказываться от своих законных прав и жертвовать коренными национальными интересами. Ни одна зарубежная страна не должна ожидать, что КНР будет торговать ключевыми интересами, и мы не должны ожидать, что прогло-

тим горькую пилюлю, которая вредит нашему суверенитету, безопасности и интересам развития [8]. Национальные интересы также рассматриваются как основа для развития двусторонних отношений Китая. По вопросу о китайско-американских отношениях Си Цзиньпин и другие китайские лидеры неоднократно заявляли, что обе стороны должны уважать основные интересы друг друга и способствовать долгосрочному и здоровому развитию этих отношений. Что касается российско-китайских отношений, то обе стороны должны поддерживать друг друга в обеспечении основных национальных интересов практическими действиями. В отношениях с африканскими странами китайский народ ценит и принимает во внимание помощь, которую они оказали Китаю в прошлом и настоящем. Китай также имеет стратегические общие интересы со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия, ЮАР) и намерен всячески их отстаивать на международной арене [8]. Когда национальные интересы стали основным руководящим принципом внешней политики Китая, его лидеры подчеркивали важность обеспечения этих интересов в международных отношениях.

Дипломатическая деятельность Китая после в первые годы после XVIII съезда КПК показала сохранение преемственности и стремление к новациям. По мере того как страна постепенно интегрировалась в международное сообщество, ее внешняя политика становилась все более сложной и разнообразной в различных областях и на разных уровнях. Китай являлся не только бенефициаром и участником международной системы, но и её реформатором. Вместе с тем следует отметить, что статус и функции крупной державы, соседних, развивающихся стран и многосторонняя дипломатия в общей дипломатической структуре Китая не совсем совпадали. В этой всеобъемлющей схеме основной опорой внешней политики являются национальные интересы. Новая группа китайских лидеров, сформированная XVIII съездом КПК, это политики, рожденные после основания КНР в 1949 г. Они хотят поддерживать баланс политического курса: твердо стоят на страже территориального суверенитета Китая, но искренне надеются сохранить мирную окружающую среду. Изменения в модели принятия решений, а также в личных качествах лидеров означают, что определенный субъективизм в процессе принятия дипломатических решений все еще будут существовать, но роль личного фактора будет уменьшаться, что в целом будет все больше соответствовать международным нормам, правилам и обычаям. Процесс разработки и реализация внешней политики был также более институционализирован. Экономическое и политическое влияние Китая в мире будет содействовать успешному решению задач внешней политики и дипломатии.

Список использованных источников

1. Го, Шуйонг. Лун 100 низнлай чжунго гунчандан цюэнцзо гуанниэн биэнциэн чжюао гуйлую = Об основных изменениях глобальных идей Коммунистической партии Китая за последние 100 лет / Шуйонг Го // Международное наблюдение. – Вып. 1. – Пекин, Международное наблюдение. – 2021. – 33 с. (на кит. яз.).

2. Ван, И. Ван И пуджан дзай ди ар цзие шицзие хэпин лунтан вуцан хуэй шан энцзын = Речь министра Ван И во время Второго Всемирного форума мира [Электронный ресурс] / И. Ван // Министерство иностранных дел КНР. 27.06.2013. – Режим доступа: <<https://www.fmprc.gov.cn/web/>>. – Дата доступа: 01.11.2021 (на кит. яз.).

3. Ян, Цземьянь. Дуйвай гуанси ю гоцзи вэнти энцзеу = Исследования международных отношений и международных проблем / Цземьянь Ян. – Шанхай, Шанхайское народное издательство, 2009. – 247 с. (на кит. яз.).

4. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин чуси чжунян вайши гундзуо хуэйи бин фабяо чжуняо цзянхуа = Си Цзиньпин присутствовал на Центральной рабочей конференции по иностранным делам и произнес важную речь [Электронный ресурс] / Цзиньпин Си // Агентство Синьхуа. 29.11.2014. – Режим доступа: <<http://www.xinhuanet.com>>. – Дата доступа: 28.10.2021 (на кит. яз.).

5. Ху, Цзиньтао. Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15 октября 2007 г.) [Электронный ресурс] / Цзиньтао Ху // Интелрос 23.10.2007. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozhenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_sezde_kommunisticheskijj_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html>. – Дата доступа: 15.10.2021.

6. Чэньциэнцхоу, цзиванкайлай, цзисю чаодзэ чжунхуаминцзу вэйда фусин мубяо фэнен цянцзин = Унаследовав прошлое и будущее, продолжаем мужественно идти вперед к великой цели обновления китайской нации // Жэньминь жибао. – 30.11. 2011.

7. Вэй вого фачжан чженцзо лижнхэо чжоубиен хуанцзин, туэйдун вого фачжан ген дуо хуцзи чжоубиен гоцзя = Стремление к созданию благоприятной окружающей среды для развития моей страны и содействие развитию моей страны на благо соседних стран // Жэньминь жибао. – 26.10. 2013.

8. Си, Цзиньпин. Генхао тунчюу гоней гоцзи лян дацзю, ханши цзоу хэпин фачжан даолу цзичу = Улучшение координации внутренней и международной ситуации и укрепление основы для пути мирного развития [Электронный ресурс] / Цзиньпин Си // Агентство Синьхуа. 29.01.2013. – Режим доступа: <http://news.xinhuanet.com/politics/2013-01/29/c_1144538253.htm>. – Дата доступа: 06.11.2021 (на кит. яз.).

9. Ян, Цзечи. Син синши ся чжунго вайцзяо лилун хэ шицзиен чуансин = Инновации в дипломатической теории и практике Китая в новой ситуации [Электронный ресурс] / Цзечи Ян // Министерство иностранных дел КНР. 16.08.2013. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/guowuyuan/2013-08/16/content_2584583.htm>. – Дата доступа: 08.11.2021 (на кит. яз.).

10. Ван, И. Синчэн чжунго фанань, фачу чжунго шэнинь, цзицзи кайчжань цзинцзи вайцзяо = Формирование плана Китая, продвижение голоса Китая и активное осуществление экономической дипломатии [Электронный ресурс] / И. Ван // Министерство ино-

странных дел КНР. 03.12.2013. – Режим доступа: < http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zuxw_602251/t1105278.Shtml >. – Дата доступа: 20.11.2021 (на кит. яз.).

11. Ван, И. Таньсо чжунго тэсэ даго вайцзяо чжи лу = Изучение пути дипломатии великих держав с китайскими особенностями [Электронный ресурс] / И. Ван // Народное обсуждение. 2013. – Режим доступа: <<https://wenku.baidu.com/view/b66d036c6e175f0e7cd184254b35eefdc9d3150c.html>>. – Дата доступа: 10.11.2021 (на кит. яз.).

12. Ян, Цзечи. Куаюэ тайпинян дэ хэцзо янцзечи тань сициньпин чжуси юй аобама цзунтун ань на бо гэ зхуанюань хуэйу чэнго = Сотрудничество через Тихий океан - Ян Цзечи рассказывает об итогах встречи президента Си Цзиньпина и президента Обамы в Annenberg Estate [Электронный ресурс] / Ян Цзечи // Агентство Синьхуа. 10.06.2013. – Режим доступа: < http://www.xinhuanet.com/world/2013-06/09/c_116102752.htm >. – Дата доступа: 16.11.2021 (на кит. яз.).

(Дата подачи: 24.01.2022 г.)

З. В. Чэчулін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Z. Chechulin

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.25

ИНВЕНТАР КРАКАЎСКАГА КАРОННАГА АРХІВА 1551 Г. ЯК КРЫНІЦА ПА РЭКАНСТРУКЦЫІ АРХІВА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (1367–1392 ГГ.)

INVENTORY OF CRACOW CROWN ARCHIVE 1551 AS THE SOURCE OF RECONSTRUCTION THE ARCHIVE OF GRAND DUKES OF LITHUANIA (1367–1392)

Артыкул тычыцца праблемы інфармацыйнага патэнцыялу інвентара Кракаўскага Кароннага архіва як крыніцы па рэканструкцыі архіва вялікіх князёў літоўскіх (1367–1392 гг.). Аўтарам ідэнтыфікавана 11 дакументаў, паходзячых з архіва вялікіх князёў літоўскіх, якія трапілі ў выглядзе двух дакументальных комплексаў у Кракаўскі Каронны архіў у 1386 і 1395 гг. і апісаны ў інвентары ў якасці рэгестаў. Акрамя таго, падаюцца актуальныя на дадзены момант архіўныя шэфры ідэнтыфікаваных паводле інвентара дакументаў.

Ключавыя словы: інвентар; Кракаўскі Каронны архіў; архіў вялікіх князёў літоўскіх; дакументальны склад.

The article deals with the problem of information potential of the inventory of the Cracow Crown Archive as a source for the reconstruction of the archive of the Grand Dukes of Lithuania (1367–1392). The author identified 11 documents come from the archive of grand dukes of the Lithuania, which got place in Cracow Crown Archive two times: in 1386 and in 1395. Also it

described in the inventory as regestas. In addition, the current archival codes of the documents identified by the inventory are provided.

Keywords: inventory; Cracow Crown Archive; archive of the grand dukes of the lithuania; documentary content.

Вывучэнне архіва вялікіх князёў літоўскіх кан. XIV ст. ускладняецца адсутнасцю поўных і сістэматызаваных вопісаў архіва. Гэта тлумачыцца незахаваннем і адсутнасцю шэрагу гістарычных крыніц, іх нешматлікасцю, улічваючы, што за XIV–XV стст. мы не ведаем ніводнага архіўнага вопісу каралеўскіх і велікакняжацкіх архіваў Польшчы і ВКЛ. У гістарыяграфіі амаль адсутнічаюць паўнаватасныя працы, якія б асвятлялі дакументальны склад архіва як сістэматызаванага і ўпарадкаванага збору.

Як і многія манархі сярэдневечых дзяржаў, вялікія князі літоўскія пасля атрымання княжацкага тытула пачалі сістэматычна назапашваць дакументы. Вядома, што вялікакняжацкія архівы былі створаны ўжо ў часы Міндоўга і Гедыміна [1, с. 129–130; 2, s. 1–2; 3, s. XVII–XXIII]. Але гісторыкі мала надавалі ўвагі такому сацыякультурнаму феномену, як велікакняжацкі архіў. Для большасці навукоўцаў адзінка архіўнага захавання велікакняжацкага архіва трансфармавалася ў постаць толькі выключна гістарычнай крыніцы. Такі падыход не спрыяе разуменню архіва як сістэматызаванага збору дакументаў, звязанага з архіваўтваральнікам. Цяжкасці ў вывучэнні архіва вялікіх князёў літоўскіх дадае спецыфічная сістэма кіравання дзяржавай у другой палове XIV ст.

Тэксты дакументаў, якія былі адзінкамі архіўнага захавання архіва вялікіх князёў літоўскіх за перыяд сяр. XIII – сяр. XIV ст., вядомыя з прычыны таго, што ў канцылярыях Рымскай курыі і Тэўтонскага Ордэна ўжо ў другой чвэрці XIII ст. вялося сістэматызаванае стварэнне копій выходнай дакументацыі. Многія з дакументаў былі скапіяваны цалкам, некаторыя з іх дайшлі да нашых часоў у выглядзе трансумптаў і рэгестаў у зборніках археаграфічных публікацый.

Дакументальныя страты архіва вялікіх князёў літоўскіх могуць сведчыць аб тым, што палітычныя і сацыяльныя катаклізмы дэструктыўна ўплывалі на захоўванне архіўнага комплексу да 1386 г. Разам з тым варта разумець, якую ролю велікакняжацкі архіў адыгрываў у тагачасным грамадстве ВКЛ. Прасторна-часавы кантынент тых часоў быў у велізарнай ступені прасякнуты рытуаламі і сымбалізмам. Архіў выступаў не толькі выключна ў якасці сістэматызаванага збору дакументаў, а яшчэ як легітымны інструмент улады, у пэўнай ступені рэпрэзентуючы «прысутнасць» гэтай улады.

Мэтаі дадзенага артыкулу з’яўляецца раскрыццё інфармацыйнага патэнцыялу інвентара Кракаўскага Кароннага архіва (далей – ККА) 1551 г. і яго выкарыстанне дзеля рэканструкцыі першапачатковага дакументальнага складу архіва вялікіх князёў літоўскіх у 1367–1392 гг. (табліца).

**Спіс дакументаў велікакняжацкага архіва 1367–1392 гг.,
трапіўшых у Кракаўскі Каронны архіў (ККА)
(выбарка з аддзелу «Litvania» інвентара ККА 1551 г.)**

№	Дата	Загаловак	Сучаснае месцазнаходжанне
1	7 лістапада 1367 г.	Акт мірнай дамовы лівонскага ландмайстра Вільгельма фон Фрымерсхайма з в. к. л. Альгердам аб буфернай зоне паміж Лівоніяй і ВКЛ	AGAD, Zbiór pergaminów № 4526
2	6 ліпеня 1382 г.	Перамірны ліст вялікага маршала ТО Куна фон Гатштайна з в. к. л. Ягайлай	BCzart. Perg. 185
3	23 мая 1385 г.	Гарантыйны ліст аб перамір'і з боку Конрада Цольнера фон Ротэнштайна да в. к. л. Ягайлы	AGAD, Zbiór pergaminów № 4433
4	23 мая 1385 г.	Гарантыйны ліст аб перамір'і з боку Конрада фон Валенрода да в. к. л. Ягайлы	AGAD, Zbiór pergaminów № 4484
5	28 красавіка 1387 г.	Прывілей польскага караля, найвышэйшага князя літоўскага Уладзіслава II Ягайлы свайму брату в. к. л. Скіргайле	БАН РФ. 4.6.44
6	9 ліпеня 1387 г.	Акт мірнай дамовы паміж Лівонскім Ландмайстарам Робінам фон Эльцам і в. к. л. Скіргайлам	AGAD, Zbiór pergaminów № 4485
7	1 кастрычніка 1388 г.	Дагавор паміж кіраўніцтвам ТО і в. к. л. Скіргайлай аб вяртанні палонных рыцараў Тэўтонскага Ордэна	AGAD, Zbiór pergaminów, № 24

№	Дата	Загалавак	Сучаснае месцазнаходжанне
8	29 мая 1389 г.	Перамірны акт Вітаўта да в. к. л. Скіргайлы	AGAD, Zbiór pergaminów № 4443
9	5 студзеня 1390 г.	Акт мірнай дамовы паміж комтурам Дзюнабурга Берндтам Хефельманам і в. к. л. Скіргайлам	BCzart. Perg. 222
10	1391 г.	Прывілей Уладзіслава II Ягайлы свайму брату в. к. л. Скіргайле на Вільню, Віцебск, Мерач і Гародню	Невядомы. Арыгінала не было ўжо ў XIX ст.
11	6 снежня 1392 г.	Перамірны акт паміж Вітаўтам і Скіргайлам	BCzart. Perg. 236

Храналагічныя межы даследавання абраны на падставе таго, што рэгест дакумента, звязанага з велікакняжацкім архівам Альгерда Гедымінавіча (1367 г.) з’яўляецца самай ранейшай згадкай дакумента з велікакняжацкага архіва, трапіўшага ў ККА. Рэканструкцыя архіва вялікіх князёў літоўскіх 1367–1392 гг. з’яўляецца актуальнай навуковай задачай, таму крыніцазнаўчы аналіз аднаго з аддзелаў інвентара закладзе базіс для далейшых навуковых штудыяў.

Інвентарызацыя архіваў – адзін з важных элементаў сістэматызацыі назапашаных дакументаў. Спробы інвентарызацыі кракаўскага каралеўскага архіва ўсходзяць яшчэ да часоў Я. Ласкага (1505 г.), але першы інвентар архіва быў складзены толькі ў 1551 г. Марцінам Кромерам (1512–1589). М. Кромер – вядомы царкоўны і палітычны дзеяч эпохі Жыгімонта I Старога і Жыгімонта II Аўгуста. У 1544 г. атрымаў пасаду каралеўскага сакратара [4, s. 256].

Складзены ім інвентар структурна складаецца з некалькі аддзелаў, схема сістэматызацыі – геаграфічна-храналагічная. Нас будзе цікавіць адзел інвентара пад назвай «Litvania». Дадзеная частка інвентара, як і астатнія тэматычныя раздзелы, складзена таксама па храналагічнаму прынцыпу. Пад кожным годам ідуць рэгесты дакументаў, для пазначэння асобнай адзінкі захавання рэгест пісаўся з новага радка пад адпаведным годам. Пад рэгестам у навуковай літаратуры па спецыяльнай тэрміналогіі разумеюць кароткі пераказ дакумента. У пэўнай ступені рэгест можна атысямляць з такім элементам апісання, як загалавак дакумента [5, с. 455–457].

Частка архіва, прысвечаная дыпламатычным зносінам манархаў ВКЛ з Тэўтонскім ордэнам (далей – ТО) і яго Лівонскім ландмайстарствам, прадстаўлена шэрагам дакументаў. Найбольш даўні дакумент, які па сваёй правеніенці з’яўляецца актам, створаным у канцылярыі Лівонскага магістра, і трапіўшы ў велікакняжацкі архіў Альгерда Гедымінавіча, датаваны ў вопісе 1367 г. Супаставіўшы рэгест у інвентары М. Кромера і запіс на адваротным баку дакумента па лічбавай фатакопіі арыгінала, можна заўважыць амаль абсалютную ідэнтычнасць інвентарных памет [6].

Такім чынам, дакумент, апісаны ў М. Кромера, варта ідэнтыфікаваць як дагавор Вільгельма фон Фрымерсхайма з Альгердам і Кейстутам аб стварэнні буфернай зоны паміж Лівоніяй і ВКЛ ад 7 лістапада 1367 г. [5, с. 455; 7, с. 28–30]. Акрамя таго, С. У. Палехаў расчытаў і датаваў старарускі дарсальны запіс на дакуменце, здзейснены супрацоўнікамі велікакняжацкага архіва. Вышэйпазначанае дазваляе нам дакладна казаць пра ўваход гэтага дакумента ў велікакняжацкі архіў Альгерда Гедымінавіча.

Наступным дакументам, створаным ў кантэксте дыпламатычных зносін ВКЛ з ТО, з’яўляецца дамова паміж вярхоўным маршалам Куна фон Ганштэйнам з аднаго боку і вялікім князем літоўскім Ягайлам, а таксама князем Трокаў Скіргайлам – з другога. Тэкст дакумента быў напісаны на сярэдневерхнянемецкай канцылярскай мове апошняй чвэрці XIV ст. [5, с. 455; 8, с. 56]. У каталозе пергамянавых дакументаў Бібліятэкі Чартарыйскіх у Кракаве пазначаны два дакумента пад 1382 г. Яны маюць сыгнатуры № 185 і № 186. Паводле інвентарных запісаў на адвароце гэтых двух дакументаў было ўсталявана, што рэгест у інвентары Кромера ідэйна супадае з дарсальным запісам дакумента № 185 і знаходзіцца ў бібліятэцы Чартарыйскіх у Кракаве [9, с. 88–89]. Таму дакумент ідэнтыфікуецца як акт перамір’я паміж Куна фон Ганштайнам з аднаго боку і Уладзіславам II Ягайлам з князем Скіргайлам – з другога. На жаль, дакумент знаходзіцца не ў лепшым стане – пячаткі ўжо ў XIX ст. былі страчаны, ад іх засталіся толькі прымацаваныя ленты. Дакумент мае 8 невялікіх адтулін, з-за якіх не чытаецца некалькі букваў. Па лічбавай копіі арыгінала бачна, што дакумент падлягаў рэстаўрацыі – больш чым на 1/3 абклеены папіроснай паперай у пашкоджанай частцы. Тым не менш, тэкст дакумента публікаваўся некалькі разоў і яго найбольш дакладную рэканструкцыю зрабіў А. У. Ліцкевіч [10].

Пад 1385 г. у інвентары пазначаны тры рэгесты, першыя два з іх адносяцца да дыпламатычных стасункаў ТО і ВКЛ. Першы дакумент варта ідэнтыфікаваць як гарантыйны ліст на перамір’е вярхоўнага маршала ТО Конрада фон Валенрода ад 23 мая 1385 г., выдадзены вялікаму князю літоўскаму Ягайле. Ідэнтыфікаваць дакумент дазволіў зварот да лічбавай публікацыі тэксту дакумента і надпісу на яго адваротным баку, які цалкам супадае з інвентарным рэгестам. Другі дакумент з гэтай групы, пазначанай

пад 1385 г., поўнаасцю ідэнтычны вышэйназванаму акту і таксама датуецца 23 мая 1385 г., аднак ён быў выдадзены ад імя вялікага магістра Конрада Цольнера фон Ротэнштайна [11].

Дакументы за 1387 г. прадстаўлены прывілеем Уладзіслава Ягайлы свайму брату вялікаму князю Скіргайле [5, с. 456]. Тэкст дакумента публікаваўся па арыгіналу з падрабязным апісаннем інвентара надпісу на адваротным баку прывілея ў «Полацкіх граматах». Інвентарны запіс на адваротным баку дакумента цалкам супадае з рэгестам з інвентара М. Кромера і дазваляе нам вызначыць дакумент як прывілей караля польскага Уладзіслава II Ягайлы князю Літвы Скіргайле Альгердавічу на Троцкую зямлю, Менск і іншыя гарады ад 28 красавіка 1387 г. [13, с. 81].

Пасля ліквідацыі Рэчы Паспалітай як дзяржавы дакумент трапіў у Расійскую Імперыю. Але ў вопісе 1808 г., складзеным пры перадачы комплексу арыгінальных актаў на пергаміне і паперы з адзела «Літоўскай метрыкі», пры трэцім дэпартаменце Сената ў Расійскую імператарскую бібліятэку прывілей увогуле не згадваецца [5, с. 462]. Як помнік стара-рускай пісьменнасці прывілей прыцягваў да сябе ўвагу калекцыянераў і трапіў у прыватныя рукі. У сваю чаргу, архіўны лёс дакумента паспрабаваў прасачыць А. У. Ліцкевіч. Так, даследчык правёў грунтоўнае даследаванне і даказаў, што пэўны час дакумент знаходзіўся па-за межамі збору Дуброўскага і толькі ў 1841–1842 гг. трапіў у рукапісны адзел РАН і з гэтага часу мае сыгнатуру 4.6.44 [14].

Другі рэгест пад датай 1387 г. інвентара М. Кромера тычыцца мірнага пагаднення паміж Лівонскім ландмайстарствам і ВКЛ [5, с. 456]. Галоўны ідэнтыфікацыйны маркер дакумента – узгаданне рыжскіх купцоў. Аднаводна, датычна дадзенай сацыяльнай групы, у дагаворы прадугледжвалася некалькі палажэнняў. Акрамя таго выразна пазначаны кантрагент з боку Лівоніі – ландмайстар Робін фон Эльц [5, с. 456]. Дарсальны запіс на дакуменце супадае з тэкстам рэгеста інвентара [8, с. 59; 12, s. 12–13; 13, с. 87–89]. Выключэнне складае толькі тое, што ў інвентары Кромера больш канкрэтна пазначаны аўтар дакумента: «Sub titulo magistri Robin de Eltz». Дата дакумента – 9 ліпеня 1387 г.

Далей тэксты рэгеста інвентара тычацца 1388 г. Пад ім пазначаны дакумент, які тычыўся праблемы вяртання палонных (captivis) з боку вялікага князя Скіргайлы. Кантрагентамі з боку ТО выступалі вялікі маршал Энгельхард Рабэ і вялікі комтур Конрад фон Валенрод. Прааналізаваўшы каталогі і археаграфічныя публікацыі на прадмет наяўнасці такога дакумента, варта зрабіць выснову аб тым, што дакумент трэба датаваць 1388 г. Згодна з электроннай публікацыяй дакумента, уключаючы дарсальную памету на адваротным баку дакумента, мы можам заключыць, што гэта дагавор паміж Э. Фон Рабэ і Конрадам Валенродам з аднаго боку і князем Скіргайлам – з другога, заключаны 1 кастрычніка 1388 г. [8, с. 114–116].

1389 г. адзначаны дакументам, які тычыўся асабістых і палітычных адносін князя Вітаўта і вялікага князя літоўскага Скіргайлы. Указанне на месца «Lublını» дазваляе нам казаць, што перад намі грамата Вітаўта, выдданая ад яго імя вялікаму князю Скіргайле падчас люблінскага з’езду 29 мая 1389 г. Згодна з рэгестам, дакумент быў выстаўлены ў Любліне ад імя Вітаўта і быў адрасаваны князю Скіргайлу з абавязальніцтвамі прымірыцца і дапамагаць у выпадку знешняй пагрозы. Па стану на кан. XIX ст. дакумент знаходзіўся ў Расійскай імперыі. Зараз яго месцазнаходжанне і апісанне былі ўстаноўлены дзякуючы каталогу, змешчанаму на сайце Галоўнага архіва даўніх актаў у Варшаве [15].

1390 г. у інвентары прадстаўлен актам з боку Лівонскага Ландмайстарства аб перамір’і паміж ВКЛ і Лівоніяй [5, с. 456]. Звяраючы рэгест у інвентары Кромера і дарсальны надпіс на дадзеным акце, мы прыходзім да высновы, што дакумент, апісаны ў Кромера, зараз захоўваецца ў бібліятэцы Чартарыйскіх у Кракаве, дзе мае сыгнатуру 222 Perg., vol. I/39 [9, s. 108]. Гэта перамірны акт, выстаўлены ад імя комтура Дзюнабурга Берндта Хельфмана [16].

Пад 1391 г. адносна велікакняжацкага архіва Скіргайлы выяўлены толькі адзін рэгест. Пад рэгестам можна ідэнтыфікаваць дакумент, выдданы Уладзіславам Ягайлам свайму брату Скіргайле на Вільню, Віцебск, Мерач і Гародню [5, с. 456]. Паводле апісання рэгеста, прадстаўленага І. Даніловічам, дакумент ужо ў першай палове XIX ст. быў страчаны [5, с. 463]. Да нашых дзён арыгінальны дакумент пакуль не выяўлены і наўрад ці захаваўся. Згодна са структуры рэгеста, гэта была данацыйная грамата, паводле якой Скіргайла атрымаў у пажыццёвае ўладанне Вільню, Віцебск, Мерач і Гародню.

Пад 1392 г. у інвентары пазначаны перамірны акт, выдданы Вітаўтам князю Скіргайле. 6 снежня 1392 г. пры пасрэдніцтве Ягайлы Вітаўт прымірыўся са Скіргайлам. Акт прымірэння, выданы Вітаўтам, складзены на сярэдневерхняемецкай мове. Хутчэй за ўсё, гэта сведчыць аб тым, што пісар, які быў тэхнічным выканальнікам волі вялікага князя літоўскага Вітаўта добра ведаў канцылярскія традыцыі Тэўтонскага ордэна або каралеўства Польскага [9, s. 114].

Такім чынам, комплекс дакументаў 1367–1392 гг. з велікакняжацкага архіва Альгерда, Ягайлы (да яго абрання польскім каралём у 1386 г.) і яго брата Скіргайлы трапіў у Кракаў. Актualьнымі для нас з’яўляюцца пытанні адносна прычын і часу перавозу архіва. Калі Ягайла быў абраны польскім каралём, ён склаў кантракт з вышэйшымі коламі польскай знаці і па ўмовах крэўскага акту павінен быў перавезці свой велікакняжацкі скарб у Польскае каралеўства. Пад скарбам у дадзеным выпадку трэба мець на увазе «усе каштоўныя рэчы». Часткай гэтага скарбу і быў велікакняжацкі архіў.

Велікакняжацкі архіў Скіргайлы мог трапіць у Кракаў або пасля страты ім статусу вялікага князя, намесніка Уладзіслава II Ягайлы, або пасля смерці, якая застала яго ў Кіеве ў 1395 г. Так, у верасні 1393 г. у скарбавай кнізе каралеўскага двара фіксуецца прыбыванне Скіргайлы пры двары Уладзіслава II Ягайлы [18, с. 245–251; 19, с. 23]. Пасля верасня 1393 г. князь Скіргайла не адыгрываў палітычнай ролі ў ВКЛ і працяглы час прыбываў у Кракаве. Акрамя таго, у інвентары не фіксуюцца рэгесты дакументаў пазней 1393 г., якія б мелі сувязь з велікакняжацкім архівам Скіргайлы. Магчыма, што архіў мог знаходзіцца ўвесь час пры Скіргайле і пры падарожжы ў Кіеў у канцы 1394 г. Тым не менш, Скіргайла памірае 10 лютага 1395 г. у Кіеве, так і не пакінуўшы нашчадкаў. З гэтага можна зрабіць выснову, што Уладзіслаў II Ягайла, будучы законным спадкаемцам маёмасці князя Скіргайла як роднага брата загадаў перавезці архіў памерлага брата ў Кракаў, і менавіта з гэтага моманту архіў Скіргайлы выступае як адзін з дакументальных комплексаў ККА.

Аўтарам дадзенага артыкула была зроблена выбарка загалюўкаў дакументаў з аддзела «Litvania». Загалюўкі перакладзены на беларускую мову, у некаторых выпадках для большай дакладнасці заглавак дакумента падаецца сучаснымі тэрмінамі, прынятымі ў дакументазнаўстве. У асобным слупку даюцца сучасныя сыгнатуры месцазнаходжання ідэнтыфікаваных дакументаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Kosman, M.* Archiwum wielkiego księcia Witolda / *M. Kosman* // *Archeion. Czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym / Organ naczelnej dyrekcji archiwów państwowych.* – Warszawa, 1967. – Т. 46. – С. 129–138.
2. *Jakubowski, J.* Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy / *J. Jakubowski* // *Archeion. Czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym.* – Warszawa: Wydawnictwo archiwów państwowych, 1931. – Т. 9. – С. 1–18.
3. Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Polska Akad. Umiejętności, tow. Naukowe Warszawskie; wydali S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków: Drukarnia UJ, 1932. – XLI, 572 s.
4. *Wyczański, A.* Między kulturą a polityką. Sekretarze Zygmunta Starego 1506–1548 / *A. Wyczański* // Warszawa. – 1990. – 298 s.
5. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год / Изд. М. Оболенский, И. Данилович. – М.: Ун-ая тип., 1843. – Ч. 1. – С. 455–457.
6. Zbiór Dokumentów Pergaminowych AGAD 1155–1370 Zastosowane skróty [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу <http://agad.gov.pl/inwentarze/ute.xml>. – Дата доступу: 29. 01. 2022.
7. *Полев, С. В.* Древнерусские пометки на латинских документах в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве второй половины XIV века / *С. В. Полев* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* – 2021. – № 2 (84). – С. 27–40.

8. *Лицкевіч, А. У.* Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамоіці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) / А. У. Лицкевіч // *Arche*. – 2010. – № 10. – С. 39–123.

9. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie, cz. I, Dokumenty z lat 1148–1506, oprac. W. Szelińska, J. Tomaszewicz, Kraków 1975. – 396 s.

10. Перамірны ліст вялікага маршала ТО Куна фон Гапштайна з в. к. л. Ягайлай 23 мая 1385 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://starbel.by/dok/d094.htm>. – Дата доступу: 06. 02. 2022.

11. Гарантыйны ліст аб перамір’і з боку Конрада Цольнера фон Ротэнштайна да в. к. л. Ягайлы 23 мая 1385 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://starbel.by/dok/d101.htm>. – Дата доступу: 03. 02. 2022.

12. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 / collectus opera A. Prochaska. Kraków: Druk Wł. L. Anczyca i sp., 1882. – 1114 s.

13. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Подготовили А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полюхов (зам. отв. ред.), В. А. Воронин [и инш.]. – М., 2015. – Т. 1. – 864 с.

14. Прывілей польскага караля, найвышэйшага князя літоўскага Уладзіслава II Ягайлы свайму брату князю Скіргайле 28 красавіка 1387 г. – Рэжым доступу: <http://starbel.by/dok/d020.htm>. – Дата доступу: 24. 01. 2022.

15. Zbiór Dokumentów Pergaminowych AGAD Wstępna wersja robocza IX '21 Inwentarz, układ w kolejności sygnatur [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://agad.gov.pl/inwentarze/preg_work.xml. – Дата доступу: 02. 02. 2022.

16. Акт мірнай дамовы паміж комтурам Дзюнабурга Берндтам Хефельманам і в. к. л. Скіргайлам 5 студзеня 1390 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://polona.pl/item/brat-bernt-hewelman-komtury-dyneburga-poswiadcza-ze-w-imieniu-wielkiego-mistrza-i,NtC3NDQ3NTc/1/#info:metadata>. – Дата доступу: 01. 02. 2022.

17. *Danilowicz, I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych / I. Danilowicz. – Wilno: W drukarni A.H. Kirkora. – 1860. – Т. 1. – 390 s.

18. *Piekosiński, F.* Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / F. Piekosiński. – Krakow: Nakładem Akademii Umiejętności. – 1896. – 616 s.

19. *Лицкевіч, А. У.* Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» / А. У. Лицкевіч. – *Arche*, 2012. – № 3. – С. 8–52.

(Дата падачы: 23.02.2022 г.)

С. Ф. Шимукович
Минск, Беларусь

S. Shumikovich
Minsk, Belarus

УДК 947.6(476)

ИНФРАСТРУКТУРА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

CHARITY INFRASTRUCTURE IN GRODNO PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

В статье анализируется структура благотворительных учреждений, сложившаяся к началу XX в. на территории Гродненской губернии. Дана характеристика действовавшим в губернии официальным благотворительным организациям, обозначены частные благотворительные учреждения. Выявлены источники финансирования деятельности учреждений, определены наиболее востребованные в губернии направления благотворительности. Автор отмечает отсутствие согласованности в деятельности благотворительных организаций губернии, указывает на их конкуренцию и противостояние, вызванное этно-конфессиональным фактором.

Ключевые слова: благотворительные учреждения; Ведомство учреждений Императрицы Марии; попечительство о слепых; детские приюты; Российское общество Красного Креста; община сестер милосердия; Гродненское православное братство; Гродненский дом трудолюбия; «польские» благотворительные общества; еврейские благотворительные общества.

The article analyzes the structure of charitable institutions that developed by the beginning of the 20th century on the territory of the Grodno province. The characteristics of the official charitable organizations operating in the province are given, private charitable institutions are designated. The sources of funding for the activities of institutions have been identified, the most popular areas of charity in the province have been identified. The author notes the lack of consistency in the activities of charitable organizations of the province, points to their competition and confrontation caused by the ethno-confessional factor.

Keywords: charitable institutions; Department of Empress Maria's institutions; guardianship of the blind; orphanages; Russian Red Cross Society; community of Sisters of Mercy; Grodno Orthodox Brotherhood; Grodno House of Diligence; «Polish» charitable societies; Jewish charitable societies.

Гродненская губерния Российской империи имела определенные отличия от других губерний, которые мы сегодня считаем белорусскими. Эти отличия были обусловлены ее компактным размером, достаточно пестрым национальным составом, обусловленным соседством с польскими и литовскими землями, значительным, если не преобладающим, влиянием ка-

толической церкви, близостью к европейским рынкам сбыта продукции и многими другими факторами, влияющими на все стороны общественной и экономической жизни региона. Все эти факторы также сказались на специфике развития благотворительной деятельности в регионе и на участие в данных процессах представителей локальных элит и губернского руководства.

Необходимо отметить, что, не смотря на отсутствие какой-либо вменяемой концепции государственной социальной политики в империи в конце XIX – начале XX в., среди многочисленных функций губернских органов власти были обязанности, связанные с развитием как общественных, так и частных благотворительных учреждений. В реализации этих функций местные власти всегда вынуждены были согласовать свои действия с устремлениями местного общества, которое являлось инициатором почти всех филантропических проектов, а также рассматривалось как основной источник финансирования социальных проектов. Поле деятельности для благотворителей было широчайшим. Только в Гродненской губернии по данным переписи 1897 г. официально было зарегистрировано 4066 нищих (всего в пяти белорусских губерниях – 23 863 лица) [1, с. LXX]. Кроме официально учтенных нищих, огромное число городского и сельского населения западных губерний жило на грани риска нищеты и нуждалось в периодической социальной поддержке.

В деятельности губернских властей можно выделить несколько функций, направленных на развитие благотворительности в губернии, и прежде необходимо указать на разрешительно-запретительную. Эта функция была основной в отношениях власти и гражданского общества, поскольку в результате ее осуществления в губернии открывались новые благотворительные организации. Право своею властью разрешать открытие новых благотворительных обществ губернаторы получили от МВД только в 1897 г. Позднее, в 1906 г., эта функция была передана Губернским комитетам по делам об обществах и союзах, деятельность которых, тем не менее, находилась под контролем высшего губернского начальства, так как губернатор являлся руководителем этого органа [2, с. 73–74].

Функция надзора со стороны губернских властей заключалась в строгом слежении за исполнением учреждениями норм законодательства и предписаний правительства. Особенно это касалось своевременной доставки в МВД отчетности частных благотворительных учреждений. Функция учета заключалась в постоянном обновлении сведений о численности благотворительных учреждений в губерниях и уездах. Контроль запросов находился полностью в ведении руководителей губернских органов власти, через которые благотворительные учреждения подавали прошения в правительство относительно всех сторон своей деятельности. Информирование общественности об открытии новых обществ (прежде всего всероссийских),

о сборе пожертвований на нужды пострадавших в разных уголках империи, о выходе специализированных изданий составляло еще одну функцию местных властей. Представители губернской администрации обязаны были проводить периодические ревизии благотворительных учреждений. Кроме прочего, высшее губернское руководство участвовало в непосредственном управлении делами местных отделов некоторых официальных благотворительных ведомств, а также некоторых частных губернских благотворительных обществ [3, с. 67].

Действия руководителей губерний, представителей органов местной власти во многом зависели от личностных качеств руководителей, от того внимания, которое они уделяли вопросам развития благотворительности, как общественной, государственной, так и частной. Не способствовали этим отношениям частые смены губернаторов, что затрудняло налаживание контактов благотворительных учреждений с властями.

Ситуацию с развитием благотворительности в Гродненской губернии на рубеже веков могут проиллюстрировать статистические данные, собранные правительством империи в 1901 г. Так, в начале XX в. в Гродненской губернии насчитывалось 43 благотворительных общества с капиталом почти 218 тыс. рублей, совокупным годовым доходом более 114 тыс. рублей. Общества оказали за 1901 г. помощь 11,5 тыс. отдельным лицам и почти 300 семьям. Данные цифры мало в чем уступают показателям соседних губерний, что позволяет сделать вывод об общих тенденциях и масштабах развития благотворительности во всем белорусском регионе. Что касается благотворительных заведений, то их в Гродненской губернии было значительно меньше, всего 25 (в Минской – 52, Могилевской – 123), хотя число лиц, воспользовавшихся их помощью, было значительным и не уступало соседним губерниям (794 человека на постоянной основе и 206 тыс. случаев оказания единовременной помощи) [1, с. LXVIII].

Необходимо указать, что уже в конце XIX в. в империи сложилась специфическая многоуровневая система благотворительных учреждений, представленная в миниатюре в Гродненской губернии. Она включала систему официального общественного призрения в лице Приказов общественного призрения, ряда учреждений, носивших черты «официальных ведомств» и большого количества разнообразных частных обществ. К числу официальных структур принадлежали Ведомство учреждений Императрицы Марии с входящими в его состав организациями, имевшими самостоятельный статус, Российское Общество Красного Креста, Попечительство о трудовой помощи и некоторые более мелкие организации. Однако официальные благотворительные организации не получали обязательного финансирования из государственного бюджета, исключительно полагаясь на пожертвования от частных лиц и организаций, конкурируя в этом с многочисленными частными благотворительными обществами.

В то же время сотрудники официальных благотворительных учреждений часто пользовались правами государственных служащих, и необходимо отметить, что в западном регионе империи государственная кадровая политика предполагала выплату прибавки в размере 25 % от оклада, что давало чиновникам «русской» национальности из центральных губерний империи определенные финансовые преимущества [4, с. 337].

В Гродненской губернии были представлены почти все всероссийские официальные благотворительные организации. Прежде всего, это государственные Приказы общественного призрения и учреждения при них. В белорусском регионе только три Приказа содержали богадельни для призрения стариков и солдат-инвалидов. Такие учреждения действовали в Витебске, Минске и Гродно. Общее число лиц, содержащихся в этих заведениях на рубеже XIX–XX вв., достигало 230 человек [5, с. 3]. Но первоочередной задачей Приказов было содержание лечебных учреждений, а вот благотворительная деятельность финансировалась уже по остаточному принципу. Действительно, расходы Гродненского Приказа общественного призрения в 1901 г. на благотворительные цели составили всего 625 рублей, что вполне сравнимо с расходами данных учреждений в соседних губерниях [1, с. LXXII].

Наиболее распространенными в западных губерниях были благотворительные организации Ведомства учреждений Императрицы Марии. Данная структура являлась самым ранним из официальных благотворительных ведомств. Оно было основано еще в 1796 г. Марией Федоровной, супругой Павла I. Постепенно к этому обществу, находившемуся под покровительством императорской семьи, присоединялись самые разнообразные учреждения, и, как результат, «ведомство» получило широкие цели и задачи в своей деятельности. В 1854 г. эта структура получила статус государственного учреждения [6, с. 154]. Однако бюджетного финансирования «ведомство» не получало, оно рассчитывало на частные пожертвования, доходы от накопленных капиталов, прибыль от разных мероприятий – то есть от благосклонности широких слоев общественности. Управляла заведениями ведомства особо учрежденная канцелярия при императоре [7, с. 203].

На территории Беларуси и Гродненской губернии в частности из многочисленных структур Ведомства Императрицы Марии распространяли деятельность Ведомство Детских Приютов, Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых и Попечительство Императрицы Марии Федоровны о глухонемых. К концу XIX в. во всех белорусских губерниях, в том числе в Гродно, были открыты официальные детские приюты. Нужно отметить, что гродненский приют был невелик, поскольку зависел от размеров частных пожертвований, а они были малы и непостоянны. Так, в 1898 г. доход приюта составил всего 559 рублей (для сравнения – Витебский приют в том же году получил доход в размере 22 429 рублей, Минский – 15 086 ру-

блей). Нужно отметить, что запасной капитал Гродненского приюта составлял достаточно значительную сумму – 15 020 рублей, но существовали значительные ограничения по их использованию на текущие нужды [5, с. 2].

На местах делами приютов руководили губернские (или уездные) Попечительства детских приютов. Председателями Попечительств всегда были местные губернаторы, Попечительницами приютов – их супруги. Действительными членами Попечительств были исключительно представители высшего губернского чиновничества – предводители дворянства, вице-губернаторы, директора народных училищ, городские головы и другие чиновники, преимущественно из приехавших на службу русских [8]. Почетные члены Попечительства – в основном представители местного русского чиновничества и русской земельной аристократии, в Гродненской губернии очень немногочисленные – вносили ежегодно по 100 рублей членских взносов. Государство, не смотря на официальный характер учреждения, не финансировало приюты, оставляя это на совесть частных жертвователей [6, с. 179]. Представители местной католической или «польской» аристократии минимально участвовали в деятельности благотворительных учреждений, находящихся под контролем российских властей. Именно эти факторы определили недостаточность средств гродненского детского «официально» приюта.

Попечительство о слепых при Ведомстве императрицы Марии Федоровны возникло в 1881 г. с целью оказания помощи солдатам, потерявшим зрение на русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Постепенно Попечительство стало решать вопросы оказания помощи всем потерявшим зрение жителям империи. Основными задачами, решению которых уделялось особое внимание, было обучение слепых грамоте и ремеслам для того, чтобы они могли содержать себя сами [6, с. 183–184]. На белорусских землях действовали два местных отдела Попечительства – в Минске и Гродно, а также в Вильно глазная лечебница и амбулатория Попечительства обслуживали жителей белорусского региона [9, с. 184].

Гродненское отделение Попечительства о слепых в 1897 г. начало деятельность с целью предупреждать слепоту, обеспечивать нуждающимся бесплатное лечение и материальную поддержку лицам, потерявшим зрение. По данным переписи 1897 г. в Гродненской губернии насчитывалось 1335 слепых, поэтому поле деятельности для Попечительства было широким. В 1898 г. в распоряжение отдела поступило всего 1788 рублей частных пожертвований. На эту сумму отдел не мог развернуть широкой деятельности, а тем более основать лечебное заведение. Более того, из указанной суммы отдел вынужден был изъять 1300 рублей и отослать их в распоряжение Совета Попечительства в Петербурге [10, с. 56]. Вплоть до 1914 г. отдел так и не открыл своего заведения (приюта или амбулатории) в Гродно, более того, исполнявший должность Уполномоченного попечителя

по Гродненской губернии статский советник Н.А. Беретти ограничивался ежегодной отсылкой в Совет Попечительства в Петербург большей части пожертвований жителей губернии [11, с. 142]. Крайне мало средств затрачивалось на выдачу пособий слепым в самой губернии. В 1903 г. с этой целью было израсходовано только 88 рублей, помощь оказана 11 лицам, т. е. в среднем по 8 рублей каждому обратившемуся [5, с. 2].

Российское общество Красного Креста являлось относительно молодым общеимперским официальным благотворительным ведомством. Было основано в 1867 г. при непосредственном участии членов императорской семьи. К началу XX в. покровительницей, а по сути руководительницей, Общества являлась императрица Мария Федоровна, вдова Александра III [12, с. 163]. Главной целью Общества было «содействие военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами во время войны» [13, с. 158]. Оно имело в своем распоряжении значительные материальные средства. В штате Общества был представлен квалифицированный медицинский персонал в лице сестер милосердия. В мирное время участвовало в ликвидации последствий стихийных и народных бедствий, а также в организации медицинского обслуживания населения. Это давало возможность приобрести неоценимый опыт практической работы сестрам милосердия [12, с. 154].

К концу XIX в. в Беларуси действовало пять местных управлений в губернских городах, в том числе в Гродно. Для открытия местного управления требовалось наличие минимум 30 действительных членов [13, с. 158]. Действительными членами считались лица, платившие взносы в размере 5–10 рублей ежегодно или 100 рублей единовременно. К 1903 г. Гродненское местное правление уже имело 48 656 рублей основного капитала, при этом годовой доход составлял 2078 рублей, однако это было в 3–4 раза меньше доходов Витебского и Минского управлений [5, с. 1]. Причины финансового голода общества были те же, что и у Ведомства императрицы Марии Федоровны.

В губернских местных управлениях особое внимание уделялось организации общин сестер милосердия и заведений при них – амбулаторий, больниц, аптек. Фактически общины считались независимыми от местных управлений учреждениями, тем не менее существовало тесное сотрудничество, в том числе финансовое, между этими структурами. К началу XX в. все местные управления в Беларуси открыли общины сестер милосердия. Община сестер в Гродно была открыта самой последней из белорусских – только в 1901 г. [5, с. 1]. В организации общин сестер милосердия главным препятствием был дефицит средств. Если Минское и Витебское местные управления в силу больших доходов от частных пожертвований особых трудностей не испытывали, то Гродненское местное управление, имевшее незначительные доходы, испытывало сложности как в организации общины, так и в дальнейшем ее финансировании. Устройство общины, как пра-

вило, стоило дорого. Для общины необходимо было строить либо нанимать большое помещение, где располагались бы жилые помещения для сестер, а также заведения – амбулатории, больницы и т. д. [5, с. 1–2]. Финансовые условия существования общины в Гродно были более сложные, чем в Витебске и Минске.

Во второй половине XIX в. в Российской империи приобрела популярность идея оказания помощи самым разнообразным категориям нуждающихся посредством предоставления несложной работы с гарантированной оплатой (так называемая «трудовая помощь»). Большое влияние на распространении этих идей в России имел положительный опыт Западной Европы, где успешно действовали многочисленные учреждения трудовой помощи, а в Северной Европе даже вытеснили подачу милостыни нищенствующим лицам [14, с. 1]. В Российской империи также было организовано несколько заведений, основанных по принципу «трудовой помощи», среди первых были дома трудолюбия в Гродно (1893), Вильно (1895), Витебске (1896).

Гродненский дом трудолюбия был открыт по инициативе гродненского епископа Иосифа, на средства Гродненского православного братства, но позднее передан частному Христианскому благотворительному обществу. Основную часть расходов при основании заведения взяли на себя частные лица [15, с. 293; 16, с. 613]. Гродненский «дом трудолюбия» был небольшим заведением, рассчитанным на одновременное нахождение только 25 человек, отметим, что заведение не имело общежития (работники приходили на день) [15, с. 294; 17, с. 224]. В деятельности Гродненского дома трудолюбия наблюдалась дискриминация по конфессиональному признаку, поскольку помощь оказывалась исключительно лицам христианского вероисповедания (это была инициатива Правления Гродненского Христианского общества, она лишила заведение финансовой поддержки со стороны многочисленной еврейской аудитории). В первые годы существования заведения рабочий день длился 8–10 часов, при этом суточный заработок составлял 15 копеек [15, с. 293; 18, с. 48]. С коммерческой точки зрения заведение было очень плохо организовано, в его адрес поступало мало частных пожертвований, что ставило «дом трудолюбия» в тяжелые условия существования. В 1895 г. Гродненское Христианское благотворительное общество ходатайствовало перед имперским Комитетом Попечительства о трудовой помощи о выделении своему заведению постоянного пособия, но получило обоснованный отказ [6, ч. 2, с. 38]. Было выделено только временное пособие, в размере 1000 руб. на 1895–1897 гг. [18, с. 48]. За все время существования Гродненский «дом трудолюбия» не расширялся, не изменялись перечни работ. В 1903 г. среди работ отмечались: плетение корзин, ковриков, щипка перьев и вязание чулок. Заработки составляли от 6 до 20 копеек в день для мужчин и 5–15 копеек для женщины. Всего за 1903 г. через заведение условно прошло 296 мужчин и 2850 женщин [5, с. 1–13]. Деятельность гродненского

заведения трудовой помощи, в отличие от витебского «дома трудолюбия», не смогла изменить ситуацию в городе в борьбе с нищенством, оказать помощь всем нуждавшимся было затруднительно, гродненские губернские власти, в отличие от витебских, не уделяли развитию трудовой помощи должного внимания. Конфессиональная дискриминация со стороны курировавшего дом трудолюбия благотворительного общества блокировало его развитие и финансирование.

Кроме «официальных ведомств» в Гродненской губернии действовали благотворительные общества, основанные частными лицами. Первые из них появились еще в начале XIX в. Как результат поддержки, оказанной частной инициативе местного «польского» общества со стороны императора Александра I. В период его правления были основаны общества в Вильно, Новогрудке, Бресте, Минске, Гродно, Слуцке и т. д. [19, с. 26–27]. Однако в следующее царствование «польские» общества не нашли поддержки со стороны правительства, некоторые из них были закрыты. Так, Благотворительное общество в Гродно возобновило работу после долгого перерыва в 1855 г. в качестве «губернского», т. е. на новых принципах и под полным контролем губернских властей. Учредителями «губернских» частных благотворительных обществ являлись, как правило, местные губернаторы, другие высшие чиновники губернского уровня, их супруги. В дальнейшем Правления обществ возглавляли губернаторы независимо от частоты их сменяемости на постах. В состав Правлений входили высокопоставленные чиновники губернских заведений, крупные местные помещики из числа лояльных российскому правительству [8, с. 57]. По сути эти учреждения представляли собой «ведомства губернского масштаба» в сочетании с функциями «элитного клуба», хотя и сохраняли преимущества частного общества. Влиятельный состав Правлений и членов обществ во многом обуславливал масштабы деятельности этих учреждений. С другой стороны, в губерниях, где локальные элиты в меньшей степени были ориентированы на включение в имперские структуры (с карьерными, экономическими и т. д. целями), а в большей степени формировали параллельные структуры, данные благотворительные общества не получали должного размаха и популярности.

Не способствовала появлению частных благотворительных обществ сложная процедура их открытия, несколько упростившаяся в 1897 г. с утверждением Типового устава благотворительного общества. Очередная волна массового появления частных обществ была связана с изданием Временных Правил об обществах и союзах в 1906 г. По этому закону частные благотворительные общества могли создавать не только русские и еврейские общины, но также польские, литовские, немецкие и другие национальные группы. Именно с 1906 г. широкое распространение получили «римско-католические», или «польские», благотворительные общества (Минск,

Гродно, Лида, Полоцк, Витебск, Гомель, Бобруйск и т. д.). Четко и явно в это время проявилась тенденция (негласно существовавшая и ранее) разделения благотворительной помощи по конфессиональной и национальной принадлежности. Необходимо отметить, что в ряде крупных белорусских городов, прежде всего в Минске, наметилась тенденция к преодолению конфессиональной и национальной розни в оказании благотворительной помощи [20, с. 18–22], но эта тенденция совершенно не затронула Гродно, где в первую очередь наблюдалось противостояние между «православно-русскими» и «католическо-польскими» группами элит и основанными ими обществами, а нежелание «христианских» благотворительных обществ сотрудничать с еврейскими структурами отступало на второй план.

Согласно данным официальной правительственной статистики, наиболее многочисленными и массовыми в Гродненской губернии, как и в соседних, были еврейские благотворительные общества. Так, в Гродно в 1898 г. было основано общество помощи больным евреям «Линос-Гацедек», членами которого в начале XX в. состояли 664 человека, а годовой доход достиг 4,3 тыс. руб.; гродненское дамское еврейское общество «помощь падающим – Семейх-Нейфлим» при 477 членах имело годовой доход в 12,6 тыс. руб. Еврейские общества массово открывались во всех городах и местечках Гродненской губернии, общества в свою очередь открывали благотворительные заведения – дешевые столовые (Гродно), ночлежные дома и дешевые квартиры (Гродно, Брест), родильное отделение (Брест) и т. д. [5, с. 1–13].

Христианские (православные и католические) благотворительные общества также содержали разные заведения, в частности дома для престарелых и дряхлых (Брест, Слоним), но чаще ограничивались выдачей пособий (Пружаны). В 1908 г. в Гродно открылось частное общество попечения о детях, которое содержало приют-ясли, в котором постоянно проживали 26 детей и ежедневно пользовались дневным приютом 100 приходящих малышей. Власти установили за деятельностью общества тщательный надзор, поскольку оно являлось «польским» учреждением, где дети могли воспитываться в духе католицизма и «польскости», а значит необходимо было проследить, чтобы общество не вело преподавательской деятельности в яслях [21, с. 205]. Однако именно это благотворительное общество нашло самую широкую поддержку местного общества и за первый год своего существования собрало почти 12 тыс. руб. пожертвований, а расходы составили только около половины указанной суммы [5, с. 1–13].

Православная церковь в Гродненской губернии также имела собственные благотворительные организации – церковно-приходские попечительства и братства. В Гродненской губернии они были немногочисленные, но это компенсировалось активностью и инициативностью их работы и поддержкой со стороны властей. В губернии на 1901 г. насчитывалось три городских и пять сельских православных церковных попечительств с очень ограни-

ченными капиталами и небольшими доходами, но стоит отметить, что число лиц, охваченных помощью, не уступало многочисленным и более состоятельным попечительствам Витебской и Минской губерний [1, с. 318–321].

Спецификой Гродненской губернии было то, что церковные благотворительные организации основывали самые разные заведения. Наряду с традиционными – богадельными и приютами – содержали такие редкие даже в среде светской частной благотворительности заведения, как дешевые квартиры (Гродно), кредитные кассы и школу грамотности (Волковыск) [22, с. 616; 10]. Мы отмечали выше, что в 1893 г. Гродненское церковное братство основало «дом трудолюбия», однако по финансовым причинам вынуждено было передать его в ведение местного губернского благотворительного общества [5, с. 1–2]. Православное духовенство в католической Гродненской губернии проявляло высокую активность и отличалось инициативностью в деле противостояния католической церкви, что проявлялось в том числе и в формах и методах благотворительной деятельности церкви.

Таким образом, развитие благотворительности в Гродненской губернии на рубеже XIX–XX вв. соответствовало основным тенденциям развития благотворительности в белорусском регионе с учетом конфессиональной и национальной специфики губернии. Губернские власти активным образом принимали участие в деятельности самых разных благотворительных учреждений, что было обусловлено их функциональными обязанностями по надзору и поддержанию общественного порядка во вверенной им губернии. Однако местные группы элит, демонстрирующие польскую идентичность, участвовали в деятельности официальных благотворительных учреждений минимально, предпочитая основывать собственные параллельные частные благотворительные общества. Это можно рассматривать как серьезный показатель разобщенности формальных и неформальных локальных элит Гродненской губернии.

Список использованных источников

1. Благотворительность в России: в 2 т. / сост. Собств. ЕИВ Канц. по учрежд. Имп. Марии. – СПб.: Типо-лит. Н. Я. Ныркина, 1907. – Т. 1.
2. Высочайший Указ 4 марта 1906 года. Временные правила о союзах и обществах // Памятная книжка Витебской губернии на 1912 год / Витебский Губ. Стат. Комитет. – Витебск: Губ. тип., 1912. – С. 73–87.
3. Шымковіч, С. Ф. Роля губернскіх і мясцовых улад у развіцці дабрачыннасці на Беларусі / С. Ф. Шымковіч // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. – 2000. – № 2. – С. 67–72. – (Серія гуманітарных навук).
4. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а так же в губерниях Западных и Царства Польского // Свод законов Российской империи: в 5 кн., XVI-ти т. / под ред. И. Д. Болтухай-Мордовского, сост. Н. П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Гинцбург. – СПб.: Деятель, 1912–1914. – Кн. 1, Т. II: Свод губернских учреждений, 1912. – С. 337.

5. Гродненская губерния // Благотворительность в России: в 2 т. / сост. Собств. ЕИВ Канц. по учрежд. Имп. Марии. – СПб.: Типо-лит. Н. Я. Ныркина, 1907. – Т. 2: Список благотворительных учреждений, 1907. – С. 1–13.
6. *Швиттау, Г. Г.* Трудовая помощь в России: в 2 ч. / Г. Г. Швиттау. – Петроград: Тип. А. Э. Коллинс, 1915. – Ч. 1. – 216 с.; Ч. 2. – 600 с.
7. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
8. Адрес-Календарь // Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год / Гродненский Губ. Стат. Комитет. – Гродно: Губ. тип., 1899. – 314 с.
9. Адрес-Календарь // Памятная книжка Виленской губернии на 1902 год / Виленский Губ. Стат. Комитет. – Вильно: Губ. тип., 1901. – 330 с.
10. Сведения о состоянии Гродненской губернии за 1898 год // Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год / Гродненский Губ. Стат. Комитет. – Гродно: Губ. тип., 1899. – 88 с.
11. Адрес-Календарь и справочная книга Гродненской губернии на 1912 год / Гродненский Губ. Стат. Комитет. – Гродно: Губ. тип., 1911. – 476 с.
12. *Максимов, Е. Д.* Наши Благотворительные ведомства и учреждения, «на особых основаниях управляемые». Императорское Человеколюбивое Общество. Российское Общество Красного Креста / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1903. – № 2. – С. 151–174.
13. Извлечение из Устава Российского Общества Красного Креста // Вестник Красно-го Креста. – 1908, март. – С. 158–159.
14. *Ганзен, П.* Трудовая помощь в Скандинавских странах / П. Ганзен. – СПб., 1899. – 279 с.
15. Открытие Дома Трудолюбия в г. Гродно // Детская Помощь. – 1893. – № 23. – С. 692–693.
16. Хроника русской благотворительности // Детская помощь. – № 20. – С. 613.
17. *Дмитриев, М. Н.* Дома трудолюбия / М. Н. Дмитриев. – СПб., 1900. – 271 с.
18. *Лутковский, В. В.* О Домах трудолюбия в России / В. В. Лутковский // Вестник благотворительности. – 1897. – № 12. – С. 39–60.
19. *Максимов, Е. Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Д. Максимов // Антология социальной работы: в 5 т. / сост. М. Фирсов. – М., 1994. – Т. 1: История социальной помощи в России. – 1994. – С. 9–29.
20. *Шимукович, С.* К вопросу об объединении частной благотворительности в Беларуси / С. Шимукович // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2000. – № 3. – С. 18–22.
21. *Brensztejn, M.* Informator o towarzystwach naukowych, oświatowych, artystyczno-popularnych, filantropijnych, wzajemnej pomocy, sportowych i klubach na Litwie i Białej Rusi / M. Brensztejn. – Wilno, Druk Jozefa Zawadzkiego, 1914. – 315 s.
22. *Максимов, Е.* Приходские попечительства при православных церквях как органы благотворительности / Е. Максимов // Трудовая помощь. – 1903. – № 5. – С. 609–626.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

А. К. Шымак

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Shymak

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(470+571)

СТАСУНКІ ЛЖЭДЗМІТРЫЯ І РЫМСКАЙ КУРЫ

RELATIONS BETWEEN THE FALSE DEMITRY I AND THE ROMAN CURIA

У артыкуле разглядаюцца праблемы ўзаемаадносінаў Расійскай дзяржавы і Рымскай курыі падчас Смуты пачатку XVII ст. Кантакты з Рымам актыўна падтрымліваліся на працягу ўсяго перыяду царавання першага самазванца. Падтрымка з боку Рыма была неабходнай для Лжэдзімітрыя I, каб адчуваць сябе больш самастойным у адносінах з Жыгімонтам III. Рымская курыя падтрымала дыпламатычную гульні і не адмаўлялася ад перамоваў і стасункаў.

Ключавыя словы: знешняя палітыка; дыпламатыя; Рымская курыя; Расійская дзяржава; Рэч Паспалітая; Смута.

The article examines the problems of relations between the Russian state and the Roman Curia during the Troubles of the early XVII century. Contacts with Rome were actively maintained throughout the reign of the first impostor. Support from Rome was necessary for False Dmitry I to feel more independent in his relationship with Sigismund III. The Roman Curia supported the diplomatic game and did not give up negotiations and relations.

Keywords: foreign policy; diplomacy; Roman curia; Russian state; Res Publica; Troubles.

Гісторыя ўзаемаадносінаў Расійскай дзяржавы і Рымскай курыі знаходзіць сваё адлюстраванне ў шматлікіх навуковых даследаваннях, дзе разглядаюцца пытанні міжнародных адносінаў і знешняй палітыкі, царкоўнай гісторыі, праблемы крыніцызнаўства і гістарыяграфіі. Немагчыма пакінуць без увагі і такі аспект дыпламатычных кантактаў Масквы і Рыма, як палітыка ў часы Лжэдзімітрыя I.

Падзеі канца XVI – пачатку XVII ст. у гісторыі Расіі сталі называцца «Смутным часам». Смута стала складаным комплексам супярэчнасцей, якія спалучалі і эканамічныя, і палітычныя, і сацыяльныя фактары. Некаторыя гісторыкі, у прыватнасці ў XIX ст., у якасці прычыны Смуты называлі таксама імкненне Рымскай курыі падпарадкаваць Праваслаўную Царкву і дзейнасць езуітаў [2, с. 4].

З канца XV ст. адной з галоўных знешнепалітычных задач Апостальскай Сталіцы стала правядзенне агульнахрысціянскага крыжовага паходу для выгнання туркаў з Еўропы. Пасля падзення Канстанцінопаля асманская небяспека становілася ўсё большай. Спробы рымскіх пантыфікаў, пачынаючы

з папы Пія II (1458–1464), схіліць туркаў на бок хрысціянства не прынеслі ніякага плёну. У гэтых умовах Курья пачала шукаць шляхі для арганізацыі антыасманскай кааліцыі [20].

З канца XV ст., у часы кіравання маскоўскага князя Івана III, распачынаецца шматлікі абмен пасольствамі паміж Масквой і Рымам. Але інтарэсы бакоў у поўнай меры ніколі не супадалі. Пасольствы Сямёна Талбузіна (1475 г.), братоў Дзмітрыя і Мануіла Ралевых (1488 г.), Мітрафана Карачарава і Дзмітрыя Ралева (1500 г.), акрамя культурных і эканамічных мэтаў вырашалі задачы палітычнага характару [16, с. 37–54]. У гэты час ва Усходняй Еўропе пачаў складвацца асаблівы вузел супярэчнасцей, які закранаў інтарэсы некалькіх дзяржаў: Княства Маскоўскага «всёя Русі», Вялікага Княства Літоўскага, Кароны Польскай, Лівонскага ордэна. У часы кіравання Івана III і Васіля III стала відавочным, што адносіны з Рымам могуць паспрыяць вырашэнню спрэчных тэрытарыяльных пытанняў, дапамогуць стварыць лепшыя ўмовы для гандлю ў Прыбалтыцы, і наогул падымуць аўтарытэт маскоўскай велікакняжацкай улады. У сваю чаргу Рымская курья, зацікаўленая арганізацыяй крыжовага паходу супраць Асманскай імперыі, стала актыўным, калі не ўдзельнікам, то назіральнікам за ўсходнееўрапейскімі канфліктамі.

У 1547 г. Княства Маскоўскае «всёя Русі» стала Расійскім царствам, але пераемнасць знешнепалітычнай канцэпцыі ва ўзаемаадносінах з Рымскай курыяй захавалася. Іван IV працягнуў «палітыку заляцанняў» з Рымам, распачатую яго дзедам і бацькам, і здолеў не дапусціць дамінавання рэлігійна-ідэалагічнай падаплёкі ў вайне з Рэччу Паспалітай.

Пасля яго смерці прадстаўнік папы Камулей у 1594 і 1597 гг. знаходзіўся пры двары апошняга цара з роду Рурывічаў – Фёдара Іванавіча – для перамоваў аб сумеснай барацьбе з туркамі, але мэта яго вандравання не была дасягнута [15].

І вось у 1603 г. у Рэчы Паспалітай з’явіўся «чудам уратаваны» ад смерці сын Івана IV царэвіч Дзмітрый, які шукаў любой дапамогі, Рымская курья не засталася па-за яго ўвагай.

Першыя звесткі аб Лжэдзмітрыі I прадставіў Адам Вішнявецкі, які накіраваў даклад каралю Жыгімонту III, дзе паведамлялася, што «царэвіча Дзмітрыя» падмянілі ў спальні вуглічанскага палацу, і нават маці не заўважыла, што загінула не царскае немаўля [19, с. 65]. У лістападзе 1603 г. кароль паведаміў нунцыю Кладзіё Рангоні¹ аб чудаўным з’яўленні «царэвіча Дзмітрыя» [6, с. 2]. У той жа час сталі распаўсюджвацца звесткі аб схільнасці Лжэдзмітрыя I да каталіцтва. Невыпадкова і тое, што тайну

---

¹Між іншым, не хто іншы, а менавіта папскі нунцій Клаўдыё Рангоні ў 1601 г. асвяціў знамяты нявіжскай касцёл Божага Цела, пабудаваны па праекце італьянскага архітэктара Джавані Марыя Бернардоні і па распараджэнні Мікалая Хрыстафора Радзівіла «Сіроткі».

свайго «выратавання» Лжэдзітрый паведаміў святару-езуіту, разлічваючы атрымаць падтрымку з боку папства.

На працягу XVI ст. у Рыме чулі шмат абяцанняў уніі, сумеснага паходу супраць Асманскай імперыі, просьбы аб царскім тытуле і г. д. Масква была зацікаўленая ў захаванні міру на заходніх межах дзяржавы і ўдала выкарыстоўвала для гэтага пасрэдніцтва Курыі. Цесная сувязь перамоваў маскоўскіх князёў і рымскіх папаў з развіццём адносінаў з Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім знаходзіць сваё пацверджанне і ў тым, што, мяркуючы па вопісу царскага архіва XVI ст., усе гэтыя матэрыялы знаходзіліся ў адной скрыні [4].

Падтрымліваючы размовы аб антыасманскай кааліцыі, Масква ніколі не забывалася пра свае асабістыя мэты і, як пісаў П. Пірлінг, «бразгала зброяй толькі дзеля задавальнення Захаду».

Але ўжо ў красавіку 1604 г. царэвіч Дзітрый звярнуўся да папы Клімента VIII як каталіцкі ўладар. Даследчык XIX ст. А. Хіжберг падрабязна апісаў падзеі, якія папярэднічалі гэтаму лісту. Лжэдзітрый прыехаў у Кракаў у суправаджэнні Мнішэка і князя Канстанціна Вішнявецкага і спыніўся ў доме Сандамірскага ваяводы. Тут быў арганізаваны адмысловы банкет, дзе адбылося яго знаёмства з нунцыем Клаўдзіё Рангоні. Лжэдзітрый сустрэкаўся з Жыгімонтам III, вёў перамовы з нунцыем і езуітамі. Апошнія нават накіравалі да яго настаяцеля кракаўскай супольнасці – айца Каспера Савіцкага. У хуткім часе Лжэдзітрый заявіў аб сваім жаданні прыняць каталіцтва і прыступіць да сакрамэнту споведзі.

У сувязі з гэтымі падзеямі адбывалася нарада братоў-езуітаў, сярод якіх быў знакаміты Пётр Скарга [18, с. 272]. У выніку быў дадзены дазвол, і Лжэдзітрый у прысутнасці Вішнявецкага, а таксама кракаўскага ваяводы адмовіўся ад праваслаўя і спавадаўся. Пасля гэтай падзеі нунцый узначаліў літургію, дзе «царэвіч Дзітрый» прымаў сакрамэнты і атрымаў ад нунцыя падарунак у выглядзе баранка ў залатой аздобе і 25 дукатаў, і, у сваю чаргу, перадаў вышэй узгаданы ліст да папы [17, с. 39–54].

Зварот «Дзітрыя Іванавіча» да пантыфіка павінен быў забяспечыць падтрымку з боку Рымскай курыі і паказаць намеры будучага цара: «Буде же Господь Бог откроет мне путь в столицу, принадлежащую мне по наследственному праву и возрит на мою правоту, я нижайше и покорно прошу, дабы ты отец всех Христовых овец не оставил меня без твоего покровительства и помощи. Может Господь бог мною недостойным (рабом своим) расширит славу свою в обращении заблудших душ и в воссоединении в свою церковь великих народов. Кто знает, на что меня сохранил, привел к своей церкви и воссоединил (с нею)» [7; 8, с. 1].

Падтрымка з боку Рыма была неабходнай для Лжэдзітрыя I, каб адчуваць сябе больш самастойным у адносінах з Жыгімонтам III. На гэты конт Антоніо Пассевіна – удзельнік мірных перамоваў 1582 г. і прадстаўнік

папы, адзначаў, што «маскоўскага цара» можна лічыць у нейкай ступені сынам польскага караля, бо ён паспрыў прыняццю каталіцкага веравызнання і, што не менш значнае, – дапамог замацавацца на царскім троне.

Відавочна, што беглы манах Грыгорый Атрэп’еў імкнуўся стаць паўнаважным царом і любая падтрымка яму была нялішняй. Сумніўна, каб ён разважаў у тых умовах пра пытанні міжнароднага становішча краіны, але прызнанне царом (альбо каралём) з боку Рымскай курыі ўмацоўвала яго становішча ў адносінах з Рэччу Паспалітай. Магчымасць канфлікта падцвярджае П. Радрыга Алідозі, пасол герцага тасканскага ў Польшчы: «Когда вчера вечером я беседовал о разных вещах с великим Маршалом Литвы... и с Воеводой Троцким..., а также с другими видными кавалерами... и случайно завёл разговор о Московском Царе, – то они мне сказали, что нельзя было полагаться на примирившихся врагов, что они никогда не верили в продолжительность мира между Поляками и Москвитами, и что Дмитрий в письменных сношениях с его Величеством воздавал ему все принадлежащие титулы, за исключением Герцога Ливонии...» [6, с. 99–125].

У лістападзе 1605 г. праз папскага пасла Аляксандра Рангоні Лжэдзімтрый I накіраваў зварот да Жыгімонта III, у якім пытаўся аб прычынах недаверу да яго і аб непрызнанні царскага тытулу [11, с. 226–227]. На гэтыя пытанні нунцыя адказаў тым, што кароль знаходзіцца ў такім стане, што без згоды паноў не мае магчымасці нічога прыняць і зацвердзіць [11, с. 268].

Кантакты з Рымам актыўна падтрымліваліся на працягу ўсяго перыяду царавання першага самазванца. Пра гэта сведчыць і вопіс архіва Пасольскага прыказу [3]. Акрамя гэтага, з Лжэдзітрыем I пастаянна знаходзіліся прадстаўнікі ордэну езуітаў – Мікалай Чыжоўскі і Андрэй Лавіцкі. Перамовы праходзілі праз пасрэдніцтва польскай нунцыятуры, якая з XVI ст. стала не толькі важным структурным элементам Каталіцкага Касцёла, але і актыўным удзельнікам палітычнага жыцця [5, с. 220]. Дзейнасць нунцыяў не абмяжоўвалася толькі паведамленнямі аб выкананні сваіх непасрэдных царкоўных задач. Нунцыі даносілі ў Рым пра ўсё, што адбывалася ў дадзенай краіне, паведамлялі пра ўсе сустрэчы і размовы, у падрабязнасцях апісвалі сваё стаўленне да розных дзяржаўных дзеячаў. Вельмі часта да рапартаў прыкладаліся копіі найбольш важных і цікавых лістоў (часам у Рым адпраўляліся арыгіналы). Нунцыі сачылі за ходам палітычных і грамадскіх спраў у дзяржаве. Таму матэрыялы нунцыятуры – гэта вельмі каштоўная крыніца інфармацыі, у тым ліку па гісторыі Смутнага часу ў Расіі.

Як і на працягу амаль усяго XVI ст., пытанне антыасманскай кааліцыі падымалася і ў гэты час. Лжэдзімтрый I у сваёй грамаце да папы Паўла V, у якой віншаваў яго з выбраннем на Святы Прастол, паведамляў пра жаданне весці вайну з ворагамі хрысціянства і прасіў, каб папа па гэтым пытанні правёў перамовы з рымскім імператарам: «возложа надежду на Его княже-

скую помощь и покровительство, восприяли намерение не в праздности и бездействии жизнь проводить, но по крайней возможности стараться о пользе церкви святой и всего Христианства, и для того соединить наше войско с силами древнейшего Императора Римского на жесточайших и бесчеловечнейших врагов креста Христова... вас же убедительно просим, по вашей при дворе пресвятейшего Императора Римского важности, уговорить его Величество, дабы не заключал с туркою мира или какого перемирья, но общий бы с нами совет держал о продолжении войны против него...» [11, с. 232–233].

Лжэзмітрый І імкнуўся паказаць, што менавіта зараз ідэя антыасманскай кааліцыі можа атрымаць рэальныя абрысы, бо царскі трон займае католік, які захоўвае мірныя адносіны з каралём Жыгімонтам III, і ўсе сілы можна скіраваць супраць агульнага ворага. На такі стан рэчаў звярнуў увагу і Антонію Пассевіна: «Но теперь, когда сверх всякого человеческого помышления, Бог сделал так, что мир между Польшей и Московией продлится, вероятно, надолго... Ваше Высочество [герцог Тосканский] предвидите, какие могут последовать причины для того, чтобы Венгерские дела не шли вперед там плачевно, как до сих пор, и чтобы столь великие государства, каковы Польша и Московия, вступили в союз с Императором для поддержания того, что, иначе, кажется подвергает сильнейшей опасности Италию и Германию...» [16, с. 271–275].

У гэтым жа накірунку можна разглядаць і абвешчаны першым самазванцам паход на Крым [10, с. 147]. Але ён не здзейсніўся. У маі 1606 г. Лжэзмітрый І быў забіты.

Другі самазванец не меў падтрымкі і сувязей з Рымам, нягледзячы на тое, што Марына Мнішэк звярталася за дапамогай да нунцыя Сіманетта [12, с. 349–350]. Гібель Лжэзмітрыя II была ўспрынята ў Рыме як добрая вестка. Восенню 1609 г. Жыгімонт III пачаў аблогу Смаленска. Папа Павел V накіраваў каралю спецыяльнае брэвэ, у якім ухваляў яго дзеянні. Уваход С. Жалкеўскага ў Маскву, прысяга каралевічу Уладыславу з радасцю сустрэліся ў Рыме [14, с. 12, 187–188]. Выбранне Міхаіла Раманава перакрэсліла надзеі на цара-католіка і фактычна прыпыніла больш чым на 50 гадоў дыпламатычныя кантакты Расійскай дзяржавы і Рымскай курыі.

Дзякуючы працам гісторыкаў XIX ст., дасягненням савецкай гістарыяграфіі, найноўшым даследаванням архіўных матэрыялаў можна даць у агульным выглядзе схему Смуты пачатку XVII ст., яе перыядызацыю, прычыны. Але па-ранейшаму актуальныя словы, сказаныя больш за 100 гадоў таму: «Смута дзівіць сваёю нявысветленасцю, нявызначанасцю ... », гэта не «палітычная рэвалюцыя» і не сацыяльны пераварот [1, с. 681]. Вывучэнне характару ўзаемаадносін Масквы і Рыма ў гэты перыяд таксама ўкладваецца ў такую схему. Рымская авантура Лжэзмітрыя І – імкненне скарыстацца ў бягучы момант аўтарытэтам, матэрыяль-

ними сродками і магчымасцямі папства, польскай нунцыятуры, каталіцкіх святароў. Уражвае, што тактыка «заляцанняў» з Рымам у выглядзе абцяганняў уніі, сумеснай барацьбы з Асманскай імперыяй, характэрная для XVI ст., знайшла выкарыстанне і ў палітыцы Лжэдзітрыя I. Рым згадзіўся на гэтую авантуру, нават бачачы яе абмежаванасць. Яшчэ адна рыса Смутнага часу – гэта не толькі спыненне дынастыі, але і значная дэсакралізацыя ўлады, гэтаму паспрыялі таксама і цесныя адносіны з Рымскай курыяй.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Дворниченко, А. Ю.* Смута как фактор российской истории / А. Ю. Дворниченко. – Вестник С.-Петерб. ун-та. – 2018. – Т. 63. – Вып. 3. – С. 677–701.
2. *Костомаров, Н.* Лжедмитрий Первый / Н. Костомаров // Русская старина. – 1876. – Т. 15. – С. 1–8.
3. *Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. д-ра ист. наук С. О. Шмидта.* – М.: Центр. гос. архив древних актов, 1977. – Ч.1. – 416 с.
4. *Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта.* – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 195 с.
5. *Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными // Сборник Русского исторического общества.* – СПб.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. – Т. 137. – 830 с.
6. *Пирлинг, П.* Из Смутного времени: статьи и заметки / П. Пирлинг. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1902. – 269 с.
7. *Письмо Первого Самозванца к папе Клименту VIII [Электронный ресурс].* – Режим доступа: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Polen/XVII/1600-1620/LzedmitrijI/brief_klementVII_28.04.1604.htm. – Дата доступа: 01.03.2021.
8. *Пташицкий, С. Л.* Письмо первого Самозванца к папе Клименту VIII / С. Л. Пташицкий. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1899. – 48 с.
9. *Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.* – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. – Вып. 1: Акты времен Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.) / под ред. Н. В. Рождественского. – 1918. – 328 с.
10. *Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос.* – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. – Вып. 1: Акты времен Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). – 1918.
11. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.* – М.: Тип. Селивановского, 1819. – Т. II. – 399 с.
12. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.* – М.: Тип. Селивановского, 1822. – Т. III. – 566 с.
13. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.* – М.: Тип. Селивановского, 1826. – Т. IV. – 678 с.
14. *Шмурло, Е. Ф.* Римская курия на русском православном востоке в 1609–1654 годах / Е. Ф. Шмурло. – Прага: Орбис, 1928. – 255 с.

15. Acta Nuntiaturae Polonae. – Kraków: Academia scientiarum et litterarum Polona, 2000. – Т. XV: Germanicus Malaspina (1591–1598), vol. 1 (1 XII 1591 – 31 XII 1592) / ed. Leszek Jarmański. – 467 p.
16. *Bojko, K.* Stosunki dyplomatyczne Moskwy z Europą Zachodnią w czasach Iwana III / K. Bojko. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. – 221 s.
17. *Hirschberg, A.* Dymitr Samozwaniec / A. Hirschberg. – Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1898. – 292 c.
18. Listy Piotra Skargi T. J. z lat 1566 - 1610 / Piotr Skarga, wyd. Jan Sygański. – Kraków: Nakł. wydawn. Towarzystwa Jezusowego, 1912. – 615 s.
19. *Nowakowski, F.* Źródła do dziejów Polski / F. Nowakowski. – Berlin: B. Behr, 1841. – 864 s.
20. *Smolucha, J.* Papiestwo a Polska w latach 1484 – 1526. Kontakty dyplomatyczne na tle zagrożenia tureckiego / J. Smolucha. – Kraków: Societas Vistulana, 1999. – 247 s.

(Дата падачы: 24.02.2022 г.)

H. B. Щавлинский

Белорусский национальный технический университет, Минск

M. Shchaulinski

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 940.3/4+325.8(476)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ В КИЕВЕ И ОДЕССЕ В 1917–1918 ГГ.

SOURCES AND LITERATURE ON THE STUDY OF THE BELARUSIAN ORGANIZATIONS' ACTIVITIES IN KIEV AND ODESSA IN 1917–1918

В статье исследуются архивные материалы и литература по изучению деятельности белорусских национальных организаций в Киеве и Одессе в 1917–1918 гг. Подчеркивается, что основную роль в объединении белорусов и беженцев, проживавших в годы Первой мировой войны на территории Украины, сыграли такие белорусские организации, как «Белорусская организация на Украине», «Белорусская техническая организация», «Белорусский национальный комисариат», «Белорусский гай» и др.

Ключевые слова: Первая мировая война; деятельность белорусских национальных организаций в Киеве и Одессе; документы архивов Минска и Киева.

The article examines archival materials on the study of the Belarusian national organizations activities in Kiev and Odessa in 1917–1918. It is emphasized that the main role in the unification of the Belarusians and refugees who lived on the territory of Ukraine during the First World War was played by such Belarusian organizations as the «Belarusian Organization in Ukraine»,

the «Belarusian Technical Organization», the «Belarusian National Commissariat», the «Belarusian Haj», etc.

Keywords: World War I; activities of Belarusian national organizations in Kiev and Odessa; documents of Minsk and Kiev archives.

Исследование общественно-политической и национально-культурной деятельности белорусских национальных организаций и обществ в Киеве и Одессе показывает их роль в консолидации белорусов, защите беженцев в годы Первой мировой войны, проживавших в Киеве, Одессе и других городах Украины. В этой связи особенную роль в объединении белорусов, повышении их национального самосознания, развитии белорусской культуры играли такие национальные организации, как «Белорусская организация на Украине» и «Белорусская техническая организация» в Киеве, «Белорусский национальный комиссариат» и «Белорусский гай» в Одессе.

Однако деятельность белорусских национальных организаций и обществ в отечественной историографии относится к числу недостаточно изученных. В частности, не нашла полного отражения в специальных исследованиях деятельность «Белорусской национальной организации» в Киеве, а также Белорусского национального комиссариата и других национальных белорусских организаций в Одессе. Более того, отечественные историки рассматривают их деятельность как контрреволюционную, направленную в основном против большевиков и Советской власти, и поэтому в своих исследованиях рассматривают эту проблему весьма поверхностно. Хотя значительное внимание уделяют объявленной в марте 1918 г. на территории Беларуси БНР, в интересах которой и проводили свою деятельность белорусские организации на территории Украины.

Тем не менее, ряд аспектов нашей проблемы получил свое отражение в историографии. Среди публикаций, касающихся деятельности белорусских организаций и обществ в годы Первой мировой войны в Киеве и Одессе, можно назвать заметки А. С. Кароля [1] и М. Ф. Шумейки [2] в 1-м томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Небольшая информация содержится в статье В. Савицкого в «Беларускім гістарычным часопісе» [3], статье Э. Иофе в журнале «Польмя» [4] и в статье Н. Б. Щавлинского в «Весніке Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту» [5]. Более основательно эта проблема освещена лишь в работе А. Н. Куксы [6], в которой автор на основе архивных материалов дает сравнительную характеристику взаимодействию национальных движений Беларуси и Украины в обозначенный период.

Гораздо шире и полнее содержится информация о деятельности белорусских организация в период 1917–1918 гг. в Киеве и Одессе на страницах архивных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (Киев) и Национальном

архиве Республики Беларусь (Минск). Так, материалы этих архивов позволяют достаточно широко и всесторонне проследить общественно-политическую и национально-культурную деятельность белорусских организаций в Киеве и Одессе в период 1917–1918 гг., которая была направлена на формирование национальных воинских подразделений, защиту интересов беженцев-белорусов и консолидацию белорусского населения, проживавшего на территории Украины.

Например, в фонде Национального архива Республики Беларусь (Фонд 325, оп. 1, д. 10) содержатся материалы, касающиеся прибытия на территорию Украины первых белорусских беженцев. Изучение этих материалов позволило установить, что практически с первых дней военных действий из прифронтовых районов Беларуси в Одессу, Киев, Харьков и другие города Украины стали прибывать беженцы. Согласно данным Татьянинского комитета, только из Гродненской губернии количество беженцев в Харьковской губернии достигло 25 тыс. 512 человек, а в Херсонской губернии – 3 тыс. 528 человек [7, л. 2]. Массовое их прибытие в города Украины стало наблюдаться после оккупации германскими войсками западной части Беларуси осенью 1915 года.

В этом же фонде (Фонд 325, оп. 1, д. 1.) хранятся интересные материалы, касающиеся процессов формирования белорусских воинских частей на Юго-Западном фронте, зона действий которого охватывала территорию Украины. Так, в период с 17-го по 22-е декабря 1917 г. в Киеве состоялся съезд воинов-белорусов Юго-Западного фронта, в резолюции которого «признавалось великое право белорусского народа на полное самоопределение и объединение, как самостоятельной ветви славянских народов...». В то же время съезд признал необходимым «объявить Белоруссию демократической республикой в пределах этнографического расселения белорусского народа, имеющей свой высший краевой орган в лице Белорусской краевой рады, избранной на демократических началах. До момента организации Краевой белорусской рады и созыва Белорусского Учредительного собрания съезд посчитал единственным правомочным правительством Великую Белорусскую раду» [8, л.14].

Небольшой по объему материал, но очень важный для анализа создания и деятельности на территории Украины «Белорусской национальной организации» содержится в этом же фонде, в документе № 21 (Фонд 325, оп. 1, д. 21). На страницах документа указывается, что с целью консолидации белорусских национальных сил, сосредоточенных на всей территории Украины и направления их в русло борьбы за национальную идею, 10 марта 1918 г. в Киеве была создана «Белорусская национальная организация на территории Украины» [9, л.145].

Для выполнения поставленных задач, проведения текущей и организационной работы организация избрала из своей среды руководящий орган –

правление, в состав которого вошли: А. Головинский, Н. Разумовский, М. Довнар-Запольский. Наиболее важной своей задачей «Белорусская национальная организация на территории Украины» считала: «объединение белорусов, повышение их национального самосознания, развитие белорусской культуры, повышение экономического благосостояния народа» [9, с. 145]. В целях реализации своих планов организация обратилась 20 апреля 1918 г. ко всем белорусским организациям на территории Украины с воззванием, в котором «призывала к объединению и совместной работе» [9, л. 145].

1 апреля 1918 г. «Белорусская национальная организация на территории Украины» начала издавать в Киеве еженедельную газету «Белорусское слово», которая с 30 мая 1918 г. начала выходить под названием «Белорусское эхо». Среди наиболее ее активных сотрудников можно назвать: А. Цвикиевича, Я. Воронко, А. Смолича, М. Довнар-Запольского, Я. Карского, Я. Хлебцевича, Я. Дыло, А. Бурбиса и др. На страницах газеты также помещались сочинения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Голубка, Т. Гартного, К. Кананца и др. [9, л.145].

Очень важная информация по изучению деятельности белорусских организаций, их взаимодействию с общественно-национальными и государственными структурами Украины имеется в документах, хранящихся в фонде 2592 Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВО, Ф. 2592, оп. 1, д. 21, 24, 62, 118). Так, в документе № 118 данного фонда имеются сведения о созванном Украинской Центральной Радой в сентябре 1917 в Киеве Всероссийском Демократическом совещании, которое приняло 15 сентября по заявлению Центральной Рады Белорусских организаций специальную резолюцию. В ней сообщалось, что «значительная часть Белоруссии, оккупированная противником, подвергается опасности быть отрезанной от остальных частей Белоруссии». Поэтому предлагалось «потребовать от Временного правительства предоставления Белоруссии автономии [10, л. 60]. А в документе № 24 указанного фонда имеются сведения о разгоне большевистскими властями в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. I Всебелорусского съезда в г. Минске [11, л. 118].

Однако наиболее широко в фонде представлены документы, указывающие на историю взаимоотношений Украинской Народной Республики (УНР) и Белорусской Народной Республики (БНР) в 1918 г. Так, материалы 21 документа сообщают, что уже после объявленной на территории Беларуси в марте 1918 г. БНР, в Киев для переговоров была отправлена делегация. После посещения нескольких должностных лиц делегация обратилась 15 апреля 1918 г. к министру иностранных дел Украинской Народной Республики с просьбой решить совместными усилиями ряд следующих вопросов. Во-первых, было заявлено о желательности расформирования

15-тысячного польского корпуса, дислоцировавшегося на территории Беларуси и легионеры которого нередко осуществляли среди мирного белорусского населения грабежи и реквизиции. Во-вторых, поступила просьба передать сообщение о создании Белорусской Народной Республики по киевскому радио [12, л. 157].

Все же самое большое значение в украинско-белорусских переговорах белорусские делегаты придавали созданию совместной белорусско-украинской комиссии, которая должна была рассмотреть вопросы установления государственных границ между Украиной и Белоруссией [13, л. 126].

Следует отметить, что некоторые проблемы, касающиеся взаимодействия БНР и УНР в сфере торговых отношений, отражены в документах фонда 3766 Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО, Ф, 3766, оп. 3, д. 8, 68). Например, из документа № 68 мы узнаем, что 26 апреля 1918 г. в Киеве под председательством М. В. Довнар-Запольского была открыта Белорусская торговая палата. В ее состав вошли Ф. С. Бурчак (товарищ председателя), Г. Ф. Базаревич (член палаты и юрисконсульт), члены палаты И. В. Курилович, А. К. Головинский, А. М. Копыстынский и др. Основным назначением деятельности палаты являлось налаживание товарообмена Украины и Белоруссии, а также защита интересов белорусских торговых фирм и отдельных личностей. Кроме того, в задачи Белорусской торговой палаты в Киеве были вменены обязанности консульства, вплоть до назначения 29 мая 1918 г. консулом БНР в Украине доктора П. В. Тремповича [14, л. 214].

В то же время в документе № 8 указанного фонда содержится информация о созданной 19 ноября 1918 г. в Киеве «Особой торгово-экономической белорусской комиссии», в состав которой вошли А. И. Цвикевич, И. И. Красковский и М. В. Довнар-Запольский. Комиссии было поручено вести переговоры с украинским правительством о более тесном экономическом сближении. В этой связи председатель особой экономической комиссии Народного секретариата БНР А. И. Цвикевич предложил украинскому министру С. Гутнику заключить торговый договор.

В результате составленный и подписанный торговый договор между Радой БНР и украинским правительством установил основы равноправных отношений и подвел итог торгово-экономических контактов между Белоруссией и Украиной. В преамбуле указывалось на то, что «близкие экономические отношения, которые издавна существовали между Белоруссией и Украиной требовали, чтобы эти отношения сохраняли прежний характер и широко развивались» [15, л. 41]. По своей структуре договор состоял из преамбулы, пяти разделов и 22 статей. В соответствии с договором граждане двух стран были равноправны, а межгосударственные связи должны были выстраиваться на основе консульских контактов. Особое внимание

уделялось торговым отношениям, которые должны были строиться на взаимовыгодных и равноправных основах.

Однако торгово-экономические отношения между Белоруссией и Украиной продолжались не очень долгое время. В связи с тем, что германские войска в результате произошедшей в Германии в ноябре месяце революции стали покидать территорию Беларуси, а советские ее занимать, Белорусская торговая палата прекратила в декабре 1918 года свою деятельность в Киеве.

Что касается изучения деятельности белорусских организаций в Одессе в период 1917–1918 гг., то следует отметить, что очень важные сведения по этой проблеме содержатся в документах, хранящихся в фондах 325 и 1440 Национального архива Республики Беларусь. Так, на страницах фонда 1440 (НАРБ, Ф. 1440, оп. 3) имеется информация о состоявшемся 1–7 декабря 1917 г. съезде воинов-белорусов Румынского фронта в городе Одессе, на котором была избрана во главе с С. Некрашевичем Белорусская войсковая рада. Кроме председателя в состав Рады входили А. Балицкий, Г. Козелл, П. Ильюченко, И. Волчек, А. Адамович и др. [16, л. 66–73].

С самого начала своего существования Рада Румынского фронта достаточно успешно проводила работу в воинских частях: к солдатам посылались агитаторы, интенсивно проходила работа по комплектованию белорусских рот и полков. В результате проведенной работы были объявлены белорусскими 6-й Таурогенский пограничный конный полк, 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий, 26-е броневое отделение и другие воинские подразделения. Для пополнения этих частей и сосредоточения солдат в городе Одессе приказом по Одесскому военному округу № 42 от 27 января 1918 г. на улице Дальницкой был учрежден Белорусский этапно-концентрационный пункт [16, л. 66–73].

Одновременно с белорусскими военными организациями широкую деятельность в Одессе развернуло созданное в декабре 1917 г. общество «Белорусский гай». На первоначальном этапе своей деятельности «Белорусский гай» устраивал белорусам чтение рассказов и лекций на белорусском языке. Но уже весной 1918 г. в городе на «Казарменном переулке» организацией был открыт «Белорусский клуб». В клубе имелась библиотека с книгами Я. Купалы, Я. Коласа, А. Гаруна, Ядвигина Ш. (А. Левицкого) и других белорусских писателей и поэтов. При клубе также были организованы литературный, театральный и хоровой кружки.

По истечении некоторого времени Белорусская войсковая рада и общество «Гай» провели 6 марта 1918 г. совместное заседание, на котором было принято решение о создании объединенной организации, которая смогла бы более активно проводить национальную работу среди белорусского населения. В результате постановления был создан Белорусский национальный комиссариат. Комиссаром организации собрание избрало Е. Трофимова.

В состав Комиссариата также вошли: С. Янушкевич, А. Балицкий, П. Гудень, Г. Козелл, И. Матюкевич, А. Дежневич и другие белорусские деятели [17, л. 10]. Одновременно с Комиссариатом, являвшимся исполнительным органом, была создана как законодательный орган во главе с профессором Сапожко Белорусская национальная рада.

С момента своего создания Белорусская национальная рада и Комиссариат развернули свою деятельность не только среди белорусов Одессы, но и во всем Одесском округе. Важным источником по изучению деятельности этих белорусских организаций являются документы 325 фонда Национального архива Республики Беларусь. Например, в 193 документе данного фонда содержится информация о попытках Белорусского национального комиссариата и Национальной рады решить вопрос о достижении национально-персональной автономии для белорусов, проживающих на территории Украины. Резолюция Белорусской национальной рады от 28 апреля 1918 г. гласила: «Законом 2-го декабря 1917 г. Украинская Центральная рада признала за некоторыми народностями национально-персональную автономию. Однако национально-персональная автономия не признана за белорусами, хотя на территории Украины их насчитывается около миллиона. Поэтому мы категорически протестуем против непризнания за белорусами, проживающими на территории Украины, национально-персональной автономии и требуем признания таковой подобно тому, как она признана за евреями, поляками и великороссами» [17, л. 187].

Кроме того, под руководством и влиянием Белорусской национальной рады и Комиссариата практически на всех проходивших в то время в Одессе многочисленных собраниях и митингах белорусских организаций принимались резолюции и постановления в поддержку объявленной в марте 1918 г. на территории Беларуси БНР. На страницах документа № 10 вышеуказанного фонда сообщается, что 21 апреля 1918 г. по инициативе Белорусской национальной рады и Комиссариата в Одессе было созвано общее собрание белорусов, которое постановило: «приветствовать создание Белорусской народной Республики и всеми силами поддержать белорусское народное правительство, твердо веря, что оно при поддержке всех белорусов выполнит возложенные на него трудные и ответственные задачи и выведет белорусский народ неразделенным на путь широкого культурно-творческого и экономического строительства...» [18, л. 67].

Таким образом, изучение и использование материалов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, а также Национального архива Республики Беларусь позволяет всесторонне и глубоко проследить общественно-политическую и национально-культурную деятельность белорусских организаций в Киеве и Одессе в период 1917–1918 гг.

Список использованных источников

1. *Кароль, А. С.* / А. С. Кароль, А. В. Баліцкі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Бел ЭН. – 1993. – Т. 1. – С. 283.
2. *Шумейка, М. Ф.* Беларускі Гай у Адэсе / М. Ф. Шумейка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Бел ЭН. – 1993. – Т. 1. – С. 425.
3. *Савіцкі, В.* Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі (1917) / В. Савіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 54–59.
4. *Іофе, Э.* Той самы Некрашэвіч... / Э. Иофе // Польшча. – 1991. – № 6. – С. 130–131.
5. *Щавлинский, Н. Б.* Белорусские организации в 1917–1918 гг. в Одессе / Н. Б. Щавлинский // Веснік БДУ. – 1996. – № 1. – С. 24–27. – (Серыя 3).
6. *Кукса, А. Н.* Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917–1922 гг. / А. Н. Кукса. – Минск: РИВШ, 2010. – 194 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 325. Оп. 1. Д. 10.
8. НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 1.
9. НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 21.
10. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВО). – Ф. 2592. Оп. 1. Д. 118.
11. ЦГАВО. – Ф. 2592. Оп. 1. Д. 24.
12. ЦГАВО. – Ф. 2592. Оп. 1. Д. 21.
13. ЦГАВО. – Ф. 2592. Оп. 1. Д. 62.
14. ЦГАВО. – Ф. 3766. Оп. 1. Д. 68.
15. ЦГАВО. – Ф. 3766. Оп. 1. Д. 8.
16. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210.
17. НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 193.
18. НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 10.

(Дата подачи: 17.02.2022 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Макаренко И. А.</i> ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. БРАУНА В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (2007–2010 ГГ.).....	3
<i>Мартынюк А. В.</i> К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВ О СУЩЕСТВОВАНИИ БИБЛИОТЕКИ ИВАНА ГРОЗНОГО	14
<i>Масейчук Л. І.</i> ВЫКЛАДАННЕ САЦЫЯЛЬНА-ГУМАНІТАРНЫХ ПРАДМЕТАЎ У БЕЛАРУСКІМ МЕДЫЦЫНСКІМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1930–1940): РЭКАНСТРУКЦЫЯ ПА МАТЭРЫЯЛАХ АРХІЎНЫХ ФОНДАЎ	20
<i>Маханько Ю. В.</i> АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	26
<i>Мацулевич Е. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1990-Е ГГ.....	34
<i>Мелеховец В. Ф.</i> ВИНСЕНТ-АНСЕЛЬМ ЗЫГМУНТ – СОЗДАТЕЛЬ ДАКТИЛЬНОГО АЛФАВИТА И ПЕРВЫЙ СУРДОПЕДАГОГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.	43
<i>Мигун Д. А.</i> РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ПОСЛЕРАПАЛЛЬСКИЙ ПЕРИОД	55
<i>Мизярска Н. А.</i> БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	64
<i>Мікалаева Л. В.</i> АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАБЛЕМ КРЭЎСКАГА ДАГАВОРА І ЭВАЛЮЦЫІ ЛІТВІНСКА-ПОЛЬСКИХ УЗАЕМААДНОСІН У 1385–1392 ГГ. У ПОЛЬСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ XIX – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XX СТ.	70
<i>Мох Е. Н.</i> ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОСНОВНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.....	76
<i>Настусевич В. И.</i> ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ИСПАНИИ В ПЕРИОД «ВТОРОГО ФРАНКИЗМА» (1957–1975 ГГ.)	85
<i>Настусевич С. В.</i> ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО ПЛАНА» В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	93
<i>Олюнин С. В.</i> ТУРЕЦКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	102

<i>Острога В. М.</i> УЧИТЕЛЯ БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1870-Х – НАЧАЛА 1890-Х ГОДОВ	109
<i>Перзашкевич О. В.</i> К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АЛЬ-БИРУНИ	117
<i>Пецюкевич Т. У.</i> ЖЫЛЛЁВАЯ ПАЛТЫКА Ё БССР У ПЕРЫЯД НЭПА (1921–1928 ГГ.): НА ПРЫКЛАДЗЕ Г. МІНСКА.....	124
<i>Приборович А. А.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ВЕК ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА	131
<i>Раемский Ю. А.</i> К ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МОГИЛЕВЕ: ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ	138
<i>Раяк А. Р.</i> ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАСТОРАВЫХ МЕЖ «КРАЯ» У ПАЛТЫЧНЫХ ПРАГРАМАХ КРАЁЎЦАЎ-КАНСЕРВАТАРАЎ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ Ё 1905–1908 ГГ.	145
<i>Русін А. Дз.</i> СТАТУС ПРАФЕСІЙНАЙ ГРУПЫ МЕХАНІЗАТАРАЎ СЯРОД СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 1944–1965 ГГ.	153
<i>Рышкевич О. И.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА БЕЛАРУСИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ	160
<i>Сакольчык А. Э.</i> ПАЛІЦЭЙСКАЯ РЭФОРМА 1862 Г. У БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКИХ ГУБЕРНЯХ: ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА	168
<i>Самусік А. Ф.</i> АДУКАЦЫЙНАЯ СПРАВА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё ЧАСЫ ПРАЎЛЕННЯ КАРАЛЯ СТЭФАНА БАТОРЫЯ (1576–1586 ГГ.).....	176
<i>Сацукевич І. І.</i> АДЛЮСТРАВАННЕ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАГА ЖЫЦЦЯ Ё НАЗВАХ ПРАДМЕСЦЯЎ, УРОЧЫШЧАЎ, ПАСЁЛКАЎ І РАЁНАЎ МІНСКА Ё 1917–1944 ГГ.....	184
<i>Сенькевич О. И.</i> ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В 20–30-Х ГГ. ХХ В. В БССР	192
<i>Сороковик И. А.</i> БЕЛАРУСЬ – РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	198
<i>Стволыгин К. В.</i> МОДЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ КОНЦА ХІХ – НАЧАЛА ХХІ В.	205
<i>Стройлова Е. С.</i> АНАЛИЗ КНИГ ПО ИСТОРИИ, ИЗДАННЫХ В ТИПОГРАФИЯХ ВИЛЕНСКОЙ И КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИЙ В XVII–XVIII ВВ.	213
<i>Лю Сянцзянь.</i> ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	222
<i>Хань Ваньчэнь.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И УКРАИНЫ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» (2014 – ЯНВАРЬ 2022 ГОДА).....	231

<i>Хушваков Н. О., Богомолов Г. И.</i> ОБРАЗ СИЁВУША В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ИЗ ЯККАБАГА (УЗБЕКИСТАН)	238
<i>Чараўко В. У.</i> ВЫВУЧЭННЕ ПОЗНЕСЯРЭДНЕВЯКОВЫХ ПАХАВАЛЬНЫХ ПОМНІКАЎ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ Ў СЯРЭДЗІНЕ 60-Х ГГ. ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ.	248
<i>Лэчжэн Чжоу.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР ПОСЛЕ ХVІІІ СЪЕЗДА КПК: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ (2012–2015 ГГ.).....	258
<i>Чэчулін З. В.</i> ІНВЕНТАР КРАКАЎСКАГА КАРОННАГА АРХІВА 1551 Г. ЯК КРЫНІЦА ПА РЭКАНСТРУКЦЫІ АРХІВА ВЯЛКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (1367–1392 ГГ.)	266
<i>Шимукович С. Ф.</i> ИНФРАСТРУКТУРА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ ХІХ – НАЧАЛЕ ХХ В.	275
<i>Шымак А. К.</i> СТАСУНКІ ЛЖЭДЗМІТРЫЯ І І РЫМСКАЙ КУРЫІ	286
<i>Щавлинский Н. Б.</i> ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ В КИЕВЕ И ОДЕССЕ В 1917–1918 ГГ.	292

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 22

В четырех частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *Т. М. Подоматько*

Компьютерная верстка *Н. М. Лазар*

Подписано в печать 01.08.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 17,7. Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 100 экз. Заказ 70.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.